

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2025

№ 86

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Дериглазова Л.В.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор ист. наук, профессор. E-mail: dlarisa@inbox.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@gambler.ru; **Сухущина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглезнев В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Щербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия) – кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сиэтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Днев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польша); **Шестопап Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief; **Rykun A.U.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology); **Deriglazova L.V.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science); **Agafonova E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor; **Sukhushina E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology); **Borisov E.V.** (Tomsk, Russia); **Ogleznev V.V.** (Tomsk, Russia); **Syrov V.N.** (Tomsk, Russia); **Chernikova I.V.** (Tomsk, Russia); **Ladov V.A.** (Tomsk, Russia); **Uzhaninov K.M.** (Tomsk, Russia); **Shcherbinina N.G.** (Tomsk, Russia); **Kashpur V.V.** (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M.S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviov A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor R.** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Легейдо М.М., Маркин В.И. Отношения следования и интенциональная силлогистика	5
Петрова А.В. Роль логической честности в преодолении когнитивных искажений: эпистемологический подход	20

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Корниенко М.А. «Смерть Эмпедокла» Фридриха Гёльдерлина: идеи исцеления, преображения, жертвы	28
Оглезнев В.В., Бондарев В.Г. Философские основания теории онтологической идеальности права Лоренца Кэлера	37

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Линченко А.А. Стратегии формирования цивилизационного сознания в контексте транскультурного поворота <i>memory studies</i>	50
Чечихина А.Н. Стиль минимализма как механизм преодоления тревоги современного человека	67

СОЦИОЛОГИЯ

Андреева А.А., Гурии М.Ю., Мирошникова Д.И., Короткова М.Д. Зарождение низовых инноваций в школе: как их инициируют и поддерживают сотрудники российских школ	75
Ермолаева Ю.В., Ермолаева П.О., Корунова В.О. Управление отходами в Российской Федерации: реформационная динамика и новейшие вызовы	92
Фролова Е.В., Рогач О.В., Величко А.В. Новые контуры развития «темного» туризма: интересы и ожидания молодежи	104
Fu L. Policies of pro-natalism and Chinese women: Bibliometric analysis of publications in WoS, 2013–2025	116
Oyewole A.O. The gender gap in Nigerian tertiary STEM education: causes and solutions	128

ПОЛИТОЛОГИЯ

Бирюков С.В., Чирун С.Н., Лин Д.Н. Политико-коммуникационные асимметрии в цифровом пространстве: WeChat и VK как инструменты «мягкой силы» в российско-китайских отношениях	136
Герашенко Д.Р. Политические связи руководителей бюджетных организаций в современной России	147
Киселева Д.А., Сунгуров А.Ю. Опыт инициативного бюджетирования в Санкт-Петербурге и возможности цифровизации	159
Пушкарева Г.В. Политическое проектирование: проблемы методологии	171

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Лингвистическое значение и следование правилу

Нехаев А.В. Добрый ангел Катца против злого демона Крипке: аргумент привилегии, алгоритмы и семантический платонизм	181
Борисов Е.В. Лингвистический платонизм и проблема Крипке	193
Ладов В.А. Смысл, следование правилу и реализм	199
Андрушкевич А.Г. Семантическая структура, синтаксис и следование правилу	208
Олейник П.И. Семантический диспозиционализм и умножение	214
Сулаев А.А. Пример и правильность правила	222
Нехаев А.В. Следование правилу и <i>Reihenornamente</i> : ответ моим оппонентам	230

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Legeydo M.M., Markin V.I. Logical entailment and intensional syllogistic	5
Petrova A.V. The role of logical honesty in overcoming cognitive biases: An epistemological approach	20

HISTORY OF PHILOSOPHY

Kornienko M.A. “The Death of Empedocles” by Friedrich Hölderlin: Ideas of healing, transformation, sacrifice	28
Ogleznev V.V., Bondarev V.G. Philosophical foundations of Lorenz Kähler’s theory of the ontological ideality of law	37

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Linchenko A.A. Strategies of forming civilizational consciousness in the context of trans-cultural memory studies	50
Chechikhina A.N. Minimalism as a mechanism for overcoming anxiety in a modern person	67

SOCIOLOGY

Andreeva A.A., Gurin M.Yu., Mirosnikova D.I., Korotkova M.D. Emergence of grass-roots innovations in schools through the prism of the role approach: How Russian school staff initiate and support innovations	75
Ermolaeva Yu.V., Ermolaeva P.O., Korunova V.O. Waste management in the Russian Federation: Reformational dynamics and the latest challenges	92
Frolova E.V., Rogach O.V., Velichko A.V. New contours of “dark” tourism development: Interests and expectations of youth	104
Fu L. Policies of pro-natalism and Chinese women: Bibliometric analysis of publications in WoS, 2013–2025	116
Oyewole A.O. The gender gap in Nigerian tertiary STEM education: Causes and solutions	128

POLITICAL SCIENCE

Biryukov S.V., Chirun S.N., Lin Dzh. Political-communication asymmetries in digital space: WeChat and VK as “soft power” tools in Russia–China relations	136
Gerashchenko D.R. Political connections of heads of budgetary organizations in modern Russia	147
Kiseleva D.A., Sungurov A.Yu. Participatory budgeting experience in St. Petersburg and digitalization opportunities	159
Pushkareva G.V. Political design: Methodological problems	171

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Linguistic meaning and rule-following

Nekhaev A.V. Katz’s good angel versus Kripke’s evil demon: The privilege argument, algorithms, and semantic Platonism	181
Borisov E.V. Linguistic Platonism and Kripke’s problem	193
Ladov V.A. Sense, rule-following, and realism	199
Andrushkevich A. G. Semantic structure, syntax, and rule-following	208
Oleinik P.I. Semantic dispositionalism and multiplication	214
Sulaev A.A. Example and correctness of the rule	222
Nekhaev A.V. Rule-following and <i>Reihenornamente</i> : A reply to my opponents	230

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Научная статья
УДК 162.2
doi: 10.17223/1998863X/86/1

ОТНОШЕНИЯ СЛЕДОВАНИЯ И ИНТЕНСИОНАЛЬНАЯ СИЛЛОГИСТИКА

Мария Михайловна Легейдо¹, Владимир Ильич Маркин²

^{1,2} *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*
¹ *legeydo.mm@philos.msu.ru*
² *markin@philos.msu.ru*

Аннотация. Рассматривается интенциональная семантика для систем силлогистики, в которой в качестве значений общим терминам противопоставляются формулы языка пропозициональной логики, а условия значимости форм категорических высказываний задаются с использованием отношения логического следования между пропозициональными формулами. Подробно исследуется вопрос о том, как влияет на класс общезначимых силлогистических формул использование неклассических отношений следования.

Ключевые слова: силлогистика, интенциональность, логическое следование, релевантная логика, логика Хао Вана

Для цитирования: Легейдо М.М., Маркин В.И. Отношения следования и интенциональная силлогистика // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 5–19. doi: 10.17223/1998863X/86/1

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Original article

LOGICAL ENTAILMENT AND INTENSIONAL SYLLOGISTIC

Maria M. Legeydo¹, Vladimir I. Markin²

^{1,2} *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*
¹ *legeydo.mm@philos.msu.ru*
² *markin@philos.msu.ru*

Abstract. The article considers non-standard semantics for syllogistic systems. In these systems, the formulas of propositional logic are the meanings of general terms, and the values of categorical statements are determined by the logical relationship between these formulas. If formula A is the meaning of term S , and if formula B is the meaning of term P , then the formula “ SaP ” is valid if and only if A entails B . Otherwise, the formula of the form “ SoP ” is valid. The “ SeP ” formula is valid if and only if A entails $\neg B$, otherwise the “ SiP ” formula is valid. This semantics is based on the intensional approach to the construction of syllogistic theories that goes back to Leibniz’s ideas. Firstly, the entailment relation by which categorical statements are interpreted allows, as Voishvillo has shown, an intensional

interpretation: A entails B if the logical content of B is a part of the logical content of A . Secondly, propositional formulas can be considered as abbreviations for quantifier-free first-degree formulas with a single free variable, and such formulas, according to Voishvillo, state the contents of concepts. Therefore, in this semantics, the value of a syllogistic formula is determined not by the relationship between the extensions of the subject and the predicate, but by the relationship between their intensions. This article shows how different types of entailment affect the class of universally valid syllogistic formulas. Theories that use the relations of classical entailment and FDE-entailment have already been constructed. The classical entailment can be defined on the set of Carnap-style (consistent and complete) state-descriptions, and the first-degree relevant entailment can be defined on the set of generalized state-descriptions (the latter can be either contradictory or incomplete). In the article, semantics using two other relations: the Hao Wang-style entailment logic (defined on the set of all consistent state-descriptions) and its dual logic entailment (defined on the set of all complete state-descriptions) were built. The deductive capabilities of four syllogistic systems that use different types of logical entailments were compared.

Keywords: syllogistic, intensional logic, logical entailment, relevant logic, Hao Wang logic

For citation: Legeydo, M.M. & Markin, V.I. (2025) Logical entailment and intensional syllogistic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 5–19. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/1

1. Информационный подход к определению логического следования

Понятие логического следования является одним из центральных в дедуктивной логике, поскольку наличие или отсутствие данного отношения между посылками и заключением дает ответ на главный вопрос этой науки – какие умозаключения корректны, а какие нет. Обычно отношение следования в рамках некоторой логической теории определяют как особую связь между формулами по их значениям: говорят, что из формулы A логически следует формула B , если и только если при любой допустимой в данной теории интерпретации нелогических символов, при которой A принимает выделенное значение (значение истины), B также принимает выделенное значение.

Однако весьма распространенной является иная, интенциональная трактовка отношения следования, опирающаяся не на значения, а на смыслы, содержание формул: из A логически следует B , если и только если содержание B есть часть содержания A . В этом случае, конечно же, требуется уточнить понятия содержания и части содержания. Попытка выразить эти понятия с опорой на семантическую теорию информации была предпринята Е.К. Войшвилло (см., например, [1. С. 23–30]). Под информацией высказывания он понимает меру ограничения некоторого исходного множества возможностей \mathbf{M} принятием этого высказывания, при этом само высказывание исследуется исключительно с точки зрения его логической формы, которая фиксируется посредством формулы A некоторого интерпретированного формализованного языка. Поэтому речь здесь идет о логическом, а не о полном (конкретном) содержании высказывания, и это логическое содержание, по сути, отождествляется с информацией, которую выражает формула A . Таким образом, информацию A можно трактовать как пару $\langle \mathbf{M}_A, \mathbf{M} \rangle$, где \mathbf{M}_A – результат ограничения \mathbf{M} принятием A .

Для экспликации множеств \mathbf{M} и \mathbf{M}_A Войшвилло использует предложенную Р. Карнапом конструкцию описаний состояний, существенно развив и обогатив ее. Описание состояния представляет собой множество, содержащее

литералы – элементарные формулы языка и их отрицания. В дальнейшем для простоты мы ограничимся языком логики высказываний, поэтому возможными элементами описания состояния будут любая пропозициональная переменная p_i и ее отрицание $\neg p_i$. На описания состояния могут быть наложены некоторые ограничения (об этом речь пойдет дальше) или не наложено никаких. В качестве исходного множества возможностей \mathbf{M} как раз и рассматривается какое-то множество описаний состояния. Его подмножество \mathbf{M}_A интерпретируется как множество таких описаний состояния, в которых истинна формула A . Истинность и ложность при этом трактуются не как абстрактные объекты (возможные значения высказываний) по Г. Фреге, а скорее в духе Аристотеля и А. Тарского – как особые предикаты, возможные свойства высказываний. Метаутверждение « TA/α » читается как «Формула A истинна в описании состояния α », а « FA/α » – как «Формула A ложна в описании состояния α ».

Войшвилло постулирует следующие условия истинности и ложности элементарных формул:

$$Tp_i/\alpha, \text{ е.т.е. } p_i \in \alpha; \quad Fp_i/\alpha, \text{ е.т.е. } \neg p_i \in \alpha$$

(переменная истинна в описании состояния, когда она сама принадлежит ему, и ложна в нем, когда отрицание этой переменной содержится в описании состояния).

Условия истинности и ложности сложных формул стандартные (ограничимся языком с исходными связками \neg , \wedge и \vee):

$$\begin{array}{ll} T\neg A/\alpha, \text{ е.т.е. } FA/\alpha; & F\neg A/\alpha, \text{ е.т.е. } TA/\alpha; \\ T(A \wedge B)/\alpha, \text{ е.т.е. } TA/\alpha \text{ и } TB/\alpha; & F(A \wedge B)/\alpha, \text{ е.т.е. } FA/\alpha \text{ или } FB/\alpha; \\ T(A \vee B)/\alpha, \text{ е.т.е. } TA/\alpha \text{ или } TB/\alpha; & F(A \vee B)/\alpha, \text{ е.т.е. } FA/\alpha \text{ и } FB/\alpha. \end{array}$$

В рамках данного подхода при решении вопроса о том, следует ли формула B из формулы A , необходимо установить, составляет ли логическое содержание B часть логического содержания A . С точки зрения семантической теории информации высказывание тем информативнее, чем сильнее его принятие ограничивает исходное множество возможностей \mathbf{M} , два высказывания несут одинаковую информацию, когда \mathbf{M} ограничивается до одного и того же множества принятием каждого из них. Поэтому утверждение о том, что информация B есть часть информации A , равносильно следующему: $\mathbf{M}_A \subseteq \mathbf{M}_B$. Тогда, с учетом определений \mathbf{M}_A , \mathbf{M}_B и отношения включения (\subseteq), отношение логического следования можно ввести так:

$$A \models B, \text{ е.т.е. } \forall \alpha \in \mathbf{M} (TA/\alpha \Rightarrow TB/\alpha)$$

(из формулы A логически следует формула B , е.т.е. в любом описании состояния α из \mathbf{M} , в котором истинна A , истинна и B).

Оказалось, что наличие или отсутствие данного отношения между конкретными формулами существенным образом зависит от того, какие описания состояния принимаются к рассмотрению.

В качестве описаний состояния можно рассматривать любые подмножества множества всех литералов языка $\{p_1, \neg p_1, p_2, \neg p_2, \dots\}$. Такие описания состояния называют *обобщенными*. Множество всех обобщенных описаний состояния назовем \mathbf{M}_0 . В таких описаниях состояний одна и та же формула в

¹ Если и только если.

некоторых случаях может оказаться и истинной, и ложной, а в некоторых ни истинной, ни ложной.

Непротиворечивым называется такое описание состояния, которое не содержит никакую переменную вместе со своим отрицанием, т.е. не содержит литералов p_i и $\neg p_i$. Множество всех непротиворечивых описаний состояния назовем \mathbf{M}_H . В непротиворечивых описаниях состояний никакая формула не может одновременно быть истинной и ложной.

Полным называется такое описание состояния, которое для любой переменной p_i содержит, по крайней мере, один из литералов p_i или $\neg p_i$. Множество всех полных описаний состояния назовем \mathbf{M}_P . В полных описаниях состояний любая формула истинна или ложна.

Наконец, *классическим* назовем описание состояния, которое является непротиворечивым и полным (именно такие описания состояния рассматривал Р. Карнап). Множество всех классических описаний состояния назовем \mathbf{M}_K .

Очевидно, что \mathbf{M}_H , \mathbf{M}_P и \mathbf{M}_K строго включаются в \mathbf{M}_O , и $\mathbf{M}_K = \mathbf{M}_H \cap \mathbf{M}_P$.

Известно, что отношение классического следования (следования, определенного на множестве \mathbf{M}_K) парадоксально. В частности, оказываются справедливыми следующие не согласующиеся с интуицией утверждения:

$$(i) p_1 \wedge \neg p_1 \models p_2, \quad (ii) p_2 \models p_1 \vee \neg p_1.$$

Утверждение (i) справедливо силу того, что классически невыполнимая формула $p_1 \wedge \neg p_1$ ограничивает \mathbf{M}_K до пустого множества и поэтому несет максимально возможную информацию, частью которой является содержание любой формулы (в том числе и p_2).

Утверждение (ii) верно потому, что классически общезначимая формула $p_1 \vee \neg p_1$ истинна во всех классических описаниях состояний, а значит, ее принятие никак не ограничивает \mathbf{M}_K , взятое в качестве исходного множества возможностей. Поэтому данная формула не несет (в случае $\mathbf{M} = \mathbf{M}_K$) никакой информации, а значит, ее информация является частью информации любой формулы (в том числе и p_2).

Отказ от требования обязательной непротиворечивости описаний состояний приводит к исчезновению парадокса (i). Действительно, в описании состояния, которое содержит как p_1 , так и $\neg p_1$, но не содержит p_2 , формула $p_1 \wedge \neg p_1$ истинна, а формула p_2 нет. Парадокс (ii) блокируется посредством отказа от требования обязательной полноты описания состояния. Так, в описании, которое содержит p_2 , но не содержит ни p_1 , ни $\neg p_1$, формула p_2 истинна, а формула $p_1 \vee \neg p_1$ не истинна. Отношение следования, заданное на множестве всех обобщенных описаний состояний (\mathbf{M}_O), т.е. при отсутствии каких-либо ограничений на исходное \mathbf{M} , не парадоксально. Такое следование принято называть *релевантным*.

Таким образом, взяв в качестве \mathbf{M} какое-то множество описаний состояний (с ограничениями или без них), мы получаем в итоге соответствующий класс справедливых утверждений о следовании $A \models B$ (где A и B – формулы языка классической пропозициональной логики), образующий некоторую *первоуровневую логику следования*. Логика данного типа могут быть формализованы посредством так называемых *исчислений бинарных выводимостей*. Так, приняв в качестве \mathbf{M} множество классических описаний состояния \mathbf{M}_K , мы получаем классический вариант такой логики (и адекватную его форма-

лизацию). В случае, когда $M = M_O$, получается логика Де Моргана, формализуемая известной системой **FDE** (первоуровневым фрагментом релевантной системы **E**). Следование, заданное на множестве всех непротиворечивых описаний состояний M_H , соответствует отношению следования в логике Хао Вана (**HW**), а следование, заданное на множестве всех полных описаний состояний M_{II} , соответствует отношению следования в двойственной ей логике (**DHW**) [1. С. 137].

2. Интенциональные семантики систем силлогистики

Категорические высказывания, формы которых составляют язык силлогистических теорий, также обычно истолковываются в экстенциональном ключе – как высказывания, фиксирующие отношения между значениями двух общих терминов (субъекта и предиката), т.е. между двумя множествами – объемами этих терминов. Так, общеутвердительное высказывание формы «*Всякий S есть P*» истинно, е.т.е. объем *S* включается в объем *P*, а частноутвердительное высказывание формы «*Некоторый S есть P*» истинно, е.т.е. в объемах *S* и *P* имеется хотя бы один общий элемент.

Однако в истории логики имели место попытки интерпретации категорических высказываний не с помощью объемов субъекта и предиката, а посредством их содержаний. По-видимому, первым задачу интенциональной переинтерпретации этих высказываний поставил Лейбниц в «Новых опытах о человеческом разумении»: «Действительно, говоря: „*Всякий человек есть животное*“, я хочу этим сказать, что все люди находятся в числе всех животных, но одновременно я имею в виду, что идея животного включена в идею человека. Животное содержит больше индивидов, чем человек, но человек содержит больше идей или больше формальных определений. Животное содержит больше экземпляров, человек – больше степеней реальности; у первого больший объем, у второго большее содержание. Поэтому мы вправе сказать, что все учение о силлогизме можно доказать на основании учения *de continente et contento* (о содержащем и содержимом), которое отлично от учения о целом и части...» [2. Т. 2. С. 501–502]. Лейбниц трактует субъект и предикат высказывания как понятийные конструкции и рассматривает их с точки зрения содержательных, а не объемных характеристик. Под содержанием понятия он понимает, как было принято в традиционной логике, некоторую совокупность признаков – положительных и отрицательных.

Согласно Лейбницу, высказывание формы «*Всякий S есть P*» выражает мысль о том, что содержание предиката *P* составляет часть содержания субъекта *S*. Интенциональная интерпретация частноутвердительных высказываний дана им в работе «Элементы исчисления» [2. Т. 3. С. 521]: «*Некоторый S есть P*» означает, что у субъекта и предиката имеется общее видовое понятие, т.е. понятие, содержание которого включает все признаки как содержания *S*, так и содержания *P*. При этом неявно предполагается, что содержание понятия представляет собой непустую совокупность и не содержит противоречащих друг другу признаков.

Экспликация идей Лейбница средствами точно заданной формальной семантики была осуществлена в [3]. С каждым общим термином языка позитивной силлогистики связывается некоторое непустое и непротиворечивое множество признаков, а условия значимости атомарных формул задаются в

точном соответствии с лейбницеvскими трактовками категорических высказываний различных типов. Доказано, что множество общезначимых в данной семантике формул совпадает с множеством теорем силлогистики Лукасевича, формализующей позитивный фрагмент традиционной силлогистики. Другие попытки разработки данного направления с привлечением аппарата современной логики были предприняты в [4–6].

Оригинальный подход к построению семантик для систем силлогистики был предложен В.И. Шалаком [7]. Свою интерпретацию категорических высказываний он назвал синтаксической, потому что в качестве значений с общими терминами сопоставляются не множества предметов, не совокупности признаков, а формулы языка логики высказываний. Условия значимости элементарных силлогистических формул определяются в этой семантике с использованием отношения выводимости между пропозициональными формулами – значениями субъекта и предиката. Пусть значением термина S является пропозициональная формула A , а значением термина P – пропозициональная формула B . Силлогистическая формула SaP («Всякий S есть P ») значима при данной интерпретации терминов, е.т.е. из A выводима B ; в противном случае значима формула SoP («Некоторый S не есть P »). Формула SeP («Ни один S не есть P ») значима, е.т.е. из A и B выводима константа ложности (символ противоречия); в противном случае значима формула SiP («Некоторый S есть P »).

Эту семантику без изменения класса общезначимых формул можно модифицировать так, чтобы при формулировке условий значимости константа ложности не использовалась, а вместо отношения выводимости употреблялся его семантический аналог – отношение логического следования, причем между двумя формулами [8]. Пусть интерпретирующая функция δ сопоставляет каждому общему термину языка силлогистики некоторую формулу языка классической логики высказываний с исходными связками \neg , \wedge и \vee . Для оценки силлогистических формул вводится метапредикат Φ : выражение $\Phi(\mathbf{A}, \delta)$ читается как «силлогистическая формула \mathbf{A} значима при интерпретации δ ». В случае, когда \mathbf{A} – элементарная формула, Φ определяется так:

$$\begin{aligned} \Phi(SaP, \delta), \text{ е.т.е. } \delta(S) \models \delta(P); & \quad \Phi(SeP, \delta), \text{ е.т.е. } \delta(S) \models \neg\delta(P); \\ \Phi(SiP, \delta), \text{ е.т.е. } \delta(S) \not\models \neg\delta(P); & \quad \Phi(SoP, \delta), \text{ е.т.е. } \delta(S) \not\models \delta(P). \end{aligned}$$

Поясним это определение на примерах. Если термину S δ противопоставляется пропозициональная формула $p_1 \wedge p_2$, а термину P – формула $p_1 \vee p_2$, то силлогистическая формула SaP значима при этом δ , так как из первой формулы следует вторая. Если же $\delta(S) = p_1 \vee p_2$, а $\delta(P) = \neg p_1 \wedge \neg p_2$, то значимой при δ оказывается силлогистическая формула SeP , поскольку $p_1 \vee p_2 \models \neg(\neg p_1 \wedge \neg p_2)$.

Для сложных формул условия значимости классические, стандартные:

$$\begin{aligned} \Phi(\neg\mathbf{B}, \delta), \text{ е.т.е. неверно, что } \Phi(\mathbf{B}, \delta); \\ \Phi(\mathbf{B} \wedge \mathbf{C}, \delta), \text{ е.т.е. } \Phi(\mathbf{B}, \delta) \text{ и } \Phi(\mathbf{C}, \delta); \\ \Phi(\mathbf{B} \vee \mathbf{C}, \delta), \text{ е.т.е. } \Phi(\mathbf{B}, \delta) \text{ или } \Phi(\mathbf{C}, \delta). \end{aligned}$$

Силлогистическая формула \mathbf{A} общезначима в этой семантике (Φ -общезначима), е.т.е. $\Phi(\mathbf{A}, \delta)$ для любого δ .

В [7] было доказано, что если в качестве \models рассматривается отношение классического следования (следования, заданного на множестве непротиво-

речивых и полных описаний состояний M_K), то класс Φ -общезначимых формул совпадает с классом теорем силлогистического исчисления ΦC , которое дедуктивно эквивалентно известной системе Дж. Шеффердсона [9], формализующей позитивный фрагмент «фундаментальной» силлогистики.

Дедуктивными постулатами ΦC являются схемы аксиом

A0. Схемы аксиом классического исчисления высказываний

A1. $(MaP \wedge SaM) \supset SaP$,	A5. $SiP \supset SiS$,
A2. $(MeP \wedge SaM) \supset SeP$,	A6. $SoP \supset SiS$,
A3. $SeP \supset PeS$,	A7. $SiP \equiv \neg SeP$,
A4. SaS ,	A8. $SoP \equiv \neg SaP$,

а единственным правилом вывода – *modus ponens*.

В.И. Шалак [7] показал также, что адекватная «синтаксическая» семантика для силлогистики Я. Лукасевича получается при наложении следующего ограничения на интерпретацию общих терминов: $\delta(S)$ – классически непротиворечивая (то есть выполнимая) формула пропозиционального языка. Сама система Лукасевича может быть получена присоединением к ΦC схемы аксиом

A9. $SaP \supset SiP$.

Возникает вопрос, является ли семантика указанного типа подлинной альтернативой как экстенциональному, так и интенциональному подходу к построению силлогистических теорий. На наш взгляд, эта семантика представляет собой новую, современную версию интенциональной семантики для систем силлогистики.

Во-первых, в этой семантике формы категорических высказываний интерпретируются с использованием отношения логического следования, но само это отношение, как было сказано в разделе 1 данной статьи, допускает интенциональную трактовку.

Во-вторых, нет никакой принципиальной разницы в приписывании в качестве значений общим терминам пропозициональных формул (например, $p_1 \wedge p_2$, $p_1 \vee p_2$, $\neg p_1 \wedge \neg p_2$) и бескванторных формул языка логики одноместных предикатов с единственной предметной переменной x , (например, $P_1(x) \wedge P_2(x)$, $P_1(x) \vee P_2(x)$, $\neg P_1(x) \wedge \neg P_2(x)$). Поэтому область возможных значений интерпретирующей функции δ можно изменить: считать, что $\delta(S)$ есть некоторая первопорядковая формула $A(x)$, которая либо является атомарной и содержит единственную переменную x , либо представляет собой булеву комбинацию подобных атомарных формул.

Формула $A(x)$, согласно Е.К. Войшвилло [10], фиксирует логическое содержание некоторого понятия, которое он выражает с использованием особой языковой конструкции – специфицированной переменной $xA(x)$. Следует оговориться, что при таком определении функции δ терминам сопоставляются содержания не любых понятий, а только конкретных несобирательных безотносительных понятий об отдельно взятых индивидах. Но тем не менее в этом случае мы имеем дело именно с содержаниями понятий (в современной их трактовке).

Выше уже отмечалось, что Лейбниц истолковывал высказывание формы SaP как утверждение о том, что содержание предиката P есть часть содержания субъекта S . Пусть функция δ противопоставляет термину S первопоряд-

ковую формулу $A(x)$, а термину P формулу $B(x)$. Тогда силлогистическая формула SaP значима при δ , е.т.е. $A(x) \models B(x)$. Метаутверждение $A(x) \models B(x)$, согласно Войшвилло, означает, что логическое содержание понятия $xB(x)$ является частью логического содержания понятия $xA(x)$. Переключка с идеей Лейбница очевидна, хотя сама трактовка термина «содержание понятия» иная.

Несомненное родство этих двух подходов можно обнаружить и применительно к категорическим высказываниям других видов. Например, высказывание формы SiP , по Лейбницу, выражает, по сути, мысль о том, что соединение содержаний субъекта и предиката дает понятие, в содержании которого отсутствуют противоречащие друг другу признаки, и в этом смысле эти две совокупности признаков совместимы. В рассматриваемой семантике формула SiP значима при δ , е.т.е. $\delta(S) \models \neg\delta(P)$; последнее (в случае классического отношения следования) означает, что формулы $\delta(S)$ и $\delta(P)$ совместимы по истинности, и их конъюнкция непротиворечива.

3. Интерпретация категорических высказываний посредством неклассических отношений следования

В [8] был поставлен вопрос о том, изменится ли класс общезначимых формул, если в условиях значимости элементарных формул (SaP , SiP , SeP и SoP) заменить классическое отношение следования на релевантное, а именно на отношение следования, формализуемое системой **FDE**. Если классическое следование определяется на множестве \mathbf{M}_K непротиворечивых и полных описаний состояний, то релевантное следование задается на множестве \mathbf{M}_O всех обобщенных описаний состояний (оно включает и карнаповские, и противоречивые, и неполные описания состояний). Данное отношение \models_{rel} может быть определено так:

$$A \models_{rel} B, \text{ е.т.е. } \forall \alpha \in \mathbf{M}_O (TA/\alpha \Rightarrow TB/\alpha).$$

Пусть, как и раньше, интерпретирующая функция δ сопоставляет каждому общему термину некоторую формулу пропозиционального языка с исходными связками \neg , \wedge и \vee . В условиях значимости силлогистических формул используем релевантное следование (\models_{rel}) вместо классического (\models). В результате предикат значимости $\Phi(\mathbf{A}, \delta)$ заменяется другим предикатом, скажем, $Rel(\mathbf{A}, \delta)$, а условия значимости элементарных формул будут выглядеть так:

$$Rel(SaP, \delta), \text{ е.т.е. } \delta(S) \models_{rel} \delta(P); \quad Rel(SeP, \delta), \text{ е.т.е. } \delta(S) \models_{rel} \neg\delta(P);$$

$$Rel(SiP, \delta), \text{ е.т.е. } \delta(S) \not\models_{rel} \neg\delta(P); \quad Rel(SoP, \delta), \text{ е.т.е. } \delta(S) \not\models_{rel} \delta(P);$$

условия Rel -значимости сложных формул обычные.

Назовем силлогистическую формулу \mathbf{A} Rel -общезначимой, если $Rel(\mathbf{A}, \delta)$ для любого δ .

Оказалось, что множество Rel -общезначимых формул не совпадает с множеством Φ -общезначимых формул: любая Rel -общезначимая формула является Φ -общезначимой, но некоторые Φ -общезначимые формулы, например $SiP \supset SiS$ (**A5**) и $SoP \supset SiS$ (**A6**), не являются Φ -общезначимыми. В [8] было доказано, что класс Rel -общезначимых формул аксиоматизирует исчисление, получающееся из силлогистической системы **ФС** за счет отбрасывания схем аксиом **A5** и **A6**. Это исчисление **ИФС** («интенциональная» фундаментальная силлогистика) было впервые сформулировано в [11] в результате такого расширения лейбницеvской трактовки категорических высказываний,

при котором с терминами могут быть связаны понятия как с непротиворечивым, так и с противоречивым содержанием.

Таким образом, «релевантизация» рассматриваемого варианта интенциональной семантики силлогистики сужает класс общезначимых в ней формул. Особо отметим, что подобная «релевантизация» не означает какого-либо изменения отношения следования между силлогистическими формулами, это отношение остается классическим. Замена классического следования на релевантное осуществляется исключительно в условиях значимости элементарных формул языка силлогистики, т.е. при интерпретации отношений между значениями их субъекта и предиката (а в качестве таких значений выступают пропозициональные формулы).

В рамках предложенного Е.К. Войшвилло информационного подхода к определению отношения логического следования, где существенным образом используется конструкция описания состояния, наряду с классическими и обобщенными описаниями состояний естественным образом выделялись еще два их типа.

Во-первых, это непротиворечивые описания состояний – подмножества множества всех литералов, в которых не может содержаться никакая переменная вместе со своим отрицанием. Во-вторых, это полные описания состояний – подмножества множества всех литералов, в которых любая переменная содержится или сама, или с отрицанием. Ранее мы договорились, что множество всех непротиворечивых описаний состояний будем обозначать как \mathbf{M}_H , а множество всех полных описаний состояний – как \mathbf{M}_P .

Отношение следования, заданное на \mathbf{M}_H , суть отношение следования в логике Хао Вана (\models_{HW}):

$$A \models_{HW} B, \text{ е.т.е. } \forall \alpha \in \mathbf{M}_H (TA/\alpha \Rightarrow TB/\alpha).$$

А подобное отношение, заданное на множестве \mathbf{M}_P , есть не что иное, как отношение следования в логике, двойственной логике Хао Вана (\models_{DHW}):

$$A \models_{DHW} B, \text{ е.т.е. } \forall \alpha \in \mathbf{M}_P (TA/\alpha \Rightarrow TB/\alpha).$$

Постараемся ответить на вопрос, изменится ли (и если да, то как) класс общезначимых формул, если в формулировке условий значимости элементарных силлогистических формул использовать не классическое и не релевантное отношение следования, а \models_{HW} или \models_{DHW} .

Рассмотрим семантики со следованиями логики Хао Вана и двойственной ей логики. Метапредикаты значимости HW и DHW задаются аналогично предикатам Φ и Rel с тем только отличием, что при оценке элементарных формул используются отношения следования \models_{HW} и \models_{DHW} , а не классическое или релевантное. HW -общезначимой будем называть силлогистическую формулу A , такую что $HW(A, \delta)$ для любого δ . Аналогично формула A DHW -общезначима, е.т.е для любого δ $DHW(A, \delta)$.

Прежде всего нас будет интересовать вопрос, являются ли HW - и DHW -общезначимыми аксиомы $A5$ и $A6$ исчисления ΦC .

Покажем сначала, что формулы обоих видов HW -общезначимы. Для этого обоснуем следующие утверждения.

Утверждение 1. Если α – непротиворечивое описание состояния (т.е. $\alpha \in \mathbf{M}_H$) то для любой формулы A пропозиционального языка неверно, что TA/α и FA/α .

Справедливость этого утверждения известна, доказательство ведется индукцией по построению формулы A . Базисный случай очевиден: если A – пропозициональная переменная p_i , то в силу непротиворечивости α неверно, что $p_i \in \alpha$ и $\neg p_i \in \alpha$. Заменяя $p_i \in \alpha$ и $\neg p_i \in \alpha$ на равносильные утверждения Tr_i/α и Fp_i/α , получаем: неверно, что Tr_i/α и Fp_i/α . Обоснование индуктивно-го перехода достаточно громоздко, но не представляет сложности.

Утверждение 2. Если $A \models_{HW} \neg A$, то $A \models_{HW} B$.

1. $A \models_{HW} \neg A$ допущение
2. $A \not\models_{HW} B$ допущение
3. $\forall \alpha \in \mathbf{M}_H (TA/\alpha \Rightarrow T\neg A/\alpha)$ 1; определение \models_{HW}
4. $\exists \alpha \in \mathbf{M}_H (TA/\alpha$ и не $TB/\alpha)$ 2; определение \models_{HW}
5. $\alpha \in \mathbf{M}_H$ 4; исключение \exists и конъюнкции в метаязыке
6. TA/α 4; исключение \exists и конъюнкции в метаязыке
7. $TA/\alpha \Rightarrow T\neg A/\alpha$ 3,5; исключение \forall
8. $T\neg A/\alpha$ 7,6; исключение \Rightarrow
9. TA/α и $T\neg A/\alpha$ 6,8; введение конъюнкции в метаязыке
10. Неверно, что $(TA/\alpha$ и $T\neg A/\alpha)$ 5; утверждение 1.

Противоречие 9 и 10.

Утверждение 3. Если $A \models_{HW} \neg A$, то $A \models_{HW} \neg B$.

Доказывается аналогично утверждению 2. На шаге 2 вместо B помещаем $\neg B$, а на шаге 4 вместо «не TB/α » пишем «не $T\neg B/\alpha$ ».

Продемонстрируем далее HW -общезначимость формул видов $SiP \supset SiS$ (**A5**) и $SoP \supset SiS$ (**A6**).

Утверждение 4. $HW(SiP \supset SiS, \delta)$ для любого δ .

1. Если $\delta(S) \models_{HW} \neg \delta(S)$, то $\delta(S) \models_{HW} \delta(P)$ утверждение 2
2. Если $\delta(S) \not\models_{HW} \delta(P)$, то $\delta(S) \not\models_{HW} \neg \delta(S)$ 1; контрапозиция
3. $HW(SiP, \delta)$, е.т.е. $\delta(S) \not\models_{HW} \delta(P)$ условия значимости SiP
4. $HW(SiS, \delta)$, е.т.е. $\delta(S) \not\models_{HW} \neg \delta(S)$ условия значимости SiS
5. Если $HW(SiP, \delta)$, то $HW(SiS, \delta)$ 2,3,4; замена эквивалентных
6. $HW(SiP \supset SiS, \delta)$ 3; условия значимости имплицативных формул

Утверждение 5. $HW(SoP \supset SiS, \delta)$ для любого δ .

Доказывается аналогично утверждению 4. На первом шаге используем утверждение 3.

Покажем, что аксиомы видов **A5** и **A6** исчисления **ФС** не являются DHW -общезначимыми.

Утверждение 6. $A \wedge \neg A \models_{DHW} \neg(A \wedge \neg A)^1$.

1. $T(A \wedge \neg A)/\alpha$ допущение
2. неверно, что $T\neg(A \wedge \neg A)/\alpha$ допущение
3. TA/α 1; условия истинности конъюнктивных формул
4. $T\neg A/\alpha$ 1; условия истинности конъюнктивных формул
5. FA/α 4; условия истинности негативных формул
6. Неверно, что $F(A \wedge \neg A)/\alpha$ 2; условия истинности негативных формул

¹ Утверждение 6 справедливо не только для \models_{DHW} , но и для других отношений следования – классического, \models_{cl} и \models_{HW} .

7. Неверно, что $(FA/\alpha$ или $F\neg A/\alpha)$ 6; условия ложности конъюнктивных формул
 8. Неверно, что FA/α 7; отрицание дизъюнкции в метаязыке
 Противоречие 5 и 8.

Отсюда вытекает, что $\forall \alpha \in \mathbf{M}_\Pi (T(A \wedge \neg A)/\alpha \Rightarrow T\neg(A \wedge \neg A)/\alpha)$, что, согласно определению следования, означает: $A \wedge \neg A \models_{\text{DHW}} \neg(A \wedge \neg A)$.

Утверждение 7. Формулы вида $SiP \supset SiS$ не являются *DHW*-общезначимыми.

Пусть интерпретирующая функция δ термину S сопоставляет пропозициональную формулу $p_1 \wedge \neg p_1$, а термину P – формулу p_2 .

Рассмотрим полное описание состояния α , которое содержит литералы $p_1, \neg p_1, p_2$, но не содержит литерала $\neg p_2$. Формула $p_1 \wedge \neg p_1$ истинна в описании состояния α в силу того, что и p_1 и $\neg p_1$ в нем содержатся. Поскольку $\neg p_2 \notin \alpha$, формула p_2 не ложна в α , а значит $\neg p_2$ не истинна в α . Так как нашлось описание состояния, в котором $p_1 \wedge \neg p_1$ истинна, а $\neg p_2$ не истинна, $p_1 \wedge \neg p_1 \not\models_{\text{DHW}} \neg p_2$. Это означает, что формула SiP *DHW*-значима при заданном выше приписывании δ . В силу утверждения 6 $p_1 \wedge \neg p_1 \models_{\text{DHW}} \neg(p_1 \wedge \neg p_1)$. Отсюда вытекает, что SiS незначима при δ . Поэтому неверно, что $DHW(SiP \supset SiS, \delta)$, ведь антецедент этой импликативной формулы значим при δ , а консеквент нет.

Утверждение 8. Формулы вида $SoP \supset SiS$ не являются *DHW*-общезначимыми.

Пусть опять $\delta(S) = p_1 \wedge \neg p_1$, а $\delta(P) = p_2$. Рассмотрим полное описание состояния α , которое содержит литералы $p_1, \neg p_1, \neg p_2$, но не содержит литерала p_2 . Формула $p_1 \wedge \neg p_1$ истинна в α , а p_2 не является таковым (ведь $p_2 \notin \alpha$). Поэтому $p_1 \wedge \neg p_1 \not\models_{\text{DHW}} p_2$ и $DHW(SoP, \delta)$. Но, как было показано выше, неверно, что $DHW(SiS, \delta)$. Следовательно, неверно, что $DHW(SoP \supset SiS, \delta)$.

Перейдем теперь к проверке на *HW*- и *DHW*-общезначимость других аксиом исчисления **ФС**.

A0 (силлогистические аналоги аксиом классического исчисления высказываний) общезначимы во всех рассматриваемых силлогистиках, так как здесь сохраняются классические условия значимости для сложных формул. По этой же причине правило *modus ponens* инвариантно относительно общезначимости в каждом из четырех рассматриваемых случаев.

Аксиомы видов **A1** $((MaP \wedge SaM) \supset SaP)$ и **A2** $((MeP \wedge SaM) \supset SeP)$ общезначимы в силу транзитивности отношений следования \models_{HW} и \models_{DHW} (этим же свойством обладает классическое и релевантное следование).

Аксиомы вида **A4** (SaS) общезначимы в силу рефлексивности всех четырех отношений следования (в том числе \models_{HW} и \models_{DHW}).

Аксиомы вида **A7** $(SiP \equiv \neg SeP)$ общезначимы, поскольку условия значимости формул SiP и SeP противоречат друг другу. По аналогичной причине общезначимы и аксиомы вида **A8** $(SoP \equiv \neg SaP)$.

Однако аксиомы вида **A3** $(SeP \supset PeS)$ не являются ни *HW*-общезначимыми, ни *DHW*-общезначимыми. Дело в том, что следования в логике Хао Вана и в двойственной ей логике не обладают свойством контрапозитивности: из того, что $A \models_{\text{HW}} \neg B$, не вытекает, что $B \models_{\text{HW}} \neg A$ (аналогично для отношения \models_{DHW}). Приведем соответствующие контрпримеры.

Утверждение 9. Формулы вида $SeP \supset PeS$ не являются *HW*-общезначимыми.

Пусть $\delta(S) = p_1 \wedge \neg p_1$, а $\delta(P) = p_2$. Формула вида SeP *HW*-значима при δ , поскольку в любом непротиворечивом описании состояния не содержатся одновременно p_1 и $\neg p_1$, а значит, формула $p_1 \wedge \neg p_1$ не может быть истинной, и верным оказывается, что $\forall \alpha \in \mathbf{M}_H (T(p_1 \wedge \neg p_1)/\alpha \Rightarrow T\neg p_2/\alpha)$, т.е. $p_1 \wedge \neg p_1 \models_{HW} \neg p_2$.

Покажем, что PeS не является *HW*-значимой при δ , т.е. что $p_2 \not\models_{HW} \neg(p_1 \wedge \neg p_1)$. Рассмотрим непротиворечивое описание состояния α , которое содержит литерал p_2 , и не содержит ни p_1 , ни $\neg p_1$. Tp_2/α , так как $p_2 \in \alpha$. $T\neg(p_1 \wedge \neg p_1)/\alpha$, е.т.е. $F(p_1 \wedge \neg p_1)/\alpha$, е.т.е. Fp_1/α или $F\neg p_1/\alpha$, е.т.е. Fp_1/α или Tp_1/α , е.т.е. $\neg p_1 \in \alpha$ или $p_1 \in \alpha$. Но последнее очевидно неверно, ведь $\neg p_1 \notin \alpha$ и $p_1 \notin \alpha$. Поэтому неверно, что $T\neg(p_1 \wedge \neg p_1)/\alpha$.

Таким образом, формула SeP *HW*-значима при δ , а формула PeS – нет. Поэтому неверно, что $HW(SeP \supset PeS, \delta)$.

Утверждение 10. Формулы вида $SeP \supset PeS$ не являются *DHW*-общезначимыми.

Пусть $\delta(S) = p_1$, а $\delta(P) = p_2 \wedge \neg p_2$. Формула вида SeP *DHW*-значима при δ , поскольку в любом полном описании состояния истинна формула $\neg(p_2 \wedge \neg p_2)$. Докажем это. Рассмотрим произвольное полное описание α . $T\neg(p_2 \wedge \neg p_2)/\alpha$, е.т.е. $F(p_2 \wedge \neg p_2)/\alpha$, е.т.е. Fp_2/α или $F\neg p_2/\alpha$, е.т.е. Fp_2/α или Tp_2/α , е.т.е. $\neg p_2 \in \alpha$ или $p_2 \in \alpha$. Последнее утверждение справедливо, так как любое полное описание состояния содержит литерал p_2 или литерал $\neg p_2$. Поскольку формула $\neg(p_2 \wedge \neg p_2)$ истинна в любом полном описании состояния, верным оказывается, что $\forall \alpha \in \mathbf{M}_H (Tp_1/\alpha \Rightarrow T\neg(p_2 \wedge \neg p_2)/\alpha)$, а значит $p_1 \models_{DHW} \neg(p_2 \wedge \neg p_2)$, и поэтому $DHW(SeP, \delta)$.

Покажем далее, что PeS не является *DHW*-значимой при δ , т.е. что $p_2 \wedge \neg p_2 \not\models_{DHW} \neg p_1$. Рассмотрим полное описание состояния α , которое содержит литералы p_2 , $\neg p_2$ и p_1 , но не содержит литерала $\neg p_1$. Очевидно, что в этом описании состояния формула $p_2 \wedge \neg p_2$ истинна. Поскольку $\neg p_1 \notin \alpha$, переменная p_1 не ложна в α , а значит, формула $\neg p_1$ не истинна в α .

Таким образом, формула SeP *DHW*-значима при δ , а формула PeS – нет. Поэтому неверно, что $DHW(SeP \supset PeS, \delta)$.

Отсутствие законов обращения в силлогистической системе существенным образом снижает ее дедуктивные возможности, причем именно как силлогистики. Прежде всего, при использовании отношений следования \models_{HW} и \models_{DHW} модусы второй, третьей и четвертой фигур силлогизма не удастся обосновать сведением к правильным модусам первой фигуры. Более того, в этих системах из модусов первой фигуры остаются корректными только *Barbara* и *Celarent* (аксиомы **A1** и **A2**), а модусы *Darii* и *Ferio* отбрасываются. Продemonстрируем в качестве примера опровержимость формулы, которая соответствует модусу *Darii*.

Утверждение 11. Формулы вида $(MaP \wedge SiM) \supset SiP$ не являются *HW*-общезначимыми.

Пусть $\delta(S) = p_2$, $\delta(P) = \neg p_2$, $\delta(M) = p_1 \wedge \neg p_1$. Формула MaP *HW*-значима при δ , так как $p_1 \wedge \neg p_1 \models_{HW} \neg p_2$. Формула SiM также *HW*-значима при δ , по-

сколькxу $p_2 \not\models_{HW} \neg(p_1 \wedge \neg p_1)$ (в непротиворечивом описании состояния, содержащем p_2 , и не содержащем ни p_1 , ни $\neg p_1$, p_2 истинна, а $\neg(p_1 \wedge \neg p_1)$ – нет). Однако формула SiP не является HW -значимой, так как $p_2 \models_{HW} \neg\neg p_2$. Поэтому неверно, что $HW((MaP \wedge SiM) \supset SiP, \delta)$.

Утверждение 12. Формулы вида $(MaP \wedge SiM) \supset SiP$ не являются DHW -общезначимыми.

Пусть $\delta(S) = p_2 \wedge \neg p_2$, $\delta(P) = p_2 \vee \neg p_2$, $\delta(M) = p_1$. Формула MaP DHW -значима при δ , так как $p_1 \models_{DHW} p_2 \vee \neg p_2$. Формула SiM также DHW -значима при δ , поскольку $p_2 \wedge \neg p_2 \not\models_{DHW} \neg p_1$ (в полном описании состояния, содержащем p_2 , $\neg p_2$, p_1 и не содержащем $\neg p_1$, $p_2 \wedge \neg p_2$ истинна, а $\neg p_1$ – нет). Однако формула SiP не является DHW -значимой, так как $p_2 \wedge \neg p_2 \models_{DHW} \neg(p_2 \vee \neg p_2)$. Поэтому неверно, что $DHW((MaP \wedge SiM) \supset SiP, \delta)$.

Подведем итоги. Среди рассмотренных четырех отношений следования самым «слабым» является \models_{rel} , самым «сильным» – классическое отношение \models_{cl} , заданное на множестве \mathbf{M}_K , а отношения \models_{HW} и \models_{DHW} занимают «промежуточные» позиции. Действительно, если $A \models_{rel} B$, то $A \models_{HW} B$ и $A \models_{DHW} B$, а если $A \models_{HW} B$ или $A \models_{DHW} B$, то $A \models_{cl} B$, причем обратные утверждения не всегда верны. Поэтому, на первый взгляд, кажется разумным предположение, что интенциональная силлогистика, использующая при задании условий истинности элементарных формул отношение \models_{rel} (система **ИФС**), окажется по классу общезначимых формул беднее силлогистик, использующих отношения \models_{HW} и \models_{DHW} , а те, в свою очередь, беднее силлогистики, использующей отношение \models_{cl} (системы **ФС**).

Но верно лишь то, что множества HW - и DHW -общезначимых силлогистических формул строго включаются в множество Φ -общезначимых формул. Связь же этих классов с классом Rel -общезначимых формул парадоксальным образом не соответствует упомянутой выше гипотезе, и **ИФС** не является подсистемой силлогистик, использующих отношения \models_{HW} и \models_{DHW} . Оказалось, что в системе, где при задании условий истинности формул используется отношение \models_{DHW} , не являются общезначимыми аксиомы **A3** ($SeP \supset PeS$), **A5** ($SiP \supset SiS$) и **A6** ($SoP \supset SiS$) силлогистики **ФС**. В то же время в системе **ИФС** **A3** является законом, хотя **A5** и **A6** также проваливаются. Что касается силлогистики, использующей отношение \models_{HW} , то в ней проваливается **A3**, хотя **A5** и **A6** являются законами.

Таким образом, множество Φ -общезначимых формул не является подмножеством ни класса HW -общезначимых, ни класса DHW -общезначимых формул. Особо следует отметить, что система **ИФС** именно как силлогистическая теория выглядит гораздо более развитой, чем эти две логики: с точки зрения **ИФС** корректны не только законы обращения для SeP и SiP , но и все те же 15 модусов простого категорического силлогизма, принимаемых в фундаментальной силлогистике.

Список источников

1. Войшвилло Е.К. Философско-методологические аспекты релевантной логики. М. : Изд-во Мос. ун-та, 1988. 140 с.
2. Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. М. : Мысль, 1982–1989.
3. Маркин В.И. Интенциональная семантика традиционной силлогистики // Логические исследования. 2001. Т. 8. С. 82–91.

4. Lenzen W. 'Zur extensionalen und "intensionalen" interpretationen der Leibnizschen logic', *Studia Leibnitiana*, 1983. P. 129–148.
5. Glashoff, K. 'An intensional Leibniz semantics for Aristotelian logic' // *The Review of Symbolic Logic*. 2010. Vol. 3. P. 262–272.
6. Robert van Rooij *Leibnizian Intensional Semantics for Syllogistic Reasoning* // *Recent Trends in Philosophical Logic*. Editors: Roberto Ciuni, Heinrich Wansing, Caroline Willkommen. Springer International Publishing Switzerland, 2014. P. 179–194.
7. Шалак В.И. Синтаксическая интерпретация категорических атрибутивных высказываний // *Логические исследования*. 2015. Т. 21, № 1. С. 60–78.
8. Маркин В.И. Интерпретация категорических высказываний в терминах релевантного следования // *Логические исследования*. 2016. Т. 22, № 1. С. 70–81.
9. Shepherdson J.C. On the Interpretation of Aristotelian Syllogistic // *The Journal of Symbolic Logic*. 1956. Vol. 21 (2). P. 137–147.
10. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М. : Изд-во Мос. ун-та, 1989. 239 с.
11. Маркин В.И. Фундаментальная силлогистика с интенциональной точки зрения // *Логические исследования*. 2002. Т. 9. С. 119–130.

References

1. Voyshvillo, E.K. (1988) *Filosofsko-metodologicheskie aspekty relevantnoy logiki* [Philosophical and Methodological Aspects of Relevant Logic]. Moscow: Moscow State University.
2. Leibniz, G.W. (1982–1989) *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in Four Volumes]. Translated from German: Moscow: Mysl'.
3. Markin, V.I. (2001) Intensional'naya semantika traditsionnoy sillogistiki [Intensional Semantics of Traditional Syllogistic]. *Logicheskie issledovaniya*. 8. pp. 82–91.
4. Lenzen, W. (1983) Zur extensionalen und "intensionalen" interpretationen der Leibnizschen logic. *Studia Leibnitiana*. 15. pp. 129–148.
5. Glashoff, K. (2010) An intensional Leibniz semantics for Aristotelian logic. *The Review of Symbolic Logic*. 3. pp. 262–272.
6. van Rooij, R. (2014) Leibnizian Intensional Semantics for Syllogistic Reasoning. In: Ciuni, R., Wansing, H. & Willkommen, C. (eds) *Recent Trends in Philosophical Logic*. Springer International Publishing Switzerland. pp. 179–194.
7. Shalakov, V.I. (2015) Sintaksicheskaya interpretatsiya kategoricheskikh atributivnykh vyskazyvaniy [Syntactic Interpretation of Categorical Attributive Statements]. *Logicheskie issledovaniya*. 21(1). pp. 60–78.
8. Markin, V.I. (2016) Interpretatsiya kategoricheskikh vyskazyvaniy v terminakh relevantnogo sledovaniya [Interpretation of Categorical Statements in Terms of Relevant Entailment]. *Logicheskie issledovaniya*. 22(1). pp. 70–81.
9. Shepherdson, J.C. (1956) On the Interpretation of Aristotelian Syllogistic. *The Journal of Symbolic Logic*. 21(2). pp. 137–147.
10. Voyshvillo, E.K. (1989) *Ponyatie kak forma myshleniya: logiko-gnoseologicheskiy analiz* [The Concept as a Form of Thinking: Logical and Epistemological Analysis]. Moscow: Moscow State University.
11. Markin, V.I. (2002) Fundamental'naya sillogistika s intensional'noy tochki zreniya [Fundamental Syllogistic from an Intensional Perspective]. *Logicheskie issledovaniya*. 9. pp. 119–130.

Сведения об авторах:

Легайдо М.М. – кандидат философских наук, инженер кафедры логики философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: legaydo.mmm@philos.msu.ru

Маркин В.И. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой логики философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: markin@philos.msu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Legeydo M.M. – Cand. Sci. (Philosophy), engineer at the Department of Logic, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: legeydo.mm@philos.msu.ru

Markin V.I. – Dr. Sci. (Philosophy), full professor, head of the Department of Logic, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: markin@philos.msu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.06.2025;
одобрена после рецензирования 15.07.2025; принята к публикации 07.08.2025
The article was submitted 04.06.2025;
approved after reviewing 15.07.2025; accepted for publication 07.08.2025*

Научная статья

УДК 101 + 165.1

doi: 10.17223/1998863X/86/2

РОЛЬ ЛОГИЧЕСКОЙ ЧЕСТНОСТИ В ПРЕОДОЛЕНИИ КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Ангелина Валерьевна Петрова

*Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук,
Томск, Россия, angelina.gukovaa@yandex.ru*

Аннотация. Анализируется концепт логической честности как реляционно-процедурной эпистемической добродетели, сочетающей когнитивную строгость, моральную ответственность и метапознавательную рефлексивность. Показано, как логическая честность способствует преодолению когнитивных искажений – подтверждающего смещения, эффекта фрейминга и искажения, основанного на правдоподобии, – и усиливает эпистемическую устойчивость мышления.

Ключевые слова: логическая честность, когнитивные искажения, интеллектуальные добродетели, эпистемическая ответственность, критическое мышление

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00019, <https://rscf.ru/project/23-18-00019/>.

Для цитирования: Петрова А.В. Роль логической честности в преодолении когнитивных искажений: эпистемологический подход // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 20–28. doi: 10.17223/1998863X/86/2

Original article

THE ROLE OF LOGICAL HONESTY IN OVERCOMING COGNITIVE BIASES: AN EPISTEMOLOGICAL APPROACH

Angelina V. Petrova

*Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation, angelina.gukovaa@yandex.ru*

Abstract. This article addresses the epistemological problem of cognitive biases – systematic errors in human reasoning that significantly distort the acquisition, justification, and communication of knowledge. Drawing on recent research in psychology and epistemology, the study focuses on three widespread biases: confirmation bias, belief bias, and the framing effect. These distortions lead to epistemically flawed inferences, undermine logical consistency, and often resist rational correction, thus posing a fundamental threat to intellectual integrity. The aim of this study is to examine the concept of *logical honesty* as a possible solution to this problem. Introduced in a previous work by the author, logical honesty is defined as a relational-procedural epistemic virtue that integrates three key dimensions: formal rationality (logical rigor), ethical responsibility (truth-directed motivation), and metacognitive reflexivity (awareness of one’s epistemic fallibility and commitment to self-correction). This virtue is explored here as both an individual discipline and a normatively guided practice that enhances the reliability and integrity of reasoning processes. The study is theoretical and conceptual in nature. It synthesizes philosophical accounts of epistemic virtues – especially in the works of Linda Zagzebski and Jason Baehr

– with findings from cognitive psychology. Through conceptual analysis, the article reconstructs the structure of logical honesty and examines its function as an epistemic defense mechanism against distortions of reasoning. In particular, it shows how logical honesty counteracts cognitive biases by promoting critical self-evaluation, open-mindedness, intellectual accountability, and logical discipline. The main body of the article analyzes how logical honesty addresses specific distortions. In the case of confirmation bias, it encourages systematic testing of counterevidence and correction of motivated reasoning. Against belief bias, it emphasizes logical validity over intuitive plausibility. Regarding the framing effect, it fosters reflective distance from rhetorical manipulations. In each case, logical honesty operates not only as a moral commitment but also as a practical method of improving epistemic reliability. The article concludes that logical honesty is not a formal norm or a stable personal trait, but a situationally activated epistemic virtue. It becomes relevant precisely in moments of cognitive tension and epistemic uncertainty – when the subject must choose between comfort and truth. In this way, logical honesty emerges as a core condition for epistemic maturity and a reliable defense against bias-driven fallacies in both individual and collective reasoning.

Keywords: logical honesty, cognitive biases, intellectual virtues, epistemic responsibility, critical thinking

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. No. 23-18-00019, <https://rscf.ru/project/23-18-00019/>

For citation: Petrova, A.V. (2025) The role of logical honesty in overcoming cognitive biases: an epistemological approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 20–28. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/2

Современные исследования когнитивной психологии и философии указывают на широчайшую распространённость когнитивных искажений – систематических ошибок в мышлении, которые могут приводить к ложным или искажённым убеждениям [1, 2].

Когнитивные искажения проявляются как устойчивые предубеждения или тенденции мышления, часто возникающие бессознательно, в силу эволюционных механизмов, прошлого опыта или эмоциональных факторов. Эти искажения мешают человеку объективно воспринимать информацию и логично оценивать ситуации, порождая логические ошибки – нарушения правил правильного рассуждения и вывода.

Проблема когнитивных искажений имеет ярко выраженное эпистемологическое измерение: они подрывают обоснованность знания. Философская эпистемология, изучающая природу знания и условия его оправданности, всё более учитывает факт, что человеческие познавательные способности не нейтральны, а подвержены искажающим факторам. На этом фоне возрастает значение таких концептов, которые обеспечивают внутреннюю согласованность и устойчивость мышления.

В предшествующем исследовании [3] было введено и разработано понятие логической честности, которое можно кратко определить как концептуальное объединение когнитивной и моральной ответственности в познании. Логическая честность выполняет функцию связующего звена между логикой, которая задаёт критерии рациональности и объективности, и этикой познания, устанавливающей моральные обязательства перед истиной и научным сообществом.

Понятие логической честности раскрывается через три взаимосвязанных аспекта: когнитивный, этический и рефлексивный. В совокупности они фор-

мируют нормативную установку, регулирующую не только логическую корректность рассуждения, но и добросовестность самого субъекта познания.

Когнитивный аспект логической честности предполагает строгую приверженность формальным законам и структурам логики. В логико-эпистемологическом измерении логическая честность соотносится с требованиями строгой формальной рациональности, как они представлены, например, в работе Грэма Приста, где подчёркивается значение логической согласованности и обоснованности как необходимых условий для построения непротиворечивого и надёжного знания [4]. Нарушение этих требований, даже при добросовестных мотивах, чревато не только техническими ошибками, но и подрывом доверия к самому процессу рассуждения.

Этический аспект логической честности апеллирует к моральной ответственности субъекта перед истиной. Он подразумевает искренность, непредвзятость, отказ от манипуляций и осознанных искажений – даже если они служат «высшим» целям.

В этих условиях логическая честность приобретает особое значение как метапринцип, который определяет доверие не только к отдельным знаниям, но и к самой методологии и результатам ее использования.

Также к когнитивной и этической составляющим логической честности следует добавить третий компонент – *метапознавательную рефлексию*. Она предполагает осознание познающим субъектом собственной уязвимости и готовность к постоянной самокоррекции.

Добавление метапознавательной рефлексии в структуру логической честности существенно меняет характер её нормативности. Она уже не может рассматриваться исключительно как внешняя директива или абстрактная норма. Вместо этого логическая честность становится формой внутреннего эпистемического самоуправления – добродетелью, чьё проявление неразрывно связано с личным усилием субъекта в конкретной ситуации.

В отличие от универсальных логических законов или императивных моральных норм, логическая честность не является абстрактным нормативным предписанием, существующим независимо от субъекта. Её статус – реляционно-процедурный: она реализуется не как внешняя метанорма, а как внутренняя добродетель, проявляющаяся в конкретных познавательных действиях мыслителя.

Такой подход сближает логическую честность с понятием эпистемической добродетели в виртуэтической эпистемологии, разрабатываемой в работах Дж. Баэра, Л. Загзебски и т.д. [5, 6], но при этом добавляет ключевое уточнение: логическая честность проявляется не как стабильное качество характера в отрыве от ситуации, а в контекстуальных решениях, где субъект сознательно выбирает – допустить ли критику, раскрыть ли посылку, включить ли неудобный факт. Именно в таких точках напряжения и проверяется степень логической честности.

Джейсон Баэр подчеркивает, что такие проявления добродетели «часто зависят от ситуации и контекста, предполагая необходимость суждений о том, как наилучшим образом стремиться к истине в конкретных условиях» [5. Р. 45].

Иначе говоря, логическая честность требует не просто соблюдения норм логики и нравственной добросовестности, но и самонаблюдения за тем, как

они реализуются в конкретном познании. Этот момент делает рефлексивность не факультативным, а обязательным условием логической честности.

В этом смысле логическая честность неотделима от акта эпистемического самоанализа. Она формируется и проявляется в том, насколько субъект способен критически отнестись к собственным основаниям, оценить свою уязвимость к ошибке и принять решение в пользу истины, даже если оно неудобно или подрывает первоначальные убеждения.

Линда Загзебски подчёркивает, что эпистемическая добродетель всегда включает моральный и рациональный компоненты, проявляющиеся в ответственных эпистемических действиях: «...порок умственной закрытости, к примеру, представляет собой одновременно недостаток рациональной открытости и изъян морального характера» [6. Р. 158].

Таким образом, логическая честность – это не внешний контрольный механизм, а внутренняя нормативная установка, побуждающая субъекта самостоятельно регулировать свою логическую практику. Она формируется в конкретных эпистемических действиях – не случайных, а ориентированных на устойчивое соблюдение как логических, так и этических стандартов в стремлении к истине.

Логический аспект логической честности при этом заключается в строгом и последовательном применении формально-логических правил и стандартов рациональности именно внутри этих конкретных познавательных ситуаций. Это означает, что субъект обязан не просто стремиться к истине или проявлять моральную ответственность, но и следовать чётко определённым правилам логического вывода, избегать противоречий и сознательно контролировать логическую согласованность своих утверждений и выводов.

В отличие от более общих понятий интеллектуальной честности или открытости мышления, логическая честность акцентирует внимание именно на нормативной строгости логического построения и эпистемической самодисциплине рассуждения.

Реляционно-процедурный характер логической честности позволяет рассматривать её не только как нормативный ориентир внутри акта мышления, но и как устойчивый механизм защиты от эпистемических искажений, подстерегающих субъекта познания.

Джейсон Баэр подчёркивает, что такого рода интеллектуальные добродетели функционируют подобно фильтрам, отсеивающим эпистемические пороки, такие как самообман, догматизм и групповой конформизм. Он замечает, что добродетель интеллектуальной честности побуждает субъекта «искать истину даже тогда, когда это сопряжено с дискомфортом или противоречит его интересам» [5. Р. 29]. Эта установка особенно важна в контексте борьбы с устойчивыми предубеждениями, которые мешают логической последовательности и рациональной критике.

Центральную роль здесь играет именно рефлексивность как условие устойчивости к когнитивным искажениям. По мнению Баэра, это требует «чувствительности к нормам рассуждения и моральным требованиям интеллектуальной жизни» [5. Р. 87]. Это означает не только знание логических норм, но и внутреннюю готовность к самонаблюдению, проверке собственных мотивов и осознанию своих когнитивных уязвимостей.

Нередко эпистемические искажения проистекают не только из слабости логического анализа, но и из отказа нести моральную ответственность за ход и последствия рассуждений.

Именно в этой интеграции – логической строгости, нравственной открытости и рефлексивного самоконтроля – раскрывается эпистемическая сила логической честности как реляционно-процедурного принципа. Она не гарантирует истины, но формирует устойчивую структуру мышления, при которой стремление к истине становится возможным, обоснованным и поддающимся проверке.

Кроме того, логическая честность обладает выраженной эвристической функцией: она стимулирует процессы самопроверки, корректировки суждений, постоянной оценки когерентности и валидности собственных убеждений. Это делает её эффективным инструментом критического мышления, позволяющим отличать обоснованные выводы от псевдологических манипуляций. В интеллектуальной коммуникации логическая честность также служит надёжным критерием оценки аргументов других мыслителей: она направляет внимание не только на формальную корректность, но и на добросовестность, открытость к критике и честность в признании ограничений.

Таким образом, логическая честность становится неотъемлемой частью эпистемической зрелости субъекта. Она формирует среду, в которой рефлексия, самокоррекция и честная аргументация становятся условием нормального функционирования познания.

Однако именно эта среда чаще всего оказывается под угрозой со стороны когнитивных искажений – устойчивых деформаций мышления, подрывающих логику рассуждений и эпистемическую добросовестность.

Современные исследования показывают, что определённые устойчивые искажения мышления могут систематически нарушать требования логической последовательности, приводя к эпистемически дефектным выводам. Среди них особое внимание заслуживают следующие:

Подтверждающее смещение (*confirmation bias*) – склонность уделять большее внимание информации, подтверждающей уже имеющиеся убеждения, и игнорировать или дискредитировать противоречащие данные. Это искажение формирует одностороннюю аргументацию, нарушающую принцип беспристрастной оценки свидетельств. Например, большинство людей сочтут приемлемым заключение «нарциссы – это цветы» просто потому, что знают из опыта, что нарциссы действительно являются цветами. При этом они могут не заметить, что исходный аргумент был логически некорректен, потому что в цепочке рассуждений: «все цветы имеют лепестки»; «нарциссы имеют лепестки»; «нарциссы – это цветы», первая посылка «все цветы имеют лепестки» – ложна, что делает вывод недействительным. Более того, попытки скорректировать заблуждение иногда ведут к его усилению, иллюстрируя феномен, известный как «обратный эффект», описанный в работе Б. Найхана и Дж. Рейфлера «Когда опровержения не работают: устойчивость политических заблуждений», при котором человек усиливает уверенность в ложном убеждении под воздействием опровержения [7].

Искажение, основанное на убеждениях (*belief bias*), – тенденция оценивать корректность аргумента на основе правдоподобия его заключения, а не в соответствии с логической валидностью построения. В этом случае привыч-

ные или ожидаемые выводы кажутся «логичными» независимо от того, оправданы ли они строго по правилам дедуктивного вывода. Такое смещение подменяет логические критерии субъективными ожиданиями, ослабляя эпистемическую объективность.

Эффект фрейминга (*framing effect*) – влияние формулировки информации на принимаемые решения, несмотря на логическую идентичность содержания. Как показали исследования Канемана и Тверски, подача одних и тех же данных в терминах «приобретений» или «потерь» способна вызывать противоположные оценки. Например, вероятность успеха медицинской операции может быть представлена как «90% пациентов выживают» или как «10% пациентов умирают» – во втором случае люди чаще откажутся от процедуры, хотя оба утверждения фактически одинаковы. Эффект фрейминга показывает, насколько контекст и способ подачи информации могут иррационально влиять на выводы, вызывая логически непоследовательные решения [8].

Эффективная борьба с когнитивными искажениями предполагает развитие особых эпистемических качеств, направленных на регулирование мышления в условиях уязвимости и ограниченности человеческого познания.

Во-первых, логическая честность выступает процедурной добродетелью, направляя метод мышления. Честный в логическом отношении мыслитель стремится строго следовать правилам доказательности, избегать софизмов и сознательных логических уловок, а главное – ставить истину выше своих желаний быть правым. Это согласуется с позицией Линды Загзебски, согласно которой интеллектуальные добродетели проистекают из устойчивого стремления к истине как ценности. Подобная мотивация противостоит множеству когнитивных искажений, включая подтверждающее смещение.

Во-вторых, логическая честность обладает важным реляционным измерением. Она проявляется в интеллектуальной добросовестности по отношению к другим субъектам: отказ от демагогии, предвзятой трактовки чужих позиций, подтасовки фактов. Такое поведение родственно интеллектуальной справедливости и открытости – добродетелям, на которые указывает Джейсон Баэр как на ключевые для успешного коллективного поиска истины. Логическая честность, таким образом, способствует формированию среды доверия и конструктивного дискурса, где аргументы оцениваются не по источнику или статусу, а по их эпистемической состоятельности. Это имеет особую значимость в преодолении группового искажения мышления, при котором индивидуальные предубеждения усиливаются в результате социального давления.

Наконец, в философском плане логическая честность должна рассматриваться как интеллектуальная добродетель, формирующая эпистемическую зрелость и устойчивость к искажениям. Обладающий этой добродетелью субъект способен самостоятельно регулировать свои когнитивные процессы, задавая себе критические вопросы о степени обоснованности своих взглядов, мотивации принятия решений и возможных логических несогласованностях. Эта способность к метакогнитивной саморегуляции и постоянному эпистемическому самоанализу позволяет существенно повысить надёжность и объективность знания. Логическая честность не устраняет когнитивные искажения полностью, но делает возможной их осознанную коррекцию в процессе мышления.

В этом контексте логическая честность становится не просто этической установкой или формальной нормой, а инструментом защиты познания от внутренних сбоев и предвзятостей, формируя эпистемически ответственное поведение и устойчивое стремление к истине в условиях неопределенности.

Концепт логической честности, рассмотренный в рамках данной статьи, раскрывается как реляционно-процедурная интеллектуальная добродетель, объединяющая формальные стандарты логического мышления с моральной ответственностью субъекта познания и его способностью к эпистемической саморефлексии. В отличие от универсальных норм логики или абстрактных этических предписаний, логическая честность проявляется в конкретных познавательных ситуациях, где от индивида требуется не просто корректность рассуждений, но и внутренняя готовность критически пересматривать свои основания, учитывать альтернативные позиции и стремиться к истине даже в условиях когнитивного дискомфорта.

Анализ логической честности в контексте борьбы с когнитивными искажениями показал, что она может выполнять роль эпистемической защиты – своего рода «иммунной системы» мышления, способной противостоять таким искажениям, как подтверждающее смещение, эффект фрейминга и искажение, основанное на правдоподобию. В условиях постправды, информационного шума и идеологической поляризации логическая честность приобретает особую значимость как нормативная опора интеллектуальной культуры и критического мышления.

Будучи одновременно когнитивной дисциплиной, этической добродетелью и метапознавательной практикой, логическая честность формирует не просто условия получения знания, но и фундаментальные основания доверия к самому процессу познания.

Список источников

1. Klayman J. Varieties of Confirmation Bias // *Psychology of Learning and Motivation*. 1995. Vol. 32. P. 385–418.
2. Nickerson R.S. Confirmation Bias: A Ubiquitous Phenomenon in Many Guises // *Review of General Psychology*. 1998. Vol. 2, № 2. P. 175–220.
3. Петрова А.В. Логическая честность: интеграция логики и этики в эпистемологии // *Вестник Томского государственного университета. Философия*. 2023. № 67. С. 5–15.
4. Priest G. *An Introduction to Non-Classical Logic: From If to Is*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 616 p.
5. Baehr J. *The Inquiring Mind: On Intellectual Virtues and Virtue Epistemology*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 304 с.
6. Zagzebski L.T. *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 469 p.
7. Nyhan B., Reifler J. When Corrections Fail: The Persistence of Political Misperceptions // *Political Behavior*. 2010. Vol. 32, № 2. P. 303–330.
8. Kahneman D., Tversky A. The Framing of Decisions and the Psychology of Choice // *Science*. 1981. Vol. 211, № 4481. P. 453–458.

References

1. Klayman, J. (1995) Varieties of confirmation bias. *Psychology of Learning and Motivation*. 32. pp. 385–418.
2. Nickerson, R.S. (1998) Confirmation bias: A ubiquitous phenomenon in many guises. *Review of General Psychology*. 2(2). pp. 175–220.
3. Petrova, A.V. (2023) Logical honesty: The integration of logic and ethics in epistemology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya – Tomsk State University Journal of Philosophy*. 67. pp. 5–15. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/82/6

4. Priest, G. (2008) *An Introduction to Non-Classical Logic: From If to Is*. 2nd ed. Cambridge University Press.
5. Baehr, J. (2011) *The Inquiring Mind: On Intellectual Virtues and Virtue Epistemology*. Oxford University Press.
6. Zagzebski, L.T. (1996) *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge*. Cambridge University Press.
7. Nyhan, B. & Reifler, J. (2010) When corrections fail: The persistence of political misperceptions. *Political Behavior*. 32(2). pp. 303–330.
8. Kahneman, D. & Tversky, A. (1981) The framing of decisions and the psychology of choice. *Science*. 211(4481). pp. 453–458.

Сведения об авторе:

Петрова А.В. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия). E-mail: angelina.gukovaa@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Petrova A.V. – Cand. Sci. (Philosophy), senior researcher, Laboratory of Logical and Philosophical Research, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: angelina.gukovaa@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.06.2025;
одобрена после рецензирования 15.07.2025; принята к публикации 07.08.2025
The article was submitted 05.06.2025;
approved after reviewing 15.07.2025; accepted for publication 07.08.2025*

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья
УДК 130.2:7.034.7
doi: 10.17223/1998863X/86/3

«СМЕРТЬ ЭМПЕДОКЛА» ФРИДРИХА ГЁЛЬДЕРЛИНА: ИДЕИ ИСЦЕЛЕНИЯ, ПРЕОБРАЖЕНИЯ, ЖЕРТВЫ

Михаил Анатольевич Корниенко

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, mkornienko1@gmail.com*

Аннотация. Представлен философский анализ трагедии «Смерть Эмпедокла» немецкого поэта-романтика Фридриха Гёльдерлина, в творчестве которого нашли своё отражение идеалы немецкого классицизма и античной стихотворной традиции. Рассмотрены основные черты учения Эмпедокла и его место в пантеистической традиции. Через легенду о самоубийстве Эмпедокла Фридрих Гёльдерлин раскрывает основную идею трагедии: исцеление и обновление возможны лишь через самопожертвование. Проанализирован разлад между Эмпедоклом и природой, ставший предпосылкой для внутреннего кризиса и последующего самоубийства философа. Взяв за основу христианский мотив самопожертвования, Гёльдерлин придаёт ему новое измерение: Эмпедокл – земной мессия, совершающий подвиг ради людей и обновления земной жизни.

Ключевые слова: романтизм, природа, самоубийство, пантеизм, легенда, палингенезис, исцеление, преобразование, самопожертвование, жертва

Для цитирования: Корниенко М.А. «Смерть Эмпедокла» Фридриха Гёльдерлина: идеи исцеления, преобразования, жертвы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 28–36. doi: 10.17223/1998863X/86/3

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

“THE DEATH OF EMPEDOCLES” BY FRIEDRICH HÖLDERLIN: IDEAS OF HEALING, TRANSFORMATION, SACRIFICE

Mikhail A. Kornienko

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
mkornienko1@gmail.com*

Abstract. The article offers a variant of analysis of the tragic poem “The Death of Empedocles” by Friedrich Hölderlin, a representative of the German Romantic School at the time of its greatest flourishing. The author of the tragedy synthesizes the ideals of German classicism and the ancient poetic tradition. Attracted to the mystical symbolism of nature, to mystical natural philosophy, Hölderlin is at the same time characterized in the history of

philosophy and culture as a strange side shoot of German Romanticism (Rudolf Haym). Hölderlin stands as if outside the schools and trends of Romanticism, although its defining characteristics (extreme subjectivism, idealism and aestheticism) were fully manifested in the poet's work. As shown in the article, Hölderlin's involvement in the ancient poetic tradition (Hölderlin's Hellenism) became not an additional characteristic of Romanticism, but rather Romanticism itself. In this sense, the author of the article agrees with Berkovsky's ideas about the specificity of the manifestation of Hellenism in the works of Hölderlin. The basis of the ideological and thematic structure of the tragedy "The Death of Empedocles", as shown in the article, is the triad "sacrifice–healing–transformation". Hölderlin addresses the potential of this triad, linking the name of Empedocles with the existing legend of the "voluntary death" of the philosopher. At the same time, as the author of the article shows, revealing the semantic content of the sacrifice, Hölderlin transfers the pathos of the tragic to the sphere of existential experiences of the tragic hero. Empedocles's suicide, a "voluntary death", is caused by discord with the inner world, the impossibility of going beyond this discord. Having wished to become above nature, Empedocles boldly calls himself a god and is tormented, realizing his loneliness. "Alone and without God", Empedocles decides to atone for his error by accepting a "voluntary death". One of the central ideas of the tragedy is the idea of a second birth, palingenesis. The final call for a radical renewal of the world and man is connected with this idea, as is the assertion of the idea of the triumph of the spirit over circumstances. Burning in the flames of Etna in order to return youth to Agrigentum and the world, the prophet initiated into the secrets of nature is separated from the past, the past ceases to exist for him. The article reveals the role and significance of associations and analogies as methods used in the process of creating images. One of the analogies is associated with the image of Doctor Faust. Empedocles is like Faust, he also suffers from the impossibility of achieving the fullness of knowledge. Another analogy is self-evident: Hölderlin correlates the death of Empedocles with the death of the Savior on Golgotha. The self-sacrifice of Empedocles is the path to healing and salvation of the Agrigentians. However, in the article the Christian motive of self-sacrifice is given in a different dimension: Empedocles is an earthly messiah, his feat is a feat for the sake of Agrigentum. The myth of Dionysus penetrates the plot of Hölderlin's tragic poem; the fates of the heroes of the tragedy are interpreted as an imitation of the fate of the suffering Dionysus. Hölderlin's Empedocles is the personification of Dionysus, dying for the sake of the eternal feast of life. And if Etna is a symbol of Dionysus's suffering, the new era in Empedocles's speech is a symbol of Dionysus's renewal, a return to life, the beauty of which is perfect. Like the ancient tragedy, Hölderlin's play is oriented toward the myth of the god who dies and is resurrected, like life, which, dying, is reborn.

Keywords: Romanticism, nature, suicide, pantheism, legend, palingenesis, healing, transformation, self-sacrifice, victim

For citation: Kornienko, M.A. (2025) "The death of Empedocles" by Friedrich Hölderlin: ideas of healing, transformation, sacrifice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 28–36. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/3

Фридрих Гёльдерлин (1770–1843) вошел в историю немецкого романтизма как поэт, чьё уникальное творчество впитало в себя идеалы немецкого классицизма, одновременно испытывав влияние античной стихотворной традиции (подробно об этом см.: [1–5]).

Рассуждая об эллинизме Гёльдерлина, Н.Я. Берковский указывает на то, что «эллинизм у Гёльдерлина был не приложением к романтике, а самой романтикой. Эллинизм Гёльдерлина – безусловность идеала... идеальность самого идеала, его последнее совершенствование» [1. С. 256].

Немецкие романтики начала XIX в. воспринимали творчество этого поэта как своего рода анахронизм, но многие из них – Клеменс, Беттина, Брентано, Уланд, Шлегель – отдавали должное поэтическому дару Гёльдерлина. Как известно, судьба поэта сложилась трагично. Будучи непонятым и непри-

знанным, не найдя личного счастья, не имея надёжного пристанища, Фридрих Гёльдерлин в возрасте 30 лет сходит с ума.

Историки философии и культуры видят в Гёльдерлине «странный боковой побег немецкого романтизма» (Р. Гайм) – он, «новооткрытый» достаточно поздно, стоит вне школ и течений романтизма, времени расцвета самого романтического движения.

Гёльдерлин происходил из простой семьи, как позже говорил он сам, «я рос как виноградная лоза, которую не подпирали палкой». С 1788 по 1793 г. Гёльдерлин изучал теологию в Тюбингене. Завершив теологическое образование, Гёльдерлин должен был стать пастором, но душа не лежала к священнослужению. Пребывая в учебном заведении, он сохранял духовную независимость, прилагая большие усилия в самостоятельном изучении античной литературы, а также французской и немецкой философии. О Гёльдерлине вспоминают: он всегда выглядел подчеркнуто изысканно, что казалось неотъемлемой частью его самого. Тюбингенские воспоминания Рефуеса запечатлели Гёльдерлина таким, каким он был в то время: в оркестре «Гёльдерлин играл первую скрипку; отрываясь, тихо и нежно кивал маленькому Рефуесу, когда тот должен был вступать со своим сопрано»; Гёльдерлин представился тогда Рефуесу «в ореоле исключительности и скромности, истовым в своих музыкальных занятиях, погруженным в свою особую сферу» (цит. по: [1. С. 235]).

После прохождения обучения в Тюбингене Гёльдерлин упорно занимается литературной деятельностью, параллельно работая на различных должностях, в том числе гувернёром. Он остается в Йене до конца мая 1795 г., где посещает лекции Фихте. Веймар и Йена привлекали Гёльдерлина прежде всего культурой и выдающимися людьми, в их числе были Шиллер и Гёте.

Своеобразными пролегоменами к будущей поэзии Гёльдерлина стали его ранние стихи или так называемые Тюбингенские гимны, где со всей очевидностью прослеживается влияние Шиллера, проявившееся в выборе поэтических форм, своеобразном риторико-философском пафосе, а также в тематике и некоторых идеях.

Гёльдерлин начинает работать над трагедией «Смерть Эмпедокла», находясь во Франкфурте. Покинув город, он продолжил интенсивную работу над поэмой, которая впоследствии прошла три редакции. Как известно, «Смерть Эмпедокла» не была издана при жизни Гёльдерлина, поскольку он не успел придать ей вполне законченную форму. Все три редакции представляют собой фрагменты разной степени законченности. Но наиболее полно отражает замысел автора первая из них.

Живший в одну эпоху с Сократом, сицилийский философ Эмпедокл из Агригента был известен как политик, врач и чудотворец, ритор и поэт, обладавший незаурядным поэтическим даром и почитавшийся как божество. В гуманитарной науке имя Эмпедокла прочно связано с легендой о его смерти, согласно которой он совершает самоубийство, бросившись в кратер вулкана Этна [6]. Известно, что в Агригенте Эмпедоклу, как и другим почётным жителям города, была установлена статуя, запечатлевшая его с закрытым лицом, символизируя тем самым его таинственность и загадочность. Выходец из аристократической семьи, Эмпедокл в 444 г. до н.э. возглавил демократическую партию (за 30 лет до этих событий его отец Метон свергал тирана

Фрасидея). Эмпедокл отказывается от предлагаемой ему царской короны и остаётся сторонником принципов демократического правления вплоть до преклонного возраста, когда он лишается поддержки граждан Агригента, что послужило причиной его отъезда в Пелопонес. Противостояние с оппозицией сделало для Эмпедокла невозможным возвращение на Сицилию. Согласно одной из версий историков, он умер на острове Пелопонес в 430 г. до н.э. Авторству Эмпедокла принадлежат две поэмы, написанные гекзаметром на ионийском диалекте. Его главное произведение «О природе» включает в себя 2 000 стихов, представленных в трёх книгах: первая книга посвящена общим законам бытия, содержание второй сведено к описанию природных явлений, а третья посвящалась учению о душе. Поэма «Очищения», авторство которой также связывают с Эмпедоклом, представляет собой ифину, включающую в себя 3 000 стихов и посвящённую переселению душ. В своем учении Эмпедокл стремился соединить в единое целое метафизику элеатов, физику ионической школы, учение Пифагора о пропорции [7].

Учение Эмпедокла содержит в себе ряд ключевых идей: в мире ничто не исчезает бесследно, но лишь меняет свое состояние под влиянием отношений и пропорций элементов. Элементы в системе Эмпедокла соотнесены с мифологическим кодом, в котором Зевс соответствует огню, Айдоней – воздуху, Нестиде – воде, Гера – земле. Любовь и вражда – две дополняющие друг друга космические силы, взаимодействие которых становится определяющим при соединении или же разъединении между собой четырёх основных элементов. Изначально доминировавшая любовь удерживает все четыре элемента в одном шаре, но появившаяся в мире вражда привела к их разделению. Посредством вражды в элементах создается движение, что приводит к их отделению друг от друга, а посредством любви они вновь объединяются в образы. Будучи связанной со всем существующим, душа соединяет между собой и все элементы. Согласно Эмпедоклу, высший принцип заключается в борьбе противоположностей, во внутреннем стремлении равного к равному. Что касается этического учения Эмпедокла, то в нём происходит объединение мирового закона с аскетикой или диететикой Пифагора: будучи запятнанной грехом, душа может очиститься путем перерождений и тем самым достигнуть просветления. «Очищения» Эмпедокла в основе своей содержат идеи орфико-пифагорейского учения о перевоплощениях, которые становятся наказанием для падшей души и последующим освобождением от «круга перерождений».

В трагедии «Смерть Эмпедокла» присутствует экспрессия особого рода, создаваемая не столько за счет зрелищности действия, сколько благодаря заключённому в поэме особому драматическому духу. В поэме не много действующих лиц, в их числе жрец Гермokrat, архонт Критий, жрица Весты, дочь Крития Пантея, её подруга, жрица Весты Рея, Делия, крестьянин, ученик Эмпедокла Павзаний и сам Эмпедокл. Среди представленных действующих лиц фигура Эмпедокла подана наиболее ярко и зрелищно.

Поэма Гёльдерлина являет читателю человека, пребывающего в поиске выхода из внутреннего экзистенциального кризиса. Главный посыл трагедии заключается в том, что торжество духа над обстоятельствами, судьбой возможно лишь через радикальное обновление человека. Появление героя с философским складом ума не было новым для драматургии. Подобные примеры

уже имели место, в частности в произведениях Шекспира и Гёте. Необычным для поэмы стало её обращение к таким темам, как космос, природа, взаимосвязь между природой и человеком.

Великий сицилиец бросился в пламя Этны. До нас дошли лишь фрагменты трагедии, однако идея ясна. В «Романтической школе» [4] Рудольф Гайм интерпретирует содержание трагедии следующим образом. Эмпедокл, посвященный в тайны природы пророк, принимает вольную смерть. Он чувствует вину перед природой – он пожелал стать выше неё, эмансипировался из божественности природы, дерзко назвал себя богом и терзается, понимая свое одиночество. «Одинокий и без бога», Эмпедокл принимает решение искупить заблуждение. Идя на смерть, философ завещает согражданам «святыню», как называет он пантеистическое учение о божественной природе, открывающее путь к «полному жизни Олимпу», и возвращение в золотой век.

Формы проявления пантеистических верований различны. У Дж. Бруно это «Природа – Бог в вещах», у Б. Спинозы доминирующей идеей его метафизики является идея «Бог, или субстанция, или природа», у Гегеля речь идет о логизированном пантеизме, в котором Бог интерпретируется как абсолютная идея, а категории отчуждены в мир природы. Общая идея пантеизма – идея отождествления Бога и природы, идея имманентности Бога миру. Таковую форму обретает пантеизм в трактовке Эмпедокла.

Перед смертью, – возвещает Эмпедокл, – наконец разгорается жизнь, и природа подносит томящемуся жаждой адский кубок для того, чтобы певец природы испил из него «восторг, последний из всех восторгов» [8. С. 101]. Эмпедокл не желает иного и ищет лишь алтарь, на котором принесет жертву. Этим алтарем становится Этна. Жители Агригента призывают Эмпедокла на царство, он отвергает корону и повествует о видениях далекого будущего, открывающихся пред ним. Этой идее и посвящен монолог Эмпедокла, обращенный к жителям Агригента, произносимый перед тем, как броситься в круговорот стихий:

Страшит Детей земли, обычно, новизна

...

Предельные хлопочут о себе –

...

Но боязливым надо, как-никак,
Наружу выглянуть и, умирая,
Назад туда в круговорот стихий,
И, будто выкупавшись, освежиться
Для новой юности [8. С. 85],
Назад, туда, в круговорот стихий

...

О, дайтесь же природе, прежде чем возьмёт она! [8. С. 85].

Эмпедокл убеждает собравшихся вернуться к природе, говорит о ненужности собственности, о том, что делить, подобно Диоскурам, нужно лишь создаваемое, славу и подвиги:

Дерзайте! – Что обрели, что потеряли,
Что передали предки вам, отцы:
Закон, обряд, божеств прадавних имя забудьте вы!

...

...величье сил, что близнецы герои
Предстанут вдруг. Забьётся кличем грудь
По подвигу: не вы ль оруженосцы?
Так воздвигайте ваш прекрасный мир!
Тогда друг другу вы подайте руки
И слово дайте, и добро делите,
О, милые! Тогда, как Диоскуры,
Делите подвиг, славу, и да будет
Один, как все [8. С. 86].

Эмпедокл просит жителей Агригента принять в дар его «святыню» и так говорит об этом:

Венец, о мужи, протянули вы,
Примите же мою святыню в дар.
Её берёг я долго

...

Я на рассвете высказать хотел
То трудное, удержанное слово.

...

Но вновь и вновь, строптиво замыкаясь,
Упорствовало сердце, выжидало,
Чтоб вызрело. Сегодня моя осень,
И сам собой спадает плод [8. С. 84].

Приняв решение об уходе из жизни, Эмпедокл обретает веру и надежду на то, что его образ останется в ареоле вечной юности для жителей Агригента:

Он будет жить, мой образ, вечно юным
Для вас, друзья. И зазвучит, когда
Вдали от вас я буду

...

Приди, разлука, прежде чем года
И зло разлучат нас. Нам подан знак,
И не теряет образ свой, кто вовремя
Час расставанья вольно сам избрал [8. С. 83].

Доминирующей темой трагедии является неразрешимый кризис между Эмпедоклом и матерью-природой. В отношениях между Эмпедоклом и природой наступает отчуждение – природа отказывает ему в привычном послушании. Отношения Эмпедокла с природой лишены прежней искренности и чистоты; Эмпедокл и природа уже не говорят на едином языке. Природа закрыта для Эмпедокла и оставляет его с чувством вины.

Одно из центральных мест в трагедии Гёльдерлина занимает тема палингенезиса, или вторичного рождения. Ещё в первом акте драмы Эмпедокл говорит о том, что умирающие молодеют. Вторичное рождение становится основной темой его речи, обращённой к народу на Этне. Для обновления и обретения молодости необходимо забыть о наследии отцов, забыть законы, обычаи, имена богов и подобно тем, кто родился впервые, обратиться к божественной природе. Юность мира может быть обретена лишь через исторические перемены. Прыжок Эмпедокла в вулкан становится осуществлённой идеей вторичного рождения. Прошлое исчезает, когда Эмпедокл сгорает в пламени Этны ради того, чтобы вернуть юность Агригенту и миру. Идейной

предпосылкой самоубийства на Этне можно считать учение Гераклита, заключающее в себе представление об огне как начале всех вещей, через разрушительно-созидательную силу которого осуществляется всеобщее обновление.

Исходным принципом в методе создания художественного образа у Гёльдерлина становится обращение к скрытым аналогиям. Используемые Гёльдерлином аналогии многообразны, и это придает особую насыщенность образам трагедии. Одной из наиболее очевидных аналогий является доктор Фауст. Подобно Фаусту, Эмпедокл – маг и философ, страдающий от невозможности достижения полноты познания. Сообразно тому, как Гёте идеализирует образ Фауста, пришедший из немецкого фольклора, Гёльдерлин старался очистить фигуру Эмпедокла от каких бы то ни было негативных черт. Другой самоочевидной аналогией становится соотнесение Гёльдерлином смерти Эмпедокла со смертью Спасителя на Голгофе.

Взяв за основу христианский мотив самопожертвования, Гёльдерлин придает ему новое измерение: Эмпедокл – земной мессия, совершающий подвиг ради людей и ради обновления земной жизни. Являя в тексте вакхическую интерпретацию Христа, Гёльдерлин признает лишь земную жизнь, в которой смерть и последующее воскрешение Христа (Диониса) – это земная жизнь во всем её полнокровном претворении. Н.Я. Берковский отмечает немаловажную деталь – посредством дионисийской природы главного героя поэмы Гёльдерлина осуществляется особая связь с античной трагедией, называемой автором «великим процессом исцеления жизни»: «...миф о Дионисе проникал и в самую фабулу трагедии... их (действующих лиц. – М.К.) судьбы были каждый раз то близкой, то более отдалённой имитацией судьбы страдающего бога, их страсти были отблеском Дионисовых страстей. Античная трагедия никогда не теряет своего основания – мифа о гибнущем и воскресающем боге, о жизни неиссякающей и способной, погибнув, возродиться вновь. В античной трагедии Дионис погибал в том или ином своём особом образе, но на сцену выходила новая трагедия, и под новым образом Дионис опять вступал в жизнь» [1. С. 273].

В трагедии Гёльдерлина Эмпедокл олицетворяет собой Диониса, гибнущего ради бессмертия, ради вечного праздника жизни. И в то время как Этна Эмпедокла воплощает страдание Диониса, образ новой эры в речи Эмпедокла являет собой обновлённого Диониса, возвращение жизни во всей её красоте.

Сама же смерть Эмпедокла глубоко символична. Жертвуя собой, Эмпедокл развоплощается в черном огне Этны. В его гибели осуществляется разрушение старого мира, и его последняя речь знаменует собой будущее, высшее воплощение: всё, что имело образ, обратилось в хаос, из которого и должен возникнуть лучший, благородный мир, красота которого совершенна.

Незадолго до того как погрузиться во мрак безумия, Гёльдерлин пишет стихотворение, которое называется «Половина жизни» [9. С. 235]. В стихотворении, состоящем из двух семистиший, словно прощаясь с поэтическим даром, он достигает в поэтике особого совершенства. Берег в желтых цветах, поросший шиповником, отражается в водной глади озера. Опылённые поцелу-

ями лебеди клонят головы к свяшенно-трезвой воде; поэт с горестью говорит о том, что зимой не найти ему ни цветов, ни солнечного луча, ни тени земли. Он пишет о стенах, которые хладны и немы, о стонущем ветре, и о том, как скрипят на ветру флюгера. В изображаемом поэтом предчувствии грядущей зимы заключено ощущение, по сути, прошедшей жизни, которая оставалась прекрасной до той поры, пока разум и вдохновение не покинули одного из величайших романтиков времени наивысшего расцвета романтизма.

Список источников

1. Берковский Н. Романтизм в Германии. СПб. : Азбука-Классика, 2001. 512 с.
2. Жирмунский В. Романтизм в Германии и Англии. М. : Пальмира, 2023. 485 с.
3. Перов Ю.В. Уроки романтической школы в изложении Рудольфа Гайма // Гайм Р. Романтическая школа. Вклад в историю немецкого ума. М. : Наука, 2007. С. 844–888.
4. Гайм Р. Романтическая школа. Вклад в историю немецкого ума. М. : Наука, 2007. 893 с.
5. Михайлов А.В. Поэзия немецких романтиков. М. : Худож. лит., 1985. 532 с.
6. Аванесов С.С. Эмпедокл: божественность и самоубийство // СХОАН. Философское антиковедение и классическая традиция. 2007. Т. 1, № 2. С. 147–171.
7. Рассел Б. Эмпедокл // История западной философии и её связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. 5-е изд. Новосибирск : Сиб. университетское изд-во, 2007. С. 90–95. 992 с.
8. Гёльдерлин Ф. Смерть Эмпедокла. М. : ЁЁ Медиа, 2024. 134 с.
9. Гёльдерлин Ф. Половина жизни // Европейская поэзия XIX века. М. : Худож. лит., 1977. 927 с.

References

1. Berkovskiy, N. (2001) *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. St. Petersburg: Azbuka-Klassika.
2. Zhirmunskiy, V. (2023) *Romantizm v Germanii i Anglii* [Romanticism in Germany and England]. Moscow: Pal'mira.
3. Perov, Yu.V. (2007) *Uroki romanticheskoy shkoly v izlozhenii Rudol'fa Gayma* [Lessons of the Romantic School as Presented by Rudolf Haym]. In: Haym R. *Romanticheskaya shkola. Vklad v istoriyu nemetskogo uma* [The Romantic School: A Contribution to the History of the German Mind]. Moscow: Nauka. pp. 844–888.
4. Haym, R. (2007) *Romanticheskaya shkola. Vklad v istoriyu nemetskogo uma* [The Romantic School: A Contribution to the History of the German Mind]. Translated from German. Moscow: Nauka.
5. Mikhaylov, A.V. (1985) *Poeziya nemetskikh romantikov* [The Poetry of German Romantics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
6. Avanesov, S.S. (2007) *Empedokl: bozhestvennost' i samoubiystvo* [Empedocles: Divinity and Suicide]. СХОАН. *Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya*. 1(2). pp. 147–171.
7. Russel, B. (2007) *Istoriya zapadnoy filosofii i ee svyazi s politicheskimi i sotsial'nymi usloviyami ot antichnosti do nashikh dney* [History of Western Philosophy and its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day]. 5th ed. Translated from English. Novosibirsk: Sib. universitetskoe izd-vo. pp. 90–95.
8. Hölderlin, F. (2024) *Smert' Empedokla* [The Death of Empedocles]. Translated from German. Moscow: EE Media.
9. Hölderlin, F. (1997) *Polovina zhizni* [Half of Life]. In: Bochkareva, I. et al. (eds) *Evropeyskaya poeziya XIX veka* [European Poetry of the 19th Century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Сведения об авторе:

Корниенко М.А. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mkornienko1@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kornienko M.A. – Cand. Sci. (Philosophy), senior researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Research, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mkornienko1@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.06.2025;
одобрена после рецензирования 15.07.2025; принята к публикации 07.08.2025
The article was submitted 04.06.2025;
approved after reviewing 15.07.2025; accepted for publication 07.08.2025*

Научная статья

УДК 340.12

doi: 10.17223/1998863X/86/4

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕАЛЬНОСТИ ПРАВА ЛОРЕНЦА КЭЛЕРА

Виталий Васильевич Оглезнев¹, Виктор Геннадьевич Бондарев²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ Горно-Алтайский государственный университет,

Горно-Алтайск, Россия, ogleznev82@mail.ru

² Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева,

Северо-Западный филиал, Санкт-Петербург, Россия, vicbondarev@mail.ru

Аннотация. Исследуются философско-методологические и концептуальные основания оригинальной философско-правовой теории Лоренца Кэлера. Показано, чем развиваемый им подход отличается от классических версий онтологического правового идеализма, какими свойствами обладают постулируемые им онтологически идеальные сущности и каким образом измерить идеальность права. Отдельно приведены некоторые критические замечания к теории онтологической идеальности права.

Ключевые слова: онтология права, метафизика права, идеальные сущности, эмпирические факты, нормы права

Благодарности: я благодарен профессору Кэлеру за ценные замечания и комментарии, которые позволили прояснить отдельные положения его теории.

Для цитирования: Оглезнев В.В., Бондарев В.Г. Философские основания теории онтологической идеальности права Лоренца Кэлера // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 37–49. doi: 10.17223/1998863X/86/4

Original article

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF LORENZ KÄHLER'S THEORY OF THE ONTOLOGICAL IDEALITY OF LAW

Vitaly V. Ogleznev¹, Victor G. Bondarev²

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russian Federation, ogleznev82@mail.ru

² North-West Branch of the Lebedev Russian State University of Justice,
Saint Petersburg, Russian Federation, vicbondarev@mail.ru

Abstract. This article investigates the philosophical foundations of Lorenz Kähler's theory of the ontological ideality of law. The central focus lies on Kähler's attempt to conceptualize legal norms as a distinct type of entity – immaterial yet ontologically stable. In contrast to classical forms of legal idealism, which rely on moral justification or transcendental sources of justice, Kähler proposes a minimalist and analytically precise model that treats legal norms as ontologically ideal objects. These entities do not belong to the physical or psychological realm but retain their identity regardless of moral validity, institutional enforcement, or social effectiveness. Kähler introduces a tripartite structure of legal ideality – moral, legal, and ontological – and insists on the logical irreducibility of these dimensions to

one another. Ontological ideality refers to a non-material mode of being, comparable to the existence of numbers, algorithms, or linguistic structures. This perspective offers a novel way of accounting for the persistence and coherence of legal meaning even in cases where a norm is no longer valid, has been forgotten, or has never been enacted. The article outlines the strengths of this approach: its capacity to separate the question of legal being from that of moral value; its independence from both legal positivism and transcendental moralism; and its potential for enriching the metatheoretical reflection on law. At the same time, the article addresses several philosophical tensions. These include the lack of a clearly articulated methodological basis for distinguishing the forms of ideality, the risk of reifying norms – i.e., treating interpretative structures as if they were independent ontological entities – and the potential relativization of normative critique, once legal and moral ideality are treated as autonomous and mutually independent. Kähler's theory is presented as an original and thought-provoking contribution to the ontology of law, one that avoids dogmatic metaphysics while raising productive challenges for contemporary legal philosophy. However, it also requires further clarification of its conceptual foundations to fulfill its philosophical promise.

Keywords: ontology of law, metaphysics of law, ideal entities, empirical facts, legal norms

Acknowledgments: The authors are grateful to Professor Kahler for his valuable comments and remarks, which helped to clarify certain aspects of his theory.

For citation: Ogleznev, V.V. & Bondarev, V.G. (2025) Philosophical foundations of Lorenz Kähler's theory of the ontological ideality of law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 37–49. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/4

Введение

Впервые с идеей об онтологической идеальности права современный немецкий философ права Лоренц Кэлер (Lorenz Kähler) познакомил российскую философскую среду в сентябре 2017 г., выступая с докладом о праве как неидеальном умозрительном порядке на VI Сибирском философском семинаре в Томске. И нужно признать, что как тогда, так и сейчас развиваемая им философская позиция была и остается весьма оригинальной и совершенно непохожей ни на что в современной юридической литературе. С тех пор можно было наблюдать, как отдельные, на первый взгляд, разрозненные теоретические аргументы Кэлера постепенно складываются в целостную философскую конструкцию – набор обоснованных онтологических и семантических утверждений. Пусть эта конструкция еще не до конца оформлена, но она уже обладает внутренней логикой и методологической согласованностью. Сегодня уже достаточно ясно просматриваются ее основные концептуальные положения, способствующие не только различению права как эмпирической практики, права как онтологически идеальной сущности и права как валидного нормативного элемента позитивного порядка, но и утверждению, что мы являемся свидетелями появления нетривиальной философско-правовой концепции. Более того, она предлагает инструменты для более глубокого анализа права, не ограниченного рамками привычных дихотомий вроде «естественное-позитивное» или «фактическое-нормативное», и позволяет по-новому взглянуть на природу правовой нормы, включая вопросы ее существования, юридической действительности и эффективности¹.

¹ Здесь следует особо подчеркнуть, что Кэлер в своей теории не различает реальность и существование права. Для него если нечто реально, то оно существует, и наоборот, если нечто существует, то оно реально [1. С. 9]. Насколько такая позиция оправдана – решать читателю.

Однако интерес к анализу аргументов Кэлера обусловлен не столько оригинальностью его выводов, сколько тем, как он их формулирует. В основании его теории, которая, по существу, является метафизической позицией, лежат утверждения, имеющие аналитическую структуру. Примечательно, что здесь речь не идет о противопоставлении метафизики и анализа, напротив, автор стремится встроить онтологические интуиции в логически выверенный философский дискурс, избегая как догматического идеализма, так и натуралистического редукционизма. Благодаря этому его теория может рассматриваться как связующее звено между двумя часто несовместимыми (и часто разводимыми) позициями в философии права – онтологическим обоснованием нормативного порядка и аналитическим исследованием правовых понятий.

Что такое онтологический правовой идеализм?

Однако, прежде чем перейти к анализу аргументов Кэлера, необходимо прояснить, что представляет собой онтологический правовой идеализм и почему именно на нем основан его подход. Хотя между классическими версиями онтологического правового идеализма и концепцией онтологической идеальности права Кэлера действительно прослеживаются некоторые параллели (прежде всего в признании внеэмпирического и нематериального характера правовых норм), между ними все же есть важные различия, которые следует учитывать.

Онтологический правовой идеализм – это философская позиция, согласно которой право представляет собой особую, нематериальную и независимую от эмпирических фактов сущность, являющуюся частью умопостигаемого мира. Согласно этой точке зрения, право не может быть полностью сведено к эмпирическим фактам, например, к решениям судов, нормативным актам или действиям законодателя, хотя бы потому, что такое сведение потребовало бы установления того, какие факты являются нормативными и почему. Право имеет собственное идеальное бытие и поддается рациональному восприятию, а не эмпирическому наблюдению. Оно не просто оформляется и функционирует в рамках позитивной системы, но само существует как система смыслов и норм, которые могут быть открыты разумом и применены независимо от конкретного исторического контекста. Хотя для создания определенных норм учет контекста, безусловно, потребуется, поскольку только в рамках него они приобретают свой смысл.

В основании онтологического правового идеализма лежат, по меньшей мере, три метафизические концепции. Прежде всего, это платоновская онтология, согласно которой идеи первичны, вечны и реальны, а справедливость существует как трансцендентная форма, не зависящая от времени, культуры или человеческой воли. Далее это онтологический теологический реализм Фомы Аквинского, в рамках которого все формы права (вечное, естественное, человеческое) выводятся из *lex aeterna* – рационального замысла Бога. И, наконец, неокантианская философская традиция, трактующая право как часть смыслового порядка, встроенного в человеческую реальность, где норма – это не только предписание, но и носитель смысла, который существует независимо от акта ее выражения или применения (Ласк, Штаммлер, Радбрух, «ранний» Кельзен).

Принимая во внимание эти концепции, можно сказать, что нормы права обладают особым статусом: они не являются ни физическими, ни психическими явлениями, но выступают для права его идеальным, нематериальным и пропозиционально организованным содержанием. Такое право может быть морально справедливым или несправедливым, признанным или забытым, действующим или отмененным, но его существование от этого никак не зависит. Оно продолжается в логическом и онтологическом пространстве, доступном для рационального постижения. Важно, что эта позиция позволяет отличить позитивное право как несовершенное воплощение от идеального права, которое служит ориентиром для правотворчества и правоприменения. Классический правовой идеализм исходит, как правило, из существования трансцендентного правового порядка, тесно связанного с моральной или божественной истиной, – будь то в форме естественного права, вечного закона или абсолютной справедливости, где право мыслится как нормативный идеал, к которому позитивное законодательство должно стремиться и с которым оно может соотноситься как с критерием легитимности.

Онтологический правовой идеализм при таком понимании противопоставляется как юридическому позитивизму, так и правовому реализму и юридическому натурализму [2. Р. 2615]. В отличие от юридического позитивизма, который рассматривает нормы как результат социальных актов, или правового реализма, трактующего право как результат деятельности судей, или юридического натурализма, стремящегося редуцировать право к биологическим или когнитивным фактам, онтологический идеализм утверждает, что нормы обладают бытием в сфере идеального, т.е. в пространстве умопостигаемых сущностей. Эти сущности не зависят от времени, воли законодателя или практик правоприменения: они существуют до и вне конкретных актов позитивного установления. Ключевым достоинством онтологического правового идеализма, таким образом, становится его способность обеспечивать нормативное основание для критики несправедливого позитивного права. А поскольку идеальные нормы существуют вне их институционального признания, появляется возможность говорить о юридической несправедливости не как о моральном осуждении, а как об онтологическом несоответствии. Кроме того, данная позиция позволяет четко развести «существование» и «реализацию» правовых норм: норма может быть действительной в идеальном смысле, даже если она еще не воплощена в жизнь. Идеализм также постулирует тесную связь права и морали, утверждая, что нормы права укоренены в разуме и могут быть рационально обоснованы.

Однако у онтологического правового идеализма есть и уязвимые стороны. Пожалуй, самым слабым местом является его метафизическая составляющая. Предположение о существовании мира идей, где «обитают» правовые нормы, трудно эмпирически подтвердить или логически обосновать. В связи с этим возникает эпистемологическая проблема: если нормы идеальны и нематериальны, то каким образом человек получает к ним доступ? Кто и на каком основании может утверждать, что знает, каково «идеальное право»? Эта проблема может, кстати, породить особый моральный догматизм, когда юридические аргументы подменяются априорными, неverified суждениями. Такой идеализм также с трудом справляется (если вообще справляется) с проблемой правового плюрализма: если существует один идеальный

правовой порядок, как объяснить многообразие правовых традиций, норм и систем? Тем не менее эта философская концепция остается самой сильной метафизической моделью права. Она утверждает, что нормы не создаются, а открываются, что право – это не просто инструмент регулирования, а выражение рационального порядка, существующего независимо от нашей воли.

Теория онтологической идеальности права Кэлера стремится преодолеть указанные ограничения: она сосредоточена не на должном, а на способе бытия правовых норм. В этом смысле она противостоит различным версиям онтологического правового идеализма, прежде всего, в том, что в ней не отрицается существование материального мира и сознание не делается источником реальности [3. Р. 415]. Кэлер утверждает, что право есть онтологически идеальное образование не потому, что оно должно быть совершенным, а потому, что оно обладает особой формой нематериального существования. И здесь мы подходим к ключевому моменту развиваемой им теории – в чем именно заключается идеальность права, и как ее установить или измерить.

Три измерения идеальности права

В философии права часто предполагалось, что право характеризуется лишь одним «идеальным» измерением – тем, который связан с такими идеальными сущностями, как мораль, справедливость, человеческое достоинство. Роберт Алекси, в частности, полагал, что право, будучи воплощением справедливости, имеет «идеальное» измерение в силу своей претензии на моральную правильность (*claim to moral correctness*) [4. Р. 174]. Однако Кэлер выступает резко против такой редуционистской позиции, поскольку считает, что, во-первых, моральная правильность не является необходимым условием юридической действительности (ведь нормы могут быть аморальными, но оставаться при этом правовыми), и во-вторых, даже если право и претендует на моральную правильность, это еще не делает его идеальным (ведь претензии могут быть ложными). Взамен он предлагает рассматривать идеальность права в трех измерениях: моральное, юридическое и онтологическое. Каждое из них обладает собственной логикой и содержанием, и только в совокупности они позволяют адекватно понять, в каком смысле можно говорить об «идеальности права».

Моральная идеальность

Моральная идеальность, по Кэлеру, означает соответствие правовых норм этическим стандартам – будь то в форме позитивной (фактической) морали или в форме критически обоснованной морали [5. Р. 212]. В этом измерении норма считается морально идеальной, если она представляет собой наилучший с моральной точки зрения ответ на практическую ситуацию. Однако право, как показывает немецкий правовед, по своей природе редко бывает морально идеальным, поскольку оно вынуждено оперировать общими и абстрактными нормами, которые не в состоянии учесть все морально релевантные обстоятельства. Кроме того, право часто формируется в рамках демократических процедур, подразумевающих компромиссы и ограниченность рациональности, что также снижает вероятность достижения морального идеала.

Таким образом, моральная идеальность – это контингентное, вариативное свойство права. Она не встраивается в право автоматически, а должна

быть предметом отдельной оценки. Право вполне может быть несправедливым, но тем не менее юридически действительным. Это позволяет признавать правом даже морально дефективные нормы, что ставит под сомнение тезис о его претензии на моральную правильность (Р. Алекси).

Юридическая идеальность

Второе измерение связано с внутренними стандартами самого права. Эти стандарты могут пересекаться с моральными, хотя это и не обязательно. Кэлер подчеркивает, что у права могут быть собственные идеалы, такие как формальная справедливость, верховенство права или правовая определенность. В некоторых случаях эти идеалы могут даже вступать в противоречие с моральными, как, например, в правовых системах, где формальная справедливость допускает расовую сегрегацию или дискриминацию, и поэтому у нас «нет оснований отрицать то, что аморальные принципы могут выступать идеалами, предписываемыми также, к какому положению дел общество должно стремиться» [5. Р. 213]. И хотя такие идеалы, как, например, равенство, предписываемое правовыми нормами, могут не соответствовать фактическому положению дел в обществе, они могут быть предметом оценки без необходимой апелляции к морали. Так, можно дать оценку (и даже критическую) тому, насколько эффективно эти идеалы используются в вопросах регулирования общественных отношений, а не с точки зрения их морального содержания.

Важность этого измерения, таким образом, обусловлена тем, что позволяет анализировать право как бы изнутри, т.е. через соответствие его внутренних целей неким фундаментальным принципам. Оно позволяет объяснить, как возможно существование идеалов, не обладающих моральной ценностью, но тем не менее присутствующих в праве, нормы которого будут сохранять свою нормативную силу даже в случае их моральной сомнительности.

Онтологическая идеальность

Третье и наиболее оригинальное измерение права – онтологическая идеальность. Здесь Кэлер обращается к вопросу: каково вообще бытие правовых норм? Он в духе традиции онтологического правового идеализма утверждает, что нормы не являются ни физическими, ни психическими объектами, а представляют собой онтологически идеальные сущности, сравнимые с числами, логическими структурами или математическими функциями [5. Р. 214]. Их бытие нематериально, внепространственно и вневременно; они обладают пропозициональной структурой, могут быть переведены на другие языки, сохраняются независимо от конкретных физических реализаций (в виде книг, указов, речей) и могут продолжать существование даже после того, как перестают применяться или забываются. Это означает, что право существует в особом «идеальном онтологическом пространстве» не как моральный идеал (как утверждает онтологический правовой идеализм), а как нематериальная и квазиперманентная смысловая структура¹.

¹ Кэлер не отрицает, что право существует, но утверждает, что его «реальность» – это неустойчивая и размытая категория. Поэтому апелляция к ней в юридическом дискурсе требует осторожности и уточнения. Право не становится «нереальным», но и не может быть «реальным» в смысле, примененном к физическим объектам [6. С. 57].

Онтологическая идеальность, таким образом, по Кэлеру, не зависит от морального содержания нормы: она присутствует и в нормах, защищающих права человека, и в нормах, нарушающих их [5. P. 215]. Вместо противопоставления нормативного идеала и фактической действительности Кэлер предлагает рассматривать право как особую форму бытия – нематериальное, но объективно существующее смысловое образование, которое не тождественно ни моральным ценностям, ни эмпирическим фактам. Это позволяет философски обосновать существование правовых норм, не прибегая ни к трансцендентным основаниям, ни к редукции права до социального поведения – и тем самым по-новому осмыслить правовую реальность как таковую.

Здесь важно отметить, что трехмерная модель идеальности права Кэлера выступает не только оригинальным способом рассуждения о праве, не ограниченным традиционными схемами, опирающимися на бинарные противопоставления («норма–факт», «действующее–недействующее», «справедливое–несправедливое»), но основанием для анализа выделяемых им признаков онтологически идеальной сущности.

Признаки онтологически идеальной сущности

Как видим, Кэлер полагает, что существование нормы имеет вневременный характер, т.е. оно не может быть адекватно описано в темпоральных терминах: после того как норма была создана, она сохраняет свое бытие, даже если она отменена, утратила юридическую силу или более не применяется [6. С. 45, 56]. Эта устойчивость объясняется ее онтологически идеальной природой. Из этого, по мнению немецкого правоведа, следует, что правовая реальность не поддается редуцирующему описанию в эмпирических терминах. Оспаривая представление о праве как эмпирической сущности, но не отрицая при этом необходимости определенных эмпирических условий его валидности, Кэлер приходит к выводу, что право характеризуется особым, идеальным бытием. Но как распознать онтологически идеальную сущность? Ответ Кэлера основан на допущении наличия у таких сущностей двух ключевых характеристик: во-первых, идеальный объект должен обладать пропозициональным содержанием, а во-вторых – быть нематериальным [6. С. 54–55].

Рассмотрим первую характеристику. Пропозициональное содержание – это то, что делает идеальные объекты доступными для понимания и позволяет их передавать независимо от их физического носителя. Им обладают такие сущности, как числа, цвета, тексты, рассказы. В духе Платона Кэлер называет их «идеями»¹. К их числу, по его мнению, следует отнести и нормы права [6. С. 54]. Как и математические формулы или логические структуры, правовые нормы обладают пропозициональным содержанием, выраженным через текст нормотворческого акта или иные языковые средства. Однако, будучи однажды сформулированной, правовая норма продолжает существовать независимо от ее произнесения, прочтения или применения. Подобно числу π

¹ Примечательно, что, например, Бентам в рамках своей теории фикционализма рассматривал идеи как перцептивные сущности, наделяя их эмпирическим статусом. Они, наряду с инфернальными сущностями, относятся к классу реальных сущностей, которые противопоставляются вымышленным (фиктивным) [8]. По его мнению, идеи возникают благодаря таким ментальным способностям, как память и воображение, главная задача которых осуществлять обработку чувственных данных. Именно поэтому идеи сохраняют связь с опытом и могут рассматриваться как опосредованные формы восприятия [9. P. 26].

или теореме Пифагора, она существует вне конкретных актов сознания. Тем самым она обретает статус онтологически идеального объекта. «Идеальность права, – пишет Кэлер, – заключается в том, что, в отличие от материальных объектов, право не имеет пространственно-временных характеристик и не подвержено физической причинности» [3. Р. 395]. В этом он следует, прежде всего, логико-семантической традиции, восходящей к Г. Фреге. Последний описывал «мысли» как особые сущности, не сводимые ни к вещам внешнего мира, ни к психическим представлениям: «Так, например, мысль, которую мы высказываем в теореме Пифагора, истинна вне всякого времени и не зависит от того, считает ли кто-нибудь ее истинной. Она не требует носителя. Она не стала истинной только после того, как была открыта... Формулируя и обдумывая мысль, мы ее не создаем, а вступаем с ней, существовавшей уже до этого, в некое отношение, которое отлично от отношения зрительного восприятия и от отношения обладания представлением» [7. С. 335]. Именно в этом ключе Кэлер трактует правовые нормы как идеальные мысли, существующие независимо от индивидуального сознания. По аналогии с фрегеанскими «мыслями», правовая норма существует независимо от того, применяется ли она, признается ли справедливой или даже осознается ли кем-либо в данный момент. Она остается доступной для интерпретации, обсуждения и оценки именно потому, что обладает онтологическим статусом идеального объекта.

Идея пропозиционального содержания как критерий онтологической идеальности представляет собой, пожалуй, одну из наиболее интересных философских частей концепции Кэлера. Именно обладание пропозициональным содержанием, по его мнению, делает объект онтологически идеальным. Это не внешне навязанное свойство, а его внутренняя, имманентная характеристика – нечто такое, что принадлежит объекту априорно. Априорность, как объясняет Кэлер, означает независимость пропозиционального содержания от конкретного языка, в котором оно выражается. Хотя содержание нормы может быть артикулировано средствами разных естественных языков (русского, немецкого, английского), его логико-семантическая структура остается неизменной. То, что выражается как нормативное предписание, сохраняет идентичное пропозициональное ядро вне зависимости от того, на каком языке оно сформулировано и в какой правовой системе оно закреплено. Кэлер пишет: «Нормы могут быть сформулированы без потери смысла в разных местах, в разное время и разными способами, не изменяя при этом своего содержания. Хотя их воплощение отличается хотя бы потому, что каждая из них имеет свое местоположение, это не относится к выраженному в них смыслу. При правильной формулировке их содержание будет идентичным независимо от их индивидуального происхождения» [3. Р. 398]. К примеру, высказывание «Все обязаны платить налоги» будет сохранять свое пропозициональное содержание независимо от языка, в котором оно выражено. Какими бы средствами (лингвистическими или юридическими) ни выражалась правовая норма, ее смысловое ядро не принадлежит к эмпирическому порядку.

Здесь позицию Кэлера следует уточнить. Несмотря на то что онтологически идеальные объекты, как он подчеркивает, являются внепространственными и вневременными, представляется, они все же нуждаются в субъекте

мышления. И хотя они не зависят от конкретного акта восприятия, они становятся доступными лишь в том случае, если кто-либо способен их постигнуть. Это означает, что идеальное содержание нуждается в мыслящем существе, которое может вступить с ним в отношение понимания, не как с объектом эмпирического опыта, а как с логически определенным смыслом. Разве можно говорить об идеальном объекте вне его потенциальной постижимости? А разве материальные объекты не обладают пропозициональным содержанием? Если да, то возникает другая проблема: если идеальные, как и материальные, объекты могут обладать пропозициональным содержанием, то каким образом провести между ними границу? Кэлер решает эту проблему, подчеркивая, что онтологически идеальные объекты отличаются, во-первых, нематериальностью, а во-вторых, возможностью быть как абстрактными, так и конкретными, что приближает его к позициям умеренного (имманентного) реализма и отличает от платонизма в строгом смысле.

Второй необходимый признак онтологической идеальности, таким образом, – это нематериальный характер объекта. Хотя языковая форма нормы – будь то текст закона, судебное решение или устное высказывание – несомненно, материальна, само нормативное содержание, выражающее предписание или обязанность, нематериально. Здесь важно не то, как выражено это содержание, а что именно выражено, т.е. значение слов, зафиксированное посредством материального носителя. Это значение локализуется не в форме, а в пропозициональной структуре, которая и определяет онтологический статус правовых конструкций.

С этой точки зрения такие явления, как права и обязанности, можно с полным основанием рассматривать как онтологически идеальные [11. Р. 10]. Их существование аналогично существованию идей: они не сводятся к своим эмпирическим проявлениям, не тождественны конкретным нормам, законам или правовым институтам. Их онтологическая идеальность не связана с содержательной справедливостью, легитимностью или валидностью. Ведь даже аморальные, фиктивные или давно забытые нормы, считает Кэлер, продолжают существовать как идеальные объекты, поскольку обладают теми же формальными характеристиками: нематериальностью и пропозициональной структурой. Следовательно, понятия «право», «обязанность», «разрешение» и т.п. представляют собой онтологически идеальные сущности, существование и интерпретируемость которых возможны независимо от их применения, оценки или санкционирования.

¹ Метафизическая позиция Кэлера в вопросе о существовании абстрактных объектов, таких как нормы права, во многом сближается с тем, что в современной философии называют имманентным или умеренным реализмом, несмотря на то что он отрицает схожесть постулируемых им онтологически идеальных сущностей с абстрактными объектами [11. Р. 11]. Это направление представляет собой одну из форм платонизма, разделяющую его главный тезис о том, что абстрактные сущности действительно существуют и не зависят от человеческого мышления или восприятия. Однако в отличие от классического платонизма, который помещает эти сущности в особую трансцендентную сферу (вне мира физического и вне опыта), имманентный реализм утверждает, что абстрактные объекты существуют внутри физического мира, будучи «вплетенными» в реальные вещи или практики. С этой точки зрения нормы права существуют не где-то «вовне» или «до» мира, а в самой структуре реальности, как смысловые формы, обнаруживаемые в правовой практике, языке и мышлении, но не сводимые к ним. Именно в этом философском контексте можно понимать кэлеровское утверждение о том, что правовые нормы – это онтологически идеальные, но в то же время не трансцендентные объекты [10].

Некоторые критические замечания

Однако столь амбициозный философский проект не свободен от возможной критики. Кэлер использует слово «идеальный» в трех несводимых друг к другу смыслах: нормативно-моральном, институционально-нормативном и онтологическом. Это кажется плодотворным разграничением, но проблема заключается в том, что в объем общего понятия «идеальность» включаются три различающихся по модальности и функциям понятия. Ведь, как известно, основанием деления должен быть признак, при изменении которого образуются видовые понятия, входящие в объем делимого (родового) понятия. Причем у всех видов должен сохраняться один и тот же признак, лежащий в основании деления, но с различными модификациями и специфическим проявлением. У Кэлера же моральная идеальность – это нормативная (оценочная) соотнесенность с определенными моральными стандартами (справедливость, равенство), юридическая идеальность – это соответствие внутренним требованиям правовой системы (эффективность, валидность), а онтологическая идеальность – это нематериальный статус правовых норм как абстрактных объектов. Таким образом, в каждом случае понятие «идеальность» меняет не просто модус, но появляется новое основание деления и даже новый видообразующий признак: в одном случае это оценочность, в другом – системная нормативность, в третьем – нематериальность. Эти признаки не являются градациями одного и того же признака (основания деления), а представляют собой разные категории: аксиологическую, функционально-институциональную и онтологическую соответственно. В результате понятие «идеальность» становится семантически неопределенным, так как в каждом случае оно означает разные вещи. Следовательно, они не могут быть видами одного рода.

Если Кэлер хочет сохранить это многоуровневое понимание «идеальности», ему следует либо уточнить, что речь идет о разных аспектах одного и того же признака (например, идеальность как нормативность), либо отказаться от деления по видоизменению признака и говорить о разных модусах измерения права, не пытаясь объединить их под единую категорию «идеальности».

Далее Кэлер отстаивает идею, что право как система норм существует в онтологически идеальном измерении, подобно числам, логическим формулам или литературным текстам, т.е. не в физическом мире и не в психике субъекта. Норма права, по его мнению, не может быть описана в темпоральных терминах в контексте эмпирической реальности, но тем не менее она обладает значением, предписывает определенное поведение и может быть понята, сохраняя идентичность через множество проявлений (текст, память). Но проблема в том, что значение нормы существует только в определенной языковой, социальной и правоприменительной среде. Норма, в этом смысле, неотделима от условий ее понимания, интерпретации и применения. Попытка вычлнить норму как чистую сущность отрывает ее от практики и языка, т.е. делает ее онтологическим фантомом. Ведь норма не предшествует своему проявлению в институциональном контексте, она сама является социальной интерпретативной конструкцией. Она не существует как нечто само по себе, аналогично числу π или теореме Пифагора, напротив, ее существование зависит от речевого и институционального воплощения.

Стремясь преодолеть редуционистские трактовки права как чисто социального или психологического явления, Кэлер рискует впасть в противопо-

ложную крайность – приписывать правовым нормам онтологический статус самостоятельных, нематериальных сущностей. Здесь он фактически реифицирует те интерпретативные и институциональные практики, которые лишь порождают и поддерживают смысл нормы, но не существуют независимо от нее. Это придает нормам ложную видимость объективного и устойчивого бытия, тогда как они являются продуктом социального действия и лингвистической конвенции. Их «нематериальность» может быть объяснена без введения отдельного «онтологического измерения» (например, тем, что нормы существуют как устойчивые правила поведения, признанные и воспроизводимые в рамках конкретной практики; они нематериальны, потому что выражены в языке, поддерживаются действиями и ожиданиями, зависят от intersубъективного признания, а не от физического субстрата).

Кэллер подчеркивает, что предлагаемые им три вида идеальности несводимы друг к другу. Особенно это важно для различения моральной и юридической идеальности, которые описываются им как автономные формы нормативности. Право, по Кэллеру, может иметь собственные внутренние идеалы (например, формальную согласованность, эффективность), даже если они не соответствуют моральным требованиям. На первый взгляд, это выглядит как разумный плюрализм. Но при внимательном рассмотрении обнаруживается риск релятивизации нормативной оценки самого права. Суть проблемы имеет двойкий характер. Во-первых, если допустить, как это делает Кэллер, что право и мораль – это полностью автономные системы оценки, то утрачивается критерий, по которому можно сказать, что определенный закон несправедлив как закон. В этом случае мы не сможем назвать правовую систему репрессивной... расистской или аморальной на правовом основании, потому что она вполне может быть «идеальной» по собственным юридическим стандартам. Это позволяет легитимировать любые нормы, при условии, что они согласуются с внутренними целями права (например, «идеалами» сегрегации). Во-вторых, если любая правовая система имеет свою «юридическую идеальность», то даже нацистское или апартеидное законодательство может рассматриваться как «внутренне идеальное». Критика такого законодательства утрачивает силу универсального нормативного возражения, потому что ее критерии оказываются внешними по отношению к самой системе. В результате критика становится лишь моральной возможностью, а не юридической необходимостью.

Кроме того, ничто не мешает привести и совершенно банальные возражения, которые пусть и не подрывают строгость отдельных выводов, но ставят под сомнение устойчивость всей концептуальной конструкции и требуют реакции. Во-первых, это то, что теория Кэллера может показаться практически неприменимой ввиду ее избыточной абстрактности. Непонятно, каким образом категория онтологической идеальности влияет на повседневную юридическую практику: как с ее помощью можно интерпретировать законы, обосновывать судебные решения или формулировать юридические определения? Без ясной связи между онтологией и гносеологией (или методологией) концепция рискует остаться самодостаточной философской схемой, оторванной от реальности. Во-вторых, это проблема познания идеального: если правовые нормы существуют как онтологически идеальные объекты, то каким образом человек получает к ним доступ? Через язык? Интуицию? Интерпретацию?

Без прояснения этих вопросов теория оказывается уязвимой перед традиционными антиметафизическими возражениями: например, как мы можем знать, что то, о чем мы говорим, действительно существует?

Заключение

Теория онтологической идеальности права Лоренца Кэлера не была бы интересной для исследования и перспективной для анализа, если бы не спровоцировала столько вопросов и не вызывала бы указанных сомнений. Оригинальность подхода немецкого правоведа, как представляется, заключается именно в смещении акцента – от нормативной идеальности к онтологической. Онтологическая идеальность, в его понимании, не делает право морально обязательным или справедливым, но объясняет, как норма может существовать и оставаться доступной для осмысления даже тогда, когда она утрачивает юридическую силу, забыта или никогда не была реализована. Это переносит вопрос о реальности права из сферы социологии и морали в область метафизики, но метафизики минималистской, рационально артикулированной и свободной от постулатов о трансцендентном источнике права. И именно поэтому для понимания философского замысла Кэлера столь важно различать его позицию и классические версии правового идеализма.

Развиваемый им подход позволяет рассматривать норму права как элемент особого нематериального (умопостигаемого) порядка, сопоставимого с логическими, математическими и семиотическими структурами. Такая перспектива открывает новые возможности для анализа устойчивости нормативных смыслов, а также для переосмысления связи между действием, интерпретацией и нормой. Таким образом, теория онтологической относительности не только предлагает оригинальное возможное решение классической проблемы «бытия» права, но и встраивает категорию нормы права в более широкий философский контекст, где различие между действительным, должным и мыслимым не сводится к привычным дихотомиям между фактом и ценностью, правовым и моральным, наличным и утрачиваемым.

Список источников

1. *Оглезнев В.В.* В каком смысле право реально? Теория онтологической идеальности права Лоренца Кэлера // *Право и государство*. 2023. № 1 (98). С. 6–15.
2. *Roversi C.* Ontology of Law // *Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy* / eds. M. Sellers, S. Kirste. Dordrecht : Springer, 2018. P. 2612–2619. URL: https://doi.org/10.1007/978-94-007-6730-0_59-1
3. *Kähler L.* Weder Idealismus noch Naturalismus: Zum Anliegen einer Idealitätstheorie des Rechts // *ARSP Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*. 2021. Vol. 107, № 3. P. 392–416.
4. *Alexy R.* The Dual Nature of Law // *Ratio Juris*. 2010. Vol. 23, № 2. P. 167–182.
5. *Kaehler L.* What Is the Ideal Dimension of Law? // *Ratio Juris*. 2024. Vol. 37, № 3. P. 210–229.
6. *Кэлер Л.* Ослабленная реальность права // *Право и государство*. 2023. № 1 (98). С. 40–59.
7. *Фреге Г.* Мысль. Логическое исследование // *Логика и логическая семантика* / под ред. З.А. Кузичевой. М. : Аспект Пресс, 2000. С. 326–342.
8. *Оглезнев В.В.* Бентам об определении вымышленных сущностей и категориях Аристотеля // *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*. 2019. Т. 13, № 1. С. 339–348.
9. *Tarantino P.* *Philosophy, Obligation and the Law: Bentham's Ontology of Normativity*. London ; New York : Routledge, 2018.
10. *Balaguer M.* Platonism in Metaphysics // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. E.N. Zalta. 2016. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2016/entries/platonism/> (accessed: 23.05.2025).

11. Kaehler L. Towards a Minimal Concept of Legal Obligation // Theories of Legal Obligation / eds. D. Beyleveld, S. Berteau. Cham : Springer, 2024. P. 7–26.

References

1. Ogleznev, V.V. (2023) V kakom smysle pravo real'no? Teoriya ontologicheskoy ideal'nosti prava Lorentsa Kelera [In What Sense Is Law Real? Lorenz Kähler's Theory of the Ontological Ideality of Law]. *Pravo i gosudarstvo*. 1(98). pp. 6–15.

2. Roversi, C. (2018) Ontology of Law. In: Sellers, M. & Kirste, S. (eds) *Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy*. Dordrecht: Springer. pp. 2612–2619. DOI: 10.1007/978-94-007-6730-0_59-1

3. Kähler, L. (2021) Weder Idealismus noch Naturalismus: Zum Anliegen einer Idealitätstheorie des Rechts. *ARSP Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*. 107(3). pp. 392–416.

4. Alexy, R. (2010) The Dual Nature of Law. *Ratio Juris*. 23(2). pp. 167–182.

5. Kaehler, L. (2014) What Is the Ideal Dimension of Law? *Ratio Juris*. 37(3). pp. 210–229.

6. Kähler, L. (2013) Oslablennaya real'nost' prava [The Weakened Reality of Law]. *Pravo i gosudarstvo*. 1(98). pp. 40–59.

7. Frege, G. (2000) *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and Logical Semantics]. Translated from German. Moscow: Aspekt. pp. 326–342.

8. Ogleznev, V.V. (2019) Bentham on the Definition of Fictitious Entities and Aristotle's Categories. *ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya*. 13(1). pp. 339–348. (In Russian).

9. Tarantino, P. (2018) *Philosophy, Obligation and the Law: Bentham's Ontology of Normativity*. London; New York: Routledge.

10. Balaguer, M. (2016) Platonism in Metaphysics. In: Zalta, E.N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2016/entries/platonism/> (Accessed: 23rd May 2025).

11. Kaehler, L. (2024) Towards a Minimal Concept of Legal Obligation. In: Beyleveld, D. & Berteau, S. (eds) *Theories of Legal Obligation*. Cham: Springer. pp. 7–26.

Сведения об авторах:

Оглезнев В.В. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); ведущий научный сотрудник Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия). E-mail: ogleznev82@mail.ru

Бондарев В.Г. – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: vicbondarev@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ogleznev V.V. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, professor of the Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); leading researcher, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation). E-mail: ogleznev82@mail.ru

Bondarev V.G. – Cand. Sci. (Political Science), docent, head of the Department of the Humanities and Social Sciences, North-West Branch of the Lebedev Russian State University of Justice (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: vicbondarev@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.06.2025;
одобрена после рецензирования 15.07.2025; принята к публикации 07.08.2025

The article was submitted 02.06.2025;
approved after reviewing 15.07.2025; accepted for publication 07.08.2025

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 930:01, 930:02
doi: 10.17223/1998863X/86/5

СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСКУЛЬТУРНОГО ПОВОРОТА MEMORY STUDIES

Андрей Александрович Линченко

*Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
(Липецкий филиал Финуниверситета), Липецк, Россия
Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Россия, linchenko1@mail.ru*

Аннотация. Раскрывается теоретическое значение транскультурного поворота memory studies для современной цивилизационной проблематики. Показано, что на место коллективных воспоминаний как средства конструирования контейнерной модели общества приходит осознание роли памяти как важного участника транскультурного и транснационального диалога и взаимобмена смыслами. Проведенное исследование показало, что методологическая оптика транскультурного поворота memory studies позволяет увидеть важную роль транскультурных воспоминаний в идентификационной, коммуникативной и когнитивной стратегиях формирования цивилизационного сознания. Несмотря на выявленные недостатки методологии транскультурного поворота, он явно указывает на необходимость дальнейшей актуализации элементов глобального и универсального в развитии современных цивилизационных представлений и форм цивилизационной самоидентификации.

Ключевые слова: цивилизационное сознание, цивилизационная самоидентификация, транскультурный поворот, транскультурные воспоминания, исследования памяти, коллективный цивилизационный опыт

Благодарности: статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2025-0002 «Культурно-ценностный аспект цивилизационного позиционирования России: образы прошлого и актуальные вызовы»)

Для цитирования: Линченко А.А. Стратегии формирования цивилизационного сознания в контексте транскультурного поворота memory studies // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 50–66. doi: 10.17223/1998863X/86/5

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Original article

STRATEGIES OF FORMING CIVILIZATIONAL CONSCIOUSNESS IN THE CONTEXT OF TRANSCULTURAL MEMORY STUDIES

Andrei A. Linchenko

*Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
Lipetsk, Russian Federation*

*State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
linchenko1@mail.ru*

Abstract. This article reveals the theoretical significance of the transcultural turn of memory studies for modern civilizational studies. Based on the analysis of modern civilizational studies, it is shown that civilizational studies are rapidly moving away from the images of closed, autonomous and self-sufficient supranational communities, as well as attempts at their strict typology, and are moving towards an analysis of civilizational and other forms of collective self-identification. On this path, an important milestone is the critical analysis of the language of civilizational studies itself and the transition from macrohistorical interpretations of the concept of “civilization” to sociological interpretations focused on the transparency of borders and the broad possibilities of cultural exchanges and mutual influences in the process of forming civilizational consciousness. No less important in this regard is the transition to the logic of ternary, which is an attempt to move away from the binaristic thinking of “We – They”. It is shown that collective memories as a means of constructing a container model of society are being replaced by an awareness of the role of memory as an important participant in transcultural and transnational dialogue and exchange of meanings. In this regard, the transformation of memory studies and the growing interest in the transboundary dynamics of collective memory can become an important driver for the further development of civilizational studies. The study showed that the methodological optics of the transcultural turn of memory studies allows us to see the important role of transcultural memories in the identification, communicative and cognitive strategies of forming civilizational consciousness. It was revealed that historical self-identification, even in the context of isolationist projects, is forced to rely on images of the past from other cultures, borrowing them for a more detailed positioning of one’s own values. The transboundary movement of the mnemonic archive is more significant in cases where the images of the past of other cultures themselves turn out to be a source of self-identification. In the communicative strategy, the influence of the migration of mnemonic archives is not only an additional repertoire of memories, on the basis of which the image of the Other is formed, but also turns out to be a source of critical re-evaluation of one’s own historical experience. In comparison with the identification strategy, the role of memorial activism within the framework of the communicative strategy comes to the fore, since for communication with the Other, not only the content of other people’s memories is important, but the act of communication itself. In the case of the cognitive strategy, the transboundary mnemonic archive turns into an object of knowledge and a historical source, and the actors of transcultural memories are able to launch international discussions regarding the strengths and weaknesses of civilizational consciousness. Despite the identified shortcomings of the methodology of the transcultural turn, it clearly shows the need for further actualization of elements of the global and universal in the development of modern civilizational ideas and forms of civilizational self-identification.

Keywords: civilizational consciousness, civilizational self-identification, transcultural turn, transcultural memories, memory studies, collective civilizational experience

Acknowledgments: The article was prepared at the State Academic University for the Humanities within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and

Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2025-0002 “The cultural and value aspect of Russia’s civilizational positioning: images of the past and current challenges”).

For citation: Linchenko, A.A. (2025) Strategies of forming civilizational consciousness in the context of transcultural memory studies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 50–66. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/5

Обострение внешнеполитических отношений между Россией, Евросоюзом и США, а также между США и Китаем вновь вывели на передний план общественных обсуждений тему взаимодействия/противостояния цивилизаций, культурных миров и иных вариантов наднациональных общностей. В научной плоскости этому соответствовал своеобразный ренессанс цивилизационной проблематики, которая в российских условиях, по мнению И.Н. Ионова, на протяжении последних двух десятилетий «развивается вне постколониального дискурса, воспроизводит имперские, колониальные дихотомии типа „варварство“ – цивилизация» [1. С. 495], а также часто оказывается в плену «родовых пороков» классических цивилизационных представлений (метафизичность, субстанциализм, презентизм как проявление методологического нарциссизма) [2. С. 58]. Не менее важен еще один вывод, сделанный в монографии российского исследователя, где подводятся итоги многолетней эволюции цивилизационной проблематики в отечественной и мировой науке: «...в условиях размывания утопической основы макроисторическое знание стало постепенно деградировать. Центр внимания переместился от представления о системности локальных цивилизаций как целого на их границы, в зоны их взаимодействия, а затем в область сферы цивилизационных и других форм коллективной самоидентификации» [1. С. 476]. Другими словами, вопрос заключается не столько в анализе и очередной типологизации цивилизаций и даже границ между ними, сколько в исследовании дальнейших трансформаций цивилизационного сознания, факторов и условий его формирования и развития. На этом пути особое значение приобретает исследование роли и места исторических знаний, социальных мифологий и коллективной памяти в формировании «коллективного цивилизационного опыта», на что неоднократно указывалось в литературе [3–6]. Однако сами коллективные воспоминания как фактор формирования цивилизационного сознания и соответствующей формы самоидентификации также являются весьма неоднородными и зависят от особенностей социальных групп, акторов и общественно-политических проектов. В этой связи несомненный интерес представляют теоретические возможности транскультурного поворота *memory studies* [7–11], явно обозначившегося в 2010-е гг. и указавшего на принципиально иную исследовательскую перспективу в сравнении со ставшим традиционным изучением национальной памяти, а также памяти отдельных сообществ и групп. Транскультурный поворот с его фокусом на трансграничную динамику индивидуальных и коллективных образов памяти, культурный трансфер воспоминаний, может открывать интересные перспективы в дальнейшем изучении особенностей конструирования наднациональных форм общности и идентичности. Соответственно, целью данной статьи является теоретический анализ возможностей и границ транскультурного поворота *memory studies* для понимания стратегий формирования цивилизационного сознания.

Всякий, кто обращается к цивилизационной проблематике, должен учитывать основную линию дискуссий, проходящих между сторонниками конструктивистского и эссенциалистского подходов. Поскольку в отечественной литературе данные подходы, возможности и пределы их аргументации неоднократно и плодотворно анализировались [12–15], позволим себе лишь кратко обозначить их основные методологические векторы. Эссенциалистский подход рассматривает цивилизации как объективно существующие общности, которые можно зафиксировать на длительных пространственно-временных ареалах. Так, например, анализируя византийскую цивилизацию, известная российская историк К.В. Хвостова предложила следующее определение: «Цивилизация – это система детерминистских и корреляционных линейных и нелинейных обратных взаимосвязей между социально-экономическими, политико-правовыми и культурологическими проявлениями реальности в рамках широкого и длительного пространственно-временного ареала <...> Цивилизация отличается от государства характером взаимосвязей. В рамках цивилизации могут попеременно доминировать языковые, духовные, культурологические, равно как социально-политические, экономические и юридические, факторы» [16. С. 86]. С позиций конструктивизма цивилизации рассматриваются как воображаемые сообщества, создаваемые в процессе их конструирования акторами разного порядка в рамках актуальных для них общественно-политических, религиозных или культурных проектов [12, 13]. Совершенно очевидно, что обе теоретические позиции могут предполагать свои умеренные и радикальные варианты. Например, внутри конструктивистской линии исследований в нашей стране в последние годы были слышны как голоса радикальной конструктивистской трактовки цивилизации [12], так и попытки представить умеренную версию [13]. При этом подчеркивается, что «понимание цивилизации как воображаемого сообщества не противоречит эссенциалистскому подходу, а высвечивает особую сторону существования цивилизации как формы конструирования социальной идентичности» [13. С. 351].

Неудовлетворенность классическими трактовками цивилизации и цивилизационных подходов как таковым прослеживается и среди тех ученых, которые стремятся разделять умеренную версию эссенциалистского подхода. Показывая кризис цивилизационных представлений на рубеже XX–XXI вв., И.Н. Ионов подчеркивает, что и в российской и мировой практике «базовые цивилизационные идеалы усваиваются в упрощенной форме, подстраиваются под нужды местной самоидентификации <...> при этом цивилизационные представления позиционируются как догматическое, нормативное знание, а проблематизирующие и диалогические мотивы цивилизационных теорий затушевываются» [1. С. 493]. По мысли российского ученого, вопрос о современном понимании цивилизационных теорий должен учитывать тенденции релятивизации предпосылочного знания, рефлексии собственных познавательных установок, а также в первую очередь ориентироваться на идеалы плюрализма и диалога различных форм цивилизационного сознания даже внутри отдельно взятой страны. Шагом вперед в данном случае является точка зрения Я.Г. Шемякина, который подчеркивает, что вне зависимости от конструктивистской или эссенциалистской позиции исследователя «в центре всех разновидностей цивилизационного дискурса находится проблема соот-

ношения универсального и локального измерений человеческого бытия» [14. С. 37]. Следующим шагом на пути анализа цивилизационных представлений, по мысли Я.Г. Шемякина, является определение ценностных посылок, располагающихся между полюсами универсального и локального. Теоретическая позиция Я.Г. Шемякина фундирована его сравнительными исследованиями «пограничных» цивилизаций Латинской Америки, Европы и России, а полноценное «цивилизационное исследование – это не что иное, как диалог символических систем различных человеческих миров [14. С. 44].

Выход из лабиринта вопросов, стоящих перед цивилизационными исследованиями, работающими в эссенциалистском ключе, видится либо в переходе к логике тернарности (Г.С. Померанц, И.Н. Ионов) [1, 17], либо в идее триангуляции (Ю. Кавада) [18], которые являются попытками ухода от бинаристского мышления «Мы – Они». Речь идет о том, чтобы «релятивизировать и объективизировать нашу субъективность, ставя ее познавательные последствия под вопрос с других точек зрения <...> обозревая предмет с позиций вне- и внутринаходимости, сталкивая несколько познавательных продуктов разных цивилизационных самоидентификаций» [1. С. 471]. Еще одним способом является критический анализ самого языка цивилизационных исследований и переход от макроисторических интерпретаций концепта «цивилизация» к социологическим интерпретациям. Данный аспект в последние годы был реализован в работах Й. Арнасона [19], В.В. Козловского [20] и Р.Г. Браславского [21]. Отталкиваясь от работ М. Вебера, Н. Элиаса и Ш. Эйзенштадта, сторонники социологической программы цивилизационного анализа предлагают говорить о цивилизационном измерении человеческих обществ как о результате переплетения культурной онтологии и институциональных правил. Соответственно, соединение культурных моделей и структур власти позволяет им говорить о «цивилизационных паттернах (моделях)». Воплощением цивилизационных паттернов представители данной точки зрения видят «цивилизационные комплексы» – наиболее широкие пространственно-временные границы, охватывающие множественные сосуществующие или последовательные социетальные формации меньших масштабов [21. С. 14]. При этом особо подчеркивается, что «социологическая парадигма цивилизационного анализа разрушает сложившийся в метаисторической традиции сильный интегративистский образ цивилизаций, заменяя его «конфигурационным» с более слабыми и разнообразными связями между их компонентами <...> традиционные эссенциалистские версии цивилизационного подхода исходят из представления о существовании предзаданных всеобъемлющих цивилизационных формаций, которые, развиваясь автономно под влиянием эндогенных факторов, могут приходить во взаимодействие друг с другом <...> отличительной чертой социологической цивилизационной парадигмы является акцентирование роли межцивилизационных взаимодействий, несводимых к противоположным односторонним моделям „столкновения“ или „диалога“ цивилизаций» [21. С. 15–16]. Как видно из современных дискуссий, современные трактовки цивилизационного подхода явно отходят от классических трактовок последних как замкнутых и автономных миров и ориентируются на проницаемость границ и широкие возможности культурных взаимообменов и взаимовлияний. В нашем случае это оказывается важной предпосылкой для самой возможности использовать теоретическую

рамку транскультурного подхода применительно к цивилизационной проблематике.

Мы могли бы определить цивилизационное сознание как совокупность представлений о наднациональных общностях людей, выражаемых посредством научных, общественно-политических, культурных и религиозных идей, создающих возможность наднациональной идентификации в рамках актуального политического или культурного проекта цивилизации. При этом цивилизационная самоидентификация может идти как по линии идентификации с глобальным человечеством как воображаемой солидарности [22], так и по линии идентификации с той наднациональной общностью, по отношению к которой человек или группа людей конструируют свою принадлежность.

Следует согласиться с И.Н. Ионовым, который трактует цивилизационное сознание как цивилизационную форму исторического сознания, функции которой лежат в более широкой, чем научная, плоскости социальной идентификации, социально-политической интеграции, межкультурной коммуникации и решения общественных проблем [1. С. 477]. Не менее важно, что отечественный исследователь видит в цивилизационном сознании форму аксиологического сознания, ставя в центр цивилизационной идентификации выработку соответствующих ценностей. К этому следует добавить, что именно ценности выступают интегральным основанием исторического сознания, поскольку само историческое сознание является в первую очередь приданием значения (смысла) опыту изменений во времени (Й. Рюзен). Немецкий теоретик подчеркивает: «...интерпретация историческим сознанием – это процедура создания идентичности (как для индивидов, так и для групп). Идентичность является концептом собственной цельности в отношении как к другим, так и к себе самому. Эта цельность имеет синхронное и диахронное измерение. В синхронном измерении идентичность интегрирует различные отношения индивидуального и коллективного „Я“ к другим в единство, в котором конкретное „Я“ осознает себя. Оно рефлектирует внутреннее единство в различии его многообразных отношений к другим. В диахронном измерении эта саморефлексия относится к изменению себя и своих отношений к другим в ходе времени. В этом отношении идентичность является концептом непрерывности тождества самому себе при изменениях, которые вынуждены претерпеть каждый индивид или группа в течении их жизни» [23. С. 45]. Для немецкого исследователя идентичность – это не соединение, составленное из различных элементов в рамках единственной модели смысла и значения. Это метасоединение различных принадлежащих ему соединений. Оно является текучим, а не фиксированным, многообразным, а не унифицированным. Подход Й. Рюзена указывает на бесперспективность разговора о наличии неких устойчивых ценностей, под которые подбирается соответствующий репертуар воспоминаний. Более продуктивной является интерпретация ценностей как продукта трансформации образов коллективной памяти и исторического сознания, которые в определенный момент времени могут превращаться в какой-либо «канон» в рамках актуального политического или культурного проекта.

Формирование цивилизационного сознания не может не учитывать другие уровни исторической идентификации, связанные с национальными, культурными, религиозными общностями людей или политической их принад-

лежностью. Как показывает исследование И.Н. Ионова [1], движение к цивилизационным представлениям сопровождается «конфликтами интерпретаций» с другими уровнями исторической идентификации, в особенности заметными в эпохи кризисов исторического сознания. Нетрудно увидеть, что именно в таких кризисных точках возрастает роль образов прошлого других культур и общностей людей, когда чужой исторический опыт оказывается источником для подражания, уточнения или переоценки собственного прошлого. Более того, конструирование исторического сознания наднациональной общности без учета критической рефлексии о предпосылках новой конструкции идентичности может стать источником переноса конфликтов коллективной памяти культурных и этнических общностей, конфликтов между версиями национальной памяти на более «высокий» наднациональный уровень.

Если учитывать, что ключевым вопросом цивилизационного дискурса является проблема соотношения универсального и локального, то в идеале формирование цивилизационного сознания является движением к более широкому историческому смыслу, где осмысление универсальных аспектов человеческого бытия учитывает специфику локальных контекстов, не обедняя их значение. Это позволяет видеть собственный исторический опыт с позиции многосторонности и мультиперспективности. Однако на этом пути, как показывает подробный анализ И.Н. Ионова, мы можем наблюдать появление и развитие изоляционистских версий цивилизационного сознания, склонных к догматизму, элитизму и монологическому пониманию межкультурного взаимодействия. И здесь следует заметить, что процесс выработки более релятивистских и в итоге диалогических моделей цивилизационного сознания оказывается связан не только с прояснением собственной позиции, но и с самой циркуляцией образов прошлого в межкультурной среде, позволяющих делать прозрачными государственные, религиозные и культурные границы. В этом смысле востребованной продолжает оставаться идея Й. Рюзена о необходимости признания различий в логике порождения смысла времени, которое становится в дальнейшем «историческим». Сам Й. Рюзен имеет в виду логику порождения смысла времени в различных исторических культурах. Но даже в рамках одной из них, европейской, мы можем наблюдать конфликт различных способов конструирования исторического сознания в политике, public history, идеологии, экономике, религии, обыденной жизни и науке. Вариант ответа Й. Рюзена – соотнести сами критерии суждения относительно прошлого, не объединяя их в некую «принудительную конструкцию» [24. Р. 139]. Другими словами, различные ценностные ориентиры должны оставаться таковыми при условии их сравнимости в рамках универсальных критериев. Этими критериями, по Й. Рюзену, являются идея равенства и взаимного признания различий, ведь каждый из способов познания прошлого претендует именно на равенство и признание со стороны других. Тогда историческое сознание оказывается набором опытов применения различных ценностей к одной и той же исторической проблеме, что позволяет видеть прошлое многомерно по-разному обращаясь к нему в научных, политических, религиозных, правовых и других практиках исторической культуры. «Подойти к прошлому как опыту означает представить его не как сумму успехов или неудач, а как столкновение целей и задач, поставленных истори-

ческими акторами, с непредвиденными ими обстоятельствами и соответственно с неопределенным финалом <...> Так видеть прошлое возможно только тогда, когда стабильность настоящего поставлена под вопрос, а будущее мыслится неопределенным и многовариантным. Собственно говоря, это и есть ситуация разрыва. Идея альтернативности подразумевает, что среди возможных вариантов может повториться и прошлое, а значит, осмысление его как опыта приобретает значение и культурную ценность» [25. С. 190]. В такой ситуации уже сами исследования механизмов трансляции и динамики воспоминаний оказываются важным источником для дальнейшего развития теоретических представлений о цивилизационном измерении человеческих обществ. Шагом вперед в данном случае можно было бы считать транскультурный подход *memory studies*, обозначивший возможность новой исследовательской оптики.

Рост интереса к исследованиям памяти миграционных сообществ в 2010-е гг. вызвал не только увеличение числа исследовательских аспектов, но и способствовал расширению методологической оптики. Последнее нашло выражение в актуализации транскультурного поворота (*transcultural turn*), ориентированного на преодоление методологического национализма и рассматривающего коллективную память за пределами любых культурных и социальных границ. В таком случае память оказывалась подвижной, а ее элементы – способными перемещаться через границы и воспроизводиться в новых контекстах. Миграционные сообщества в таком случае уже оказываются одним из примеров подобной миграции памяти. Усилиями А. Эрлл, Л. Бонд, Р. Кроншоу, М. Ротберга, А. Ригни транскультурный поворот начал рассматриваться как исследовательская перспектива, как «фокус внимания, направленный на мнемонические процессы, происходящие в культурах и за их пределами» [7. Р. 12–13]. Однако явление миграций памяти на данный момент все еще не получило однозначной теоретической интерпретации, что хорошо видно в большом числе концептов, фиксирующих данные процессы: «путешествующая память» (*travelling memory*), «непривязанная память» (*memory unbound*), «транскультурная память» (*transcultural memory*), «память в движении» (*memory on the move*). Также следует добавить, что понятие «транскультурная память» связано с такими понятиями, как «коннективная память» (*connective memory*), «транснациональная память» (*transnational memory*), «разнонаправленная память» (*multidirectional memory*), каждое из которых имеет свой сложившийся теоретический бэкграунд и методологическую оптику [26].

Намечая теоретические подходы к изучению понятия «путешествующая память», А. Эрлл указывает на необходимость подробного анализа носителей, медиа, содержания, практик и форм, оказывающих влияние на специфику миграций памяти. Отмечается: «...транскультурная память относится не только к (1) таким осознанным и продуктивным *связям воспоминаний*, которые раньше считались отдельными и принадлежали разным группам; в более общем плане ее можно представить как (2) перемещение *мнемонических архивов* через пространственные, временные и социальные, но также лингвистические и медийные границы, а также (3) *смешение воспоминаний* в контекстах высокой культурной сложности» [8. Р. 178]. Подводя итоги более чем десятилетней эволюции данного концепта, Астрид Эрлл подчеркивает, что

данное понятие не есть особая рамка памяти. Оно является исследовательской перспективой [27. Р. 5], позволяющей совершить переход от анализа воспоминаний, присущих исключительно какой-либо одной культуре как «контейнеру смыслов», к самим процессам пересечения границ, что является более широким методологическим взглядом, чем, например, тема межкультурного взаимодействия. В этой связи введение в научный оборот данного концепта является еще одной вехой в стремлении анализировать «культуру как непрерывный процесс взаимоотношений и трансформации. Большинство подобных терминов возникло в результате исследований колониализма и его последствий, и, следовательно, они несут в себе понимание того, что транскультурные процессы зачастую асимметричны и конфликтны, а также чреваты политическими, экономическими и этическими вопросами» [27. Р. 8]. Пытаясь поставить вопрос о transcultural memory studies как третьем этапе memory studies, она дает нам три наиболее перспективных направления для дальнейшего исследования: переосмысление архива (понимание архива и репертуара коллективных воспоминаний как сети международного обмена, в особенности связанного с влиянием цифровых технологий), фокус на мемориальном активизме (что показывает роль коллективного действия в производстве и трансформации публичных воспоминаний), фокус на «вовлеченном субъекте» (акцент на людей или группы в истории, которые, выходя за пределы дихотомии «преступник – жертва», могут оказываться «вовлеченными» в практики воспроизводства несправедливости, игнорируя, например, расистские памятники или бездумно повторяя культурные клише и штампы) [27. Р. 12].

Нетрудно заметить, что транскультурный поворот является развитием теоретических идей глобальной истории, ставшей заметным историографическим направлением во второй половине 1990-х гг. и продолжающей активно развиваться в наши дни [28]. Подчеркивая специфику глобальной истории как нового научного направления, С. Конрад отмечает, что «глобальная история занимается прежде всего мобильностью и обменом, процессами, преодолевающими разграничения и границы. Взаимосвязанный мир для нее – отправная точка, а главные ее темы – обращение и обмен вещей, людей, идей и институций» [29. С. 22]. Важным теоретическим шагом в этой связи стало введение С. Конрадом в научный оборот концепта «entangled memory» (сплетенная память) [30], который указывает на гетерогенный, динамический характер актов воспоминания и их полифонизм. Для самого Конрада данный термин означал смену перспективы, когда национальная память оказывалась продуктом интернациональных влияний и диалога. При этом «сплетенная память» еще не означает «разделяемой» / «общей» истории (shared history), что открывало более значительное пространство для маневра в контексте описания различных форм и способов трансфера воспоминаний. Возможность использования данного концепта фундирована сложностью взаимодействия различных паттернов интерпретации исторических событий в синхронической и диахронической перспективах [31. Р. 34]. Зарубежные исследователи подчеркивают: «...суммируя двойственность памяти как плюралистической и динамичной, единичные акты воспоминания могут быть поняты как сплетенные. Концепт сопряженной памяти отсылает к подлинной сплетенности интерпретаций и акторов <...> это понимание призывает к ана-

лизу выявленных сплетений, принимая во внимание множественные перспективы, асимметрии и перекрестные мнемонические практики» [31. Р. 35].

Оставляя в стороне критику транскультурной памяти, равно как и транснациональной памяти как теоретических понятий [26], постараемся проанализировать основные стратегии формирования цивилизационного сознания в контексте того понимания динамики коллективных воспоминаний, которое дает транскультурный поворот как исследовательская оптика. Нашей отправной точкой в данном случае будет идея И.Н. Ионова о необходимости дифференцированного отношения к цивилизационным представлениям для оценки их эффективности. В одной из своих статей он предложил говорить о идентификационной, коммуникативной и когнитивной составляющих цивилизационных представлений, что позволяло получить более гибкую рамку для сравнительного анализа, а также избежать подчеркнутой идеологизации и некритического использования цивилизационного дискурса [32]. Также важно отметить, что данные составляющие цивилизационных представлений рассматривались им как конфликтующие друг с другом. На наш взгляд, выделенные им составляющие цивилизационных представлений могут в свою очередь выступать объектами для соответствующих стратегий формирования цивилизационного сознания.

Важнейшей целью идентификационной стратегии формирования цивилизационного сознания является идентификация человека с крупной общностью посредством принятия ключевых ценностных доминант в религиозной, культурной или политической формах. Основным механизмом в данном случае оказывается историческое воображение, порождающее, как правило, запрос на утопические образы своей общности, архаизацию корней цивилизации, а также подчеркнутое дистанцирование от других, воспринимаемых в качестве врагов. И.Н. Ионов подчеркивает: «Иррациональное и утопическое содержание изначально входят в основу цивилизационных идей <...> Утопия как след идентификационной составляющей не просто „встроена“ в любой вариант теории цивилизаций, она играет доминирующую, структурообразующую роль, определяет и фиксирует его ценностное содержание» [32. С. 84–85]. В этой связи использование методологической оптики транскультурного подхода позволяет увидеть идентификационную стратегию как более сложный процесс, где историческая самоидентификация даже в условиях изоляционистских проектов вынуждена опираться на образы прошлого из других культур, заимствуя их для более детального позиционирования собственных ценностей. В таком случае требования в духе «врага надо знать в лицо» неминуемо порождают потребность в обращении к образам памяти, сформированным в других культурных контекстах, с которыми все равно приходится считаться. Даже в таком случае мы видим очевидное расширение репертуара воспоминаний, что явно указывает на подвижность мнемонических архивов. Ярким примером в случае российской истории является идеологема «Москва – Третий Рим», когда мифологизированный образ заимствуется из иной культурной среды и переносится на новое воображаемое пространство. Роль оптики транскультурного поворота также оказывается заметной и в случае мемориального активизма, когда формирование тех или иных цивилизационных представлений испытывает влияние или даже инициируется инокультурными акторами. В особенности это может быть связано с

деятельностью отдельных исторических личностей, оказавшихся за пределами своей страны и внесших большой вклад в развитие культурных и цивилизационных представлений своей «новой» Родины. Более значимым является трансграничное движение мнемонического архива в тех случаях, когда образы прошлого других культур сами оказываются источником самоидентификации.

В таком случае образ другой культуры или цивилизации нередко романтизируется и рассматривается как цель собственного исторического развития. Данный аспект некритического использования образов прошлого других общностей можно без труда встретить в истории общественно-политических и культурных идей Индии, Китая, России и Латинской Америки [1, 14].

Еще одной стратегией формирования цивилизационного сознания является коммуникативная стратегия, в круг задач которой входит как консолидация представителей собственной общности путем преодоления конфликтов памяти между ними, так и соотнесения себя с представителями других культур под влиянием природных катастроф, климатических изменений, исторических кризисов. Подчеркивая доминирующую роль диалогических мотивов коммуникативной составляющей, И.Н. Ионов отмечает: «...ключевым для развития коммуникативной компоненты цивилизационных представлений было появление образа Иного как ценности и попытки выявить претензии других народов к собственной цивилизации» [32. С. 102]. Российский исследователь подчеркивает, что в данном случае ключевое место отводится метафорам [32. С. 94], выступающим своеобразными мостами во взаимовлиянии культур. В таком случае влияние миграции мнемонических архивов оказывается не только тем дополнительным репертуаром воспоминаний, на основе которого формируется образ Иного, но оказывается источником критической переоценки собственного исторического опыта. Это усиливает, в свою очередь, универсалистские мотивы в цивилизационном сознании, где конструирование наднационального сообщества учитывает ее отражение в других культурах. Еще большее значение в рамках данной стратегии приобретает явление мемориального активизма, когда социальные группы или отдельные личности начинают играть роль посредников в транскультурном обмене. Более того, в сравнении с идентификационной стратегией роль мемориального активизма в рамках коммуникативной стратегии выходит на передний план, поскольку для коммуникации с Иным важно не столько содержание чужих воспоминаний, сколько сам акт коммуникации.

Фактор транскультурных воспоминаний оказывается еще более значимым в рамках когнитивной стратегии формирования цивилизационного сознания, что связано с тем, что «познавательные задачи цивилизационных представлений, как и других философско-исторических и историко-социологических схем, как правило, сводятся к созданию образа региональной или глобальной истории, не входящего в конфликт с профессиональным историческим знанием, логически непротиворечивого и соответствующего возможностям человеческого восприятия <...> тем самым становится возможным переход от аподиктических идентификационных моделей к проблематизируемым, более дробным – когнитивным» [32. С. 107]. В данном случае роль транскультурных воспоминаний оказывается такой же важной, как и в случае коммуникативной стратегии. Однако при этом меняется их функция.

Из репертуара образов прошлого как источника для диалога мнемонический архив превращается в объект познания и исторический источник. Соответственно функция мемориального активизма также трансформируется, где акторы транскультурных воспоминаний оказываются способными запускать международные дискуссии относительно сильных и слабых сторон формирующегося цивилизационного сознания.

Важным аспектом, на который следует обращать внимание при использовании транскультурного поворота как методологической оптики, является понимание границ применимости его теоретических идей. Большинство исследователей, обращающихся к транскультурному повороту *memory studies* за рубежом и в нашей стране, отмечают незавершенность процесса формирования его методологической оптики [10, 11, 26, 27]. Однако даже имеющийся массив исследований позволяет утверждать, что абсолютизация роли транскультурных воспоминаний может нести известные трудности для понимания идентификационной и коммуникационной стратегий формирования цивилизационного сознания. Это связано с тем, что сами транскультурные воспоминания и как нарративы, и как коммеморативные практики при всей их динамичности и возможностях проникновения сквозь границы все равно оказываются «вырванными» из культурной среды их возникновения. Естественно также предположить, что в процессе трансфера какая-то часть культурной информации может быть потеряна, перенесена некритически или, наоборот, использоваться в целях манипуляции и политического влияния. В свою очередь, адаптация мигрирующих мемориальных архивов в новом культурном контексте также не происходит нейтрально, что заставляет принимать во внимание особенности культуры-реципиента. Например, в России адаптация западных цивилизационных идей, как показывают исследования [1, 4, 6], происходила далеко не бесппроблемно и в итоге привела к появлению существенных барьеров дальнейшего формирования диалогической версии цивилизационного сознания. Сходная ситуация наблюдается и в случае с темой мемориального активизма, поскольку в разных политических или культурных условиях мемориальные активисты могут иметь большее или меньшее значение. Яркий пример находим в той принципиальной реакции, которая возникла в нескольких англоговорящих странах в связи с распространением коммеморативных практик общественного движения *Black Lives Matter*, когда активисты движения, пытаясь трансформировать мемориальную повестку в Великобритании, США, Канаде и Австралии, оказывались в различных ситуациях более или менее инклюзивной нации и политики памяти [33, 34].

Таким образом, современное развитие цивилизационной проблематики стремительно уходит от образов замкнутых, автономных и самодостаточных наднациональных общностей, а также попыток их строгой типологизации и переходит к анализу цивилизационных и других форм коллективной самоидентификации. На этом пути важной вехой становится критический анализ самого языка цивилизационных исследований и переход от макроисторических интерпретаций концепта «цивилизация» к социологическим интерпретациям, ориентированным на проницаемость границ и широкие возможности культурных взаимодействий и взаимовлияний в процессе формирования цивилизационного сознания. Не менее важным в этой связи видится переход к логике тернарности, которая является попыткой ухода от бинаристского

мышления «Мы – Они». Конструирование современных наднациональных общностей по-прежнему опирается на коллективную память и образы истории. Однако функция коллективных воспоминаний изменяется. На место коллективных воспоминаний как средства конструирования контейнерной модели общества приходит осознание роли памяти как важного участника транскультурного и транснационального диалога и взаимобмена смыслами. В этой связи трансформация *memory studies* и рост интереса к трансграничной динамике коллективной памяти могут стать важным драйвером дальнейшего развития цивилизационных исследований. Проведенное исследование показало, что методологическая оптика транскультурного поворота *memory studies* позволяет увидеть важную роль транскультурных воспоминаний в идентификационной, коммуникативной и когнитивной стратегиях формирования цивилизационного сознания. Было выявлено, что историческая самоидентификация даже в условиях изоляционистских проектов вынуждена опираться на образы прошлого из других культур, заимствуя их для более детального позиционирования собственных ценностей. Более значимым является трансграничное движение мнемонического архива в тех случаях, когда образы прошлого других культур сами оказываются источником самоидентификации. В коммуникативной стратегии влияние миграции мнемонических архивов оказывается не только дополнительным репертуаром воспоминаний, на основе которого формируется образ Иного, но и оказывается источником критической переоценки собственного исторического опыта. В сравнении с идентификационной стратегией, роль мемориального активизма в рамках коммуникативной стратегии выходит на передний план, поскольку для коммуникации с Иным важно не столько содержание чужих воспоминаний, сколько сам акт коммуникации. В случае когнитивной стратегии трансграничный мнемонический архив превращается в объект познания и исторический источник, а акторы транскультурных воспоминаний оказываются способными запускать международные дискуссии относительно сильных и слабых сторон формирующегося цивилизационного сознания. Несмотря на выявленные недостатки методологии транскультурного поворота, он явно указывает на необходимость дальнейшей актуализации элементов глобального и универсального в развитии современных цивилизационных представлений и форм цивилизационной самоидентификации.

Список источников

1. *Ионов И.Н.* Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М. : Наука, 2007. 499 с.
2. *Ионов И.Н.* Идеал цивилизации, его эмоциональная окрашенность и перекрестная история // Цивилизации. Вып. 9: Цивилизация как идея и исследовательская практика / под ред. акад. А.О. Чубарьяна. М. : Наука, 2014. С. 58–84.
3. *Воробьева О.В.* История и теория цивилизаций: в поисках новых перспектив. Вместо предисловия // Цивилизации. Вып. 9: Цивилизация как идея и исследовательская практика / под ред. акад. А.О. Чубарьяна. М. : Наука, 2014. С. 58–84.
4. *Рашковский Е.Б.* На оси времен: Очерки по философии истории. М. : Прогресс-Традиция, 1999. 208 с.
5. *Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии. М. : Канон+ : РОИИ «Реабилитация», 2012. 432 с.
6. *Ионов И.Н.* Кризис исторического сознания и логико-лингвистические зигзаги цивилизационных концепций // Диалог со временем. 2010. № 33. С. 5–21.
7. *Erl A.* Travelling Memory // Parallax. 2011. № 17 (4). P. 4–18.

8. *Erll A.* Transcultural Memory // *Témoigner. Ente histoire et mémoire.* 2014. № 119. P. 178.
9. *Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales* / eds. De Cesari C., A. Rigney. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2014. 384 p.
10. *Radstone S.* What Place Is This? Transcultural Memory and the Locations of Memory Studies // *Parallax.* 2011. № 17 (4). P. 109–123.
11. *The Transcultural Turn: Interrogating Memory Between and Beyond Borders* / ed. by L. Bond, J. Rapson. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2014. 286 p.
12. *Летняков Д.Э.* Цивилизации как воображаемые сообщества. К конструктивистской критике цивилизационной теории // *Личность. Культура. Общество.* 2021. Т. XXIII, вып. 3 (№ 111). С. 57–69.
13. *Ильин В.И.* Локальная цивилизация как воображаемое сообщество // *Цивилизационное многообразие современного мира* / Й. Арнасон, Р.Г. Браславский, Ю.В. Веселов [и др.]; отв. ред. Р.Г. Браславский, А.В. Малинов ; ФНИСЦ РАН. М. ; СПб. : ФНИСЦ РАН, 2024. С. 348–367.
14. *Шемакин Я.Г.* К вопросу о методологии цивилизационных исследований // *Цивилизация.* Вып. 9: Цивилизация как идея и исследовательская практика / под ред. акад. А.О. Чубарьяна. М. : Наука, 2014. С. 27–58.
15. *Николаева И.Ю.* Концепт цивилизации и исследовательская практика // *Цивилизации.* Вып. 9: Цивилизация как идея и исследовательская практика / под ред. акад. А.О. Чубарьяна. М. : Наука, 2014. С.96–121.
16. *Хвостова К.В.* Механизм воспроизводства цивилизаций во времени (на примере Византийской цивилизации) // *Цивилизации.* Вып. 9: Цивилизация как идея и исследовательская практика. М. : Наука, 2014. С. 484–496.
17. *Померанц Г.С.* Выход из транс. М. : Юрист, 1995. 575 с.
18. *Kawada J.* Beyond Cultural Relativism and Globalism – A Proposal to Deepen Cultural Awareness through “Dialogues” // *UN University International Conference on the Dialogue of Civilizations.* Kyoto, 2001.
19. *Арнасон Й.* Цивилизационные паттерны и исторические процессы. М. : НЛО, 2021. 304 с.
20. *Козловский В.В.* Идентичность в структуре цивилизационного потенциала российского региона // *Цивилизационный потенциал российского региона: люди и перемены : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф.* Калининград, 2024. С. 15–33.
21. *Браславский Р.Г.* Введение. Социологическая программа цивилизационного анализа // *Цивилизационное многообразие современного мира* / Й. Арнасон, Р.Г. Браславский, Ю.В. Веселов [и др.]; отв. ред. Р.Г. Браславский, А.В. Малинов ; ФНИСЦ РАН. М. ; СПб. : ФНИСЦ РАН, 2024. С. 11–26.
22. *Синькевич О.Б.* Цивилизационная идентичность и цивилизационное сознание // *Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.* Сер. 1: История и археология. Философия. Политология. 2014. № 3 (183). С. 83–88.
23. *Рюзен Й.* Кризис травма и идентичность // *Цепь времен: проблемы исторического сознания.* М. : ИВИ РАН, 2005. С. 38–62.
24. *Rüsen J.* Criteria of Historical Judgement // *Historical Truth, Historical Criticism, and Ideology: Chinese Historiography and Historical Culture from a New Comparative Perspective (Leiden Series in Comparative Historiography).* Leiden : Brill, 2009. P. 133–141.
25. *Сыров В.Н.* В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования // *Вестник Томского государственного университета.* История. 2013. № 1 (21). С. 183–190.
26. *Павловский А.Ф.* В поисках глобальной памяти: куда ведет транснациональный поворот в memory studies? // *Полития.* 2023. № 2 (109). С. 166–194.
27. *Erll A.* Transculturality and the Eco-Logic of Memory // *Memory Studies Review.* 2024. P. 1–19.
28. *Ионов И.Н.* *Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание.* М. : Аквилон, 2015. 464 с.
29. *Конрад С.* Что такое глобальная история? М. : Нов. лит. обозрение, 2018. 312 с.
30. *Conrad S.* Entangled Memories: Versions of the Past in Germany and Japan, 1945–2001 // *Journal of Contemporary History.* Jan., 2003. Vol. 38, № 1, Redesigning the Past. P. 85–99
31. *Feindt G., Krawatzek F., Mehler D., Pestel F., Trimsev R.* Entangled memory: Toward a third wave in memory studies // *History and Theory.* 2014. № 53(1). P. 179–197.
32. *Ионов И.Н.* Идентификационная, коммуникативная и когнитивная составляющие цивилизационных представлений // *История и современность.* 2007. № 2. Сентябрь. С. 79–121.

33. Линченко А.А. Формы исторического забвения и фигуры умолчания в коммеморативных практиках движения Black Lives Matter: сравнительный анализ медиадискурсов в англоязычных странах // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024. № 1. С. 225–243.

34. Малахов В.С., Летняков Д.Э. Крушение гегемониальной нормальности: миграция и политика памяти в США, Великобритании и Франции // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 1. С. 60–74.

References

1. Ionov, I.N. (2007) *Tsivilizatsionnoe soznanie i istoricheskoe znanie: problemy vzaimodeystviya* [Civilizational Consciousness and Historical Knowledge: Problems of Interaction]. Moscow: Nauka.

2. Ionov, I.N. (2014) Ideal tsivilizatsii, ego emotsional'naya okrashennost' i perekrestnaya istoriya [The Ideal of Civilization, Its Emotional Coloration, and Cross-History]. In: Chubaryan, A.O. (ed.) *Tsivilizatsii. Vyp. 9: Tsivilizatsiya kak ideya i issledovatel'skaya praktika* [Civilizations. Vol. 9: Civilization as an Idea and Research Practice]. Moscow: Nauka. pp. 58–84.

3. Vorobieva, O.V. (2014) Istoriya i teoriya tsivilizatsiy: v poiskakh novykh perspektiv. Vmesto predisloviya [History and Theory of Civilizations: In Search of New Perspectives. Instead of a Foreword]. In: Chubaryan, A.O. (ed.) *Tsivilizatsii. Vyp. 9: Tsivilizatsiya kak ideya i issledovatel'skaya praktika* [Civilizations. Vol. 9: Civilization as an Idea and Research Practice]. Moscow: Nauka. pp. 58–84.

4. Rashkovskiy, E.B. (1999) *Na osi vremen: Ocherki po filosofii istorii* [On the Axis of Time: Essays on the Philosophy of History]. Moscow: Progress-Traditsiya.

5. Iggers, G. & Wang, E. (2012) *Global'naya istoriya sovremennoy istoriografii* [Global History of Modern Historiography]. Translated from English. Moscow: Kanon+, ROII Reabilitatsiya.

6. Ionov, I.N. (2010) Krizis istoricheskogo soznaniya i logiko-lingvisticheskie zigzagi tsivilizatsionnykh kontseptsiy [The Crisis of Historical Consciousness and the Logical-Linguistic Zigzags of Civilizational Concepts]. *Dialog so vremenem*. 33. pp.5–21.

7. Erll, A. (2011) Travelling Memory. *Parallax*. 17(4). pp. 4–18.

8. Erll, A. (2014) Transcultural Memory. *Témoigner. Ente histoire et mémoire*. 119. p. 178.

9. De Cesari, C. & Rigney, A. (eds) (2014) *Transnational Memory: Circulation, Articulation, Scales*. Berlin; Boston: De Gruyter.

10. Radstone, S. (2011) What Place Is This? Transcultural Memory and the Locations of Memory Studies. *Parallax*. 17(4). pp. 109–123.

11. Bond, L. & Rapson, J. (2014) *The Transcultural Turn: Interrogating Memory Between and Beyond Borders*. Berlin; Boston: De Gruyter.

12. Letnyakov, D.E. (2021) Tsivilizatsii kak voobrazhaemye soobshchestva. K konstruktivistskoy kritike tsivilizatsionnoy teorii [Civilizations as Imagined Communities: Toward a Constructivist Critique of Civilizational Theory]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. XXIII(3/№ 111). pp. 57–69.

13. Ilin, V.I. (2024) Lokal'naya tsivilizatsiya kak voobrazhaemoe soobshchestvo [Local Civilization as an Imagined Community]. In: Braslavskiy, R.G. & Malinov, A.V. (eds) *Tsivilizatsionnoe mnogoobrazie sovremennogo mira* [Civilizational Diversity of the Modern World]. Moscow; St. Petersburg: RAS. pp. 348–367.

14. Shemyakin, Ya.G. (2014) K voprosu o metodologii tsivilizatsionnykh issledovaniy [On the Methodology of Civilizational Studies]. In: Chubaryan, A.O. (ed.) *Tsivilizatsii. Vyp. 9: Tsivilizatsiya kak ideya i issledovatel'skaya praktika* [Civilizations. Vol. 9: Civilization as an Idea and Research Practice]. Moscow: Nauka. pp. 27–58.

15. Nikolaeva, I.Yu. (2014) Kontsept tsivilizatsii i issledovatel'skaya praktika [The Concept of Civilization and Research Practice]. In: Chubaryan, A.O. (ed.) *Tsivilizatsii. Vyp. 9: Tsivilizatsiya kak ideya i issledovatel'skaya praktika* [Civilizations. Vol. 9: Civilization as an Idea and Research Practice]. Moscow: Nauka. pp. 96–121.

16. Khvostova, K.V. (2014) Mekhanizm vosproizvodstva tsivilizatsiy vo vremeni (na primere Vizantiyskoy tsivilizatsii) [The Mechanism of Civilizational Reproduction Over Time (The Case of Byzantine Civilization)]. In: Chubaryan, A.O. (ed.) *Tsivilizatsii. Vyp. 9: Tsivilizatsiya kak ideya i issledovatel'skaya praktika* [Civilizations. Vol. 9: Civilization as an Idea and Research Practice]. Moscow: Nauka. pp. 484–496.

17. Pomerants, G.S. (1995) *Vykhod iz transa* [Exit from the Trance]. Moscow: Yurist.

18. Kawada, J. (2001) Beyond Cultural Relativism and Globalism – A Proposal to Deepen Cultural Awareness through “Dialogues.” *UN University International Conference on the Dialogue of Civilizations*. Kyoto.
19. Arnason, Y. (2021) *Tsivilizatsionnye patterny i istoricheskie protsessy* [Civilizational Patterns and Historical Processes]. Moscow: NLO.
20. Kozlovskiy, V.V. (2024) Identichnost' v strukture tsivilizatsionnogo potentsiala rossiyskogo regiona [Identity in the Structure of the Civilizational Potential of a Russian Region]. *Tsivilizatsionnyy potencial rossiyskogo regiona: lyudi i peremeny* [Civilizational Potential of the Russian Region: People and Changes]. Proc. of the 4th Conference. Kaliningrad. pp. 15–33.
21. Braslavskiy, R.G. (2024) Vvedenie. Sotsiologicheskaya programma tsivilizatsionnogo analiza [Introduction. The Sociological Program of Civilizational Analysis]. In: Braslavskiy, R.G. & Malinov, A.V. (eds) *Tsivilizatsionnoe mnogoobrazie sovremennogo mira* [Civilizational Diversity of the Modern World]. Moscow; St. Petersburg: RAS. pp. 11–26.
22. Sinkevich, O.B. (2014) Tsivilizatsionnaya identichnost' i tsivilizatsionnoe soznanie [Civilizational Identity and Civilizational Consciousness]. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 1: Istoriya i arkhologiya. Filosofiya. Politologiya*. 3(183). pp. 83–88.
23. Rösen, J. (2005) Krizis trauma i identichnost' [Crisis, Trauma, and Identity]. In: *Tsep' vremen: problemy istoricheskogo soznaniya* [The Chain of Times: Problems of Historical Consciousness]. Moscow: RAS. pp. 38–62.
24. Rösen, J. (2009) Criteria of Historical Judgement// His. In: Schmidt-Glintzer, H., Mittag., A. & Rösen, J. (eds) *Historical Truth, Historical Criticism, and Ideology: Chinese Historiography and Historical Culture from a New Comparative Perspective*. Leiden: Brill. pp. 133–141.
25. Syrov, V.N. (2013) V kakom istoricheskom soznanii my nuzhdaemysya: k metodologii podkhoda i praktike ispol'zovaniya [What Kind of Historical Consciousness Do We Need? On the Methodology of Approach and Practical Application]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of Philosophy*. 1(21). pp. 183–190.
26. Pavlovskiy, A.F. (2023) V poiskakh global'noy pamyati: kuda vedet transnatsional'nyy povorot v memory studies? [In Search of Global Memory: Where Does the Transnational Turn in Memory Studies Lead?]. *Politiya*. 2(109). pp.166–194.
27. Erll, A. (2024) Transculturality and the Eco-Logic of Memory. *Memory Studies Review*. 8th August. pp. 1–19.
28. Ionov, I.N. (2015) *Mirovaya istoriya v global'nyy vek: Novoe istoricheskoe soznanie* [World History in the Global Age: New Historical Consciousness]. Moscow: Akvilon.
29. Conrad, S. (2018) *Chto takoe global'naya istoriya?* [What Is Global History?]. Translated from English. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
30. Conrad, S. (2003) Entangled Memories: Versions of the Past in Germany and Japan, 1945–2001. *Journal of Contemporary History*. 38(1). pp. 85–99
31. Feindt, G., Krawatzek, F., Mehler, D., Pestel, F. & Trimsev, R. (2014) Entangled memory: Toward a third wave in memory studies. *History and Theory*. 53(1). pp. 179–197.
32. Ionov, I.N. (2007) Identifikatsionnaya, kommunikativnaya i kognitivnaya sostavlyayushchie tsivilizatsionnykh predstavleniy [The Identificational, Communicative, and Cognitive Components of Civilizational Representations]. *Istoriya i sovremennost'*. 2. pp. 79–121.
33. Linchenko, A.A. (2024) Formy istoricheskogo zabveniya i figury umolchaniya v kommemorativnykh praktikakh dvizheniya Black Lives Matter: sravnitel'nyy analiz mediadiskursov v anglo-yazychnykh stranakh [Forms of Historical Oblivion and Figures of Silence in the Commemorative Practices of the Black Lives Matter Movement: A Comparative Analysis of Media Discourses in English-Speaking Countries]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 1. pp. 225–243.
34. Malakhov, V.S. & Letnyakov, D.E. (2023) Krushenie gegemonial'noy normal'nosti: migratsiya i politika pamyati v SShA, Velikobritanii i Frantsii [The Collapse of Hegemonic Normality: Migration and Memory Politics in the USA, Great Britain, and France]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 1. pp. 60–74.

Сведения об авторе:

Линченко А.А. – кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Липецкий филиал Финуниверситета); Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва, Россия). E-mail: linchenko1@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Linchenko A.A. – Cand. Sci. (Philosophy), docent, scientific researcher, Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russian Federation); scientific researcher, State Academic University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: linchenko1@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.06.2025;
одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 07.08.2025*

*The article was submitted 15.06.2025;
approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 07.08.2025*

Научная статья

УДК 7.012

doi: 10.17223/1998863X/86/6

СТИЛЬ МИНИМАЛИЗМА КАК МЕХАНИЗМ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРЕВОГИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Антонина Николаевна Чечихина

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Российская Федерация,
Antonina_che_4@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-6414-6054>*

Аннотация. Исследуется минимализм как инструмент борьбы с тревогой в условиях информационной перегрузки и постмодерна (Ж. Бодрийяр, Ж. Лиотар). Критикуя избыточность знаков, иллюзорность симулякров, минимализм предлагает упрощение восприятия, универсальные интерфейсы и синтез формы с содержанием, снижая тревогу через экономию, простоту и ясность в цифровом обществе.

Ключевые слова: тревога, постмодерн, информационное общество, дизайн, минимализм, функционализм

Для цитирования: Чечихина А.Н. Стиль минимализма как механизм преодоления тревоги современного человека // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 67–74. doi: 10.17223/1998863X/86/6

Original article

MINIMALISM AS A MECHANISM FOR OVERCOMING ANXIETY IN A MODERN PERSON

Antonina N.Chechikhina

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
Antonina_che_4@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-6414-6054>*

Abstract. This article analyzes minimalism as a mechanism for overcoming anxiety experienced by modern people, stemming from conditions of information overload and the specificities of postmodern society. The relevance of the study is grounded in the pervasive influence of design, the processes of digitalization and computerization leading to information supersaturation, as well as the universal nature of anxiety as a fundamental experience of human freedom. The aim of the article is to substantiate the hypothesis that minimalism emerges as a style deliberately designed to reduce anxiety caused by the excess of signs and information, and the limitation of communicative possibilities in the contemporary world. The methodological foundation is a philosophical analysis of the key characteristics of postmodernity and the information society. Postmodernity is characterized by the constant recourse to the past, the hyperproduction of signs, the dominance of illusory simulacra, the erasure of boundaries between high and low art, and the assertion of interpretative plurality. Collectively, these factors create communicative crises and intensify existential anxiety. The information society, based on network structures and global data exchange, faces contradictions between globalization and identity, manipulative practices, a crisis of trust in information, diminished information security, and critical levels of information overload that hinder data perception and processing. Within this article, minimalism is examined as a response to the challenges of the modern world. In the postmodern context, it acts as a critic of the excess of forms, signs, and objects, of

respectability and kitsch. Minimalism rejects the deconstruction and eclectic mixing of ideas characteristic of postmodernity, proposing instead the creation of simple, “elementary” objects and structures devoid of excessive emotionality. Being tautological, these objects rupture the symbolic space of simulacra, exposing their illusory nature and the absurdity of the consumer race. Minimalism focuses on unique concepts that satisfy the individual’s need for authentic communication, spiritual development, and cultural identity, while limiting interpretative freedom to achieve clarity. Within the context of the information society, minimalist design performs crucial anxiety-reducing functions. It provides rapid and straightforward access to key information by eliminating superfluous details and concentrating on the essence, addressing users’ need for simplicity and perceptual efficiency amidst information flow. The universality and adaptability of minimalist interfaces align with the demands of diverse user needs and the effective use of mobile and digital technologies. Minimalism fosters reflexivity, aiding in information organization and focus on the significant, thereby reducing cognitive load. Thus, the philosophical foundations of minimalism as an anxiety-overcoming mechanism are: response to sign excess through universality and limitation of interpretations; exposure of the illusory nature of simulacra via formal simplicity; proposal of unique concepts instead of mixing ideas; concentration on the essence of information; simplicity of presentation; functionality and adaptability. It is demonstrated that minimalism serves as an effective tool for overcoming anxiety generated by the semiotic excess of postmodernity and the informational supersaturation of digital society. Its principles – simplicity, economy, synthesis of form and content – create refuge, offering calming clarity and focus. This has practical significance for optimizing user interface design and communication in the contemporary world.

Keywords: anxiety, postmodern, information society, design, minimalism, functionalism

For citation: Chechikhina, A.N. (2025) Minimalism as a mechanism for overcoming anxiety in a modern person. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 67–74. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/6

Введение

Актуальность данного исследования объясняется несколькими факторами. Во-первых, сам интерес к дизайну как объекту научного исследования связан с тем, что зачастую субъект обращает своё внимание именно на визуализацию, таким образом, с самого начала попадает в определенную культурную среду и окружен продуктами дизайна, в котором преобладают знаковые системы как средства коммуникации. Во-вторых, актуальность тесно связана с быстро меняющимся миром и его феноменами, с цифровизацией и компьютеризацией, так как именно в контексте информационного общества дизайн приобретает новые смыслы. И, в-третьих, дизайн как феномен проникает во все сферы человеческой жизни и является междисциплинарным феноменом, который приобретает универсальный мировоззренческий характер, что, в свою очередь, делает его одним из значимых свидетельств истории развития духа человечества. Также актуальность исследования связана тем, что вышеупомянутые факторы приводят к информационной перегрузке, и это становится одной из причин тревоги человека в современном мире. Говоря о тревоге, можно предположить, что она является не просто чувством некоторого беспокойства, а фундаментальным переживанием, которое связано с человеческой свободой [1]. Наше предположение состоит в том, что минимализм способен стать механизмом преодоления этого негативного влияния переизбытка информации на современного человека.

Термин «минимализм» имеет богатую историю. Музыкант Стив Райх приписал критику Майклу Найману изобретение этого термина и его приме-

нение в музыке в 1970-х гг.; его коллега Филип Гласс принял Тома Джонсона за создателя этого термина. Однако искусствовед Барбара Роуз уже применила термин «минимализм» (вместе с собственной концепцией «ABC-art») к музыке Янга и хореографии Театра танца Джадсона осенью 1965 г. Единственное, что мы можем утверждать в данном случае, что термин «минимализм» привлек внимание общественности в 1960-е гг. и постепенно вытеснил другие конкурирующие ярлыки [2].

Цель данной статьи заключается в проверке гипотезы о том, что минимализм является стилем, возникающим как механизм преодоления тревоги, связанной с тем, что современный человек перегружен информацией, но она же выступает наивысшей ценностью для него

Для того чтобы продемонстрировать связь между тревогой современного человека и минимализмом, мы рассмотрим постмодерн и информационное общество, так как в рамках данных концепций возможно определить, чем является минимализм. Для начала рассмотрим постмодерн более детально, ограничив использование данного понятия до рамок философии. В данной работе, с опорой на идеи Ж. Бодрийера и Ж. Лиотара, мы постараемся реконструировать это понятие, чтобы проанализировать роль минимализма в постмодерне.

Первой характеристикой, которая упоминается и в работах Ж. Бодрийера, и Ж. Лиотара, является постоянное обращение к прошлому. Свою работу Ж. Бодрийер начинает с анализа искусства, которое, по его мнению, постепенно избавляется от самого себя [3]. Подобную характеристику постмодерна можно встретить и в работе Ж. Лиотара, однако под обращением к прошлому он уже понимает не только меланхолию, но и создание нового как совокупности различных частей [4]. Следующей чертой постмодерна можно назвать иллюзорность, которая выражается в виртуальности, т.е. смысл как таковой, как и истина, теряется в мире симулякров [3]; также иллюзия может быть соединена с террором, так как в постмодерне происходит не просто обращение к реальности, но создаются аллюзии на то, что выходит за рамки реальности [4]. Значимой чертой постмодерна выступает стирание границ между эстетическими оппозициями, больше не существует высокого или низкого искусства. Философ пишет: «Это буквально образы, которые не оставляют следов. Они, собственно говоря, не имеют эстетических последствий» [3]. Можно сказать, что образы, которые по большей части иллюзорны, могут быть наполнены сложным содержанием, а могут и не быть наполнены вообще. При создании своего произведения художник не ограничивается четкими и обязательными правилами, что, в свою очередь, приводит к тому, что произведение становится событием [4]. То есть проявляется такая черта постмодерна, как утверждение многообразия интерпретаций и перспектив.

Таким образом, особенности постмодерна, представленные в работах Ж. Лиотара и Ж. Бодрийера, включают в себя постоянное возвращение, сомнение в универсальных истинах и ценностях, многообразии интерпретаций. Работы философов также обращают внимание на мощное влияние масс-медиа и технологий на современное общество, создавая новые формы коммуникации и взаимодействия. Таким образом, если взглянуть на основные принципы и следствия классической европейской метафизики, то можно предположить, что постмодерн является единственно возможным условием продуктивной философской работы в современном обществе [5].

В постмодернистском обществе, где ценности и стандарты подвергаются сомнению, минималистский дизайн предлагает альтернативное видение. Минимализм как направление в философии и искусстве выступает в качестве реакции на «изобилие форм, знаков и вещей, на буржуазную респектабельность, китч и перенасыщенность жизненного пространства» [6]. То есть минимализм в данном контексте является реакцией на перенасыщенность и перегруженность современного общества формами, знаками и предметами, навязываемыми в пространстве нашей жизни.

Минимализм поднимает вопрос о негативных последствиях массового производства товаров, однообразной городской среды и повседневной рутины, которая вызывает у людей чувство скуки и пустоты в жизни ради мелких удовольствий и потребительских благ [6]. Простые, тавтологичные объекты минимализма, являясь прорывом символического пространства, дают понимание иллюзорности погони человека за своего рода симулякрами.

Минималисты критикуют постмодерн, который создает коммуникативный кризис, так как представляет картину мира субъективной. Постмодерн ограничивается только смешением уже существующих идей для восстановления целостной картины мира, он ограничивает возможности коммуникации и удовлетворения потребностей личности, и поэтому предлагает новые подходы и идеи для общения и самовыражения. В свою очередь, минимализм предлагает собственные идеи, которые касаются коммуникативных возможностей личности в условиях массового общения, удовлетворения духовных запросов и культурных потребностей [7]. Минимализм делает акцент на элементарности такого искусства, которую можно одновременно понимать как конструктивность, как простоту, как принципиальную изначальность [8].

Также перед минималистами не стоит цель быть творцами, вдохновленными идеями деконструкции постмодерна или переосмыслить достижения европейского авангарда, так как их интерес сконцентрирован на формировании таких произведений, которые воздействовали бы как на неподготовленного слушателя, так и на профессионала [7]. Например, минималисты выражали идею нового произведения как «особенный объект», под которым представлялась конструкция с отсутствием эмоционального выражения и свободой от изжившей себя европейской культуры. Это позволяет им создавать произведения, которые ощущаются как подлинные исходные источники, а не интерпретируемые.

В минимализме отсутствуют строгие ограничения по структуре или количеству выбираемых для синтеза компонентов, и их сочетание является гибким, однако, несмотря на это, минимализм не допускает случайного соединения значения со структурой [7].

Таким образом, минимализм критикует постмодерн за избыточное количество знаков, иллюзорность симулякров, ограничение коммуникации. Данные характеристики постмодерна можно обозначить и как факторы, вызывающие тревогу у человека, так как тревога является не просто индивидуальной проблемой, а охватывает всё общество [1].

Далее перейдем к подробному рассмотрению информационного общества. Понятие информационного общества тесно связано с процессом глобализации, результатом которой является обмен информацией со всем миром. Основным противоречием формирующегося информационного общества яв-

ляется противоречие между глобализацией мира и идентичностью конкретного сообщества [9].

Одним из первых исследователей информационного общества выступал Э. Тоффлер. Исследователь подчеркивает переход от экономики, основанной на производстве материальных товаров, к экономике, где ключевым ресурсом выступает информация [10]. Это включает развитие информационных технологий, цифровых процессов и услуг, а также переориентацию экономики на знания и информацию.

Именно в информационном обществе происходит массовое распространение и знаний, и информации, что в свою очередь влияет на структуру и культуру общества. Можно предположить, что сетевые структуры являются одновременно и средством, и результатом глобализации общества. В связи с возросшей сетевой связанностью и количеством информации пользователи могут ценить простоту и эффективность восприятия информации [11]. Также особое место в информационном обществе уделяется языку. Можно сказать, что произошли изменения в технологической способности человека обрабатывать и понимать символы. Постепенно происходит трансформация знаковых единиц в абстракцию визуального выражения. В информационном обществе люди имеют доступ к обилию информации и разнообразному контенту. А. Гидденс отмечает важность рефлексивности в рамках информационного общества: «Ибо рефлексивное саморегулирование – как отличительная черта коллективов – зависит от упорядочения информации, управляемой таким образом, чтобы воздействовать на условия социального воспроизводства» [12]. Можно предположить, что в данном контексте автор под рефлексивностью понимает постоянный пересмотр социальной реальности в свете новой информации или знания.

Однако в наши дни происходит пересмотр указанных выше характеристик информационного общества. Развитие информационных технологий привело к «манипулятивным практикам» [13], которые развиваются в современном мире быстрее, чем практики критического осмысления получаемой информации. В последние несколько лет происходит снижения «уровня персональной информационной защищенности при включении в систему цифровизированного информационного общества» [14]. Человек сегодня находится в состоянии перенасыщения информацией, которую он не только не в состоянии переработать, но и не в состоянии грамотно воспринимать, в современности остро встает вопрос об информационной грамотности. Помимо упрощения происходит «острейший кризис доверия к информации» [14], т.е. люди теряют веру в достоверность и объективность передаваемой информации, что является серьезной проблемой для современного общества, так как на доверии к информации строятся принятия решений как в личной, так и в общественной жизни.

Для информационного общества, как было сказано ранее, характерна повсеместная доступность информации, в данном случае минималистичный дизайн может помочь обеспечить быстрый и простой доступ к ключевым сведениям, уменьшая необходимость в излишних деталях и сконцентрировавшись на сути. Также в связи с развитием сетевой связанности и количеством информации пользователи могут ценить простоту и эффективность восприятия информации. Минималистичный дизайн помогает сделать ин-

формацию более доступной и легкой для понимания в условиях быстротечной связанности. В информационном обществе требуется адаптивный и функциональный дизайн, который соответствует разнообразным потребностям пользователей и позволяет эффективно использовать мобильные устройства и цифровые технологии.

Таким образом, можно выделить следующие философские основания минимализма, рассматривая его как реакцию на тревогу современного человека: минимализм как ответ на избыточное количество знаков посредством конструирования универсальных произведений, ограничения свободы интерпретаций; простые предметы минимализма вскрывают иллюзорность симулякров; не смешивает идеи, а предлагает уникальные концепции для удовлетворения потребности личности; позволяет концентрироваться на сути в потоке информации; простота подачи информации; функциональность и адаптивность. Можно сказать, что минимализм в искусстве и дизайне основывается на стремлении к упрощению, устранению излишества как способу справиться с тревогой и передаче глубокого смысла через минимум выражения, предлагая успокаивающую ясность и фокусироваться на мире, полном тревог и отвлекающих факторов.

Минимализм в дизайне способствует созданию универсального и адаптивного пользовательского интерфейса. Таким образом, минимализм в дизайне способствует улучшению пользовательского опыта в информационном обществе, облегчая ориентацию в обилии информации и повышая эффективность восприятия и использования цифровых ресурсов. В современном мире, когда информационный поток становится все более быстрым и объемным, минимализм в дизайне помогает людям сосредоточиться на самой важной информации, не отвлекаясь на лишние детали.

Минимализм важен для человека в сложившемся контексте информационного общества и постмодерна, поскольку он призывает к простоте, экономии и объединению формы и содержания, критикуя избыточность и излишество.

Заключение

Критика постмодерна со стороны минимализма представляется следующим образом. Минимализм возникает в ответ на перенасыщенность формами, знаками и предметами, которая характерна для современного общества. Минималисты стремятся создавать произведения, не вдохновленные идеями деконструкции постмодерна, а ориентированные на воздействие на аудиторию независимо от ее опыта, сосредоточенные на конструкции и лишённые эмоций, что помогает освободиться от иллюзорного пространства. Простые объекты минимализма проникают сквозь символическое пространство, указывая на иллюзорность стремления к симулякрам. Постмодернизм ограничивает коммуникацию и самовыражение за счет смешения существующих идей для восстановления целостности, в то время как минимализм предлагает уникальные концепции, удовлетворяющие потребности личности в коммуникации, духовном развитии и культурных аспектах. На основании этого сделан вывод, что минимализм выступает в качестве убежища для современного человека.

В контексте информационного общества минимализм обеспечивает быстрый и простой доступ к ключевым сведениям, уменьшая необходимость

в излишних деталях и сконцентрировавшись на сути. Также в связи с развитием сетевой связанности и количеством информации пользователи могут ценить простоту и эффективность восприятия информации. Минималистичный дизайн помогает сделать информацию более доступной и легкой для понимания в условиях быстротечной связанности. В информационном обществе требуется адаптивный и функциональный дизайн, который соответствует разнообразным потребностям пользователей и позволяет эффективно использовать мобильные устройства и цифровые технологии. Минимализм в дизайне способствует созданию универсального и адаптивного пользовательского интерфейса.

Можно выделить следующие философские основания минимализма: минимализм как ответ на избыточное количество знаков посредством конструирования универсальных произведений, ограничения свободы интерпретаций; простые предметы минимализма вскрывают иллюзорность симулякров; не смешивает идеи, а предлагает уникальные концепции для удовлетворения потребности личности; позволяет концентрироваться на сути в потоке информации; простота подачи информации; функциональность и адаптивность

Таким образом, можно сделать вывод о том, что минимализм – это механизм преодоления тревоги, вызванной избыточностью и излишеством знаков, информации, ограничением свободы интерпретаций, иллюзорностью симулякров. Минимализм важен для современного человека в сложившемся контексте информационного общества и постмодерна, поскольку призывает к простоте, экономии и объединению формы и содержания, что помогает человеку справиться с тревогой.

Список источников

1. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М. : АСТ, 2006. 571 с.
2. Obendorf H. Minimalism: Designing Simplicity. Dordrecht: Springer, 2009. 352 p. doi: 10.1007/978-1-84882-371-6
3. Бодрийяр Ж. Эстетика иллюзий и эстетика утраты иллюзий // Gtmarket : [сайт]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3090> (дата обращения: 12.11.2023).
4. Лиотар Ж. Постмодерн в изложении для детей. М. : РГГУ, 2008. 106 с.
5. Сыров В.Н. Философия эпохи постмодерна: всерьёз и надолго? // Философская и правовая мысль. 2001. № 2. С. 188–203.
6. Пигулевский О.В. Функционализм и минимализм в современной культуре : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2008. 23 с.
7. Бакуменко М.Н. Документальный видеомузыкальный театр Стива Райха в контексте коммуникативных поисков минимализма : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2012. 24 с.
8. Андреева Е.Ю. Постмодернизм: искусство второй половины XX - начала XXI века. СПб. : Азбука-классика, 2007. 488с.
9. Лукина Н.П. Информационное общество: состояние и перспективы социально-философского исследования // Открытое и дистанционное образование. 2003. № 1. С. 2–12.
10. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 1999. 784 с.
11. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
12. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М. : Академический Проект, 2005. 528 с.
13. Тузовский И.Д. Утопия XXI: глобальный проект «информационное общество». Челябинск : ЧГИК, 2021. 426 с.
14. Евстафьев Д.Г. Кризис современного информационного общества как отражение кризиса глобального мира // Свободная мысль. 2021. № 1 (1685). С. 163–176.

References

1. Fromm, E. (2006) *Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya* [Escape from Freedom. A Man for Himself]. Moscow: AST.
2. Obendorf, H. (2009) *Minimalism: Designing Simplicity*. Dordrecht: Springer. DOI: 10.1007/978-1-84882-371-6
3. Baudrillard, J. (2005) *Estetika illyuziy i estetika utraty illyuziy* [Aesthetics of Illusions and Aesthetics of Lost Illusions]. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/library/articles/3090> (Accessed: 12th November 2023).
4. Lyotard, J. (2008) *Postmodern v izlozhenii dlya detey* [The Postmodern Explained to Children]. Translated from French. Moscow: RSUH.
5. Syrov, V.N. (2001) *Filosofiya epokhi postmoderna: vser'ez i nadolgo?* [The philosophy of the postmodern era: seriously and for a long time?]. *Filosofskaya i pravovaya mysl'*. 2. pp. 188–203.
6. Pigulevsky, O.V. (2008) *Funktionalizm i minimalizm v sovremennoy kul'ture* [Functionalism and minimalism in contemporary culture]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Rostov on Don.
7. Bakumenko, M.N. (2012) *Dokumental'nyy videomuzikal'nyy teatr Stiva Raykha v kontekste kommunikativnykh poiskov minimalizma* [Steve Reich's documentary video musical theater in the context of the communicative search for minimalism]. Abstract of Art History Cand. Diss. Novosibirsk.
8. Andreeva, E.Yu. (2007) *Postmodernizm: Iskusstvo vtoroy poloviny XX – nachala XIX veka* [Postmodernism: The Art of the Second Half of the 20th – Early 21st Century]. St. Petersburg. Azbuka-klassika.
9. Lukina, N.P. (2003) *Informatsionnoe obshchestvo: sostoyanie i perspektivy sotsial'no-filosofskogo issledovaniya* [Information Society: The state and prospects of socio-philosophical research]. *Otkrytoe i distantsionnoe obrazovanie*. 1. pp. 2–12.
10. Toffler, A. (1999) *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Translated from English. Moscow: AST.
11. Castels M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economics, Society and Culture]. Translated from Spanish. Moscow: HSE.
12. Giddens, A. (2005) *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Organization of Society: An Essay on the Theory of Structuration]. Translated from English. Moscow: Akademicheskii Proekt.
13. Tuzovsky, I.D. (2021) *Utopiya XXI: global'nyy proekt "informatsionnoe obshchestvo"* [Utopia XXI: The Global Project "Information Society"]. Chelyabinsk: ChGIK.
14. Evstafiev, D.G. (2021) *Krizis sovremennogo informatsionnogo obshchestva kak otrazhenie krizisa global'nogo mira* [The crisis of the contemporary information society as a reflection of the global crisis]. *Svobodnaya mysl'*. 1(1685). pp. 163–176.

Сведения об авторе:

Чечихина А.Н. – специалист учебно-научной лаборатории непрерывного образования ЦТИС, ассистент кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Antonina_che_4@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-6414-6054>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Chchikhina A.N. – specialist of the Educational and Scientific Laboratory of Continuous Education of the Center for Theoretical and Applied Sciences, teaching assistant at the Department of History of Philosophy and Logic, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Antonina_che_4@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-6414-6054>

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.06.2025;
одобрена после рецензирования 15.07.2025; принята к публикации 07.08.2025
The article was submitted 01.06.2025;
approved after reviewing 15.07.2025; accepted for publication 07.08.2025*

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.4, 37.08
doi: 10.17223/1998863X/86/7

ЗАРОЖДЕНИЕ НИЗОВЫХ ИННОВАЦИЙ В ШКОЛЕ: КАК ИХ ИНИЦИИРУЮТ И ПОДДЕРЖИВАЮТ СОТРУДНИКИ РОССИЙСКИХ ШКОЛ

Анастасия Александровна Андреева¹,
Максим Юрьевич Гурин², Дарья Игоревна Мирошникова³,
Мария Дмитриевна Короткова⁴

^{1,2,3,4} *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*
¹ *aaandreeva@hse.ru*
² *mgurin@hse.ru*
³ *dimiroshnikova@edu.hse.ru*
⁴ *korotkova_2013@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается вклад учителей, заместителей директоров и директоров в зарождение низовых инноваций в школах через призму концепта «роли». На основе кодирования интервью (N = 88) раскрыты роли: инициатор, консультант, мотиватор, коммуникатор с партнерами. Продемонстрировано, что позиция в организационной иерархии определяет форматы осуществления роли.

Ключевые слова: школьные инновации, инновационный климат, директор школы, заместитель директора, учитель

Благодарности: публикация подготовлена в результате проведения исследования (№ 23-00-024 «Дружелюбная образовательная среда: на перекрестке интересов школы и города») в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)».

Для цитирования: Андреева А.А., Гурин М.Ю., Мирошникова Д.И., Короткова М.Д. Зарождение низовых инноваций в школе: как их инициируют и поддерживают сотрудники российских школ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 75–91. doi: 10.17223/1998863X/86/7

SOCIOLOGY

Original article

EMERGENCE OF GRASSROOTS INNOVATIONS IN SCHOOLS THROUGH THE PRISM OF THE ROLE APPROACH: HOW RUSSIAN SCHOOL STAFF INITIATE AND SUPPORT INNOVATIONS

Anastasia A. Andreeva¹, Maksim Yu. Gurin², Daria I. Miroshnikova³,
Maria D. Korotkova⁴

^{1, 2, 3, 4} National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

¹ aaandreeva@hse.ru

² mgurin@hse.ru

³ dimiroshnikova@edu.hse.ru

⁴ korotkova_2013@mail.ru

Abstract. Grassroots innovations are vital for school development. This article defines them as fundamentally new practices and approaches proposed by school staff, as well as those that are unique to a particular environment. The literature described fragmentarily the contribution of principals, their deputies, and teachers to the emergence of grassroots innovations. We conceptualize the contribution of each category of staff through the prism of the “role” concept, which allows us to capture the set of actions for the emergence of school innovations, find out what “forks” exist in their implementations, as well as how these roles are distributed within school teams. Thematic analysis was used to analyze semi-structured interviews with school administrators and teachers (N = 88) from millionaire city, big city, medium-sized cities and urban-type settlement. The codes of the first level disclosed the role of an employee, the codes of the second level the specifics of the role implementation. The following roles were revealed: initiator, and supporter, who is represented by three roles (consultant, motivator, communicator with partners). Position in the organizational hierarchy determines the formats in which roles are performed rather than which roles an employee is involved in. Deputies “migrate” between teacher and managerial positions. The results of the study indicate the team nature of the emergence of grassroots innovations in schools. Identifying and revealing the roles of school staff in the innovation process allows us to contribute to the scientific understanding of the innovation process in educational organizations. From an applied perspective, it is necessary for role-appropriate input to be endorsed and prized, and for missing roles to be added. For future research, we propose to examine frequencies of different combinations of roles, organizational conditions for the emergence of these combinations, and their relationship to different indicators of innovation process performance. Moreover, we propose to study activities of the deputy separately, independently from the principal or the teacher.

Keywords: role approach, teacher, principal, deputy principal, school innovations, innovation climate, external partners

Acknowledgments: The publication was prepared as a result of a study (No. 23-00-024 “Friendly educational environment: at the crossroads of the interests of the school and the city”) within the framework of the Program “Scientific Foundation of the National Research University Higher School of Economics (HSE)”.

For citation: Andreeva, A.A., Gurin, M.Yu., Miroshnikova, D.I. & Korotkova, M.D. (2025) Emergence of grassroots innovations in schools through the prism of the role approach: how russian school staff initiate and support innovations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 75–91. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/7

Введение

Отвечая на вызовы стремительных изменений в социально-экономической и технологической сферах [1] и соответствующих им трансформаций социальных запросов [2], школы вынуждены быть гибкими и постоянно развиваться, внедряя инновации в свою деятельность, понимая под инновациями как радикально новые методы и приемы, так и те, которые обладают новизной только в локальном контексте [3], т.е. инновация для одной школы может быть повседневной практикой для другой [4]. Исследователи подчеркивают их значение как для улучшения образовательных результатов [5–7], так и для удовлетворенности и благополучия учащихся [8, 9]. Для развития школ важны не только инновации «сверху» в формате реформ и указаний, идущих от органов власти, но и инновации «снизу» (низовые инновации), которые появляются на уровне конкретной школы по инициативе ее сотрудников [10, 11]. Низовые инновации в большей степени ориентированы на локальные потребности и контекст [12, 13], в меньшей степени ограничены институциональными рамками, поэтому быстрее реагируют на возникающие запросы и возможности, что позволяет внедрять в систему более свежие и креативные решения существующих проблем [14]. Для зарождения инноваций в школах важен инновационный климат – среда, в которой сотрудники школы не боятся предлагать идеи для новых образовательных практик и проектов и получают поддержку в их реализации [15–19].

Федеральные¹, региональные², муниципальные³ нормативные акты, регулирующие работу школ, постулируют важность инновационной деятельности, но не регламентируют механизмы ее реализации и функционал разных типов акторов, которые и на локальном уровне закреплены в единичных случаях⁴.

Предшествующие исследования относительно редко и фрагментарно освещают проблематику распределения ролей в зарождении и продвижении низовых образовательных инноваций [20, 21]. Однако вслед за классической работой Р. Тернера [22] мы утверждаем эвристичность ролевого подхода, позволяющего уловить совокупность действий (функций), их распределение внутри коллектива, а также спектр форматов, в рамках которых они могут реализовываться.

Классификации ролей в инновационном процессе концентрируются на технологических [23, 24], рыночных [25–27] или потребительских инновациях [28]. В нашей статье мы используем индуктивный подход к экспликации ролей, а не переносим существующие классификации в образовательную среду, поскольку система образования, являясь одной из наиболее консервативных сфер, требует от участников больших усилий для реализации инноваций. В отличие от высокотехнологичных организаций, где инновационные

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/a9a28ae49b86df0327132598d1e9b42bffa4ab6/ (дата обращения: 16.04.2024).

² Закон Пермского края от 12 марта 2014 г. № 308-ПК «Об образовании в Пермском крае». URL: <https://base.garant.ru/16185038/> (дата обращения: 16.04.2024).

³ Положение об Управлении образования администрации Чайковского городского округа. URL: <https://uprobr.my1.ru/index/0-108> (дата обращения: 16.04.2024).

⁴ Инновационные школы // Департамент образования администрации города Перми. URL: <https://permedu.ru/innovacionnye-shkoly/> (дата обращения: 16.04.2024).

проекты имеют первостепенное значение, в школах не всегда выделяются отдельные ресурсы для подобных проектов [29–31].

Как правило, директора российских школ уделяют значительную часть своего времени на выстраивание образовательного процесса [32, 33], треть времени посвящают административно-хозяйственной деятельности [34]. В исследованиях школьных инноваций подчеркивается важность деятельности директора для зарождения низовых инноваций: некоторые директора выделяют ресурсы на изменения в школе только при необходимости реализовать поручения «сверху», стремясь сохранить статус-кво школы; другие руководители, будучи заинтересованными в развитии школы, прикладывают усилия для нововведений «изнутри» [15–19, 35]. Сфера ответственности директора – создание и развитие инновационного климата, чему способствует нацеленность директора на изменения, сотрудничество с внешними акторами и готовность к работе с идеями своих подчиненных [15–19].

Учитель больше, чем директор и его заместитель, взаимодействует с учениками в рамках урочной и внеурочной деятельности [36]. В связи с этим предыдущие исследования рассматривают учителя как основного участника инновационного процесса, который выступает автором новых проектов и реализует их в своей работе [19, 37, 38]. При этом учителя могут как предлагать собственные решения, так и адаптировать готовые под личную практику и запросы [39, 40]. Кроме того, взаимодействуя с коллегами, инновационные учителя могут подталкивать их тоже внедрять инновации [41].

Исследователи отмечают недостаток знаний о функциях заместителя директора в целом [42], используя метафоры «туманная позиция» [43], «забытые лидеры» [44]. Заместителя директора обычно объединяют или с директором [45], определяя зоны его ответственности через концепты «лидерство» [46], «лидерские компетенции» [47], или с учителем, отождествляя эти две должности и присваивая заместителю функции, связанные с разработкой и проведением уроков [15, 19, 37], или называя заместителя «главным учителем», что не позволяет оценить вклад в инновационный процесс, вносимый непосредственно представителями этой категории. Участие заместителей директора в инновационном процессе практически не описано, но можно найти публикации в формате разбора кейсов отдельных школ, в которых упоминаются функции заместителей [48].

Таким образом, предыдущие исследования затрагивали вклад разных участников образовательного процесса, но описывали его, не делая акцент на распределения ролей или фокусируясь только на одном из акторов. Обобщая, можно предположить, что учителя, скорее, выполняют функцию создания инноваций в том климате, который сформировала администрация школ и при ее последующей ресурсной поддержке. Вместе с тем, отдельные исследования демонстрируют, что граница между функциями администрации школы и учителей становится менее явной. Продолжая исследование в данном направлении, мы ставим следующие вопросы: какие роли сотрудников школ можно выделить в зарождении низовых инноваций? Каким образом роли реализуют учителя, заместители директора и директора школ? Выделяется ли определенная специфика в исполнении ролей у заместителей директора?

Представляя исследование, ориентированное на дифференцированное понимание вкладов в инновационное развитие школ акторов образовательно-

го процесса, сначала выделим и опишем роли как совокупность функций в процессе зарождения низовых инноваций в школе, а затем продемонстрируем, как эти роли исполняют директора, заместители директоров и учителя школ российских регионов.

Методология и данные

Эмпирические материалы были собраны весной 2022 г. в Пермском крае. Выбор региона обусловлен сочетанием средних экономических показателей¹ и высокого качества образования². Для обеспечения разнообразия выборки были взяты 8 населенных пунктов с разными социально-экономическими характеристиками, включая город-миллионник, большой город, средние города, малый город³ и поселок городского типа. Для поиска информантов использовался метод «снежного кома» [49, 50]. Точками входа в поле были публичная информация об инновационных школьных проектах в интернете; запросы представителям пермских университетов, муниципальных органов управления образованием и администрацией самих школ.

Было проведено 88 интервью с сотрудниками школы, включая учителей разных предметов (N = 55), заместителей директоров (N = 23) и директоров (N = 10). Исследование проводилось в 29 государственных школах, среди которых примерно одинаковую долю составляют общеобразовательные школы (N = 16) и школы с особым статусом (N = 13)⁴.

В качестве метода сбора данных было выбрано полуструктурированное интервью. Гайд интервью содержал вопросы об интересе к инновациям, опыт реализации новых для школы проектов, взаимодействие и обмен опытом с коллегами. Для выделения низовых инноваций использовалось три индикатора: 1) упоминание новизны для конкретного сотрудника или школы; 2) наличие значимого улучшения согласно оценке самого информанта; 3) возникновение по инициативе сотрудника или группы сотрудников⁵. Такое понимание инноваций пояснялось в начале интервью информанту и проверялось на этапе анализа, в случае отклонения практики от индикаторов (например, обсуждения опыта реализации федеральных проектов) интервью были исключены из анализа. При этом нас интересует не сам предмет инновации, а процессы, которые выстраивались или не выстраивались при их возникнове-

¹ Пермский край в цифрах. 2022: Краткий статистический сборник // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю. 2022. URL: <https://goo.su/kEikdw> (дата обращения: 16.04.2024).

² Сильные педагоги и умные дети. Пермский край вошел в топ-10 регионов по качеству образования // 59.ru. 2021. 12 марта. URL: <https://goo.su/ftU1cc3> (дата обращения: 16.04.2024); Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Пермского края «Образование и молодежная политика» за 2020 год // Министерство образования и науки Пермского края. 2021. 13 апреля. URL: <https://minobr.permkrai.ru/dokumenty/71273/> (дата обращения: 16.04.2024).

³ Для разделения городов использована классификация, представленная в СП 42.13330.2016 Градостроительство, в основе которой лежит численность населения. Согласно классификации, большой город – город с численностью населения от 100 до 250 тыс. человек, средний – от 50 до 100 тыс. человек, малый – до 50 тыс. человек. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456054209> (дата обращения: 28.01.2025).

⁴ К школам с особым статусом мы относим общеобразовательные школы с углубленным изучением отдельных предметов, гимназии, лицеи, школы, в которых реализуется программа НОЦ (приоритетный краевой проект «Новые образовательные центры»).

⁵ На основе представленного выше определения инноваций [3].

нии и внедрении, что в свою очередь позволяет разобрать вклад разных акторов (роли).

Для анализа интервью использовался тематический анализ [51]¹. На первом этапе интервью кодировались по темам, разработанным нами на основе систематизации предыдущих исследований²: «инициатор», «консультант», «мотиватор», «коммуникатор с партнерами». На втором этапе к кодам первого уровня добавлялись подкатегории, отражающие нюансы выполнения роли и ее исполнителя. *Полученные результаты: роли сотрудников школ в зарождении низовых инноваций.*

Инициирование проекта.

Путь зарождения инновационного проекта начинается с действий одного из сотрудников, который его как «придумал» или «нашел», так и «предложил»³. В связи с этим мы выделяем роль «инициатора» и относим к ней сотрудника, который предложил как радикально новые решения, так и практики или проекты, уже существующие за рамками данной школы. В обоих случаях информантами подчеркивается важность вклада инициатора из-за невозможности полного копирования и необходимости серьезной переработки идеи под локальные условия. При этом его функция несколько шире, чем придумка идеи. Интерес и энергия инициатора работает как стартовый механизм (триггер), запускающий необходимые для появления новой практики в школе процессы: обсуждение идей, поиск ресурсов и т.д.

Интервью демонстрируют, что идеи части проектов возникли из существующих у отдельного сотрудника или школы возможностей. Инициаторы могут быть вдохновлены полученными в ходе обучения знаниями и опытом, которые дают представление о потенциально полезных, но ранее не реализованных в школах практиках. Кроме того, информанты связывали возникновение идеи проекта с новыми материально-техническими ресурсами в школе (например, оборудование для создания учебных материалов, профессиональные приборы, компьютеры). Альтернативная ситуация – когда инициаторы пришли к идее в ответ на необходимость решения существующей проблемы:

«Газету я понимаю, почему создала. Потому что сочинения на выпуске нужны – девятый, одиннадцатый классы ОГЭ, ЕГЭ сдают. Дети пишут не очень хорошо. Творческая деятельность дает возможность руку набить» (учитель, общеобразовательная школа, средний город).

Инициирование проекта может быть как индивидуальным, так и командным процессом. Во втором случае к «раскручиванию» идеи подключается несколько сотрудников школы: один предлагает саму идею проекта, другие облачают эту идею в формат проекта, например в рамках написания грантовой заявки, или придумывают содержательное наполнение для этого проекта.

«Есть заместитель, который пишет классные тексты грантовых заявок. И мы все подключаемся по разным направлениям, то есть я могу какую-то часть на себя взять» (директор, общеобразовательная школа с углубленным изучением отдельных предметов, город-миллионник).

В процессе анализа мы обнаружили различные модели распределения ролей между учителями и администрацией школ. В рамках первой модели

¹ Для кодирования использовалась программа Atlas.ti.

² В процессе анализа мы уточняли названия ролей, подбирая более подходящие, и их границы.

³ Здесь и далее курсивом будут представлены цитаты из интервью.

учителя, которые могут совмещать преподавание с должностью заместителя директора, делают самостоятельный выбор тематики и наполнения запускаемого низового проекта без согласования с руководством и его вовлечения в проект. В некоторых школах эта модель работает при определенных условиях: если проекты касаются только уроков конкретного учителя и не требуют масштабирования, не связаны с финансовыми вложениями или привлечением команды. Кроме того, учителя могут инициировать появление инноваций в сфере внеурочной деятельности, тогда как изменение содержания основной программы должно реализовываться с привлечением администрации школы.

«Я узнаю, что они делают что-то, только когда я собираю у педагогов портфолио. Сами педагоги инициируют участие школы в проектах – чаще в бесплатных, где не нужно вкладывать средства» (заместитель, гимназия, малый город).

В рамках второй модели учитель и администрация школы работают в тандеме, их уровень вовлечения в инициацию проектов может варьироваться. Администрация школы может только задавать направление для всех индивидуальных и групповых проектов сотрудников школы. Тем самым она несколько ограничивает возможности сотрудников, но консолидирует усилия и создает сонаправленность их действий. Кроме того, директор или заместители могут включаться в содержательную доработку идей проектов, которые предлагаются учителями. И, наконец, директор может играть главную роль в инициации инновационных проектов в школе, подключая учителей и своих заместителей только к разработке наполнения проектов.

Мы видим, представители администрации школ действуют в роли инициатора только во второй модели, тогда как учителя вовлекаются в инициацию в обеих моделях. При этом круг учителей, который действует в этой роли, определяется негласно: в нее может вовлекаться большинство представителей коллектива («задача каждого») или инициация проектов может быть задачей отдельных учителей («у нас есть люди, на которых мы опираемся», «включаются наиболее активные»).

Поддержка проекта и инновационного климата

Мы выделяем роли в зарождении инноваций, направленные на поддержку появления и реализации проектов, развитие инновационного климата в школе. Их исполняют сотрудники, заинтересованные в существовании проектов, но не занятые в них. Реализация этих ролей осуществляется через предоставление консультативной (роль «консультант»), эмоциональной (роль «мотиватор») и партнерской (роль «коммуникатор с партнерами») поддержки.

Консультант.

Один из видов поддержки, на который обращали внимание информанты, связан с проведением консультаций. Это позволяет выделить роль консультанта, сотрудника, который делится своими знаниями или опытом с командой инновационного проекта. Информанты подчеркивают его важность как специалиста, способного «грамотно все описать», «объяснить», «обсудить», «подсказать». Консультант отвечает на различные запросы, например, информирует, где найти финансирование, кого лучше пригласить в команду проекта, как усилить проект и др. В свою очередь, команда проекта самостоятельно, без участия консультанта, применяет эту информацию для

решения необходимых задач. Если консультант включается в работу над смысловой составляющей проекта, и его решения приобретают ключевое значение для команды, роль может перерасти в роль соинициатора.

«У [коллеги] уже есть опыт написания проектов. Она мне оказала огромнейшую помощь в этом. Также наш заведующий по административно-хозяйственной части оказал помощь в закупке материалов: показал, где лучше купить, по каким ценам» (учитель, гимназия, малый город).

В ходе анализа интервью мы выявили способ консультативной поддержки, который не вырастает из запроса конкретного проекта, а, наоборот, стимулирует возникновение новых проектов. Консультант может распространять информацию об образовательных событиях и инициативах, формировать в школе площадки для поиска и обсуждения идей. Совокупность этих действий позволяет создать инновационный климат в школе, важность которого для зарождения инноваций подчеркивается в исследовательской литературе [4, 15, 52].

В качестве консультанта может выступать и директор, и заместитель, и учитель. На основе интервью показано, что директор и заместитель преимущественно отвечают на запросы, связанные с материально-техническими и человеческими ресурсами ввиду большей осведомленности о грантовых программах, финансовом состоянии школы и навыках сотрудников. При запросе на материально-технические ресурсы они могут предоставить информацию о наиболее эффективном распределении имеющихся средств или выходе на внешнее финансирование (*«подсказать в каком проекте поучаствовать, чтобы получить грант на реализацию»*). Если команда проекта столкнулась с недостатком человеческих ресурсов, консультант может оказать помощь с формированием команды, например, путем информирования о сотрудниках с необходимыми для работы в проекте компетенциями. Кроме того, директор и заместитель чаще оказывают консультационную поддержку без запроса, для создания инновационного климата. Учителя, в основном, выступают консультантами для методических запросов, проводя экспертную оценку или передавая опыт написания проектной заявки. На методические запросы отвечает и заместитель, который, обладая высокими компетенциями в преподавании и организации внеурочной деятельности, может провести экспертизу предложенной инициативы.

Мотиватор.

Следующая выделенная нами роль, связанная с поддержкой, – роль мотиватора, которая способствует саморефлексии сотрудника, позволяет ему ощутить эффекты от своей работы и получить положительную оценку инновационной деятельности, предоставляет эмоциональную поддержку.

По результатам анализа интервью мы видим, что исполнение роли мотиватора связано с целенаправленными и нецеленаправленными действиями. Мотиватор может целенаправленно использовать словесную мотивацию: акцентировать внимание инноватора или потенциального инноватора на позитивных сторонах его проекта или на имеющихся необходимых для реализации проекта навыках (*«[Учителя] смотрят на руководителя, ждут его одобрения. То есть моя задача – поддержать такие инициативы и не задерживать своими»*). Еще один вариант реализации роли – целенаправленное, но не директивное вовлечение сотрудника в действующий проект. Например, мо-

тиватор рассказал сотруднику, что он обладает полезными для проекта компетенциями и может усилить команду.

Положительный пример работы сотрудников, которые уже успешно реализуют проект, стимулирует их коллег попробовать реализовать собственные идеи. В случае целенаправленной мотивации инноватор осознает важность личного примера и стремится повысить заинтересованность других сотрудников (*«когда я пришла сюда, нужно было показать личный пример, что я сама в проектной культуре, я готова сама»*). В случае нецеленаправленной мотивации инноватор не рефлексировывает значение личного примера и занимается своим проектом, не ставя перед собой цель – вовлечь коллег.

На материалах интервью видно, что отсутствие эмоциональной поддержки со стороны коллег может лишать инновационных учителей стимула продолжать реализовывать проект или придумывать новые. Это подчеркивает важность роли мотиватора при разработке проектов, в том числе при формировании инновационного климата.

Мотиватором может выступать каждый сотрудник. Для учителей более характерна нецеленаправленная мотивация собственным примером: учитель-инноватор становится примером для подражания других учителей. Директор и заместители, как правило, используют целенаправленную словесную мотивацию (*«я стараюсь учителей тоже обучать и везде посылать», «давайте сюда, давайте в инновации»*).

Коммуникатор с партнерами.

Некоторые низовые инновации в школе реализуются благодаря совместным усилиями школьной команды и внешних для школы акторов, что позволяет расширить возможности для реализации новых и усовершенствования существующих в школе проектов. В таком случае целесообразно выделить роль «коммуникатор с партнерами»¹, который устанавливает и поддерживает взаимодействие между школой и внешним актором для разработки и внедрения инноваций.

В качестве внешних акторов могут выступать как организации, так и отдельные индивиды. Массив интервью демонстрирует широкий спектр возможных партнеров школ: государственный и частный бизнес (не обязательно из образовательной сферы), государственные структуры (например, суды, МВД), образовательные организации (вузы, колледжи, другие школы); производственные организации), учреждения культуры (библиотеки, музеи), общественные организации.

На материалах интервью мы выявили несколько развилочек в исполнении роли коммуникатора. Продемонстрировано, что по-разному может возникать взаимодействие между школой и внешним актором: из запроса проекта, когда под определенную задачу находят внешнего партнера, у которого есть необходимые ресурсы; без запроса от конкретного проекта, когда партнерства выстраиваются заранее, создавая в школе среду для потенциальных проектов. Импульс для зарождения такого взаимодействия может исходить как от школы, так и от внешнего актора.

Анализ интервью показал, что характер вовлечения внешнего актора в реализацию проекта различен. Во-первых, взаимодействие может реализовыв-

¹ Для удобства восприятия текста далее мы используем понятие «коммуникатор» вместо «коммуникатор с партнерами».

ваться на основе равного вовлечения в проект сотрудников школы и сотрудников внешней организации. Например, элективный курс, программа которого разрабатывается вместе учителями и специалистами предприятия, а уроки ведутся совместно. Во-вторых, сотрудники внешней организации могут полностью брать на себя разработку и реализацию проекта, а сотрудники и учащиеся школы являются участниками, а не соорганизаторами. В-третьих, внешняя организация может являться источником ресурсов, как материально-технических, так и экспертных. При таком формате сотрудничества разработка и реализация проекта является задачей сотрудников школы.

«Мы разрабатывали урок, встречались раза 4–5 с инженерами, то есть используя их оборудование и ведя трансляцию. <...> У нас идет конференция исследовательских работ, например. <...> Каждый ребенок должен написать проект или исследование. Инженеры приходят как эксперты и слушают вот эти инженерные проекты» (учитель, общеобразовательная школа, средний город).

Иногда в проект вовлекается сразу несколько внешних акторов, что позволяет разделять запросы проекта и более адресно направлять их партнерам. Например, в одной школе было проведено образовательное мероприятие, в котором завод-партнер выступил поставщиком материально-технических ресурсов, а преподаватели медицинского колледжа-партнера – источником профессиональной экспертизы, рассказав учащимся как пользоваться оборудованием, предоставленным заводом.

Директор, заместитель и учитель могут исполнять роль коммуникатора с партнерами, но делают это по-разному. Директор в рамках своей роли, с одной стороны, может устанавливать взаимодействие, которое вносит вклад в формирование инновационного климата школы, т.е. впоследствии этим партнерством могут пользоваться заместители и учителя школы для своих проектов; с другой – выстраивать взаимоотношения «для себя», т.е. партнерства, способствующие реализации их собственных проектов. Заместитель и учитель могут самостоятельно устанавливать взаимодействия «для себя», без привязки к соглашениям, установленным директором. Заместитель как коммуникатор в некоторых школах занимается поддержанием и развитием партнерских отношений, установленных директором школы. Учителя же вовлекают конкретных сотрудников организаций, с которыми установлены партнерские отношения, в реализацию своих проектов.

Отдельно отметим, что исполнение всех трех ролей, связанных с поддержкой, – консультанта, мотиватора, коммуникатора с партнерами – в любой из форм их исполнения (нацеленные на конкретный проект или нацеленные на конструирование возможностей для появления новых или усовершенствования существующих проектов) способствует формированию и развитию инновационного климата. При этом вклад в развитие инновационного климата вносят сотрудники, находящиеся на разных уровнях организационной иерархии.

Выводы и дискуссия

Предыдущие исследования позволяют выделить два основных направления вклада сотрудников школы в инновационный процесс: создание (авторство) инновационного проекта и поддержка инновационного климата. На основе анализа интервью в рамках первого направления мы выделяем роль

«инициатор», в рамках второго – «консультант», «мотиватор», «коммуникатор с партнерами». Это демонстрирует, что совокупность функций, необходимых для зарождения инноваций, не сводится к авторству, но в части случаев работает только в связке с ролями, обеспечивающими информационную, эмоциональную и партнерскую поддержку. Как факторы внедрения инноваций такая поддержка рассматривалась в предыдущих исследованиях, например, была продемонстрирована важность взаимодействия с внешними для школы партнерами [53]. Однако данное исследование впервые демонстрирует спектр форматов реализации этих ролей. В дальнейшем представляется важным изучить, как происходит распределение ролей внутри коллектива, какой мотивацией и характеристиками обладают сотрудники, которые склонны выполнять ту или иную роль.

Наше исследование демонстрирует, что отмечаемое в литературе разделение вклада учителей и администрации школы не является универсальным. Обе группы участвуют в инициации проектов и их поддержке, но делают это по-разному. Директора и заместители директоров в большей степени ориентированы на масштабирование иницируемых ими проектов на всю школу и целенаправленно вовлекаются в исполнение поддерживающих ролей. Учителя не только являются инициаторами проектов, но могут вовлекаться в обеспечение консультационной (прежде всего методической), эмоциональной и партнерской поддержки, нецеленаправленно способствуя развитию инновационного климата. Таким образом, позиция в организационной иерархии скорее определяет, как осуществляются роли, а не то, в исполнение каких ролей вовлекается сотрудник. В рамках будущих исследований представляется важным рассмотреть распространенность разных сочетаний ролей, организационных условий для возникновения этих сочетаний и их связи с разными показателями эффективности инновационного процесса.

В данном исследовании мы рассматриваем заместителей директоров как самостоятельную категорию работников школы. Это позволяет показать, что заместители лавируют между позицией учителя и управленца: для них характерны форматы исполнения ролей, выделенные как для учителей, так и для директоров. С одной стороны, такое совмещение функций создает для заместителя уникальное положение в школе, обеспечивающее погружение и в образовательный, и в управленческий процесс. С другой стороны, это может приводить к неопределенности рабочих обязанностей заместителей директоров [54], межролевому конфликту [55], а также слишком высокой нагрузке [56]. Дальнейшее научное и практическое осмысление таких преимуществ и недостатков может стать базисом для повышения эффективности работы для заместителей директоров и коллектива в целом. Для этих целей предлагается в процессе сбора данных не объединять эту категорию работников с директорами или учителями, так как в таком случае будет упущена часть вклада заместителей.

Список источников

1. *Canzittu D.* A framework to think of school and career guidance in a VUCA world // *British Journal of Guidance & Counselling*. 2022. Vol. 50, № 2. P. 248–259.
2. *Nóvoa A., Alvim Y.* Nothing is new, but everything has changed: A viewpoint on the future school // *PROSPECTS*. 2020. Vol. 49, № 1. P. 35–41.

3. *Vincent-Lancrin S. et al.* Measuring Innovation in Education 2019: What Has Changed in the Classroom? OECD, 2019.
4. *Moolenaar N.M. et al.* Linked to innovation: Shaping an innovative climate through network intentionality and educators' social network position // *Journal of Educational Change*. 2014. Vol. 15, № 2. P. 99–123.
5. *Hofman R.H., Jansen E., Spijkerboer A.* Innovations: Perceptions of teachers and school leaders on bottlenecks and outcomes // *Education as Change*. 2011. Vol. 15, № 1. P. 149–160.
6. *Reilly R.C. et al.* A synthesis of research concerning creative teachers in a Canadian context // *Teaching and Teacher Education*. 2011. Vol. 27, № 3. P. 533–542.
7. *Könings K.D., Brand-Gruwel S., van Merriënboer J.J.G.* Teachers' perspectives on innovations: Implications for educational design // *Teaching and Teacher Education*. 2007. Vol. 23, № 6. P. 985–997.
8. *Milhano S., Reis S., Mangas C.* Inclusion and innovation in schools: contributions of an intermunicipal project to promote the successful learning // *Millenium – Journal of Education Technologies and Health*. 2021. Vol. 9, № 2. P. 261–269.
9. *Weshah H., Al-Faori O., Sakal R.* Child-Friendly School Initiative in Jordan a Sharing Experience // *College Student Journal*. 2012. Vol. 46, № 4. P. 699–715.
10. *Chesbrough H.W.* Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology. Harvard Business Press, 2003. 270 p.
11. *Королева Д. и др.* Низовые инновации в современном российском образовании: определение поля исследования // *Практики развития: индивидуальная инициатива в новом образовательном пространстве*. 2018. P. 141–146.
12. *Seyfang G., Smith A.* Grassroots innovations for sustainable development: Towards a new research and policy agenda // *Environmental Politics*. 2007. Vol. 16, № 4. P. 584–603.
13. *Gupta S.* Understanding the feasibility and value of grassroots innovation // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2020. Vol. 48, № 5. P. 941–965.
14. *Koroleva D.O., Khavenson T.E.* The Portrait of a Twenty-First Century Innovator in Education // *Russian Education & Society*. 2015. Vol. 57, № 5. P. 338–357.
15. *Isnaini et al.* Principal's efforts to change in schools: A case study in Indonesia // *Journal of Social, Humanity, and Education*. 2021. Vol. 1, № 4. P. 241–251.
16. *Kooli C., Jamrah A., Al-Abri N.* Learning from Quality Audit in Higher Education Institutions: A Tool for Community Engagement Enhancement // *FIIB Business Review*. 2019. Vol. 8, № 3. P. 218–228.
17. *Захаров А., Вергелес К., Маркина В.* Роли директоров // (Не)обычные школы: разнообразие и равенство / под ред. М. Карной, Г. Лариной, В. Маркиной. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. P. 104–138.
18. *Werang B.R., Loupaty M., Tambajong H.* The effect of principals' transformational leadership on schools' life in Indonesia: An empirical study in elementary schools of Merauke district, Papua, Indonesia // *International Journal of Research in Social Sciences*. 2016. Vol. 6, № 10. P. 256–273.
19. *Koch A.R., Binnewies C., Dormann C.* Motivating innovation in schools: School principals' work engagement as a motivator for schools' innovation // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2015. Vol. 24, № 4. P. 505–517.
20. *Halász G.* Measuring innovation in education: The outcomes of a national education sector innovation survey // *European Journal of Education*. Wiley, 2018. Vol. 53, № 4. P. 557–573.
21. *Damanpour F.* Organizational Innovation: A Meta-Analysis of Effects of Determinants and Moderators // *The Academy of Management Journal*. Academy of Management, 1991. Vol. 34, № 3. P. 555–590.
22. *Turner R.H.* Role Theory // *Handbook of Sociological Theory* / ed. Turner J.H. New York : Springer Science & Business Media, 2006. P. 233–254.
23. *Battistella C., Nonino F.* Exploring the Impact of Motivations on the Attraction of Innovation Roles in Open Innovation Web-Based Platforms // *Production Planning and Control*. 2013. Vol. 24, № 2–3. P. 226–245.
24. *Story V., O'Malley L., Hart S.* Roles, role performance, and radical innovation competences // *Industrial Marketing Management*. 2011. Vol. 40, № 6. P. 952–966.
25. *Dedehayir O., Mäkinen S.J., Roland Ortt J.* Roles during innovation ecosystem genesis: A literature review // *Technological Forecasting and Social Change*. 2018. Vol. 136. P. 18–29.
26. *Maier M.A., Brem A.* What innovation managers really do: a multiple-case investigation into the informal role profiles of innovation managers // *Review of Managerial Science*. 2018. Vol. 12, № 4. P. 1055–1080.

27. *Klerck L., Aarts N.* The interaction of multiple champions in orchestrating innovation networks: Conflicts and complementarities // *Technovation*. 2013. Vol. 33, № 6. P. 193–210.
28. *Öberg C.* Customer roles in innovations // *International Journal of Innovation Management*. 2010. Vol. 14, № 06. P. 989–1011.
29. *Королева Д., Андреева А., Хавенсон Т.* Шоковая инновация: концептуализация процесса цифровой трансформации образования в период пандемии // *Образование и Саморазвитие*. 2023. № 2. P. 100–117.
30. *Пишняк А., Халина Н.* Восприятие новых технологий населением как показатель открытости к инновациям // *Форсайт*. 2021. Vol. 15, № 1. P. 39–54.
31. *Fuller C.* Education Innovation Clusters: Supporting transformative teaching and learning // *Childhood Education*. 2020. Vol. 96, № 1. P. 34–47.
32. *Harris A. et al.* Managing to Lead? Contemporary Perspectives on Principals' Practices in Russia // *The Wiley International Handbook of Educational Leadership* / ed. D. Waite, I. Bogotch. Hoboken, NJ, USA : Wiley Blackwell, 2017. P. 397–413.
33. *Каспржак А., Бысик Н.* Как директора российских школ принимают решения // *Вопросы образования*. 2014. № 4. P. 3–23.
34. *Каспржак А., Кобцева А., Цатрян М.* Директора школ в мегаполисах. Как они управляют образовательным процессом? // *Образовательная политика*. 2020. Vol. 82, № 2. P. 72–87.
35. *Charteris J., Sardon D., Nelson E.* Innovative learning environments and discourses of leadership: Is physical change out of step with pedagogical development? // *Journal of Educational Leadership, Policy and Practice*. 2016. Vol. 31, № 1. P. 33–47.
36. *Заир-Бек С., Анчиков К.* Школьные учителя в изменяющихся условиях: адаптивность и готовность к инновациям / ред. Я. Кузьминов, Л. Гохберг, Н. Шугаль. М. : НИУ «Высшая школа экономики», 2022.
37. *Buske R.* The principal as a key actor in promoting teachers' innovativeness – analyzing the innovativeness of teaching staff with variance-based partial least square modeling // *School Effectiveness and School Improvement*. 2018. Vol. 29, № 2. P. 262–284.
38. *Butterworth B., Weinstein R.S.* Enhancing Motivational Opportunity in Elementary Schooling: A Case Study of the Ecology of Principal Leadership // *The Elementary School Journal*. The University of Chicago Press, 1996. Vol. 97, № 1. P. 57–80.
39. *Aslan H., Kesik F., Elma C.* The Opinions of Teachers About the Innovation Level of Their Schools: 6 // *Journal of Education and Training Studies*. 2018. Vol. 6, № 6. P. 134–146.
40. *Palmer C.* Innovation and the experienced teacher // *ELT Journal*. 1993. Vol. 47, № 2. P. 166–171.
41. *Lambriex-Schmitz P. et al.* When Innovation in Education Works: Stimulating Teachers' Innovative Work Behaviour // *International Journal of Training and Development*. 2020. Vol. 24, № 2. P. 118–134.
42. *Jansen C., Du Plessis A.* The role of deputy principals: Perspectives of South African primary school principals and their deputies // *Educational Management Administration & Leadership*. 2023. Vol. 51, № 1. P. 157–175.
43. *Jubilee S.K.* The Middle Management Paradox of the Urban High School Assistant Principal: Making It Happen. Philadelphia: Temple University, 2013.
44. *Cranston N., Tromans C., Reugebrink M.* Forgotten leaders: what do we know about the deputy principalship in secondary schools? // *International Journal of Leadership in Education*. 2004. Vol. 7, № 3. P. 225–242.
45. *Хавенсон Т., Котик Н., Королева Д.* Пять профилей технологической готовности школьных учителей: от «скептиков» к «исследователям» // *Факты образования*. 2021. Vol. 35, № 1. P. 1–36.
46. *Leaf A., Odhiambo G.* The deputy principal instructional leadership role and professional learning: Perceptions of secondary principals, deputies and teachers // *Journal of Educational Administration*. 2017. Vol. 55, № 1. P. 33–48.
47. *Goksoy S.* The relationship between principals' cultural intelligence levels and their cultural leadership behaviors // *Educational Research and Reviews*. 2017. Vol. 12, № 20. P. 988–995.
48. *Прокудин Ю., Милосердова Т.* Критерии, показатели и уровни готовности заместителя директора по учебно-воспитательной работе школы к инновационной деятельности // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2015. Vol. 147, № 7. P. 27–34.
49. *Штейнберг И.Е.* Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиугольная» модель // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2014. № 38. P. 38–71.

50. Patton M.Q. *Qualitative Research & Evaluation Methods*. London: Sage Publications, 2002. 598 p.
51. Bryman A. *Social Research Methods*. 5th ed. Oxford: Oxford University Press, 2016. 785 p.
52. Атанасова А. Современные тренды в исследованиях цифровых инноваций в гражданской сфере // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2024. № 79. P. 199–206.
53. Томасова Д., Глухов А. Комплементарность как принцип развития партнерств в инновационной образовательной системе // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2024. № 79. P. 243–257.
54. Smith J. et al. *Double Distress: Women Healthcare Providers and Moral Distress During COVID-19 // Nursing Ethics*. SAGE Publications Ltd, 2023. Vol. 30, № 1. P. 46–57.
55. Loder T.L., Spillane J.P. Big Change Question: How Do Leaders' Own Lives and their Educational Contexts, Influence their Responses to the Dilemmas and Tensions they Face in their Daily Work? // *Journal of Educational Change*. 2006. Vol. 7, № 1–2. P. 91–92.
56. Kida R. et al. The association between burnout and multiple roles at work and in the family among female Japanese nurses: a cross-sectional study // *Industrial Health*. 2023. Vol. 61, № 3. P. 195–202.

References

1. Canzittu, D. (2022) A framework to think of school and career guidance in a VUCA world. *British Journal of Guidance & Counselling*. 50(2). pp. 248–259.
2. Nóvoa, A. & Alvim, Y. (2020) Nothing is new, but everything has changed: A viewpoint on the future school. *PROSPECTS*. 49(1). pp. 35–41.
3. Vincent-Lancrin, S. et al. (2019) *Measuring innovation in education 2019: What has changed in the classroom?* OECD.
4. Moolenaar, N.M., Daly, A.J. & Slegers, P.J.C. (2014) Linked to innovation: Shaping an innovative climate through network intentionality and educators' social network position. *Journal of Educational Change*. 15(2). pp. 99–123.
5. Hofman, R.H., Jansen, E. & Spijkerboer, A. (2011) Innovations: Perceptions of teachers and school leaders on bottlenecks and outcomes. *Education as Change*. 15(1). pp. 149–160.
6. Reilly, R.C. et al. (2011) A synthesis of research concerning creative teachers in a Canadian context. *Teaching and Teacher Education*. 27(3). pp. 533–542.
7. Kónings, K.D., Brand-Gruwel, S. & van Merriënboer, J.J.G. (2007) Teachers' perspectives on innovations: Implications for educational design. *Teaching and Teacher Education*. 23(6). pp. 985–997.
8. Milhano, S., Reis, S. & Mangas, C. (2021) Inclusion and innovation in schools: Contributions of an intermunicipal project to promote successful learning. *Millenium – Journal of Education Technologies and Health*. 9(2). pp. 261–269.
9. Weshah, H., Al-Faori, O. & Sakal, R. (2012) Child-Friendly School Initiative in Jordan: A sharing experience. *College Student Journal*. 46(4). pp. 699–715.
10. Chesbrough, H.W. (2003) *Open innovation: The new imperative for creating and profiting from technology*. Harvard Business Press.
11. Koroleva, D. et al. (2018) Nizovye innovatsii v sovremennom rossiyskom obrazovanii: opredelenie polya issledovaniya [Grassroots Innovations in Modern Russian Education: Defining the Field of Research]. *Praktiki razvitiya: individual'naya initsiativa v novom obrazovatel'nom prostranstve* [Practices of Development: Individual Initiative in the New Educational Space]. Proc. of the Conference. pp. 141–146.
12. Seyfang, G. & Smith, A. (2007) Grassroots innovations for sustainable development: Towards a new research and policy agenda. *Environmental Politics*. 16(4). pp. 584–603.
13. Gupta, S. (2020) Understanding the feasibility and value of grassroots innovation. *Journal of the Academy of Marketing Science*. 48(5). pp. 941–965.
14. Koroleva, D.O. & Khavenson, T.E. (2015) The portrait of a twenty-first century innovator in education. *Russian Education & Society*. 57(5). pp. 338–357.
15. Isnaini et al. (2021) Principal's efforts to change in schools: A case study in Indonesia. *Journal of Social, Humanity, and Education*. 1(4). pp. 241–251.
16. Kooli, C., Jamrah, A. & Al-Abri, N. (2019) Learning from quality audit in higher education institutions: A tool for community engagement enhancement. *FIIB Business Review*. 8(3). pp. 218–228.

17. Zakharov, A., Vergeles, K. & Markina, V. (2019) Roli direktorov [Roles of principals]. In: Karnaya, M., Larina, G. & Markina, V. (eds). *(Ne)obychnye shkoly: raznoobrazie i neravenstvo* [(Un)usual schools: diversity and inequality]. Moscow: HSE. pp. 104–138.
18. Werang, B.R., Loupatty, M. & Tambajong, H. (2016) The effect of principals' transformational leadership on schools' life in Indonesia: An empirical study in elementary schools of Merauke district, Papua, Indonesia. *International Journal of Research in Social Sciences*. 6(10). pp. 256–273.
19. Koch, A.R., Binnewies, C. & Dormann, C. (2015) Motivating innovation in schools: School principals' work engagement as a motivator for schools' innovation. *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 24(4). pp. 505–517.
20. Halász, G. (2018) Measuring innovation in education: The outcomes of a national education sector innovation survey. *European Journal of Education*. 53(4). pp. 557–573.
21. Damanpour, F. (1991) Organizational innovation: A meta-analysis of effects of determinants and moderators. *The Academy of Management Journal*. 34(3). pp. 555–590.
22. Turner, R.H. (2006) Role theory. In: Turner, J.H. (ed.) *Handbook of Sociological Theory*. New York: Springer Science & Business Media. pp. 233–254.
23. Battistella, C. & Nonino, F. (2013) Exploring the impact of motivations on the attraction of innovation roles in open innovation web-based platforms. *Production Planning and Control*. 24(2–3). pp. 226–245.
24. Story, V., O'Malley, L. & Hart, S. (2011) Roles, role performance, and radical innovation competences. *Industrial Marketing Management*. 40(6). pp. 952–966.
25. Dedehayir, O., Mäkinen, S.J., & Roland Ortt, J. (2018) Roles during innovation ecosystem genesis: A literature review. *Technological Forecasting and Social Change*. 136. pp. 18–29.
26. Maier, M.A. & Brem, A. (2018) What innovation managers really do: A multiple-case investigation into the informal role profiles of innovation managers. *Review of Managerial Science*. 12(4). pp. 1055–1080.
27. Klerkx, L. & Aarts, N. (2013) The interaction of multiple champions in orchestrating innovation networks: Conflicts and complementarities. *Technovation*. 33(6). pp. 193–210.
28. Öberg, C. (2010) Customer roles in innovations. *International Journal of Innovation Management*. 14(06). pp. 989–1011.
29. Koroleva, D., Andreeva, A. & Khavenson, T. (2023) Shokovaya innovatsiya: kontseptualizatsiya protsesssa tsifrovoy transformatsii obrazovaniya v period pandemii [Shock Innovation: Conceptualizing the Digital Transformation of Education in a Time of Pandemic]. *Obrazovanie i Samorazvitiye*. 2. pp. 100–117.
30. Pishnyak, A. & Khalina, N. (2021) Vospriyatie novykh tekhnologiy naseleniem kak pokazatel' otkrytosti k innovatsiyam [Perception of New Technologies: Constructing an Innovation Openness Index]. *Forsayt*. 15(1) pp. 39–54.
31. Fuller, C. (2020) Education innovation clusters: Supporting transformative teaching and learning. *Childhood Education*. 96(1). pp. 34–47.
32. Harris, A., Kasprzhak, A., Jones, M. & Isaeva, N. (2017) Managing to Lead? Contemporary Perspectives on Principals' Practices in Russia. In: Waite, D. & Bogotch, I. (eds) *The Wiley International Handbook of Educational Leadership*. Hoboken, NJ, USA: Wiley Blackwell. pp. 397–413.
33. Kasprzhak, A. & Bysik, N. (2014) Kak direktora rossiyskikh shkol primayut resheniya [Decision-Making Styles of Russian School Principals]. *Voprosy obrazovaniya*. 4. pp. 96–118.
34. Kasprzhak, A., Kobtseva, A. & Tsatrian, M. (2020) Direktora shkol v megapolisakh. Kak oni upravlyayut obrazovatel'nym protsessom? [School principals in megacities. How do they manage the educational process?]. *Obrazovatel'naya politika*. 2. pp. 72–87.
35. Charteris, J., Smardon, D. & Nelson, E. (2016) Innovative learning environments and discourses of leadership: Is physical change out of step with pedagogical development? *Journal of Educational Leadership, Policy and Practice*. 31(1). pp. 33–47.
36. Zair-Bek, S.I. & Anchikov, K. (2022) *Shkol'nye uchitelya v izmenyayushchikhsya usloviyakh: adaptivnost' i gotovnost' k innovatsiyam* [School Teachers in a Changing Environment: Adaptability and Readiness for Innovation]. Moscow: HSE.
37. Buske, R. (2018) The principal as a key actor in promoting teachers' innovativeness – Analyzing the innovativeness of teaching staff with variance-based partial least square modeling. *School Effectiveness and School Improvement*. 29(2). pp. 262–284.
38. Butterworth, B. & Weinstein, R.S. (1996) Enhancing motivational opportunity in elementary schooling: A case study of the ecology of principal leadership. *The Elementary School Journal*. 97(1). pp. 57–80.

39. Aslan, H., Kesik, F. & Elma, C. (2018) The opinions of teachers about the innovation level of their schools. *Journal of Education and Training Studies*. 6(6). pp. 134–146.
40. Palmer, C. (1993) Innovation and the experienced teacher. *ELT Journal*. 47(2). pp. 166–171.
41. Lambriex-Schmitz, P. et al. (2020) When innovation in education works: Stimulating teachers' innovative work behaviour. *International Journal of Training and Development*. 24(2). pp. 118–134.
42. Jansen, C. & Du Plessis, A. (2023) The role of deputy principals: Perspectives of South African primary school principals and their deputies. *Educational Management Administration & Leadership*. 51(1). pp. 157–175.
43. Jubilee, S.K. (2013) *The middle management paradox of the urban high school assistant principal: Making it happen*. Temple University.
44. Cranston, N., Tromans, C. & Reugebrink, M. (2004) Forgotten leaders: What do we know about the deputy principalship in secondary schools? *International Journal of Leadership in Education*. 7(3). pp. 225–242.
45. Khavenson, T., Kotik, N. & Koroleva, D. (2021) Pyat' profiley tekhnologicheskoy gotovnosti shkol'nykh uchiteley: ot "skeptikov" k "issledovatelyam" [Technology readiness profiles of Russian teachers: From "skeptics" to "explorers"]. *Fakty obrazovaniya*. 35(1). pp. 1–36.
46. Leaf, A. & Odhiambo, G. (2017) The deputy principal instructional leadership role and professional learning: Perceptions of secondary principals, deputies and teachers. *Journal of Educational Administration*. 55(1). pp. 33–48.
47. Goksoy, S. (2017) The relationship between principals' cultural intelligence levels and their cultural leadership behaviors. *Educational Research and Reviews*. 12(20). pp. 988–995.
48. Prokudin, Yu. & Miloserdova, T. (2015) Kriterii, pokazateli i urovni gotovnosti zamestitelya direktora po uchebno-vospitatel'noy rabote shkoly k innovatsionnoy deyatel'nosti [The criteria, indices and levels of readiness of the deputy director on teaching and educational work of school to innovational activity]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 147(7). pp. 27–34.
49. Shteinberg, I.E. (2014) Logicheskie skhemy obosnovaniya vyborki dlya kachestvennykh interv'yuu: "vos'miokonnaya" model' [A Logical Scheme to Justify the Sample in Qualitative Interview: An "8-Window Sample Model"]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*. 38. pp. 38–71.
50. Patton, M.Q. (2002) *Qualitative Research & Evaluation Methods*. Sage Publications.
51. Bryman, A. (2016) *Social Research Methods*. 5th ed. Oxford University Press.
52. Atanasova, A. (2024) Current trends in research in digital innovations in the civil sphere. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 199–206. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/79/18
53. Tomasova, D.A. & Glukhov, A.P. (2024) Complementarity as a principle for developing partnerships in an innovative educational system. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 243–257. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/79/22
54. Smith, J. et al. (2023) Double distress: Women healthcare providers and moral distress during COVID-19. *Nursing Ethics*. 30(1). pp. 46–57.
55. Loder, T.L. & Spillane, J.P. (2006) Big change question: How do leaders' own lives and their educational contexts, influence their responses to the dilemmas and tensions they face in their daily work? *Journal of Educational Change*. 7(1–2). pp. 91–92.
56. Kida, R. et al. (2023) The association between burnout and multiple roles at work and in the family among female Japanese nurses: A cross-sectional study. *Industrial Health*. 61(3). pp. 195–202.

Сведения об авторах:

Андреева А.А. – и.о. заведующей Лаборатории инноваций в образовании Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: aaandreeva@hse.ru

Гурин М.Ю. – аспирант, стажёр-исследователь Международной лаборатории исследований социальной интеграции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: mgurin@hse.ru

Мирошникова Д.И. – стажёр-исследователь Лаборатории инноваций в образовании Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация). E-mail: dimiroshnikova@edu.hse.ru

Короткова М.Д. – стажёр-исследователь Лаборатории инноваций в образовании Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация). E-mail: korotkova_2013@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Andreeva A.A. – acting head of the Laboratory of Innovations in Education, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: aaandreeva@hse.ru

Gurin M.Yu. – postgraduate student, research intern, International Laboratory for Social Integration Studies, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: mgurin@hse.ru

Miroshnikova D.I. – research intern, Laboratory of Innovations in Education, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: dimiroshnikova@edu.hse.ru

Korotkova M.D. – research intern, Laboratory of Innovations in Education, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: korotkova_2013@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.08.2024;
одобрена после рецензирования 16.07.2025; принята к публикации 07.08.2025
The article was submitted 17.08.2024;
approved after reviewing 16.07.2025; accepted for publication 07.08.2025*

Научная статья

УДК 316,334,5

doi: 10.17223/1998863X/86/8

УПРАВЛЕНИЕ ОТХОДАМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕФОРМАЦИОННАЯ ДИНАМИКА И НОВЕЙШИЕ ВЫЗОВЫ

Юлия Вячеславовна Ермолаева¹, Полина Олеговна Ермолаева²,
Валерия Олеговна Корунова³

¹ *Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской Академии наук, Москва, Россия*

^{2,3} *Центр перспективных экономических исследований Академии наук
Республики Татарстан, Казань, Россия*

¹ *mistelfrayard@mail.ru*

² *Polina.Ermolaeva@gmail.com*

³ *Valeriya.Korunova@tatar.ru*

Аннотация. Проанализировано множество инкрементальных изменений системы обращения с отходами в России. Согласно результатам авторского исследования, несмотря на формирование задатков циклической экономики в данной сфере, система обладает существенными недостатками (несовершенство инфраструктуры, нехватка информирования, медленная рутинизации практик), а ее дальнейшее развитие ожидается по сценарию стагнации. Сформулированы рекомендации для улучшения ситуации.

Ключевые слова: ТКО, управление отходами, РСО, практики населения в области ТКО

Для цитирования: Ермолаева Ю.В., Ермолаева П.О., Корунова В.О. Управление отходами в Российской Федерации: реформационная динамика и новейшие вызовы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 92–103. doi: 10.17223/1998863X/86/8

Original article

WASTE MANAGEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION: REFORMATIONAL DYNAMICS AND THE LATEST CHALLENGES

Yulia V. Ermolaeva¹, Polina O. Ermolaeva², Valeriya O. Korunova³

¹ *Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

^{2,3} *Centre of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation*

¹ *mistelfrayard@mail.ru*

² *Polina.Ermolaeva@gmail.com*

³ *Valeriya.Korunova@tatar.ru*

Abstract. Based on a secondary analysis of sociological research data, analysis of official data and media publications, as well as the results of a series of interviews with experts (N = 70) and a survey of the population (N = 1,500), the authors analyzed changes in the waste management system in Russia – assessed its current state, identified the main challenges (including challenges pandemics and geopolitical risks), studied the practices of the population in the field of solid municipal waste processing (hereinafter – MSW) and

prospects for further development of the industry. The collectively collected data indicate that in recent years there have been many incremental changes in this area, triggered by changes in legislation and the decision to close certain large landfills of MSW. As a result, the makings of a cyclical economy began to form in the country: the infrastructure for waste recycling began to emerge, which Russians also gradually began to master. Infrastructural imperfections and the lack of mass systematic information, however, slow down the process of routine public practices in the field of separate waste collection (hereinafter – SWC) and entail additional problems, due to which a significant increase in the volume of useful fractions does not occur. The COVID-19 pandemic and the current geopolitical situation have contributed to this; their consequences have affected, among other things, the introduction and cost of technology, as well as the environmental concerns of Russians. Most experts named the stagnation scenario as the most likely scenario for the development of the industry, according to which constructive changes in this area are not expected in the foreseeable future. To ensure further progress of the country towards the concept of “zero waste” and to consolidate the practices of the SWC, the authors formulated a number of recommendations, including recommendations from experts.

Keywords: MSW, waste management, SWC, public practices in MSW

For citation: Ermolaeva, Yu.V., Ermolaeva, P.O. & Korunova, V.O. (2025) Waste management in the Russian Federation: reformational dynamics and the latest challenges. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 92–103. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/8

Введение

К настоящему времени проблема отходов в России достигла критических масштабов – в 2022 г. на территории страны было накоплено 45,9 млн т твердых коммунальных отходов (ТКО)¹, что закономерно вызывает всеобщее беспокойство. Президент В.В. Путин, в частности, назвал создание системы работы с отходами одной из «болевых точек» для России на встрече с главой Российского экологического оператора 2 августа 2022 г.² Нерешенность данного вопроса ограничивает возможности роста российских городов и ведет к снижению качества жизни населения, в связи с чем требует пристального внимания представителей власти и науки.

Несмотря на глубину и многоаспектность социальной проблемы отходов, в современной науке наблюдается явный перекоп в сторону исследований, обеспечивающих подробное описание проблемы в ее видимом масштабе, однако не позволяющих объяснить сложные взаимозависимые процессы, происходящие в разных системах производства и утилизации отходов. Такие исследования в большинстве своем обходят вниманием самих участников данных систем – индивидов, социальные группы и институты. Вместе с тем реализуемые ими стратегии в отношении отходов исходят из доминирующих в обществе ценностей и норм, лежащих в предметном поле социологии, что, таким образом, указывает на невозможность понимания и решения обозначенной проблемы вне её социологического рассмотрения.

Социологическое прочтение проблемы отходов охватывает вопросы социального неравенства (И. Валлерстайн [1]), эксклюзии (З. Бауман [2]), куль-

¹ Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2022 году. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2022_/ (дата обращения: 19.01.2024).

² Путин счел ситуацию с отходами «болевым точкой» для России. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/08/2022/62e90e279a79474184fd0266> (дата обращения: 21.11.2023).

туры одноразовости (М. Браунгарт, У. Макдоноу [3]) и экологической справедливости (Д.Н. Пеллоу [4]). Строятся концепции обращения с отходами на уровне государства (Ю.В. Ермолаева [5]) и населения (В.В. Козловский, Е.В. Недосека, С.В. Тишков [6]), соответствующих практик (М.А. Шабанова [7], Ю.В. Ермолаева [8]) и конфликтов (В.Б. Гольбрайх [9]). Проводятся исследования разных типов отходов в контексте социальных рисков (О.Н. Яницкий [10]), акцентируется их роль в качестве критического состояния общества, неустойчивого и труднопрогнозируемого (У. Бек [11], Р. Сандлер [12]).

Помимо социальных мы придаем большое значение также экономическим причинам и последствиям проблемы отходов, поскольку именно их комбинацией сегодня определяется функционирование системы обращения с отходами в нашей стране. В экономике отходы понимаются через противостояние современной капиталистической экономики неограниченного роста, в которой метаболическая цепь преобразования веществ ведет к образованию неперабатываемых отходов, с принципами безотходной экономики. Понятие циклической экономики известно по работам К. фон Вайцзеккера [13] и Дж. Рифкина [14], экономические взаимодействия в сфере обращения с отходами рассматриваются М. Фишер-Ковальски [15], отходы в ракурсе теневой экономики изучены Р. Мюррей [16].

Имеется и большой пул междисциплинарных исследований на стыке экологии, социологии и экономики. На макроуровне – это анализ жизненного цикла отходов и оценка социально-экономического влияния стейкхолдеров [17, 18], изучение сопутствующих проблем и конфликтов в области управления отходами [19, 20]; на микроуровне – вопросы массового потребления (Р. Фюкс [21]), экологически ответственного поведения (М.А. Шабанова [7]), понимания сущности отходов индивидами (О.Н. Яницкий [10]). Междисциплинарное знание по данной проблеме сегодня, таким образом, богато, однако в значительной степени фрагментарно, поскольку комплексные исследования, учитывающие осведомленность населения об изменениях в сфере обращения с отходами и его вовлеченность в соответствующие практики, не проводятся.

Тем временем в России каждый год происходят изменения в данной сфере: с 2010 г. наряду с полигонами стали строиться мусоросжигающие заводы (МСЗ), начались цифровизация и развитие сектора переработки, появился региональный оператор, предприняты меры по повышению экологической грамотности и ответственности россиян, постепенно меняются практики. Однако политические санкции и пандемия затормозили развитие отрасли, в связи с чем целью данной статьи является восполнение пробела в научном знании и реализация комплексного анализа изменений системы обращения с отходами в России: оценка её современного состояния, определение основных вызовов, изучение практик населения в области переработки ТКО и перспектив дальнейшего развития отрасли.

Материал и методы

Исследование выполнено в качественно-количественной стратегии.

Проведено кабинетное исследование, включающее анализ массива разнообразных данных (научной литературы, законодательной базы, публикаций СМИ, результатов социологических исследований) по теме производства и утилизации отходов за период с 2018 по 2022 г.

В 2019–2022 гг. проведен опрос экспертов в данной теме (всего N = 70) из числа представителей академического сообщества (N = 30), профессиональных экологов (N = 30) и экологически ориентированных НКО (N = 10).

В 2018–2019 гг. проведено анкетирование населения городов Москвы и Казани по квотной выборке (всего n = 1500, n = 750 для каждого города; ошибка выборки в целом – 2,5%, по городам – 3,5%). Выбор городов определен их типологическим сходством; Москва и Казань – крупнейшие урбанизированные ареалы России, центры инновационного развития страны, фокусированное рассмотрение практик населения которых дополняет сформированную на основе вторичного анализа данных общероссийскую картину и позволяет судить о тенденциях её изменения.

Текущее состояние и вызовы развития в России отрасли по обращению с отходами

Темпы потребления и образования отходов в нашей стране соответствуют аналогичным темпам стран Западной Европы и США, однако, в отличие от них, Россия не имеет развитой отрасли переработки отходов. По мнению опрошенных экспертов, жизненный цикл отходов отражает преимущественно линейную схему российской экономики, характерную для развивающихся стран. Новая же система начала формироваться только в 2014 г. с принятием изменений в Федеральный закон 1998 г. «Об отходах производства и потребления»¹, заложивших основу проведения в 2017–2019 гг. так называемой мусорной реформы. В рамках данной реформы были определены новые принципы обращения с отходами, однако она началась сверху и не учитывала локальные особенности регионов, поэтому сегодня в России сочетаются две схемы управления – централизованное управление отходами и распределение юридической ответственности и функций контроля между разными ведомствами². Создание безотходной экономики, тем временем, требует баланса в регулировании посредством централизованного и локального подходов в условиях региональных контрастов.

В этой связи организация проведения мусорной реформы была встречена шквалом критики. Например, со стороны Счетной палаты Российской Федерации, отметившей несвоевременное принятие необходимых нормативно-правовых актов на федеральном уровне, спровоцировавшее неготовность регионов вступить в реформу, а также недостаточную эффективность оператора данного проекта – Российского экологического оператора (РЭО)³. Несмотря на это, с 2017 г. в стране наблюдается устойчивый рост затрат на охрану окружающей среды⁴, а в конце 2023 г. была утверждена методика расчета

¹ Федеральный закон от 29.12.2014 № 458-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления», отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172948/ (дата обращения: 14.06.2022).

² Территориальные схемы обращения с отходами. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/territorialnye_skhemy_upravleniya_otkhodami_dolzhny_byt_skorrektirovany_regionami_v_sootvetstvi_s_n/ (дата обращения: 17.05.2022).

³ Счетная палата признала безуспешной «мусорную реформу». URL: <https://www.interfax.ru/russia/729037> (дата обращения: 17.05.2022).

⁴ Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2022 году. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2022/ (дата обращения: 19.01.2024).

экобора и коэффициента экологичности, призванная повысить эффективность контроля за реальными объемами обработки и утилизации ТКО¹.

Достигнутые результаты, впрочем, стоит оценивать в контексте трансформационной динамики последних лет, связанной сначала с распространением пандемии COVID-19, а затем и с обострением геополитической ситуации. Вызванная ими смена ценностных ориентиров создает опасность препятствования закреплению распространяемых установок обращения с отходами и разрушения уже сформированных. В общем виде множество вызовов в этой сфере для России можно систематизировать следующим образом:

Вызов 1. Полигоны. После осуществления раздельного сбора отходов (РСО) примерно 80–90% отходов в России по-прежнему отправляются на свалки. Так, в 2022 г. было образовано 45,9 млн т ТКО, из них захоронено – 36,8 млн т, всего под размещение отходов занято от 4 до 7 млн га земли². На данный момент сокращается количество несанкционированных свалок, старые полигоны закрываются, новые оснащаются системами фильтрации сточных вод и отведения газов для производства тепла, однако поток отходов и переполненные полигоны создают конфликты между государством и жителями населенных пунктов, где хранятся отходы.

Вызов 2. Технологии мусоросжигания. В соответствии с указом Президента В.В. Путина, к 2030 г. в России должно произойти двукратное снижение объемов захоронения ТКО, и для его достижения планируется строительство 30 МСЗ (включая 5 уже строящихся в Подмосковье и под Казанью), которые позволят закрыть более 200 полигонов, предотвратить создание 86 новых и сохранить порядка 46 тыс. га земель³, не нанося вреда здоровью населения. Однако мнения представителей власти, специалистов и населения расходятся, не все поддерживают идею безопасности МСЗ, особенно проживающие вблизи мест уже начатого строительства граждане⁴. Главное же сомнение наших экспертов касается целесообразности распространения МСЗ в качестве основы ресурсоэффективной стратегии управления отходами: «*Мусоросжигательный завод нужен. Если полгода отходы лежали на полигоне ТБО, пережили смену сезонов, они уже для сортировки абсолютно не подходят. Поэтому мусоросжигательный завод нам нужен для того, чтобы избавиться просто от полигона ТБО. Но это не решение проблемы вновь образующихся отходов*».

Вызов 3. Низкие темпы роста сектора переработки. В 2022 г. в России на обработку было направлено 50,2% всех ТКО, утилизировано 11,9%, доля обработки по сравнению с 2021 г. выросла на 6,9%⁵. Однако создание пред-

¹ РЭО: утверждена методика расчета экобора и коэффициента экологичности. URL: <https://geo.ru/tpost/tgaoka9ml1-geo-utverzhdena-metodika-rascheta-ekosbo> (дата обращения: 17.05.2022).

² Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2022 году. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/gosudarstvennyy_doklad_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federatsii_v_2022/ (дата обращения: 19.01.2024).

³ Минфин предложил отложить строительство 25 мусорных заводов «Ростеха». URL: <https://www.rbc.ru/business/19/04/2021/60796f4e9a794743fdc3ff17> (дата обращения: 19.01.2024).

⁴ Знаю, что многие местные граждане напряжены – Путин о мусоросжигательных заводах. URL: <https://inkazan.ru/news/2021-06-30/znayu-chno-mnogie-mestnye-grazhdane-napryazheny-putin-o-musoroszhigatelnyh-zavodah-1423100> (дата обращения: 17.05.2022).

⁵ Утилизация отходов достигла 11,9% по итогам 2022 года. URL: <https://geo.ru/tpost/66gx4a2k21-utilizatsiya-othodov-dostigla-119-po-ito> (дата обращения: 19.01.2024).

приятый по переработке разных фракций происходит медленнее – нет субсидий и наполнения предприятий сырьем. Частично нехватка отдельного сбора отходов компенсируется активными всероссийскими НКО, обеспечивающими РСО по районам и реализующими просветительскую активность.

Вызов 4. Социальные вызовы. Социальные вызовы пока не учитываются в России, так как нет соответствующей законодательной базы, однако в глобальной повестке человеческий ресурс в процессе обеспечения безотходного общества – его главный капитал [22]. Под социальными вызовами мы подразумеваем, во-первых, соблюдение экологической справедливости (environmental justice), права личности или группы лиц на защиту от загрязнения окружающей среды и здоровую и благоприятную экологическую среду и равный доступ к природным благам [23]; во-вторых, создание экологически и социально ориентированных рабочих мест [24], в-третьих, обеспечение работ в области мусоросбора маргинальных слоев населения и мигрантов, а также, в-четвертых, экологизацию системы производства и повышение квалификации работников при освоении «зелёных» стандартов.

Вызов 5. Пандемия COVID-19. Реформирование системы обращения с отходами в период пандемии замедлилось в связи с приостановкой работ по обновлению полигонов и изменением социально-экологических практик и структуры рынка вторичного сырья, произошедшем за время самоизоляции граждан, вынужденных постоянно использовать одноразовые маски, перчатки и упаковку. Кроме этого, на фоне роста обеспокоенности населения массовыми эпидемиями (по данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ): 22% в 2019 г., 45% в 2021 г.)¹ снизилась обеспокоенность экологическими проблемами (загрязнение водоемов – 70 и 65%, воздуха – 62 и 54%, вырубка лесов – 66 и 56%)².

Вызов 6. Геополитические риски. Произошедшее на международной арене не стало для россиян таким потрясением, каким была пандемия, однако, учитывая обострение вопросов потребления, инфляции, доходов и т.д., а также то, что пандемийная тематика до сих пор входит в общественную повестку, можно предположить, что в настоящее время падение экологической обеспокоенности лишь продолжается. Кроме того, геополитические события обернулись для России отказом от сотрудничества, разрывом договоренностей и финансовой блокадой, в условиях которых неясными представляются перспективы сотрудничества в области стратегий устойчивого развития и импорта готовых безотходных технологий из стран Запада³. Остро встаёт вопрос о том, как и на каком основании будут действовать МСЗ⁴.

Практики россиян по обращению с отходами

С 1 января 2019 г. в стране был введён РСО. Однако социологические опросы того времени не зафиксировали значительной положительной дина-

¹ Тревоги и опасения людей. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14685> (дата обращения: 23.06.2023).

² Экология: общая ситуация и острые проблемы. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14659> (дата обращения: 17.12.2023).

³ Период безудержного ESG-энтузиазма проходит. URL: <https://www.vedomosti.ru/ecology/esg/columns/2022/01/14/904796-period-bezuderzhnogo-esg-entuziazma-prohodit> (дата обращения: 17.05.2022).

⁴ Стала известна причина приостановки строительства МСЗ под Казанью. URL: <https://in-kazan.ru/news/2023-08-10/stala-izvestna-prichina-priostanovki-stroitelstva-msz-pod-kazanyu-3008876> (дата обращения: 19.01.2024).

мики вовлеченности населения в эти практики и информированности о реформе. Так, в соответствии с данными Всероссийского центра изучения общественного мнения, были хорошо осведомлены о новом порядке обращения с ТКО в 2019 г. только 24%, что-то слышали – 50%¹. Систематически сортировать бытовой мусор старался каждый третий россиянин (27%), сортировал иногда каждый десятый (13%), большинство же жителей не занимались сортировкой (58%)².

Мониторинг ФОМ показывает иные результаты. В 2014 г. сортировкой занимались 11% опрошенных, в 2017 и 2018 гг. – 20%, а в 2021 г. – 29%, т.е. спустя два года после введения нового порядка обращения с отходами количество населения, включенного в практики РСО, увеличилось примерно на треть. Впрочем, это сведения в том числе о единичных практиках; систематически же, по результатам ФОМ, сортируют свой мусор в 2021 г. лишь 4% россиян³.

В Москве и Казани вовлеченность местного населения в практики РСО в 2019 г. выше, чем в целом по стране. Так, заявили о том, что систематически сортируют дома отходы, около 23,6% респондентов, еще 41% делают это время от времени или очень редко; никогда этого не делали 35,5%. Уровень систематической сортировки в Казани при этом на треть выше (казанцы – 28,1%, москвичи – 19,1%), а для москвичей в большей степени характерна ситуативность этих практик (москвичи – 44%, казанцы – 37,9%).

Помимо проведения опроса в переходный период, что позволило нам «схватить» первые изменения в поведении, полученные результаты, по нашему мнению, также отражают то, что оба города являются передовыми в части распространения разного рода инициатив, особенно экологических, и потому распространенность практик сортировки среди москвичей и казанцев изначально была выше. В числе других достаточно активно реализуемых ими проявлений бережного потребления, – компостирование пищевых отходов (19,1%), утилизация опасных (35,3%), переработка или повторное использование текстиля (25,8%), участие в субботниках (19,3%), покупка более дорогих товаров, которые, однако, прослужат дольше (45,5%).

Для определения причин (не)включения населения в практики сортировки мы воспользовались возможностями теории П. Стерна [25] и предложили респондентам назвать барьеры, препятствующие их участию в РСО. Основной барьер, как показал опрос, – отсутствие инфраструктуры (68% в целом, 71,5% москвичей и 64,3% казанцев). Главный элемент такой инфраструктуры – контейнеры для РСО по видам отходов, расположенные во дворах домов на специальных площадках. В 2019 г. проблема отсутствия контейнеров остро стояла почти для половины наших опрошенных (44,1% в целом,

¹ Экологическая ситуация в России: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ekologicheskaya-situacziya-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 17.05.2022).

² Забота об окружающей среде: хотим, но не можем? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zabota-ob-okruzhayushhej-srede-khotim-no-ne-mozhem> (дата обращения: 17.05.2022).

³ Экологическая ситуация и проблема мусора. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14594> (дата обращения: 17.05.2022).

45,5% москвичей и 42,8% казанцев); в целом же по стране, по данным ФОМ за 2021 г., она беспокоила более двух третей россиян (71%)¹.

Также основной причиной недовольства граждан созданной инфраструктурой для РСО является несвоевременный вывоз мусора, на который указала пятая часть наших респондентов (20,4% в целом, 15,7% москвичей и 25,1% казанцев). Среди россиян, как показал опрос ФОМ в 2020 г., недовольство вывозом мусора ниже (13%), однако заметна неудовлетворенность размером платы за данную услугу (слишком большая – 41%, приемлемая – 49%)².

В числе других препятствий включения москвичей и казанцев в практики РСО – отсутствие желания (20,9% в целом, 21,3% москвичей и 20,4% казанцев) и времени (16,7% в целом, 13,4% москвичей и 20,4% казанцев) сортировать; еще 11,5% (москвичи – 9,7%, казанцы – 13,3%) признались, что не знают, как это правильно делать. Полученные результаты в очередной раз указывают на необходимость повышения экологических знаний, информированности и обеспокоенности населения.

Перспективы развития в России отрасли по обращению с отходами

В рамках нашего опроса мы предложили экспертам оценить перспективы дальнейшего развития отрасли управления отходами в России с учетом её текущего состояния, выделенных вызовов и реализуемых населением практик, и они обозначили следующие сценарии:

1. *Пессимистический сценарий* характеризует ситуацию, которая становится хуже, чем 5 и 10 лет назад, так как «отсутствует типовой сценарий развития РСО с последующей переработкой». «Проблемы отходов сейчас в том, что низы [население] хотят – и подписи собрали, и опросы провели, что готовность есть, а верхи [государство] – нет. Решить ситуацию – это не только поставить отдельные баки, а наладить инфраструктуру».

2. *Сценарий стагнации* обозначен экспертами как самый вероятный и охарактеризован в качестве ситуации, при которой «изменений не видно», «количество перерабатываемых отходов не изменится», «ещё как минимум 20 лет не наладится РСО».

3. *Конструктивный сценарий* описывается экспертами сдержанно: «нет большого прогресса, но есть созданные блоки-опоры для последующей сборки института безотходной экономики».

4. *Позитивный сценарий* подразумевает внедрение эффективных мер на конкретных предприятиях. «В большинстве крупных предприятий внедряются технологии, которые позволяют уменьшить негативное влияние на окружающую среду... мы получаем эффект в виде уменьшения выбросов в атмосферный воздух, мониторинг состояния окружающей среды».

В целом экспертное сообщество поддерживает идею циклической экономики, но предлагает адаптировать её элементы к типичным российским вызовам. Элемент централизации в реформируемой системе управления отходами должен сохраниться в обеспечении национальных и международных

¹ Экологическая ситуация и проблема мусора. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14594> (дата обращения: 17.05.2022).

² Ситуация с вывозом и переработкой мусора. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14357> (дата обращения: 17.05.2022).

стандартов безотходного производства и потребления, но должны быть и локальные поправки, разработанные в регионах. Концепция циклической экономики, по мнению экспертов, предполагает баланс элементов с развитием следующих составляющих:

1. *Экотехнологии* (экологические парки, сортирующие станции, отрасль переработки отходов, умные технологии контроля выбросов и отходов).

2. *Экоменеджмент* (зеленое право и региональный оператор, контролирующей весь жизненный цикл).

3. *Экономика* (усиленные экологические налоги и льготы, усиление зеленых рабочих мест в управлении отходами).

4. *Культура* (преодоление последствий пандемии и разворачивающегося международного конфликта в общественном сознании, стимулирование конструктивной экологической обеспокоенности, создание экологических привычек, усиленное НКО, экологическое равенство).

Заключение

Как показал проведенный анализ, реализация мусорной реформы в стране столкнулась с рядом проблем, причем исходили они как сверху, так и снизу. В качестве рекомендаций на пути к концепции «ноль отходов» экспертами были предложены следующие меры: 1) усиление законодательного регулирования случаев негативного влияния загрязнителя и расширение правовой роли оператора, который контролирует все этапы жизненного цикла продукта; 2) внедрение экономических стимулов – усиленные экологические налоги и льготы, создание зеленых рабочих мест в управлении отходами; 3) создание социальных инструментов, которые способны сформировать экологическую культуру.

Успешное продвижение и закрепление практики РСО связано с объединением усилий разных групп стейкхолдеров – населения, власти, бизнеса, НКО, СМИ. Совместно с бизнесом и НКО государству необходимо принимать меры по развитию поддерживающей инфраструктуры – высокоплотной сети контейнеров-пунктов для простого и удобного сбора рассортированных отходов, системы поощрений экологически ответственных граждан и системы санкций по отношению к недобросовестным гражданам, массовой информационной кампании и т.д. Со стороны бизнеса, в первую очередь частных операторов, необходим своевременный вывоз отходов с придомовой территории, со стороны населения – готовность инвестировать время и другие ресурсы в практики РСО, ориентация которых подкреплена экономическими, юридическими, этическими факторами.

Список источников

1. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер с англ. П.М. Кудюкина ; под общей ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб. : Университетская книга, 2001. 415 с.
2. *Bauman Z.* Wasted Lives. Modernity and its Outcasts. Cambridge : Polity. 2004. 140 p.
3. *Braungart M., McDonough W.* Cradle to Cradle: Remaking the Way We Make Things. North Point Press, 2002.
4. *Weinberg A.S., Pellow D.N., Schnaiberg A.* Urban Recycling and the Search for Sustainable Community Development. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2000.
5. *Ермолаева Ю.В.* Модернизация сектора обращения с отходами в России: предложения экспертов и населения // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 8 (76). С. 26–34.

6. Козловский В.В., Недосека Е.В., Тишков С.В. Экологические практики обращения с твёрдыми коммунальными отходами в малых городах европейской части Арктической зоны Российской Федерации // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 1. С. 129–154.
7. Шабанова М.А. Раздельный сбор бытовых отходов в России: уровень, факторы и потенциал включения населения // Мир России. 2019. Т. 28, № 3. С. 88–112.
8. Ермолаева Ю.В. Управление отходами в условиях критической ситуации распространения covid-19 // Primo Aspectu. 2020. № 2 (42). С. 27–39.
9. Гольбрайт В.Б. Социальные медиа в локальных экологических конфликтах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. № 4. С. 368–384.
10. Яницкий О.Н. Отходы как геополитический риск // Власть. 2017. № 8. С. 18–23.
11. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
12. Sandler R., Phaendra C.P. Environmental Justice and Environmentalism. The MIT Press, 2007.
13. Von Weizsacker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-Termism, Population, and the Destruction of the Planet. Springer, 2018. 220 p.
14. Рифкин Дж. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом : пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2014. 410 с.
15. Fisher-Kowalski M., Haberl H. Socioecological Transitions and Global Change. Trajectories of Social Metabolism and Land Use. Vienna : Klagenfurt University. 2007. 263 p.
16. Мюррей П. Цель – Zero Waste : пер. с англ. М. : ОМННО «Совет Гринпис», 2004. 232 с.
17. Моторин Д.Е. Раздельный сбор отходов в контексте реформирования отрасли обращения с твёрдыми коммунальными отходами // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1 (134). С. 178–188.
18. Отходы в графиках и диаграммах – 3.0. Секретариат Базельской конвенции, 2012. 48 с.
19. Основные технологии переработки промышленных и твёрдых коммунальных отходов : учеб. пособие / Л.Б. Хорошавин, В.А. Беляков, Е.А. Свалов ; науч. ред. А.С. Носков ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 220 с.
20. Оценка жизненного цикла интегрированных систем управления отходами / О.В. Уланова, А.В. Тулохонова. М. : М-во образования и науки РФ, Иркут. гос. техн. ун-т. М. : Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та. 2014. 191 с.
21. Фюкс Р. Зеленая революция: Экономический рост без ущерба для экологии : пер. с нем. М. : Альпина нон-фикшн, 2016. 330 с.
22. Осипов А.Б., Козырева М.С. Решение эколого-экономических проблем переработки отходов в рамках концепции «зелёной» экономики // ТТЭС. 2018. № 2 (44). С. 61–67.
23. Ермолаева Ю.В. Трансформация зеленых профессий и рабочих мест в циркулярной экономике // Инновации и инвестиции. 2021. № 9. С. 29–34.
24. Субракова Л.К. Экономика обращения с отходами в России: до и после пандемии коронавируса // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2021. № 31 (1). С. 37–44.
25. Stern P.C. New environmental theories: toward a coherent theory of environmentally significant behavior // Journal of social issues. 2000. Vol. 56 (3). P. 407–424.

References

1. Wallerstein, I. (2001) *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [World-Systems Analysis and the Current Global Situation]. Translated from English by P.M. Kudyukin. St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
2. Bauman, Z. (2004) *Wasted Lives. Modernity and its Outcasts*. Cambridge: Polity.
3. Braungart, M. & McDonough, W. (2002) *Cradle to Cradle: Remaking the Way We Make Things*. North Point Press.
4. Weinberg, A.S., Pellow, D.N. & Schnaiberg, A. (2000) *Urban Recycling and the Search for Sustainable Community Development*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
5. Ermolaeva, Yu.V. (2020) Modernizatsiya sektora obrashcheniya s otkhodami v Rossii: predlozheniya ekspertov i naseleniya [Modernization of the waste management sector in Russia: Proposals of experts and the population]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 8(76). pp. 29–34.

6. Kozlovsky, V.V., Nedoseka, E.V. & Tishkov, S.V. (2022) Ekologicheskie praktiki obrashcheniya s tverdyimi kommunal'nymi otkhodami v malykh gorodakh evropeyskoy chasti Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii [Environmental Practices of Solid Municipal Waste Management in Small Towns of the European Part of the Arctic Zone of the Russian Federation]. *Regionologiya*. 30(1). pp. 129–154.
7. Shabanova, M.A. (2019) Razdel'nyy sbor bytovykh otkhodov v Rossii: uroven', faktory i potentsial vklucheniya naseleniya [Separate Waste Collection in Russia: Level, Factors, and Potential for Public Engagement]. *Mir Rossii*. 28(3). pp. 88–112.
8. Ermolaeva, Yu.V. (2020) Upravlenie otkhodami v usloviyakh kriticheskoy situatsii rasprostraneniya Covid-19 [Waste Management in the Context of the Critical Situation of COVID-19 Spread]. *Primo Aspektu*. 2(42). pp. 27–39.
9. Golbraikh V.B. Sotsial'nye media v lokal'nykh ekologicheskikh konfliktakh [Social media in the local environmental conflicts]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. 4. pp. 368–384.
10. Yanitsky, O.N. (2017) Otkhody kak geopoliticheskiy risk [Waste as a geopolitical risk]. *Vlast'*. 8. pp. 18–23.
11. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Translated from German by V. Sedelnikov. Moscow: Progress-Traditsiya.
12. Sandler, R. & Phaedra, C.P. (2007) *Environmental Justice and Environmentalism*. The MIT Press.
13. Von Weizsacker, E. & Wijkman, A. (2018) *Come On! Capitalism, Short-Termism, Population, and the Destruction of the Planet*. Springer.
14. Rifkin, J. (2014) *Tret'ya promyshlennaya revolyutsiya: Kak gorizontallye vzaimodeystviya menyayut energetiku, ekonomiku i mir v tselom* [The Third Industrial Revolution: How Lateral Power Is Transforming Energy, the Economy, and the World]. Translated from English. Moscow: Al'pina non-fikshn.
15. Fisher-Kowalski, M. & Haberl, H. (2007) *Socioecological Transitions and Global Change. Trajectories of Social Metabolism and Land Use*. Vienna: Klagenfurt University.
16. Murray, R. (2004) *Tsel' – Zero Waste* [The Goal is Zero Waste]. Translated from English. Moscow: Sovet Grinpis.
17. Motorin, D.E. (2022) Razdel'nyy sbor otkhodov v kontekste reformirovaniya otrasli obrashcheniya s tverdyimi kommunal'nymi otkhodami [Separate Waste Collection in the Context of Reforming the Solid Municipal Waste Management Industry]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 1(134). pp. 178–188.
18. Basel Convention Secretariat. (2012) *Otkhody v grafikakh i diagrammakh – 3.0* [Waste in infographics – 3.0.]. Basel Convention Secretariat.
19. Khoroshavin, L.B., Belyakov, V.A. & Svalov, E.A. (2016) *Osnovnye tekhnologii pererabotki promyshlennykh i tverdykh kommunal'nykh otkhodov* [Key Technologies for Processing Industrial and Solid Municipal Waste]. Ekaterinburg: Ural Federal University.
20. Ulanova, O.V. & Tulokhonova, A.V. (2014) *Otsenka zhiznennogo tsikla integrirovannykh sistem upravleniya otkhodami* [Life cycle assessment of integrated waste management system]. Moscow: Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Irkutsk State Technical University.
21. Fücks, R. (2016) *Zelenaya revolyutsiya: Ekonomicheskyy rost bez ushcherba dlya ekologiy* [Green Revolution: Economic Growth Without Environmental Harm]. Moscow: Al'pina non-fikshn.
22. Osipov, A.B. & Kozyreva, M.S. (2018) Reshenie ekologo-ekonomicheskikh problem pererabotki otkhodov v ramkakh kontseptsii “zelenoy” ekonomiki [Solving Environmental and Economic Problems of Waste Processing Within the Framework of the “Green” Economy Concept]. *TTPS*. 2(44). pp. 61–67.
23. Ermolaeva, Yu.V. (2021) Transformatsiya zelenykh professiy i rabochikh mest v tsirkulyarnoy ekonomike [Transformation of Green Jobs and Professions in the Circular Economy]. *Innovatsii i investitsii*. 9. pp. 104–116.
24. Subrakova, L.K. Ekonomika obrashcheniya s otkhodami v Rossii: do i posle pandemii koronavirusa [The Economics of Waste Management in Russia: Before and After the Coronavirus Pandemic]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya “Ekonomika i parvo”*. 31(1). pp. 37–44.
25. Stern, P.C. (2000) New environmental theories: Toward a coherent theory of environmentally significant behavior. *Journal of Social Issues*. 56(3). pp. 407–424.

Сведения об авторах:

Ермолаева Ю.В. – научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: mistelfrayard@mail.ru

Ермолаева П.О. – кандидат социологических наук, профессор, руководитель отдела Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия). E-mail: Polina.Ermolaeva@gmail.com

Корунова В.О. – старший научный сотрудник отдела качественных исследований Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия). E-mail: Valeriya.Korunova@tatar.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Ermolaeva Yu.V. – researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: mistelfrayard@mail.ru

Ermolaeva P.O. – Cand. Sci. (Sociology), docent, head of a department, Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation). E-mail: Polina.Ermolaeva@gmail.com

Korunova V.O. – senior researcher, Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation). E-mail: Valeriya.Korunova@tatar.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.12.2024;
одобрена после рецензирования 16.07.2025; принята к публикации 07.08.2025
The article was submitted 04.12.2024;
approved after reviewing 16.07.2025; accepted for publication 07.08.2025*

Научная статья

УДК 316.7

doi: 10.17223/1998863X/86/9

НОВЫЕ КОНТУРЫ РАЗВИТИЯ «ТЕМНОГО» ТУРИЗМА: ИНТЕРЕСЫ И ОЖИДАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Елена Викторовна Фролова¹, Ольга Владимировна Рогач²,
Анастасия Викторовна Величко³

^{1,2} *Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия*

³ *Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан*

³ *Университет «Туран», Алматы, Республика Казахстан*

¹ *efrolova06@mail.ru*

² *rogach16@mail.ru*

³ *a.velichko@turan-edu.kz*

Аннотация. «Темный» туризм как социальная практика осмысления катастроф, мистических явлений и смерти занимает нишу в рефлексии обществом своей истории. Сделан вывод о связи мотивации посещений с получением нового опыта; установлена низкая востребованность образовательного функционала и доминирование развлекательного контента «темного» туризма; обосновывается необходимость интеграции его экзистенциально-мистического и культурно-исторического компонентов.

Ключевые слова: «темный» туризм, потребление впечатлений, культурно-исторический опыт, экзистенциальные потребности, развлечения

Для цитирования: Фролова Е.В., Рогач О.В., Величко А.В. Новые контуры развития «темного» туризма: интересы и ожидания молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 104–115. doi: 10.17223/1998863X/86/9

Original article

NEW CONTOURS OF “DARK” TOURISM DEVELOPMENT: INTERESTS AND EXPECTATIONS OF YOUTH

Elena V. Frolova¹, Olga V. Rogach², Anastasia V. Velichko³

^{1,2} *Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation*

³ *Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan*

³ *Turan University, Almaty, Republic of Kazakhstan*

¹ *efrolova06@mail.ru*

² *rogach16@mail.ru*

³ *a.velichko@turan-edu.kz*

Abstract. Modern trends in social development restructure the focus of studying “dark” tourism as a social practice of understanding society’s history. The study aims to analyze the attractiveness of this area among young people, to study expectations and motivation when visiting dark tourism sites. The key research method was an online questionnaire survey of students (N = 475). In order to verify the data obtained, a series of semi-structured interviews were conducted with guides and organizers of excursions in the field of dark tourism. The research materials showed the presence of latent demand for dark tourism sites: 32.4% of respondents visited them, while 72.4% consider it necessary to replicate them. The greatest

interest among the respondents is caused by places of natural and environmental disasters (37.9%), as well as zones of anomalous or mystical phenomena (40.9%). The results of the study showed that students largely associate dark tourism with gaining new experience (54.1%). However, when visiting dark tourism sites, including burial sites, young people are more focused on the entertainment nature of tourism practices. The interest of young people is centered on the plane of mysticism, “scary stories”, unusual impressions. It seems appropriate to integrate historical reflection into the practices of gaining new experience and impressions. The existential-mystical component of dark tourism can be of interest not only to young people interested in unusual impressions, but also to people focused on understanding their experience, life purpose, and national history. The integration of cultural-historical and existential-mystical components in dark tourism practices can make it possible to use it as an effective mechanism for preserving historical memory, transmitting positive examples of national ideas and traditions. At the same time, it should be taken into account that excessive exploitation of entertainment, idle motivation when visiting sites associated with tragic events can have destructive consequences and lead to the inversion of cultural traditions.

Keywords: dark tourism, consumption of impressions, cultural and historical experience, existential needs, entertainment

For citation: Frolova, E.V., Rogach, O.V. & Velichko, A.V. (2025) New contours of “dark” tourism development: interests and expectations of youth. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 104–115. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/9

Введение

Современные тенденции общественного развития по-новому рассматривают «темный» туризм как социальную практику осмысления обществом своей истории. Интеракция объектов «темного» туризма, по мнению ученых, позволяет обеспечить вовлеченность различных социальных групп в рефлексию опыта прошлых поколений, сохранение и передачу коллективной памяти [1]. Ряд ученых обращают внимание на роль социальных практик «темного» туризма в укреплении национальной идентичности [2], формировании «моральных обязательств» перед подвигом предков и выстраивании устойчивых убеждений против насилия, дискриминации и деструктивных последствий социальной несправедливости [3].

«Темный» туризм относится к туристским практикам, где точкой притяжения служат объекты, исторически связанные с трагедией, смертью, катастрофами и другими драматическими событиями прошлого. Значительное внимание обоснованию социального компонента «темного» туризма уделено в работах P.R. Stone [4–6]. Ученый рассматривает «темный» туризм через призму акта путешествия в места, связанных со смертью и страданием, а также вызванных этой «встречей» социокультурных переживаний. Дополняют данную точку зрения работы Y. Tang, который рассматривает социальные практики «темного» туризма как опыт саморефлексии, критического осмысления индивидом своего внутреннего мира и опыта социального взаимодействия [7].

Сложная феноменология «темного» туризма заставляет ряд ученых задаться вопросом о его морально-нравственных аспектах. В частности, P. Morris и T. Arford, поднимая в своих работах вопрос об этичности «темного» туризма, обращают внимание на возможное преобладание эффекта «морального отстранения» туристов от чужих страданий, формирование поверх-

ностного и в чем-то насмешливого отношения к трагедии. В этом случае, по их мнению, жизнь и смерть других людей становится развлекательным зрелищем, практикой досугового времяпрепровождения [8]. В свою очередь в трудах I.L. Vaerг отмечается амбивалентный характер социальных практик «темного» туризма, где, с одной стороны, посещение мест страданий позволяет туристам переосмыслить опыт прошлых поколений, тогда как с другой – результат подобного рода рефлексии может эмоционально травмировать и напугать [9]. Существует также пласт работ, в которых рассмотрение «темного» туризма имеет позитивную тональность. В частности, A. Frigerio отмечает образовательный потенциал «темного» туризма, возможность извлечь посредством прикосновения к мистическому уроку прошлого и закрепить те поведенческие паттерны, которые позволят избежать ранее допущенных в истории ошибок [10].

Справедливо заметить, что туристские практики всегда лежат на пересечении социальной и экономической составляющих за счет монетизации общественных пространств, возможности обеспечить приток инвестиций в развитие территорий [11]. В ряде случаев это сопровождается транслированием шок-контента в целях привлечения посетителей: «кладбищный туризм», «тюремные выставки» [12], «места смерти» [13] и прочее продаются и потребляются, как и традиционные товары рыночной экономики. Особенно ярко это проявляется в зарубежных практиках «темного» туризма, для которых характерен акцент на интерактивность и уникальность полученных в ходе посещений впечатлений [14]. Аппеллирование к трагическим событиям приобретает формы иммерсивных спектаклей, лабиринтов ужаса, «темных выставок» геноцида, военных преступлений и лагерей смерти [15]. Можно предположить, что «темный» туризм выступает своеобразным базисом критического восприятия и переосмысления ценностного каркаса общественного бытия, реконструирования жизненных смыслов на основе рефлексии аффективного опыта смерти.

Таким образом, анализ научной литературы свидетельствует о существенном потенциале «темного» туризма в осмыслении исторического опыта, рефлексии, личностном развитии, получении новых знаний и расширении кругозора. Указанные обстоятельства актуализируют анализ привлекательности данного направления среди молодежи, исследование ожиданий и мотивации при посещении объектов «темного» туризма. Ключевым методом исследования стал анкетный онлайн-опрос студентов (N = 475), проведенный авторами весной 2023 г. Распределение респондентов по полу представлено следующими пропорциями: мужчин – 28,4%, женщин – 71,6%. Рекрутинг респондентов осуществлялся путем распространения ссылки на анкету в студенческих сообществах вузов. Стихийный характер формирования выборки может рассматриваться в качестве ограничений данного исследования. В целях верификации полученных данных была проведена серия полуструктурированных интервью (6 интервью) с гидами, организаторами экскурсий в сфере «темного» туризма.

Привлекательность «темного» туризма в оценках респондентов

Результаты исследования показали, что около трети опрошенных (32,4%) имеют опыт посещения объектов «темного» туризма. Несмотря на то что

женщинам чаще, чем мужчинам, приписывают запрос на туристическую активность в культурно-познавательных целях, данные опроса показали иное распределение. В частности, практики «темного» туризма более востребованы среди мужской части населения (39,3%, что выше средних значений на 6,9 п.п.). Аналогичные пропорции гендерного распределения ответов характерны для оценок перспектив популяризации «темного» туризма. Возможным объяснением различий в ответах мужчин и женщин является стереотипизация общественного сознания, которое связывает «темный» туризм с опасностью и рисками. Мужчинам чаще присуще стремление испытывать себя на мужественность и смелость, к демонстрации силы и способности преодолевать препятствия. В научных исследованиях также рассматриваются факторы, инициирующие интерес к объектам темного туризма. Зарубежные ученые обосновывают значимость данного туристского направления формированием запроса на осмысление тем жизни и смерти, экзистенциальных страхов [16].

Материалы исследования показали наличие латентного спроса на объекты «темного» туризма. Несмотря на то что только 32,4% опрошенных посещали объекты «темного» туризма, считают необходимым предлагать такие экскурсии 72,4%, что в 2,2 раза выше. Существующий разрыв можно объяснить несколькими обстоятельствами. Прежде всего, табуированностью тем смерти (катастроф, мистики и пр.), к которым апеллирует «темный» туризм. Данное обстоятельство становится лимитирующим фактором как для реализации активной маркетинговой стратегии, так и для трансформации латентного интереса в реальный опыт посещения. Можно предположить также, что недостаточность предложений «темного» туризма на рынке услуг, их невысокая информационная доступность в первичном радиусе поиска не позволяют удовлетворить имеющийся потенциальный интерес заинтересованных субъектов.

Таблица 1. Зависимость между опытом посещения мест «темного» туризма и оценками перспектив их продвижения/популяризации, %

Стоит ли предлагать туристам экскурсии к объектам «темного» туризма?	Вам приходилось посещать в туристских целях места, связанные с направлением «темного» туризма?		Среднее по выборке
	Да	Нет	
Да и скорее да	84,4	66,7	72,4
Нет и скорее нет	8,5	18,3	15,2
Затрудняюсь ответить	7,1	15,0	12,4
Значение критерия χ^2 составляет 16,420. Критическое значение χ^2 при уровне значимости $p = 0,01$ составляет 9,21. Связь между факторным и результативным признаками статистически значима при уровне значимости $p < 0,01$			

Источник: составлено по результатам авторского исследования.

Анализ таблиц сопряженности показал наличие корреляционной зависимости между наличием опыта посещения объектов «темного» туризма и оценками перспектив их продвижения/популяризации (табл. 1). В частности, среди респондентов, которые посещали места, связанные с «темным» туризмом, выше доля тех, кто считает нужным предлагать такие экскурсии (выше на 12,0 п.п. средних значений по выборке). Полученные результаты позволяют выдвинуть осторожное предположение об оптимистичных перспективах развития «темного» туризма. Подавляющее большинство респондентов (84,4%), имеющих опыт посещений, скорее всего, получили положительные

впечатления, что инициировало их запрос на дальнейшее развитие экскурсионной деятельности по данному направлению.

Культурно-исторический и экзистенциально-мистический контуры формирования интереса к объектам «темного» туризма

Согласно полученным данным наибольший интерес у респондентов вызывают места природных и экологических катастроф (37,9%), а также зоны аномальных или мистических явлений (40,9%).

Таблица 2. Оценка уровня интереса к объектам «темного» туризма, %

Объекты «темного» туризма	Оценка, баллы				
	1	2	3	4	5
Места захоронений	38,5	16,0	22,3	9,3	13,9
Места техногенных катастроф	22,1	16,2	26,5	13,3	21,9
Места природных и экологических катастроф	17,7	16,2	28,2	13,7	24,2
Места, где происходили трагедии, военные действия, отмечались смертельные случаи	26,7	19,6	22,3	9,1	22,3
Места преступлений и заключений	29,5	15,6	22,5	11,8	20,6
Индустриальные объекты, заброшенные или подземные сооружения	21,9	14,5	27,6	12,2	23,8
Места, где происходят аномальные или связанные с мистикой явления	21,3	11,6	26,3	11,6	29,3
Тематические музеи (связанные с темой смерти, трагедии, ужаса и т.д.)	26,3	14,7	24,4	12,8	21,7

Источник: составлено по результатам авторского исследования

К местам захоронений респонденты проявляют наименьший интерес (23,2% – суммарная оценка в 4 и 5 баллов) (табл. 2). В научном дискурсе кладбище рассматривается как «пространство смерти», антропогенный объект с потенциалом тиражирования культурно-исторического наследия [6]. Символический капитал мест захоронения позволяет рассматривать их в качестве перспективных туристских направлений. Однако материалы авторского исследования свидетельствуют о пониженном внимании к данным объектам, что может объясняться недостаточной встроенностью подобного рода туристских практик в общий контент экскурсионных маршрутов. В интервью эксперты также затронули этот вопрос.

Эксперт 1 (Гид по местам захоронений, г. Москва): «... мне кажется, для многих это тема, как можно на кладбище проводить экскурсию? Мы друзьям сказали, а они выпучили глаза и сказали, какие еще могут быть экскурсии на кладбище? Да, есть такое. ...Для многих это по-прежнему что-то странное».

Эксперт 2 (Гид по местам захоронений, г. Москва): «Я говорю не про смерть, я говорю про жизнь в большей степени, про судьбы людей, какой-то культурологический аспект. Там в плане искусства: памятники как выглядят, скульптор – какая у него была идея и, может быть, какие-то интересные факты из жизни и судьбы человека».

Места захоронений, как и все объекты темного туризма, воплощают в себе культурно-исторический нарратив и экзистенциально-мистический ком-

понент. Артикуляция в общественном сознании атрибутики данных аспектов с высокой долей вероятности может инициировать повышение интереса к посещению объектов темного туризма. Ввиду табуированности темы смерти культурно-историческая ценность мест захоронения остается на периферии внимания современных туристов. Данный вывод подтверждается и словами эксперта.

Эксперт 3 (Гид и организатор авторских экскурсий, г. Алматы): «Ну, по кладбищу, да, нам часто там пищут – как вообще там можете ходить? Боже мой, какой ужас и кошмар! Но это вот есть в нашей традиции такое неприятие кладбищ... хотя на кладбищах, например, много даже такого художественного контента. У нас, например, на центральном кладбище есть работы выдающихся архитекторов, скульпторов...».

Несмотря на высокую культурно-историческую значимость объектов «темного» туризма, в частности мест захоронений, следует понимать, что запросы и ожидания в практиках их посещений могут быть существенным образом дифференцированы в различных социально-демографических группах. Зарубежные исследователи подчеркивают, что представители средних и старших возрастных когорт связывают свои ожидания в «темном» туризме с удовлетворением интереса к культуре, истории, осмыслением жизненного опыта, целей бытия. В противовес культурно-историческим и экзистенциальным запросам взрослого населения молодежь в большей степени тяготеет к мистическому опыту, развлекательно-игровому «проживанию» и исследованию «темных» нарративов [17]. Результаты авторского исследования показали схожую с мировым трендом ситуацию.

Эксперт 4 (Гид по местам захоронений, г. Москва): «... очень часто подростки теряют интерес, узнав о том, что там не будет никакой мистики... Я вижу их скучающие лица, то есть им хочется мистики, им, наоборот, хочется побояться, а у нас этого нет. У нас там такое практическое отношение к этому, больше рассказываю об каких-то исторических фактах, то есть мистики нет».

Таким образом, современная молодежь ориентирована в первую очередь на потребление развлекательного контента в практиках посещения объектов «темного» туризма. Надо отметить, что встраивание, гармоничная интеграция культурно-исторического и мистического, развлекательного направлений «темного» туризма представляет собой весьма сложную задачу. Однако ее решение позволит не только привлечь новых туристов, повысить привлекательность данного нишевого сегмента, но и реализовать его образовательный потенциал. R. Hartmann в ходе анализа содержательного наполнения и физических пространств «темного» туризма приходит к выводу о дифференциации его инфраструктурных объектов, направленность которых имеет четко обозначенный профиль, связанный с образовательным или развлекательным функционалом. Образовательные функции «темного» туризма опираются на анализ исторических событий, верифицированные источники, подлинные артефакты, что позволяет не только получить новую информацию, но и обеспечивает ее устойчивое освоение и осмысление. Развлекательные функции

могут быть реализованы посредством театрализованных представлений, квестов, активно использующих информационные технологии. Они позволяют посетителям получить необычные впечатления, включиться в пространство игры [18]. Стремление к повышению рентабельности, масштабному охвату потенциальных потребителей ориентирует бизнес на максимальную эксплуатацию развлекательного наполнения экскурсионных практик «темного» туризма. Данный тренд выражается в том, что аутентичные, исторические артефакты и нарративы превращают в товар и упаковываются для туристических целей [19]. В данном контексте следует учитывать точку зрения ученых, предупреждающих от чрезмерной эксплуатации праздного любопытства к «темным» достопримечательностям, нарушений этических норм в процессе коммерциализации «мест скорби». Данные деструкции могут приводить к искажению исторического контекста, неверному осмыслению трагического опыта [20]. Аналогичные идеи высказываются в работах Э. Гидденса, высказавшего мысль о том, что традиции могут лишаться своего содержательного и смыслового наполнения в процессе их коммерциализации [21].

Ассоциативное восприятие практик «темного» туризма

В ходе анкетного опроса респондентам было предложено обозначить ключевые ассоциации, которые возникают у них при обращении к понятию «темный» туризм. Использование данного вопроса, по нашему мнению, позволяет более полно оценить специфику восприятия и отношение молодежи к данному туристическому направлению. Как отмечается в ряде работ, ассоциативные поля обеспечивают идентификацию эмоциональных и оценочных характеристик того или иного образа в сознании индивида, являются инструментом вербализации чувств, настроений и ощущений [22].

Результаты исследования показали, что студенты в большей степени ассоциируют «темный» туризм с получением нового опыта, об этом говорят 54,1% респондентов (рис. 1). Полученные результаты носят весьма закономерный характер, учитывая, что, по сравнению с другими, достаточно растраженными туристскими практиками, данное направление относится к числу нишевых сегментов, имеет ограниченную аудиторию.

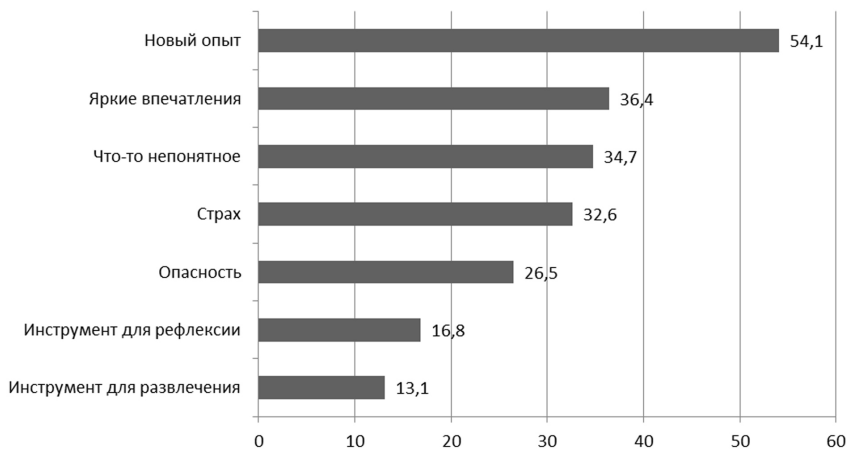

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Какие ассоциации у вас вызывает „темный“ туризм?» (множественный выбор), %

Сравнение ассоциаций в группах респондентов, имеющих и не имеющих опыта посещения объектов «темного» туризма, показало интересные результаты. В частности, среди студентов, вовлеченных в данные туристские практики, несколько ниже доля тех, кто ассоциирует «темный» туризм с опасностью и страхом. Наличие опыта посещения детерминирует более рациональный взгляд на данный туристский концепт, минимизацию количества выборов из предложенных ассоциаций (вопрос подразумевает возможность ответов). Напротив, студенты, которые знакомы с «темным» туризмом только опосредованно, сделали большее количество ассоциативных выборов. Можно предположить, что это свидетельствует, с одной стороны, об интересе к данной теме, а с другой стороны, о недостаточности информации.

Несмотря на минимальный выбор развлекательного компонента в ассоциативном поле «темного» туризма (только у 13,1% студентов), можно предположить его более высокую актуализацию, поскольку «яркие впечатления» и «страх» относятся к тому же категориальному ряду. Распространенность данных ассоциаций существенно выше и характерна для 36,4 и 32,6% респондентов. Стремление к «новому опыту» и «ярким впечатлениям» иллюстрирует трансформацию потребительских ожиданий в сфере туризма, усиление запросов на эмоции, зрелищность, необычные ощущения, «проживание» ярких историй в иммерсивных туристских практиках [23]. Зарубежные ученые полагают, что актуализация «темных» туристских впечатлений, усиливающийся в последние годы интерес к данному направлению в целом свидетельствуют о глобальном смещении вектора потребления среди представителей молодого поколения, предпосылках разрушения традиционного рынка туристских услуг и продуктов в долгосрочной перспективе [24]. Российские ученые также обращают внимание на необходимость модернизации маркетинговых стратегий продвижения «темного» туризма, апеллирования в них, прежде всего, к эмоциям, новым ощущениям, возможностям получения экстремальных впечатлений. При этом нельзя не брать во внимание идеологические аспекты «темного» туризма, что инициирует необходимость создания условий для получения новых знаний среди молодежи, расширение ее кругозора [25], осмысление исторических уроков, приобщение к национальной культуре. Так, объекты «темного» туризма, которые связаны с военной тематикой, иллюстрируют идеи мужественности, самоотверженности, сплоченности населения перед лицом внешних угроз, традиционные ценности солидаризации, взаимопомощи и самопожертвования для защиты своего дома, народа и Родины.

Заключение

В результате исследования сделан вывод о значительной привлекательности «темного» туризма для молодежи. Большинство опрошенных респондентов поддерживают идею популяризации данного направления, необходимости расширения палитры экскурсионных предложений в данном сегменте. При этом доля респондентов, положительно ответивших на данный вопрос, существенно выше среди студентов, имеющих опыт посещения объектов «темного» туризма.

Результаты показали, что молодежь при посещении объектов «темного» туризма, в том числе мест захоронений, ориентирована в большей степени на развлекательный характер туристских практик. Интерес молодых людей центрируется в плоскости мистики, «страшных историй», необычных впечатлений, в то время как организаторы экскурсий апеллируют в большей степени к культурно-историческому контексту «темного» туризма. Можно предположить, что указанное противоречие снижает конкурентоспособность и социальную востребованность объектов «темного» туризма. Учитывая высокий социально-воспитательный потенциал данного направления, представляется целесообразным интегрировать историческую рефлексию в практики получения нового опыта и впечатлений. Экзистенциально-мистический компонент «темного» туризма может представлять интерес не только для молодежи, заинтересованной в необычных впечатлениях, но и для людей старшего возраста, ориентированных на осмысление своего опыта, жизненного предназначения, национальной истории. Интеграция в практиках «темного» туризма культурно-исторического и экзистенциально-мистического компонентов может позволить использовать его в качестве эффективного механизма сохранения исторической памяти, трансляции позитивных образцов национальных идей и традиций. В частности, экзистенциально-мистический компонент активизирует интерес потенциальных туристов, апеллируя к эмоциям и необычным туристским впечатлениям. Данный компонент «темного» туризма позволяет повысить туристическую привлекательность культурно-исторических объектов посещения. Делается вывод, что органическое соединение эмоций и когнитивного осмысления исторического опыта открывает новые грани духовного познания, приобщения к национальным идеям. При этом, однако, необходимо учитывать, что чрезмерная эксплуатация развлекательной, праздной мотивации при посещении объектов, связанных с трагическими событиями, может иметь деструктивные последствия, приводить к инверсии культурных традиций, искажению истории.

Список источников

1. Šuligoj M., Rudan E. Media-generated characteristics of Homeland War-related commemorations in Croatia // *Memory Studies*. 2022. Vol. 0 (0).
2. Wang E., Shen C., Zheng J., Wu D., Cao N. The antecedents and consequences of awe in dark tourism // *Current Issues in Tourism*. 2021. Vol. 24 (8). P. 1169–1183.
3. Soulard J., Stewart W., Larson M., Samson E. Dark Tourism and Social Mobilization: Transforming Travelers After Visiting a Holocaust Museum // *Journal of Travel Research*. 2023. Vol. 62 (4). P. 820–840.
4. Stone P.R. A dark tourism spectrum: towards a typology of death and macabre related tourist sites, attractions and exhibitions // *Turizam: Međunarodni Znanstveno-Stručni Časopis*. 2006. Vol. 54 (2). P. 145–160.
5. Stone P.R. Enlightening the ‘dark’ in dark tourism // *Interpretation Journal*. 2016. Vol. 21 (2). P. 22–24.
6. Stone P.R. Dark tourism scholarship: a critical review // *International Journal of Culture, Tourism and Hospitality Research*. 2013. Vol. 7 (3). P. 307–318.
7. Tang Y. Contested Narratives at the Hanwang Earthquake Memorial Park: Where Ghost Industrial Town and Seismic Memorial Meet // *Geoheritage*, 2019. Vol. 11. P. 561–575.
8. Morris P., Arford T. “Sweat a little water, sweat a little blood”: A spectacle of convict labor at an American amusement park // *Crime, Media, Culture*. 2019. Vol. 15 (3). P. 423–446.
9. Bauer I.L. Death as attraction: the role of travel medicine and psychological travel health care in “dark tourism” // *Trop Dis Travel Med Vaccines*. 2021. Vol. 7. P. 24.

10. Frigerio A. Opening the Public Accessibility to the Wreckage of the RMS Titanic: Some Ethical Reflections // *Journal of Heritage Management*. 2022. Vol. 7 (1). P. 118–122.
11. Костромина Е.А., Сивова А.А., Косолапов Ю.В. Тюремный туризм как национальное наследие: зарубежный опыт // *Сервис в России и за рубежом*. 2019. № 13 (4 (86)). С. 42–53.
12. Рыбакова Е.В. Темный туризм в России: современное состояние, проблемы изучения // *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии*. 2013. Vol. 3 (17). С. 180–187.
13. Foley M., Lennon J.J. *Dark tourism*: Cengage Learning, EMEA, 2000.
14. Martini A., Buda D.M. Dark tourism and affect: framing places of death and disaster // *Current Issues in Tourism*. 2020. Vol. 23 (6). P. 679–692.
15. *Darker Side of Travel: The Theory and Practice of Dark Tourism* / ed. by R. Sheapley, P.R. Stone. Channel view publications. 2010. 286 p.
16. Lyu J., Wang L., Wei W. Mitigating Mortality Anxiety: Identifying Heritage Tourism's Role in Terror Management // *Journal of Travel Research*. 2022. Vol. 0 (0).
17. Kerr M.M., Stone P.R., Price R.H. Young tourists' experiences at dark tourism sites: Towards a conceptual framework // *Tourist Studies*. 2021. Vol. 21 (2). P. 198–218.
18. Hartmann R. Dark tourism, thanatourism, and dissonance in heritage tourism management: New directions in contemporary research // *Journal of Heritage Tourism*. 2014. Vol. 9 (2). P. 166–182.
19. Fabros M., Lopez E., Roma M. Dark tourism in the Philippine context: Indicators, motivations and spectrum // *Social Sciences & Humanities Open*. 2023. Vol. 7 (1). Art. 100452.
20. Горошко Н.В., Пацала С.В. Мрачный туризм как феномен экономики впечатлений // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2023. Т. 4. С. 355–373.
21. Гудденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь мир, 2004. 102 с.
22. Бунаева К.А. Ассоциативное поле как способ моделирования фрагмента языкового сознания // *Lingua mobilis*. 2011. № 6 (32). С. 51–58.
23. Рогач О.В., Фролова Е.В., Медведева Н.В. Туристский потенциал российских территорий: позиция муниципальных органов власти // *Вопросы экономики*. 2022. № 9. С. 125–138.
24. Houran J., Hill S.A., Haynes E.D., Bielski U.A. Paranormal Tourism: Market Study of a Novel and Interactive Approach to Space Activation and Monetization // *Cornell Hospitality Quarterly*. 2020. Vol. 61 (3). P. 287–311.
25. Морозов И.А. Жизнь после смерти в современных обществах: традиции и новации. Введение к специальной теме номера // *Сибирские исторические исследования*. 2019. № 4. С. 6–15.

References

1. Šuligoj, M. & Rudan, E. (2022) Media-generated characteristics of Homeland War-related commemorations in Croatia. *Memory Studies*. October. DOI: 10.1177/17506980221126608
2. Wang, E., Shen, C., Zheng, J., Wu, D. & Cao, N. (2021) The antecedents and consequences of awe in dark tourism. *Current Issues in Tourism*. 24(8). pp. 1169–1183.
3. Soulard, J., Stewart, W., Larson, M. & Samson, E. (2023) Dark Tourism and Social Mobilization: Transforming Travelers After Visiting a Holocaust Museum. *Journal of Travel Research*. 62(4), pp. 820–840.
4. Stone, P.R. (2006) A dark tourism spectrum: towards a typology of death and macabre related tourist sites, attractions and exhibitions. *Turizam: Međunarodni Znanstveno-Stručni Časopis*. 54(2). pp. 145–160.
5. Stone, P.R. (2016) Enlightening the 'dark' in dark tourism. *Interpretation Journal*. 21(2). pp. 22–24.
6. Stone, P.R. (2013) Dark tourism scholarship: a critical review. *International Journal of Culture, Tourism and Hospitality Research*. 7(3). pp. 307–318.
7. Tang, Y. (2019) Contested Narratives at the Hanwang Earthquake Memorial Park: Where Ghost Industrial Town and Seismic Memorial Meet. *Geoheritage*. 11. pp. 561–575.
8. Morris, P. & Arford, T. (2019) "Sweat a little water, sweat a little blood": A spectacle of convict labor at an American amusement park. *Crime, Media, Culture*. 15(3). pp. 423–446.
9. Bauer, I.L. (2021) Death as attraction: the role of travel medicine and psychological travel health care in "dark tourism." *Trop Dis Travel Med Vaccines*. 7. pp. 24.
10. Frigerio, A. (2022) Opening the Public Accessibility to the Wreckage of the RMS Titanic: Some Ethical Reflections. *Journal of Heritage Management*. 7(1). pp. 118–122.

11. Kostromina, E.A., Sivova, A.A. & Kosolapov, Yu.V. (2019) Tyuremnyy turizm kak natsional'noe nasledie: zarubezhnyy opyt [Prison tourism as a national heritage: foreign experience]. *Servis v Rossii i za rubezhom*. 13(4(86)). pp. 42–53.
12. Rybakova, E.V. (2013) Temnyy turizm v Rossii: sovremennoe sostoyanie, problemy izucheniya [Dark tourism in Russia: Current state, problems of study]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*. 3 (17). pp. 180–187.
13. Foley, M. & Lennon, J.J. (2000) *Dark Tourism: Cengage Learning*. EMEA.
14. Martini, A. & Buda, D.M. (2020) Dark tourism and affect: framing places of death and disaster. *Current Issues in Tourism*. 23(6). pp. 679–692.
15. Sheapley, R. & Stone, P.R. (eds) (2010) *Darker Side of Travel: The Theory and Practice of Dark Tourism*. Channel view publications.
16. Lyu, J., Wang, L. & Wei, W. (2022) Mitigating Mortality Anxiety: Identifying Heritage Tourism's Role in Terror Management. *Journal of Travel Research*. 62(6). pp. 1221–1236. DOI: 10.1177/00472875221126428
17. Kerr, M.M., Stone, P.R. & Price, R.H. (2021) Young tourists' experiences at dark tourism sites: Towards a conceptual framework. *Tourist Studies*. 21(2). pp. 198–218.
18. Hartmann, R. (2014) Dark tourism, thanatourism, and dissonance in heritage tourism management: New directions in contemporary research. *Journal of Heritage Tourism*. 9(2). pp. 166–182.
19. Fabros, M., Lopez, E. & Roma, M. (2023) Dark tourism in the Philippine context: Indicators, motivations and spectrum. *Social Sciences & Humanities Open*. 7(1). Art. 100452.
20. Goroshko, N.V. & Patsala, S.V. (2023) Mrachnyy turizm kak fenomen ekonomiki vpechatleniy [Dark tourism as a phenomenon of the experience economy]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 4. pp. 355–373.
21. Giddens, A. (2024) *Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [The Elusive World: How Globalization Is Changing Our Lives]. Translated from English. Moscow: Ves' mir.
22. Burnaeva, K.A. (2011) Assotsiativnoe pole kak sposob modelirovaniya fragmenta yazykovogo soznaniya [Associative field as a way of modeling a fragment of linguistic consciousness]. *Lingua mobilis*. 6(32). pp. 51–58.
23. Rogach, O.V., Frolova, E.V. & Medvedeva, N.V. (2022) Turistskiy potentsial rossiyskikh territoriy: pozitsiya munitsipal'nykh organov vlasti [Tourist potential of Russian territories: Position of municipal authorities]. *Voprosy ekonomiki*. 9. pp. 125–138.
24. Houran, J., Hill, S.A., Haynes, E.D. & Bielski, U.A. (2020) Paranormal Tourism: Market Study of a Novel and Interactive Approach to Space Activation and Monetization. *Cornell Hospitality Quarterly*. 61(3). pp. 287–311.
25. Morozov, I.A. (2019) Zhizn' posle smerti v sovremennykh obshchestvakh: traditsii i novatsii. Vvedenie k spetsial'noy teme nomera [Life After Death in Modern Societies: Traditions and Innovations. Introduction to the Special Issue Theme]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 4. pp. 6–15.

Сведения об авторах:

Фролова Е.В. – профессор, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия). E-mail: efrolova06@mail.ru

Рогач О.В. – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия). E-mail: rogach16@mail.ru

Величко А.В. – PhD докторант Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан); сеньор-лектор Высшей школы туризма и гостеприимства Университета «Туран» (Алматы, Республика Казахстан). E-mail: a.velichko@turand.edu.kz

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Frolova E.V. – Dr. Sci. (Sociology), full professor, professor at the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: efrolova06@mail.ru

Rogach O.V. – Dr. Sci. (Sociology), docent, professor at the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)
E-mail: rogach16@mail.ru

Velichko A.V. – PhD student, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan); senior lecturer, Higher School of Tourism and Hospitality, Turan University (Almaty, Republic of Kazakhstan). E-mail: a.velichko@turan-edu.kz

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.12.2024;
одобрена после рецензирования 17.07.2025; принята к публикации 07.08.2025*

*The article was submitted 05.12.2024;
approved after reviewing 17.07.2025; accepted for publication 07.08.2025*

Original article

УДК 316.346.3

doi: 10.17223/1998863X/86/10

POLICIES OF PRO-NATALISM AND CHINESE WOMEN: BIBLIOMETRIC ANALYSIS OF PUBLICATIONS IN WoS, 2013–2025

Linna Fu

National Research Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, lfu@hse.ru

Abstract. China has shifted from the one-child policy to the two- and three-child policies to cope with the low fertility rate and the aging of the population, but the fertility rate continues to be declining. The aim of this research is to answer the question: What paradoxes do Chinese women face under these pro-natalist policies? Through the bibliometric analysis of 33 WoS academic publications between 2013 and 2025, this research systematically combed the lack of academic discussion on Chinese policies of pro-natalism. Further, the research summarised four main research focus clusters: (1) economic constraints, including high parenting costs and motherhood penalties in the labour market; (2) social and cultural pressures, such as persistent boy preferences and the impact of population mobility; (3) family dynamics, focusing on the family division of labour and the role of intergenerational support; (4) institutional legacy issues, exploring the far-reaching impact of the one-child policy and the inadequacy of public child care and medical services. Such previous research together revealed controversial pro-natalist policies. Although the state encourages more births, existing structural barriers systematically disadvantage women. This research synthesises the existing knowledge in this field and points out the key directions for future policy formulation and academic inquiry.

Keywords: two-child policy, three-child policy, women, fertility, China

Acknowledgments: This work was prepared within the Basic Research Program at HSE.

For citation: Fu, L. (2025) Policies of pro-natalism and chinese women: bibliometric analysis of publications in WoS, 2013–2025. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 116–127. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/10

Научная статья

ПРОНАТАЛИСТСКАЯ ПОЛИТИКА И КИТАЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ: БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИЙ В WoS, 2013–2025

Линна Фу

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, lfu@hse.ru*

Аннотация. Китайская демографическая политика, разрешающая иметь троих детей в семье, включает переход от принудительного антинатализма к неоднозначному пронатализму. Библиометрический и тематический анализ аннотаций 33 статей в базе данных WoS (2013–2025 гг.) позволил выявить структурные напряжения между репродуктивной автономией и государственными целями и вызовы, с которыми сталкиваются китайские женщины под влиянием этой противоречивой политики.

Ключевые слова: политика в отношении двух детей, политика в отношении трех детей, женщины, рождаемость, Китай

Благодарности: работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Fu L. Policies of pro-natalism and chinese women: bibliometric analysis of publications in WoS, 2013–2025 // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 116–127. doi: 10.17223/1998863X/86/10

Introduction

China has reduced population growth with strict fertility control and family planning. China's 1980s one-child policy has some of the harshest penalties. These programs helped China rapidly transform its demographics in the 1990s [1]. Demographics changed from high to low mortality and fertility. Decreasing fertility rates extend from one-child policy on eugenics propaganda [2]. The too-fast demographic change in China challenges the problem of expanding to constructive pyramid shapes. To address population ageing and maintain society's prosperity, China's family-planning strategy shifted from anti-natalism to pro-natalism.

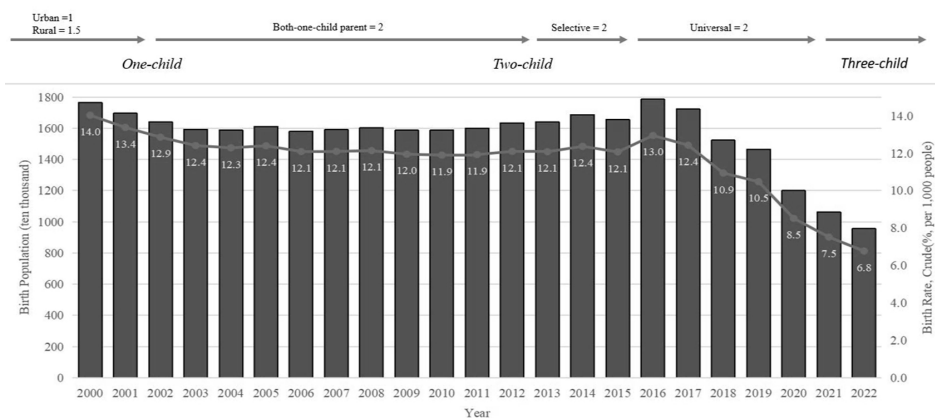

Figure 1. Birth condition and family-planning policies in 21st-century China

Source: National Bureau of Statistics

Firstly, the Chinese government carried out the complex two-child policy. It had three stages: the both-one-child parent phase (2002–2012)¹, the selective two-child phase (2013–2015)² and the universal two-child phase (2016–2020). Unfortunately, fertility rates only increased in the first two years of the universal two-child policy. The two-child policy stage did not significantly improve fertility rates or solve Chinese population development issues [3].

From the seventh census, China still has a large population of about 1.4178 billion people in 2021. However, a low birth rate and severe ageing problem plague China's demographic structure [4]. The 2020 fertility rate was 1.3, well below 2.1 (i.e., replacement-level fertility), and 18.7% of the population was elderly. China's

¹ The both-one-child parent policy refers to couples, both from one-child families, who can legally have two children.

² The selective two-child policy refers to a two-child fertility policy for couples where either the husband or the wife is from a one-child family.

development relies on the demographic dividend, fuelled by its massive working-age population. Moreover, China is a country home to various ethnic groups and cultural philosophies. Relaxing fertility policies to protect reservations' communities is crucial [5]. Some recommended more pro-natalist policies, while others declared elite dividends. The National Bureau of Statistics' data for the past decade reveals a reduction in the labour population, raising questions about the sustainability of previous family planning models [6]. To foster long-term balanced population development, the Chinese government has totally eased its family-planning policy against anti-natalism.

China swiftly transitioned from a one- to two-child policy in 2013 and introduced the three-child policy in 2021 to rejuvenate the ageing population, increase fertility, and reverse sex-ratio imbalance [7, 8]. Following the Constitution, the two-child and three-child policies promote population, economy, society, resources, and environmental harmony. These pro-natalist policies also support family planning, protect citizens' rights, and boost family happiness, national wealth, and social progress. However, the fertility rate has not increased as expected under pro-natalist policy phases [9].

At the end of the past century, most developed countries experienced lower-fertility traps. Cases have examined the potential reasons behind low fertility in order to safeguard national development [10]. Some European countries with subtly successful pro-natalism projects have survived demographic slumps [11–13]. Before China's one-child policy was repealed, reduced fertility rates were attributed to internal endogenous factors [10]. This historical setting made China a model and exceptional case of demographic transition.

Due to China's particular lower fertility traps, the three-child policy is legalised and promoted. The new regulation allows mainland Chinese couples to have three children. China directly communicates its goal of maintaining fertility by leveraging its "three-child" policy as a foundation. The first demographic transition outperformed the second near the end of the 20th century in China [1]. Therefore, projections suggest that the three-child policy, in addition to addressing demographic challenges, will enhance Chinese economic growth and promote regionalisation by facilitating a smooth demographic transition. For instance, fiscal expenditure and subsidy administration would have a strong correlation with three-child families [14]. The Chinese sandwich generation would manage living arrangements that involve both childbearing and caring for the elderly, benefiting from increased support provided by pro-natalism governing departments [15]. Kuhn and Neusius viewed that the three-child policy potentially copes with reducing economic inequality in China through mobility and migrant arrangements [16].

Nowadays, China has debated its pro-natalist policies, specifically between "allowing" and "advocating" [17]. The "allowing" approach suggests that younger generations have stronger intentions to reproduce and that providing generous fertility rights could lead to a baby boom, which may help address population challenges. The "advocating" strategy, based on government media initiatives, suggests that empowering people of childbearing age to begin having children will increase fertility rates. Since the "two-child" or "three-child" policies both limit legal births and penalise unanticipated overbirths, some researchers criticised these policies for not fully supporting pro-natalism. Indeed, loosening the fertility policy may arouse a regional birth boom. But, mostly, China has missed spontaneity in fertility [16].

Some researchers stated that before evaluating the efficacy of these pro-natalism programs, it is important to know what influences reproductive outcomes in the current reproductive population, especially for Chinese women [18, 18a, 19].

The pro-natalism era necessitates ongoing research into China's family planning policies and population development, particularly focusing on women as the primary subjects of study. Whyte [20] used bibliometrics to study the one-child policy and its derivatives across various dimensions. No bibliometric reviews of the two- and three-child policy stages exist. This disparity is partly due to the short policy development cycle and partly because typical female fertility-related bibliometric reviews are few.

This research synthesises Chinese women's fertility literature from the two-child and three-child policy periods using quantitative bibliometric analysis to fill this information gap. The bibliometric analysis is done using Bibliometrix, an open-source tool, Biblioshiny 5.0 [21]. The contributions of this study are as follows. Initially, it evaluates the bibliometric analysis and contains credible research trends. I link the evolution of the three-child phase to that of the two-child phase. The author then does a detailed analysis of themes and finds that economic problems, social expectations, family issues, and weaknesses in institutions have made it harder for women to be independent and have changed how the natalism policy is viewed in relation to gender during the three-child period.

Bibliometric analysis

Search methods

This study used electronic database searches to identify the Web of Science (WoS) Core Collection sources. The study focused on the two- and three-child policies, women, fertility, and China. The author determined the search strings for this research by reviewing various documents. The author searched for article titles, abstracts, and keywords using these words in WoS. The publication search using the given approach ran from January 2013 to May 2025, with the latest data update on 31 May 2025. The search strings and filtered results in Table 1 show that 33 items satisfied database criteria.

The inclusion criteria are (1) SCI and SSCI English articles in the WoS Core Collection from January 2013 to May 2025; (2) peer-reviewed; (3) full text online. Articles that were published before January 2013 or after May 2025 in WoS, those that did not focus on mainland Chinese women or the two-child or three-child policies, duplicates, conference papers, books, and other invalid publications, like those without full text online or that were not SCI or SSCI articles, are not included. The author found 33 WoS papers that fit.

Table 1. The search strings and results of WoS core collection

Scientific database	Search string	Results (N)
WoS Core collection	Language: English AND publication years: 2013-2025 TS = ("two-child" OR "two child" OR "three-child" OR "three child" OR "pro-natalism" OR "pro-natalism" OR "natalism" OR "pro-birth" OR "procreationism")	1025
	AND TS = ("fertility" AND "childbearing")	86
	AND TS = ("women" OR "female" OR "girl")	61
	AND TS = ("China" OR "Chinese" OR "mainland")	33

Annual scientific production and average citations per year

A comprehensive analysis of 33 publications (2013–2025) in WoS revealed two distinct developmental eras in China’s fertility policy and related research on women’s fertility:

The silent phase (2013–2017): The yearly count of published papers was almost nonexistent during this phase, which coincided with the selective two-child policy period. Mostly, women of reproductive age failed to satisfy the policy criteria. Researchers had not yet transitioned their focus from anti-natalism (i.e., one-child policy) to pro-natalism studies.

The transition to the fertility policy period, which spans from 2018 to 2025, is now underway: Subsequent to policy modifications in 2016, the annual publication output experienced a degree of enhancement. During the paper screening step, researchers discovered an insufficient number of studies explicitly focused on women and fertility. The 2022 peak may be linked to China’s extensive alteration in the family-planning policy towards a pro-natalism fertility framework.

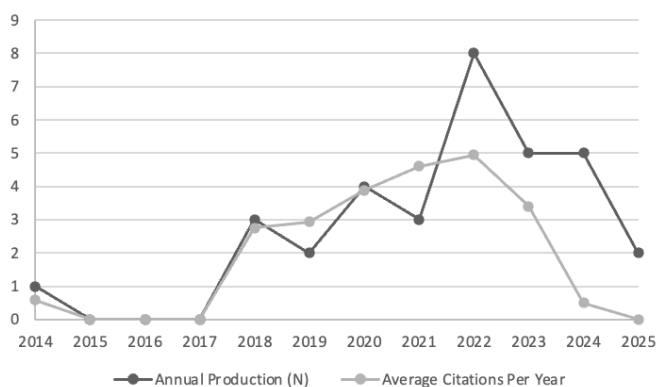

Figure 2. Production and average citations information

BMC Public Health and *International Journal of Environmental Research and Public Health* had the highest mean annual citation volume from 2020 to 2022 (Figure 2). Research focused on economic and physiological aspects affecting women’s fertility intentions. These papers are mostly from Chinese academic institutions, but the worldwide focus on pro-natalism is positive (Figure 3). Although having more than one child is no longer illegal in China, this policy could change in response to population studies conducted worldwide.

Table 2. Publication sources

Top 10 Sources (Core Sources by Bradford’s Law)	Articles (N)	References
BMC Public Health	4	[21–24]
International Journal of Environmental Research and Public Health	2	[25, 26]
American Journal of Human Biology	1	[27]
Applied Economics Letters	1	[28]
BMJ Sexual & Reproductive Health	1	[29]
Culture Health & Sexuality	1	[30]
Demography	1	[31]
Frontiers in Public Health	1	[32]
HOMO	1	[33]
Human Reproduction Open	1	[34]

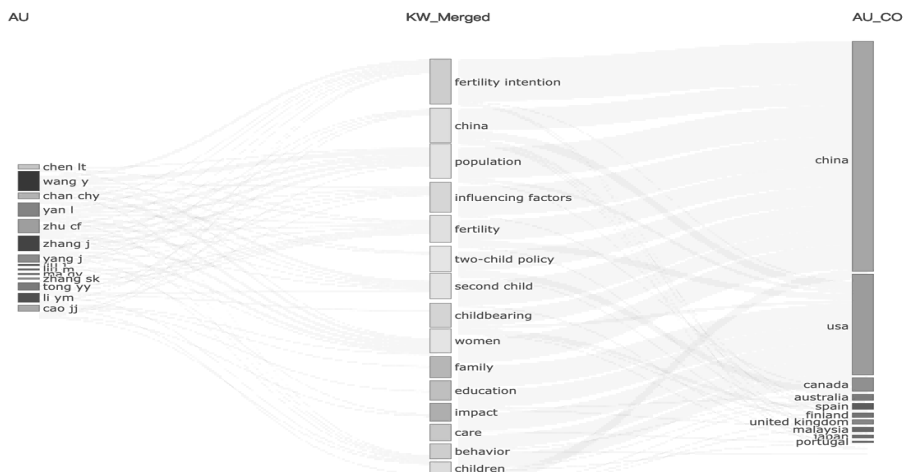

Figure 3. Authors' affiliation information

Research hotspots and trends

Population, childbearing, and fertility aim were thematic clusters in keyword co-occurrence analysis (Figure 4). Population research focuses on specific cohorts, such as cross-sectional evaluations of reproductive decisions regarding having a second or third child in central China [35]. Childbearing involves women's socio-economic growth [23, 36, 37], physiological elements [34, 38], psychological impacts [24], and cultural viewpoints [27]. Fertility intention, the primary outcome variable in many studies, do not require any further clarification.

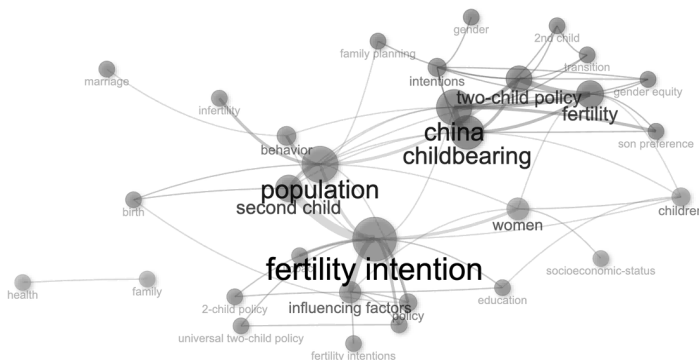

Figure 4. Keyword co-occurrence analysis

The author further examined WordCloud and Most Frequent Words since the articles' processing on such research subject was inadequate. In the WordCloud analysis, researchers demonstrated some potential for further research. For example, the "motherhood penalty" shows how pro-natalist policies make Chinese women more economically vulnerable, potentially reducing their desire to have children [39]. The term "migration" refers to China's population mobilities, including government-facilitated talent relocations and economic-driven labour migrations [40]. Migration and female fertility need further attention. Followingly, the research will examine the fundamental factors affecting Chinese women's fertility under the two- and three-child policies.

Figure 5. WordCloud output

Table 3. Most Frequent Words

Most Frequent Words-TOP 10	Frequency
fertility intention	10
childbearing	9
China	9
fertility	8
population	8
second child	6
two-child policy	6
women	6
children	5
influencing factors	5

Fertility policies and paradox conditions among Chinese women

The author employed bibliometric analysis to integrate papers on the two-child and three-child policies in the aforementioned section. Nevertheless, the author determined that bibliometric analysis alone could not elucidate the reasons behind the lack of an increased fertility rate among Chinese women despite their acceptance of the pro-natalism approach. Subsequently, the author dived into the 33 publications comprehensively to figure out particular aspects that might hinder fertility. Women suffer from having to face the paradox of the expectancy of increasing reproductive indicators while experiencing barriers to personal development when adopting pro-natalist policies.

Theme 1. Economic aspect

From a macroeconomic perspective, the relationship between fertility rates and economic status varies across various provinces in China [21, 41]. The classical point is that poorer regions have more babies. However, such a theory does not always accord with China’s reality, for some prosperous provinces like Guangdong have the highest population growth combined with economic development. Historically, families in poorer regions used several strategies to avoid punishment for having more children, including continuous mobility to different provinces or giving babies to other families to hide their violation records. Unfortunately, the one-child policy period resulted in the abandonment of newborn baby girls. Conversely, families from high-economic provinces were less affected by the one-child policy, as they had enough financial reserves to pay the higher penalty fees for having more children or sought additional maternity privileges through social capital [30].

The female labour market participation rate has been increasing as a result of both the reform and opening-up of the 1980s and the one-child policy. Especially when China became a member of the WTO in 2001, women could accept more employment chances. Many rural women also began participating in the labour market. “Women can hide half of the sky” was a slogan of that era of rapid economic growth. However, the Chinese government is now promoting traditional values by encouraging women to return to their families to build harmonious households. Hence, under trade liberalisation, women with income substitutions and a smaller intramarital gap prefer having more babies [42, 43].

The cost of living and raising children is an important factor in the three-child fertility outcomes. The popular joke in Chinese media that “High house prices are a powerful contraceptive” reveals how important economic factors are. Zhu et al. [32] pointed out that pro-natalist policies with high housing prices in large cities negatively affect fertility rates, but Pan and Yang [44] supported the positive association with housing prices and fertility rates. Home ownership may play a role in determining fertility behaviours. Families who own their homes are less likely to have more children than those who rent because of the burden of homeownership [37]. The high-quality neighbourhood environment also influences the decision to have more children [45]. Overall, the costs of childbearing and settling down in particular areas have a significant impact on fertility rates.

Theme 2. Social aspect

China’s fertility policies explicitly ban abandoning female babies and prohibit gender testing and screening during pregnancy. In most parts of the country, traditional culture still favours having male children. China’s patriarchal culture views men as more valuable labourers and grants them land use rights. China has a history of gender imbalances, and families may still prioritise having male offspring to provide security in old age [46]. Parents may choose to have a third child if they have already had two female offspring [21].

China exhibits a phenomenon of highly mobile populations. People delay marriage and have fewer children due to instability and high costs of childbearing in unsettled cities [47]. The rising costs of movement may potentially exacerbate the practice of leaving children behind. Urbanisation also plays a role in changing family structures and declining fertility intentions. As rural hukou (household registration) residents migrate to cities, they tend to settle and have lower expectations of large families, damaging fertility intentions. The liberalisation of fertility policies has had a greater impact in areas that are urbanising more rapidly.

Theme 3. Family aspect

The division of household labour and the fertility histories of Chinese women influence their fertility intentions. Research showed that families with two daughters have acceptable attitudes towards pro-natalism. And when husbands participate in housework, women are more likely to intend to have another child [27]. Urban women are less anxious about having a second child with a more egalitarian division of housework, while rural women are more concerned about total household income [48]. The legal policies related to the three-child policy primarily focus on maternity leave, which pressures women to choose between having more children or reducing their fertility to balance work and life.

Changes in Chinese family structures, which support the existence of multi-generational households, influence fertility intentions. Although severing parental

relations post-marriage is a complex endeavour, research indicated that cohabitation with the couple's parents does not markedly influence their reproductive aspirations, yet offers them support [49]. The practice of a "proximate residence", in which couples live in the same neighbourhood as their parents, is becoming more popular. Parental support can encourage couples to have children, but it is more effective for the wife's parents to address motherhood penalties [46]. Parents frequently urge couples to conceive a child of the opposite sex to their current offspring, particularly among women who are more receptive to parental influence and whose spouses are from large families. Women are more motivated by the belief that more children can increase future pension security, although this connection is weakening because of an ageing, more mobile, and more hedonistic population.

Theme 4. Institutional aspect

Firstly, the Chinese context supports that family-friendly policies have a positive impact on fertility intentions. Higher family well-being and a higher level of justification related to healthcare make people more likely to accept the three-child policy [43]. However, the mini baby boom of the universal two-child policy had the backfire on subsequent fertility intentions due to the deficiency of the public health systems. The lack of legal settings for maternal and child healthcare adversely affects fertility intentions at the three-child stage as well. Unfortunately, individuals with high fertility intentions fail to achieve their desired number of births due to inadequate resource allocation.

The subsequent impact of the anti-natalism period has become increasingly apparent [30]. During the one-child policy era, the government prioritised "eugenics." Chinese parents invest highly in childbearing and parenting, which discourages fertility. In China, childbirth and the care of the old are predominantly family-oriented responsibilities. Nowadays, children born during the one-child period become the crucial primary workforce. They meet difficulty with the dual pressures of having no more siblings to divide responsibilities for their parents and raising more children. There is no denying that the effect of the three-child policy is tightly associated with the overall welfare policies of a comprehensive healthcare system on childbearing and ageing.

Conclusion

This research examines China's three-child policy as an institutional reaction to demographic issues like ageing populations, declining fertility rates, and gender imbalances, not only as a pro-natalism measure. Earlier strategies focused on population control by coercion, but the three-child era shows a fragmented strategy that swings between limited reproductive autonomy and state-sanctioned fertility goals. Bibliometric analysis and multidimensional theme discussion challenge policy efficacy narratives. The research shows how structural constraints and women's agency affect fertility outcomes via four subtly influencing factors, potentially to procedure causality inference. This quantitative analysis of China's pro-natalist policies calls for a shift from demographic targeting to women-beneficial measures. Future changes should prioritise structural inequalities over birth quotas.

References

1. Zhang, X., Zhag, Y., Jiang, G., Tang, M., Chen, G. & Zhang, L. (2021) 中国低生育率研究进展 [Research Progress on Lower Fertility in China: A Literature Review]. *个文献综述* 27(6). pp. 9–21.

2. Rodriguez, S.M. (2023). The Rise and Demise of the One Child Policy, 1979–2015. In: *Cambridge University Press eBooks*. pp. 167–203. DOI: 10.1017/9781009019880.007
3. Lieming, F. (2019) Will China's "Two-child in one family" policy to spur population growth work? *Population and Economics*. 3(2). pp. 36–44. DOI: 10.3897/popecon.3.e37962
4. Akimov, A.V., Gemueva, K., & Semenova, N.K. (2021) The Seventh Population Census in the PRC: Results and Prospects of the Country's Demographic Development. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 91(6). Pp. 724–735. DOI: 10.1134/s1019331621060083
5. Huo, J., Zhang, X., Zhang, Z. & Chen, Y. (2020) Research on Population Development in Ethnic Minority Areas in the Context of China's Population Strategy Adjustment. *Sustainability*. 12(19). 8021. DOI: 10.3390/su12198021
6. Ye, J., Chen, Z. & Peng, B. (2021) Is the demographic dividend diminishing in China? Evidence from population aging and economic growth during 1990–2015. *Review of Development Economics*. 25(4). pp. 2255–2274. DOI: 10.1111/rode.12794
7. Peng, X. (2011) China's demographic history and future challenges. *Science*. 333(6042). pp. 581–587. DOI: 10.1126/science.1209396
8. Mu, G. (2021). Three Child Policy and the Optimization of Population Fertility in China: Background, Prospect and Vision. *Journal of Yangzhou University (Humanities and Social Sciences Edition)*. 25(4). pp. 65–77. 穆光宗. 三孩政策与中国人口生育的优化:背景、前景和愿景[J]. 扬州大学学报(人文社会科学版). DOI: 10.19411/j.cnki.1007-7030.2021.04.006
9. Lu, R., Gauthier, A. & Stulp, G. (2023) Fertility preferences in China in the twenty-first century. *Journal of Population Research*. 40(2). DOI: 10.1007/s12546-023-09303-0
10. Morgan, S.P. & Taylor, M.G. (2006) Low Fertility at the Turn of the Twenty-First Century. *Annual Review of Sociology*. 32(1). pp. 375–399. DOI: 10.1146/annurev.soc.31.041304.122220
11. OECD. (2023) *Exploring Norway's fertility, work, and family policy trends*. DOI: 10.1787/f0c7bddf-en
12. Cook, L.J., Iarskaia-Smirnova, E.R. & Kozlov, V.A. (2022). Trying to reverse demographic decline: Pro-Natalist and family policies in Russia, Poland and Hungary. *Social Policy and Society*. 22(2). pp. 355–375. DOI: 10.1017/s1474746422000628
13. Stone, L. (2025, February 6) *Does pronatal policy work? It did in France*. Institute for Family Studies. [Online] Available from: <https://ifstudies.org/blog/does-pronatal-policy-work-it-did-in-france>
14. Dong, W., Wang, X., Yuan, F., Wang, L., Gu, T., Zhu, B. & Shao, J. (2024) Will a government subsidy increase couples' further fertility intentions? A real-world study from a large-scale online survey in Eastern China. *Human Reproduction Open*. 4. DOI: 10.1093/hropen/hoae055
15. Ma, L. & Xu, J. (2025). Does living arrangement matter? Analyzing relations from Chinese women's perspective with cultural change. *Frontiers in Sociology*. 10. DOI: 10.3389/fsoc.2025.1516890
16. Kuhn, B. & Neusius, T. (2022) Will China's three-child policy defuse the demographic time bomb? *Wifin Working Paper*. No. 14/2022. RheinMain University of Applied Sciences, Wiesbaden Institute of Finance and Insurance (Wifin), Wiesbaden, ECONSTOR. [Online] Available from: <https://www.econstor.eu/handle/10419/266454>
17. Feng, X. (2021) "Two Children" or "Three Children, "Allowing" or "Advocating": Interpretation of the Policy Objectives of the National Family Planning Policy and Awareness Shift. *Journal of Jiangsu Administrative College*. 5. pp. 51–59. 风笑天. "二孩"还是"三孩", "允许"还是"提倡"?——国家生育政策调整的目标解读与认识转变[J]. 江苏行政学院学报, 2021 (5): 51-59. DOI: 10.3969/j.issn.1009-8860.2021.05.008.
18. Feng, W. & Cai, Y. (2021) Opinion | The Real Reason Behind China's Three-Child Policy. *The New York Times*. 8th June. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2021/06/07/opinion/china-three-child-policy.html>
- 18a. Teh, C. (2021) China's pivot to a 3-child policy won't make a dent in its declining birth rate because the country's young couples don't want kids. *Insider*. 1st June. [Online] Available from: <https://www.insider.com/chinas-3-child-policy-wont-work-heres-why-2021-6>
19. Whyte, M.K. (2019) China's One Child Policy. In: Montgomery, H. (ed.) *Oxford Bibliographies in Childhood Studies*. Doi: 10.1093/obo/9780199791231-0221
20. Aria, M. & Cuccurullo, C. (2017) bibliometrix: An R-tool for comprehensive science mapping analysis. *Journal of Informetrics*. 11(4). pp. 959–975. DOI: 10.1016/j.joi.2017.08.007
21. Yan, Z., Hui, L., Wenbin, J., Liuxue, L., Yuemei, L., Bohan, L. & Lili, W. (2021) Third birth intention of the childbearing-age population in mainland China and sociodemographic differences: a cross-sectional survey. *BMC Public Health*. 21(1). DOI: 10.1186/s12889-021-12338-8

22. Kang, L., Jing, W., Liu, J., Ma, Q., Zhang, S. & Liu, M. (2022). The prevalence of barriers to rearing children aged 0–3 years following China’s new three-child policy: a national cross-sectional study. *BMC Public Health*. 22(1). DOI: 10.1186/s12889-022-12880-z
23. Yang, H., Han, R. & Wang, Z. (2023). Third-child fertility intention and its socioeconomic factors among women aged 20–34 years in China. *BMC Public Health*. 23(1). DOI: 10.1186/s12889-023-15719-3
24. Qiao, P., Li, Y., Song, Y. & Tian, X. (2024) Female university students’ fertility intentions and their psychosocial factors. *BMC Public Health*. 24(1). DOI: 10.1186/s12889-024-18121-9
25. Liu, P., Cao, J., Nie, W., Wang, X., Tian, Y. & Ma, C. (2021). The Influence of Internet Usage Frequency on Women’s Fertility Intentions – The Mediating Effects of Gender Role Attitudes. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 18(9). 4784. DOI: 10.3390/ijerph18094784
26. Xiong, Y., Jiao, G., Zheng, J., Gao, J., Xue, Y., Tian, B. & Cheng, J. (2022) Fertility Intention and Influencing Factors for Having a Second Child among Floating Women of Childbearing Age. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 19(24). 16531. DOI: 10.3390/ijerph192416531
27. Zhang, L., Liu, J. & Lummaa, V. (2021). Intention to have a second child, family support and actual fertility behavior in current China: An evolutionary perspective. *American Journal of Human Biology*. 34(4). DOI: 10.1002/ajhb.23669
28. Ji, X., Chen, Q., Pan, Y. & Ning, B. (2025) Fertility opportunities and female executives’ career development: evidence from the two-child policy in China. *Applied Economics Letters*. 1–6. DOI: 10.1080/13504851.2025.2479648
29. Liu, J., Liu, M., Zhang, S., Ma, Q. & Wang, Q. (2019) Intent to have a second child among Chinese women of childbearing age following China’s new universal two-child policy: a cross-sectional study. *BMJ Sexual & Reproductive Health*. 46(1). pp. 59–66. DOI: 10.1136/bmjshr-2018-200197
30. Wang, E. & Hesketh, T. (2018) Exploring women’s decisions about childbearing after the lifting of the one-child policy. *Culture Health & Sexuality*. 20(11). pp. 1230–1243. DOI: 10.1080/13691058.2018.1424352
31. Thornton, A., Binstock, G., Yount, K.M., Abbasi-Shavazi, M.J., Ghimire, D. & Xie, Y. (2012) International Fertility Change: New Data and Insights From the Developmental Idealism Framework. *Demography*. 49(2). pp. 677–698. DOI: 10.1007/s13524-012-0097-9
32. Zhu, C., Yan, L., Wang, Y., Ji, S., Zhang, Y. & Zhang, J. (2022). Fertility Intention and Related Factors for Having a Second or Third Child Among Childbearing Couples in Shanghai, China. *Frontiers in Public Health*. 10. DOI: 10.3389/fpubh.2022.879672
33. Zhang, S., Zhang, S., Yang, H., Wang, J. & Wu, Y. (2023) Reproductive behaviour and longevity: Evidence from Chinese centenarians. *HOMO*. 74(1). pp. 33–44. DOI: 10.1127/homo/2023/1686
34. Lau, B.H., Huo, R., Wang, K., Shi, L., Li, R., Mu, S., Peng, H., Wang, Y., Chen, X., Ng, E. H. & Chan, C.H. (2018) Intention of having a second child among infertile and fertile women attending outpatient gynecology clinics in three major cities in China: a cross-sectional study. *Human Reproduction Open*. 4. DOI: 10.1093/hropen/hoy014
35. Chen, Q., Wang, A., Song, X., Liu, X., Liu, Y., Wei, J., Shu, J., Sun, M., Zhong, T., Luo, M., Wang, T., Zhang, S., Xie, D. & Qin, J. (2023) Fertility intentions to have a second or third child among the childbearing-age population in Central China under China’s three-child policy: A cross-sectional study. *Journal of Global Health*. 13. DOI: 10.7189/jogh.13.04072
36. Wei, J., Xue, J. & Wang, D. (2018) Socioeconomic determinants of rural women’s desired fertility: A survey in rural Shaanxi, China. *PLoS ONE*. 13(9). e0202968. DOI: 10.1371/journal.pone.0202968
37. Zhou, M. & Guo, W. (2019) Fertility intentions of having a second child among the floating population in China: Effects of socioeconomic factors and home ownership. *Population Space and Place*. 26(2). DOI: 10.1002/psp.2289
38. Zhu, C., Yan, L., He, C., Wang, Y., Wu, J., Chen, L. & Zhang, J. (2022) Incidence and risk factors of infertility among couples who desire a first and second child in Shanghai, China: a facility-based prospective cohort study. *Reproductive Health*. 19(1). DOI: 10.1186/s12978-022-01459-x
39. Meng, L., Zhang, Y. & Zou, B. (2022) The motherhood penalty in China: Magnitudes, trends, and the role of grandparenting. *Journal of Comparative Economics*. 51(1). pp. 105–132. DOI: 10.1016/j.jce.2022.10.005

40. Du, J. & King, C. (2025) Heterogeneous fertility responses to the two-child policy: growth-induced domestic migration and income effect. *Applied Economics*. 1–17. DOI: 10.1080/00036846.2025.2449619
41. Kane, D. & Li, K. (2021) Fertility cultures and childbearing desire after the Two-Child Policy: evidence from southwest China. *Journal of Family Studies*. 29(2). pp. 576–594. DOI: 10.1080/13229400.2021.1951813
42. Li, H., Shao, M. & Shi, X. (2022) The impact of trade liberalization on individual fertility intention: Empirical evidence from China. *Population Space and Place*. 28(6). DOI: 10.1002/psp.2563
43. Li, Q. & Xiao, D. (2024) Fertility Discrimination in the Chinese Labor Market: Evidence from a Correspondence Study and an Employer Survey. *Labour Economics*. 102668. DOI: 10.1016/j.labeco.2024.102668
44. Pan, Y. & Yang, H. (2022). Impacts of Housing Booms on Fertility in China: A Perspective from Homeownership. *International Regional Science Review*. 45(5). pp. 534–554. DOI: 10.1177/016001762111066472
45. Chen, H., Wang, X., Li, Z. & Zhu, Z. (2019) The Impact of Neighborhood Environment on Women's Willingness to Have a Second Child in China. *Inquiry*. 56. 004695801983323. DOI: 10.1177/0046958019833232
46. Lan, M. (2021) Relationship between Chinese Women's Childhood Family Background and their Fertility Intentions under Different Policy Conditions. *Journal of Child and Family Studies*. 30(12). pp. 3016–3028. DOI: 10.1007/s10826-021-02095-y
47. Guo, Q. (2023) How people's concepts of marriage, childbearing, childrearing, and child education affect their fertility willingness and behaviour under the three-child policy in China? *International Journal of Law Policy and the Family*. 37(1). DOI: 10.1093/lawfam/ebad028
48. Tong, Y., Gan, Y. & Zhang, C. (2023) Whose preference matters more? Couple's fertility preferences and realization in the context of China's Two-Child policy. *Journal of Family Issues*. 45(2). pp. 471–501. DOI: 10.1177/0192513x221150976
49. Qiu, H., Zhang, Q., Zhang, J., Wang, Q., Liu, L., Yang, J. & Hou, L. (2021) Fertility intentions among the working population of Dalian City born between 1980 and 1989. *Journal of Biosocial Science*. 54(3). pp. 533–544. DOI: 10.1017/s0021932021000213

Information about the author:

Fu L. – postgraduate student, International Laboratory for Social Integration Research, School of Sociology, Faculty of Social Sciences, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: lfu@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Сведения об авторе:

Фу Л. – аспирант Международной лаборатории исследований социальной интеграции; Школа социологии, факультет социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: lfu@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.06.2025;
одобрена после рецензирования 17.07.2025; принята к публикации 07.08.2025
The article was submitted 15.06.2025;
approved after reviewing 17.07.2025; accepted for publication 07.08.2025

Original article

УДК 316.422.42

doi: 10.17223/1998863X/86/11

THE GENDER GAP IN NIGERIAN TERTIARY STEM EDUCATION: CAUSES AND SOLUTIONS

Adeola Oluwatobi Oyewole

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
aoyevole@hse.ru*

Abstract. The systematic review discovers in what directions African scholars examine gender gap in STEM in Nigerian universities. The article describes the situation with gender inequality in the Nigerian STEM universities majors. However, African scholars do not discuss it widely. The database of articles published between 2013 and 2023 and (1) published in peer-reviewed journals, (2) related to gender stereotypes in Nigerian tertiary education (3) related to trends and status of women and girls in STEM in Nigeria contains just 15 items. This small number indicates that gender stereotypes are largely responsible for gender gap in STEM enrolment and presents threats to girls already enrolled in male-dominated STEM fields. The influence of the institutional conditions and culture in universities on girls enrolled in male-dominated STEM disciplines presents an understudied theme in the existing literature.

Keywords: STEM, gender stereotypes, higher education, Nigeria

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program and with the support of the Faculty of Social Sciences at HSE University, Moscow.

For citation: Oyewole, A.O. (2025) The gender gap in nigerian tertiary STEM education: causes and solutions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 128–135. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/11

Научная статья

ГЕНДЕРНЫЙ РАЗРЫВ В НИГЕРИЙСКОМ ВЫСШЕМ STEM-ОБРАЗОВАНИИ: ПРИЧИНА И РЕШЕНИЯ

Адеола Олуватоби Ойеволе

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, aoyevole@hse.ru*

Аннотация. Представлен систематический обзор, раскрывающий, в каких направлениях африканские ученые изучают гендерный разрыв в технических специальностях нигерийских университетов. Дана статистика, характеризующая гендерное неравенство и низкую представленность женщин в нигерийских университетах, специализирующихся в области STEM. Показано, что влияние институциональных условий и культуры в университетах на девочек, зачисленных на обучение по дисциплинам STEM, где преобладают мужчины, представляет собой недостаточно изученную в литературе тему.

Ключевые слова: STEM, гендерные стереотипы, высшее образование, Нигерия

Благодарности: статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований и при поддержке факультета социальных наук НИУ ВШЭ, Москва.

Для цитирования: Oyewole A.O. The gender gap in nigerian tertiary STEM education: causes and solutions // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 128–135. doi: 10.17223/1998863X/86/11

Introduction

Gender inequality in education is critical to a country's sustainable development because of its huge impact on women in terms of the perpetuation of poverty in both the present and the future [1]. Studies on women's education in the Sub-Saharan Africa region have shown that the patriarchal family structure, which fostered preference for male children over female children, has contributed to providing greater opportunity for boys than girls to pursue education. Girls' access to education is also hampered by poverty, child marriage, and violence against women which is prevalent in the region. As a result, girls are less likely to enrol in school, stay enrolled, or advance academically. Thus, generally, the education attainment of girls is poor since the majority of girls leave school before completing junior secondary education [2. P. 2].

The fields of Science, Technology, Engineering and Mathematics (STEM) in higher education are important in addressing the challenges of the twenty-first century. Several facets of our lives, such as health, agriculture, infrastructure, and renewable energy, have already benefited from advances made possible by STEM education. STEM education is also essential in reshaping future professions and empowering future generations to actively participate in creating sustainable societies [3]. More than ever, society is being advanced by higher quality education and the innovations and technologies that go along with it. Despite this, a lot of developing countries struggle to keep up with the rapid pace of development, leading to challenges in economic growth and responding to the needs of the most deprived parts of their societies.

Furthermore, STEM education is beneficial as it helps students become more creative, rational, innovative, productive, and immediately tied to real-world situations [4]. Employers across all industries value and demand for skills developed from STEM disciplines making STEM students extremely desirable while also opening up a variety of career choices for those with advanced technical training outside of STEM fields. Regrettably, women and girls are underrepresented in STEM fields in both their educational and professional careers.

From primary to tertiary institutions in Nigeria, there is a dearth of female students in scientific and technology disciplines [5. P. 7]. Generally speaking, the proportion of women in science and engineering in Nigeria decreases as students move up the academic ladder to postgraduate and professional levels as a result of gender stereotyping which is quite evident in the culture and customs of many ethnic groups in Nigeria [6. P. 2016]. As it is, automation, artificial intelligence, and the Internet of Things are now more important than ever in driving the Fourth Industrial Revolution and the future of employment according to the 2023 World Economic Report [7]. The optimal involvement of girls in studying and working in STEM fields will increase their potential for scientific innovations and improve the quality of STEM outcomes. For all countries, gender equality in STEM is therefore a successful development strategy as closing the gender gap in STEM is vital in

preventing the loss of enormous human resources that may support national growth and worsen gender inequity in society.

There is an urgent need to upgrade Africa's STEM environment. STEM personnel from African countries are needed to solve its development issues, addressing many challenges that the continent faces, such as poverty and inequalities, diseases, climate change impact, food and nutrition security, and digitization, among others, but the region currently falls short of satisfying this need [8]. Hence, issues relating to women in Nigeria are crucial to the development of the entire region. Nigeria has not done well when it comes to gender equality. According to the 2021 UNDP report, Nigeria scored 0.88 points in the Gender Development Index (GDI) in 2019, an increase from 0.87 points in previous years, showing a worsening gender disparity condition in the areas of wealth, health, and education [9].

With Nigeria having the biggest population in Africa and the greatest population of young people in the world, the optimal engagement of females in STEM disciplines at higher education levels is a necessary condition for achieving Nigeria's economic and social progress by enhancing human capital, slowing population growth, and alleviating poverty. This study seeks to assess relevant literature to understand in what directions African scholars examine fewer girls enrolling for STEM academic disciplines in Nigerian universities and what role gender stereotypes play in girls' identifying with STEM fields as well as the role of universities in bridging this gap in STEM fields.

Methodology

Literature search and selection

A combination of methods was used to identify the journal articles that were reviewed in the study. The research questions were used to search Google Scholar, which was the primary database utilized in the study. The results were supplemented with hand searches of literature using key concepts through major publishers (SAGE, Taylor & Francis) because they have peer reviewed journals that focus on gender, STEM, education and development.

A 10-year time factor was incorporated in the search, because the gender gap in STEM education only started receiving substantial attention by Nigerian scholars about a decade ago when the United Nations sustainable development goal 5 targeted empowering girls and women in STEM. Although there are numerous publications that assess the issues of gender equality in STEM globally, only 15 publications made up the final sample that was analysed in this review¹. In order to determine eligibility, I included studies that are: (1) published in peer-reviewed journals, (2) related to gender stereotypes in Nigerian tertiary education, (3) related to trends and status of women and girls in STEM in Nigeria, (4) published between 2013 and 2023. The studies that were excluded are: (1) related to primary and early childhood education, (2) related to women in the STEM workforce, (3) do not focus on female interests in STEM education, (4) do not provide sufficient information.

¹ The summary of the selected articles can be found here: <https://docs.google.com/document/d/165JLOTRfLPOjfmWR5JFciigKS3Hvq0e4/edit?usp=sharing&ouid=114664093225572044245&trpf=true&sd=true>

FINDINGS AND DISCUSSION

In order to answer the research inquiry of the study, the qualitative analysis categorised the final publications selected into three subgroups: gender gap in STEM enrolment, gender stereotypes in STEM higher education, and role of universities in closing the gender gap in STEM.

Gender gap in STEM enrolment

The significant low enrolment of girls in the fields of science, technology, engineering, and mathematics may be caused by a variety of socio-cultural and socio-psychological factors.

GENDER ROLES AND SOCIALIZATION

The practice of assigning values, status, and attitudes to people based on their gender during the socialization process have generated different forms of discrimination, deprivation, and inequities between boys and girls. Even when a large percentage of female secondary school students enrol in science courses, the misconception persists that women are by nature technologically illiterate and unable to absorb scientific and technological information. As a result, many women choose to major in the humanities and social sciences in universities [10. P. 12]. Additionally, stereotypes are also frequently present in the educational materials utilised by young people. Textbooks are the most common form of educational material in developing countries like Nigeria, and, as a result, they have precedence in the educational system. The Nigerian Government's recommended textbooks support and perpetuate the stereotypes that teachers are female and scientists are male. Men are typically featured more frequently than women in the STEM text books used in Nigerian schools [11. P. 4]. A study [12] demonstrated that there are gender discrepancies across STEM fields in Nigerian higher educational institutions. The study discovered that only medicine had a predominance of female students. The preference of majority of women in medical professional is due to the specialty primarily focused on treating and working with people. However, the predominance of female students in medicine does not translate into practice, as studies have shown that men outnumber women in several major medical specialties. And in contrast to male doctors, who held positions in a wider range of specialties, female doctors were concentrated in just one of two sub-specialties, gynaecology and paediatrics [13].

SELF EFFICACY

Self-efficacy is a concept from Bandura's popularised social cognitive theory that refers to a person's confidence in their capacity for accomplishment in a specific area of life [14]. As a result of the misconception that women lack the aptitude to succeed in STEM disciplines, their engagement in STEM has been significantly retarded [15. P. 10]. Lack of interest and confidence of young girls to enrol in STEM courses is as a result of the attribution of STEM fields as a masculine domain. However, in order to motivate more girls to enrol in STEM courses in universities, there should be early exposure of girls to STEM subjects. Adequately equipping students for professionalism by observing career days

regularly in schools to lecture them on the different career options available in STEM could also spike up the interest of girls.

Gender stereotypes in STEM higher education

Although it is logical to presume that girls enrolled in male-dominated STEM fields have effectively navigated stereotypes at home and in the classroom, making them less vulnerable to stereotypes and their effects, the reports of the lived experiences of these students reveal stereotypes, biases, chilly campus cultures, unsteady identities, and a wavering sense of belonging are still obstacles to a successful degree completion and profession entry.

STEREOTYPE THREATS AND CAREER ADVANCEMENT

Stereotype threat refers to a circumstance in which a person has a negative stereotype about his or her group and is anxious about being evaluated or treated negatively as a result of this stereotype [16]. Female undergraduates in male-dominated disciplines often reported greater rates of gender bias and stereotype threat [17]. Furthermore, [18] confirms that women who take STEM courses in tertiary institutions are less likely to pursue STEM professions and exit them earlier than their male colleagues. Although, there is a good trend in the performance of female engineering students relative to their male counterparts with an increase in the proportion of female students graduating with a first-class degree especially in electrical and mechanical engineering [19. P. 9], not every enrolled female engineering student completed their bachelor's degree in the field. The majority of those who did not finish switched to non-engineering courses for a variety of reasons while they were still in school. These girls reported different challenges including gender discrimination, masculinization of engineering, socio-cultural factors, self-limitation, sexual harassments, ignorance of prospects, fear-of-the-unknown, parental influence, energetic task, demand for ruggedness, fear of limited job opportunities and lower salaries, marital discrimination, leadership opportunities, etc. [20]. Clearly, gender stereotypes continue to diminish the sense of belonging and desire for young girls to advance in STEM careers.

ROLE MODELLING

Adopting role modelling and mentorship platforms are effective strategies for reducing the negative impact of gender stereotypes threats in STEM. However, these strategies are underutilised in Nigeria [21. P. 39]. The role of female role models in enhancing the participation of girls in STEM entails two unique challenges. The first is expanding the recruitment of women who enter the STEM pipeline and then enhancing the retention of women who are already in STEM. Female role models help in both of these endeavours by increasing the sense of belonging in STEM. Female students acknowledged the influence of female role models or mentors as inspirations to enrol in engineering and mathematical studies in sectors that they believed to be male-dominated [6. P. 2017]. This shows that women who are successful in STEM fields can significantly influence and attract young females into the industry. Such mentorship platforms can be established through organizing forums, workshops and STEM-posiums with sessions ranging from topics on new innovations, emerging discourses as well as challenges of students enrolled in STEM in Nigeria.

Role of universities in closing the gender gap in STEM

In addition to their customary responsibilities for producing knowledge via research and taking the lead in the development of highly skilled human resources via instruction and training, universities are expected to take on the role of defining gender equality and promoting women's leadership engagement while contributing to the transformation of society [22].

GENDER EQUITY IN ACADEMIA

The majority of lecturers in STEM departments in Nigerian universities are men [23]. This itself portrays the underrepresentation of females in STEM and justifies the notion that STEM fields are masculine in nature. Furthermore, women continue to trail considerably behind in managerial roles and positions of leadership in Nigerian universities [24]. While it is not true that women lack the ability, experience, qualifications, potentials, or attributes to be excellent leaders, the issue of gender has been actively debated in light of the prevalence of women in positions of decision-making in academic settings. Their awareness of this gender stereotype has progressively been ingrained, to the point that women themselves lack the confidence to take on leadership responsibilities [25]. Nonetheless, more women need to be promoted by universities into higher administrative and academic roles which would make them key players in decision-making.

FUNDING

Funding STEM education is crucial for Nigeria's global competitiveness, job creation, addressing skills gaps, and promoting gender equality and social inclusion [26]. Women and girls are often deprived of the access to be involved in innovative scientific and technological research due to limited finance. Scholarships for young girls and financing for women scientists are exceedingly scarce, signalling that more should be created. There are a few sporadic scholarships offered to exceptional female students in STEM disciplines. Collaborative efforts from the universities and the government and civil societal organizations are required in Nigeria in order to attract and retain more girls in STEM.

Conclusions and further research opportunities

The highlights of the review point at the sociocultural beliefs and practices which significantly influence socialization and attribution of gender roles to individuals as the main explanation of gender gap in STEM enrolment. The study also highlights how gender stereotypes and stereotype threats continue to diminish the sense of belonging and desire for girls to advance in STEM careers. Furthermore, the function of tertiary education as a societal institution as well as its role in closing the gender gap in STEM fields were further explored in the study. An increased emphasis on closing the gender gap in STEM fields has resulted from the realization that these fields have a large and directly causal role to play in economic productivity and innovation. This has an impact on the demands placed on universities to produce a sufficient gender-balanced number of qualified graduates despite persistent institutional and socio-cultural biases that inhibit representation of women in STEM education and career. Thus, there is a need for a better understanding of this subject in the context of Nigerian education landscape;

hence, further research can explore under-studied themes on how the institutional conditions and culture in universities influence the gendered experiences of female students enrolled in male-dominated STEM disciplines. Additionally, subsequent research can study the efficiency of specific initiatives designed to address the gender gap in STEM education, while also investigating the involvement of various stakeholders in translating gender equality policies into practice in order to encourage the recruitment and retention of females in STEM academic disciplines.

References

1. Okorafor, O., Woyengidubamo, K. & Okorafor, E. (2015) Women Participation in Science, Technology, Engineering and Mathematics in Nigeria: Challenges and Way Forward. *NAM Institute of the Empowerment of Women (NIEW) Journal*. 7. pp. 99–112
2. Adepoju, O.A., Ibhawoh, B. & Fayomi, O.O. (2020) Educational Disparity in Nigeria: A Gendered Analysis. *Journal of South African Business Research*. 2020. DOI: 10.5171/2020.276721
3. Codd, E., Venables, J. & Lewis, H. (2016) *Women in STEM. Technology, Career Pathways and the Gender Pay Gap*. Deloitte LLP: London, UK. [Online] Available from: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Digital-Inclusion/Women-and-Girls/Girls-in-ICT-Portal/Documents/deloitte-uk-women-in-stem-pay-gap-2016.pdf> (Accessed: 16th March 2024)
4. Widyia, W., Rifandi, R. & Rahmi, Y. (2019) STEM education to fulfil the 21st century demand: a literature review. *Journal of Physics: Conference Series*. 1317. DOI: 10.1088/1742-6596/1317/1/012208
5. Abdullahi, N., Abubakar, A., Jibrin-Abubakar, M. et al. (2019) Gender Gap in Science and Technology Education in Nigeria. *International Journal of Education and Evaluation*. 5(3).
6. Aderemi, H.O., Hassan, O.M., Siyanbola, W. & Taiwo, K.A. (2013) Trends in enrolment, graduation and staffing of science and technology education in Nigeria tertiary institutions: A gender participation perspective. *Educational Research Review*. 8(21). pp. 2011–2020. DOI: 10.5897/ERR08.084
7. World Economic Forum (WEF). (2023) *The Future of Jobs Report*. [Online] Available from: <https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2023/digest/> (Accessed: 5th June 2024).
8. Siwale, K., Mwalemba, G. & Rivett, U. (2023) Experiences of African women in STEM careers: A systematic literature review. *African Conference on Information Systems and Technology*. 9.
9. United Nations Development Program (UNDP). (2023) Gender Development Index (GDI) in Nigeria from 2010 to 2019. *Statista*. [Online] Available from: <https://www.statista.com/statistics/1272746/gender-development-index-in-nigeria/> (Accessed: 11th March 2024).
10. Kpabep, C.M. & Ihesinachi, K.A. (2013) Challenges for women in technical and science education in Nigeria. *Revista Internacional de Tecnología, Sostenibilidad y Humanismo*. 8. pp. 9–17.
11. Dele-Ajayi, O., Bradnum, J., Prickett, T., Strachan, R., Alufa F. & Ayodele, V. (2020) Tackling Gender Stereotypes in STEM Educational Resources. *IEEE Frontiers in Education Conference (FIE)*. Uppsala, Sweden, 2020, 1-7. DOI: 10.1109/FIE44824.2020.9274158
12. Onile-ere, O.A, Efekemo, O.P. & Eni, A.O. (2021) Science, technology, engineering and mathematics enrolment patterns and factors influencing the choice to study science among female secondary school students in Nigeria. *African Journal of Reproductive Health*. 25(s5). pp. 91–97. DOI: 10.29063/ajrh2021/v25i5s.8
13. Ebuenyi, I., Ikuabe, P., Ufonde, C., Onubogu, C. & Onyeka, I. (2017) Gender variations in specialties among medical doctors working in public healthcare institutions in Bayelsa State. *Nigerian Journal of Medicine*. 26(1). pp. 18–22. DOI: 10.4103/1115-2613.278827
14. Bandura, A. (1997) *Self-Efficacy: The Exercise of Control*. W H Freeman/Times Books/Henry Holt & Co.
15. Akinsowon, O.A. & Osisanwo, F.Y. (2014) Enhancing Interest in Sciences, Technology and Mathematics (STEM) for the Nigerian Female Folk. *International Journal of Information Science*. 4(1). pp. 8–12. DOI: 10.5923/j.ijis.20140401.02
16. Spencer, S.J., Logel, C. & Davies, P.G. (2016) Stereotype Threat. *Annual Review of Psychology*. 67. pp. 415–437. DOI: 10.1146/annurev-psych-073115-103235
17. Steele, J., James, J. B. & Barnett, R. (2002) Learning in a man's world: Examining the perceptions of undergraduate women in male-dominated academic areas. *Psychology of Women Quarterly*. 26. pp. 46–50.

18. Hammond, A., Rubiano, E., Kathleen, M., Sai, B. & Kumaraswamy, K. (2020) *The equality equation. Briefing note advancing the participation of women and girls in STEM*. World Bank Group
19. Abioye, A.A., Ishola, F.A., Abioye, O.P., Odunlami, O.A., Alayande, T.A. & Bolu, C.A. (2019) Gender and Academic Performance in Engineering: An Empirical Study in a Leading Nigerian University. *Journal of Physics Conference Series*. 1378(3). DOI: 10.1088/1742-6596/1378/3/032039
20. Longe, O.M. & Ouahada, K. (2019) A Literature Review on Challenges and Opportunities for women in Engineering. *IEEEAFRICON*. 1–6. DOI: 10.1109/AFRICON46755.2019.9133955
21. Eraikhuemen, L. & Oteze, I.K. (2015) An empirical study of the perception of undergraduates of Nigerian female participation in science, technology and mathematics. *Journal of International Women's Studies*. 16(3). pp. 33–41.
22. Adepoju, T.L. (2022) Management Strategies and Policy Initiatives for Bridging Gender Gap in Science and Technology Education in Nigerian Higher Institutions of Learning. *Bulgarian Journal of Science and Education Policy*. 16(1).
23. Statista Research Department. (2022) *Academic staff at universities in Nigeria as of 2019, by discipline and gender*. [Online] Available from: <https://www.statista.com/statistics/1263204/academic-staff-at-universities-in-nigeria-by-discipline/> (Accessed: 30th September 2024).
24. Mama, A. (2003) Restore, reform but do not transform: The gender politics of higher education in Africa. *Journal of Higher Education in Africa*. 1(1). [Online] Available from: <http://hdl.handle.net/11427/26797>
25. Okorafor, O., Nnajofofor, F., Okorafor, P. & Enemuoh, E. (2013) Towards Gender Equality in Educational Leadership: A Case Study of Selected Tertiary Institutions in Nigeria. *NAM Institute of the Empowerment of Women (NIEW) Journal*. 5. pp. 47–62.
26. Suleiman, B., Ibrahim, A. & Aliyu, G. (2023) *Funding STEM education at tertiary level in depressed economy in Nigeria: Challenges and a possible way out*. Paper presented at 2023 Conference & AGM of Committee of Deans of Education in Nigerian Universities.

Information about the author:

Oyewole A.O. – postgraduate student at the Department of Sociology, research intern at the International Laboratory for Social Integration Research, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: aoyewole@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Сведения об авторе:

Ойеволе А.О. – аспирант департамента социологии, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований социальной интеграции Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: aoyewole@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2025;
одобрена после рецензирования 17.07.2025; принята к публикации 07.08.2025
The article was submitted 20.05.2025;
approved after reviewing 17.07.2025; accepted for publication 07.08.2025*

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 321.01
doi: 10.17223/1998863X/86/12

ПОЛИТИКО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ АСИММЕТРИИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: WeChat И VK КАК ИНСТРУМЕНТЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Сергей Владимирович Бирюков¹, Сергей Николаевич Чирун²,
Джан Лин³

¹ Восточно-китайский педагогический университет, Шанхай, Китай, birs.07@mail.ru

² Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, Sergii-Tsch@mail.ru

³ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, 2177980737@qq.com

Аннотация. Осуществляется поиск новых моделей, связанных с реализацией функций цифрового управления, а также анализ технологического сопровождения цифрового политического управления, а также процессуальным возможностям и ограничениям его реализации. Определяется, как национальные особенности WeChat и VK влияют на репрезентацию двусторонних отношений и реализацию «мягкой силы» в цифровом пространстве.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, «мягкая сила», социальные медиа, российско-китайские отношения, WeChat, VK, политическая коммуникация.

Благодарности: статья поддержана Центром изучения России Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай) в рамках грантового проекта – the MOE Project of Key Research Institute of Humanities and Social Sciences in Universities of China, the Project Number is: 22JJD810010.

Для цитирования: Бирюков С.В., Чирун С.Н., Лин Д. Политико-коммуникационные асимметрии в цифровом пространстве: WeChat и VK как инструменты «мягкой силы» в российско-китайских отношениях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 136–146. doi: 10.17223/1998863X/86/12

POLITICAL SCIENCE

Original article

POLITICAL-COMMUNICATION ASYMMETRIES IN DIGITAL SPACE: WECHAT AND VK AS “SOFT POWER” TOOLS IN RUSSIA–CHINA RELATIONS

Sergei V. Biryukov¹, Sergey N. Chirun², Dzhan Lin³

¹ Center for Russian Studies of East China Normal University, Shanghai, China, birs.07@mail.ru

² Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation, Sergii-Tsch@mail.ru

³ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation 2177980737@qq.com

Abstract. This study examines how China’s WeChat and Russia’s VK – two nationally dominant social media platforms – shape the representation of bilateral relations and the implementation of “soft power” in the digital space. It employs a mixed-methods approach, combining content analysis of posts (2021–2025), network analysis of content dissemination, and discursive mapping of key narratives. The analysis revealed that the Chinese model, embodied by WeChat, constitutes a highly effective system for centralized management of political narratives, ensuring exceptional consistency in messaging about strategic partnership. The Russian platform VK demonstrates an alternative approach, combining elements of state regulation with relative freedom for public discourse, creating a more pluralistic yet less controlled communication space. These differences stem not only from the platforms’ technical features but also reflect deeper divergences in political cultures and conceptions of digital sovereignty. Social media have not merely become a new channel for disseminating political narratives – they have fundamentally altered the very nature of international communication, making it more interactive, algorithm-driven, and dependent on platform architecture. This necessitates the development of new analytical frameworks capable of accounting for both the technological specificities of digital ecosystems and their interplay with traditional foreign policy institutions.

Keywords: digital diplomacy, “soft power”, social media, Russian–Chinese relations, WeChat, VK, political communication

Acknowledgments: The article was supported by the Center for Russian Studies of East China Normal University (Shanghai), within the framework of the grant project - the MOE Project of Key Research Institute of Humanities and Social Sciences in Universities of China, the Project Number is: 22JJD810010.

For citation: Biryukov, S.V., Chirun, S.N. & Lin, D. Political-communication asymmetries in digital space: WeChat and VK as “soft power” tools in Russia–China relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 135–146. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/12

Современные международные отношения все больше формируются в цифровом пространстве, где социальные медиа выступают не только каналами коммуникации, но и инструментами конструирования политических нарративов [1. P. 151–173; 2. P. 75–78; 3. P. 117–119]. Особую роль они играют в реализации стратегий «мягкой силы», направленных на формирование привлекательного образа государства и его продвижение [4; 5. P. 89–112; 6. P. 213; 7. P. 302; 8. С. 41]. В контексте российско-китайского стратегического партнерства анализ цифровых платформ WeChat (Китай) и VK (Россия) позволяет выявить ключевые асимметрии в подходах к политической коммуникации [9. С. 170; 10. С. 48–57; 11. С. 173; 12].

Цель исследования – определить, как национальные особенности WeChat и VK влияют на репрезентацию двусторонних отношений и реализацию «мягкой силы» в цифровом пространстве.

В ходе работы были использованы следующие методы исследования: контент-анализ публикаций о России на WeChat и о Китае на VK (2021–2025 гг., N = 15 000), сетевой анализ распространения контента, дискурсивное картирование ключевых нарративов.

Теоретические рамки: социальные медиа как инструменты «мягкой силы»

Современная политическая коммуникация претерпела радикальную трансформацию с появлением цифровых платформ, которые переосмыслили традиционные механизмы реализации «мягкой силы». Концепция Джозефа Ная, из-

начально разработанная для анализа привлекательности национальных культур и политических ценностей, в цифровую эпоху обрела новые измерения через призму социальных медиа [13. С. 905; 14. С. 48–57; 15. С. 62]. Эти платформы стали не просто каналами передачи информации, а сложными экосистемами, где конструируются политические нарративы, формируются коллективные представления и осуществляется символическая борьба за влияние [16, 17].

Ключевой особенностью цифровой «мягкой силы» является ее способность преодолевать традиционные барьеры пространства и времени, создавая непосредственные каналы коммуникации между государствами и иностранными аудиториями. В отличие от классических инструментов публичной дипломатии, социальные медиа обеспечивают: интерактивность взаимодействия, алгоритмическую персонализацию контента, возможность тонкой настройки сообщений для различных целевых групп, а также мгновенную обратную связь через показатели вовлеченности пользователей [18. С. 142–151].

В контексте российско-китайских отношений цифровые платформы выполняют двойственную функцию. С одной стороны, они служат инструментами продвижения официальных нарративов о стратегическом партнерстве, создавая согласованную картину двустороннего взаимодействия [11. С. 134], с другой – становятся пространством для формирования транснациональных сетевых сообществ, чья деятельность может как дополнять, так и корректировать государственные внешнеполитические инициативы. Особую значимость приобретает способность платформ конструировать эмоционально насыщенные образы стран-партнеров, которые часто оказываются более устойчивыми, чем рациональные политические аргументы [19. Р. 340; 20. Р. 971]. Теоретическое осмысление этого феномена требует синтеза нескольких исследовательских перспектив. Концепция «цифровой публичной дипломатии» [1. Р. 140] акцентирует внимание на трансформации традиционных дипломатических практик под влиянием социальных медиа. Теория сетевого общества (М. Кастельс) объясняет, как власть в цифровую эпоху концентрируется в узлах информационных потоков. Концепция «алгоритмической власти» раскрывает механизмы, через которые платформенные алгоритмы структурируют политическое восприятие. В частности, исследуется алгоритмическое управление в цифровой дипломатии на примере Китая и России [1; 10. С. 210]. Подробное исследование архитектуры WeChat как инструмента политического управления представлено в [2. Р. 103–290; 9. С. 168–175]. Предлагается критический анализ роли платформ в формировании политических нарративов [3. Р. 53–250].

Применительно к WeChat и VK эти теоретические подходы позволяют выявить фундаментальное противоречие: между стремлением государств к контролю над цифровыми пространствами (концепция «информационного суверенитета») и имманентной для социальных медиа логикой сетевой самоорганизации [21, 22]. Китайская модель, реализуемая через WeChat, демонстрирует попытку гармонизировать это противоречие через создание централизованной, но технологически совершенной экосистемы [23. С. 135–148; 24. С. 137–155]. Российский подход, воплощенный в VK, отражает поиск баланса между государственным регулированием и сохранением элементов цифрового плюрализма [8].

Особую теоретическую ценность представляет анализ того, как национальные цифровые экосистемы становятся зеркалом более широких различий в политических культурах [25. Р. 146–232]. Авторитарная модернизация Китая порождает модель, где технологическая инновационность сочетается с жестким идеологическим контролем. Российская «управляемая плюральность» создает более противоречивую среду, где элементы критического дискурса сосуществуют с официальными нарративами. Эти различия принципиально важны для понимания того, как «мягкая сила» адаптируется к цифровой реальности XXI в.

Таким образом, социальные медиа трансформируют саму природу «мягкой силы», добавляя к традиционным параметрам (культурная привлекательность, политические ценности) новые измерения: скорость распространения информации, способность к микротаргетированию сообщений, интеграцию пользовательского контента в официальные нарративы [26. С. 138–152]. Это требует пересмотра классических теоретических моделей и разработки новых аналитических инструментов, способных уловить динамику цифрового политического влияния в условиях технологической асимметрии между различными моделями интернет-регулирования.

Эмпирический анализ: асимметрии WeChat и VK

Сравнительное исследование политического контента на платформах WeChat и VK выявляет фундаментальные различия в их архитектуре, содержательных приоритетах и механизмах взаимодействия с аудиторией, которые формируют асимметричную модель цифровой коммуникации между Россией и Китаем.

Институциональная архитектура и генерация контента WeChat функционируют как вертикально интегрированная экосистема, где доминируют государственные акторы: 58% контента о России создается официальными СМИ (Xinhua, People's Daily) и верифицированными аккаунтами государственных структур. Это обеспечивает высокую степень согласованности нарративов, фокусирующихся на стратегическом партнерстве (32% публикаций), экономическом сотрудничестве (28%) и критике западной гегемонии (19%). Алгоритмическая подача контента минимизирует видимость альтернативных точек зрения – лишь 5% материалов содержат элементы критического анализа.

В отличие от этого, VK демонстрирует полицентричную модель: лишь 14% контента о Китае генерируется государственными источниками (РИА Новости, ТАСС), тогда как 36% приходится на тематические сообщества («Китайский язык», «Шелковый путь 2.0») и 29% – на независимые медиа. Это создает плюралистичное, но фрагментированное информационное поле, где политические темы (32%) конкурируют с культурными (33%) и образовательными (12%).

В ходе проведенного исследования были выявлены тематические и тональные асимметрии. Так, проведенный нами анализ 10,000 публикаций (2021–2025 гг.) выявил, что WeChat формирует «отфильтрованный» образ России:

- 82% материалов используют позитивные фреймы («надежный партнер», «оплот суверенитета»);
- ключевые темы – энергетическое сотрудничество (24%), координация в ООН и БРИКС (18%), военно-технические проекты (12%);

– визуальный ряд акцентирует внимание на официальные встречи лидеров (61% изображений) и инфраструктурные объекты (23%).

На VK образ Китая отличается многомерностью:

– позитивные оценки преобладают (52%), но критический дискурс достигает 20% (например, это фразы «демпинг товаров», «экологические риски инвестиций»);

– наряду с политикой (взаимодействие в ШОС – 14%, критика санкций – 11%) значительное внимание уделяется повседневной культуре (кухня, традиции – 17%) и технологическим достижениям (5G, электромобили – 13%);

– визуальный контент сочетает официальную символику (38%) с пользовательским контентом – путешествия-фото (29%), мемами (11%).

С другой стороны, исследование показало, что на платформе WeChat вовлеченность аудитории жестко коррелирует с типом источника. Здесь коэффициент репостов из государственных СМИ в 3,2 раза выше, чем у независимых блогеров.

Было установлено, что на платформе WeChat 89% всех комментариев к политическим материалам, по сути, дублируют формулировки из официальных сообщений.

Обсуждения на платформе WeChat в значительной мере носят ритуальный характер: средняя длина комментария – 12 против 27 слов на VK.

Наше исследование показало, что в российской экосистеме VK наблюдаются иные паттерны:

– наибольшую активность вызывают посты с элементами интерактивности (опросы, тесты +142% к вовлеченности);

– в политических дискуссиях формируются устойчивые кластеры: «прагматики» (акцент на выгодах сотрудничества – 41%), «скептики» (критика зависимости от Китая – 23%), «культурные энтузиасты» (36%);

– алгоритмы усиливают поляризацию – 68% пользователей взаимодействуют только с контентом, соответствующим их предыдущим реакциям.

Платформа WeChat ориентирована на превентивную модерацию. Так, система «Золотой щит» фильтрует 92% потенциально спорных упоминаний о России, а время жизни критических комментариев не превышает 17 минут.

В VK иная ситуация. Здесь 43% жалоб на «неуместный» контент о Китае остаются без модерации, а критические обсуждения на тему Китая сохраняются в среднем 9 часов.

Эти различия отражают институциональную асимметрию: WeChat функционирует как инструмент государственной коммуникации, тогда как VK балансирует между официальным дискурсом и общественной самоорганизацией. Результатом становится формирование принципиально разных цифровых ландшафтов, где китайская платформа обеспечивает управляемую гармонизацию образов, а российская – конкурентное пространство интерпретаций [27. С. 348–361].

Обсуждение: последствия асимметрий для двусторонних отношений

Выявленные коммуникационные асимметрии между WeChat и VK формируют сложную динамику в российско-китайских отношениях, оказывая многоуровневое воздействие на политические, экономические и социокуль-

турные аспекты взаимодействия двух стран. Эти различия не просто отражают технические особенности платформ, но воплощают фундаментальные расхождения в подходах к цифровому суверенитету и управлению информационными потоками, что имеет далекоидущие последствия для стратегического партнерства.

На институциональном уровне наблюдаются существенные различия в эффективности механизмов координации цифровых нарративов. Китайская модель, реализуемая через WeChat, демонстрирует исключительную согласованность в продвижении ключевых сообщений о стратегическом партнерстве, что усиливает позиционирование России как надежного союзника в китайском информационном пространстве. Однако эта монолитность достигается ценой ограничения плюрализма мнений, что снижает способность системы к гибкой адаптации при изменении политического контекста. Российская экосистема VK, напротив, обеспечивает более аутентичный, но менее управляемый дискурс, где официальные нарративы вынуждены конкурировать с альтернативными интерпретациями двусторонних отношений.

В сфере общественного восприятия асимметрии платформ порождают существенные различия в формировании образов стран-партнеров. Анализ показывает, что китайские пользователи WeChat получают тщательно отфильтрованную и эмоционально позитивную картину России, акцентирующую геополитическую солидарность и экономическую взаимодополняемость. В российском сегменте VK образ Китая отличается большей многомерностью – наряду с признанием стратегической важности партнерства сохраняется значительный пласт прагматической критики, касающейся торгового дисбаланса, экологических рисков и культурных различий. Эти расхождения в массовом восприятии создают различную социальную базу для двусторонних инициатив.

Экономические последствия коммуникационных асимметрий проявляются в дифференцированном воздействии на бизнес-среду. WeChat как интегрированная экосистема обеспечивает китайским компаниям эффективные инструменты продвижения в России, но в рамках жестко заданных политических рамок. Российский бизнес на VK сталкивается с более конкурентной и критически настроенной средой, что требует разработки более тонких коммуникационных стратегий. Примечательно, что именно в экономическом сегменте наблюдается наибольшая конвергенция подходов – обе платформы демонстрируют рост профессиональных сообществ, фокусирующихся на практических аспектах сотрудничества вне идеологического контекста.

В области публичной дипломатии асимметрии создают как возможности, так и вызовы. WeChat позволяет китайской стороне проводить целенаправленные и измеримые кампании по формированию позитивного образа, но ограничивает потенциал для подлинного диалога. Российские акторы на VK получают доступ к более живой и разнообразной аудитории, но сталкиваются с трудностями в консолидации единого нарратива [28. С. 255–268]. Особенно показательно различие в работе с «болевыми точками» отношений – если китайская сторона системно исключает потенциально конфликтные темы из дискурса, российские участники вынуждены разрабатывать сложные коммуникационные стратегии для работы с критикой [29. С. 210–214].

Технологические асимметрии платформ также имеют значимые политические последствия. Интегрированная архитектура WeChat с ее мини-программами и платежными сервисами создает комплексную среду для «бесшовного» продвижения китайских нарративов. VK, сохраняя более традиционную модель социальной сети, обеспечивает большую прозрачность коммуникационных потоков, но проигрывает в возможностях глубокой интеграции различных сервисов. Это различие особенно заметно в контексте реализации совместных проектов в рамках инициативы «Пояс и путь», где китайская сторона демонстрирует существенное технологическое превосходство в цифровой сфере.

Перспективы гармонизации этих асимметрий связаны с развитием «гибридных» форматов взаимодействия, которые могли бы сочетать технологические преимущества WeChat с дискуссионным потенциалом VK. Особенно перспективными представляются направления образовательного и культурного обмена, где различия платформ могут превратиться из ограничения в ресурс для создания более богатого и многомерного пространства двусторонней коммуникации. Ключевым вызовом остается поиск баланса между управляемостью контента и аутентичностью взаимодействия – того самого баланса, который определяет эффективность «мягкой силы» в цифровую эпоху.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы. Проведенное исследование цифровых асимметрий между WeChat и VK в контексте российско-китайских отношений раскрывает фундаментальные различия в подходах к реализации «мягкой силы» через социальные медиа. Анализ показал, что китайская модель, воплощенная в WeChat, представляет собой высокоэффективную систему централизованного управления политическими нарративами, обеспечивающую исключительную согласованность сообщений о стратегическом партнерстве. Российская платформа VK демонстрирует альтернативный подход, сочетающий элементы государственного регулирования с относительной свободой общественной дискуссии, что создает более плюралистичное, но менее управляемое коммуникационное пространство. Эти различия не только коренятся в технических особенностях платформ, но и отражают более глубокие расхождения в политических культурах и концепциях цифрового суверенитета.

Практическая значимость исследования заключается в выявлении как сильных сторон, так и ограничений каждой из моделей. WeChat демонстрирует беспрецедентную способность к консолидации официального дискурса и формированию единого эмоционально позитивного образа партнера, но страдает от недостатка гибкости и ограниченного потенциала для подлинного диалога. VK, напротив, обеспечивает более аутентичную обратную связь и возможности для гражданской вовлеченности, но сталкивается с проблемами фрагментации нарративов и непредсказуемости общественной реакции. Эти особенности имеют непосредственное значение для разработки стратегий цифровой дипломатии, требующих тонкой настройки под специфику каждой платформы и ее пользовательской аудитории.

Особого внимания заслуживает выявленная динамика взаимодействия между официальными и пользовательскими нарративами. В китайской системе наблюдается практически одностороннее влияние государственного

дискурса на общественное мнение, тогда как российская модель допускает определенную взаимозависимость, когда официальные позиции вынуждены учитывать настроения цифрового сообщества. Эта разница принципиально важна для понимания механизмов формирования общественной поддержки двусторонних инициатив в каждой из стран.

Перспективы дальнейшего развития российско-китайского цифрового взаимодействия видятся в двух взаимодополняющих направлениях. С одной стороны, существует потребность в создании специализированных кросс-платформенных форматов, которые могли бы преодолеть существующие асимметрии за счет комбинации технологических преимуществ WeChat и коммуникационного потенциала VK. С другой стороны, необходимо углубленное изучение пользовательских практик на обеих платформах для разработки более тонких и эффективных инструментов публичной дипломатии, учитывающих культурные и политические особенности каждой аудитории.

В более широком теоретическом контексте исследование подтверждает необходимость переосмысления классических концепций «мягкой силы» в условиях цифровой трансформации международных отношений. Социальные медиа не просто стали новым каналом распространения политических нарративов – они коренным образом изменили саму природу международной коммуникации, сделав ее более интерактивной, алгоритмизированной и зависимой от платформенной архитектуры. Это требует развития новых аналитических подходов, способных учитывать как технологические особенности цифровых экосистем, так и их взаимодействие с традиционными институтами внешней политики.

Проведенный анализ свидетельствует, что будущее российско-китайского стратегического партнерства в цифровую эпоху будет во многом зависеть от способности обеих сторон превратить выявленные коммуникационные асимметрии из источника потенциальных разногласий в ресурс для обогащения двустороннего диалога. Решение этой задачи потребует как технической координации на уровне платформ, так и концептуального переосмысления подходов к цифровой дипломатии в условиях растущей геополитической турбулентности.

Список источников

1. *Bjola C., Jiang L.* Digital Diplomacy and the Political Economy of Influence. Oxford University Press, 2023. 288 p.
2. *Zeng J.* Algorithmic Governance in China: The WeChat Model. MIT Press, 2024. 320 p.
3. *Woolley S.* Manufacturing Consensus: How Platforms Shape Political Narratives. Yale University Press, 2024. 256 p.
4. *Bradshaw S., Howard P.N.* Computational Propaganda in Authoritarian States: Comparing Russia and China // *International Journal of Communication*. 2023. Vol. 17. P. 2105–2125.
5. *Gabuev A.* Digital Silk Road: China's Technological Expansion in Eurasia // *Post-Soviet Affairs*. 2023. Vol. 39, № 2. P. 89–112
6. *Digital Nationalism in Comparative Perspective* / ed. G. Yang. Cambridge University Press, 2023. 412 p.
7. *Rogers R.* Doing Digital Methods: A Critical Introduction to Social Media Analysis. SAGE Publications, 2023. 344 p.
8. *Акимова Е.М.* Социальные сети как инструмент политико-коммуникационного взаимодействия. М. : МГИМО-Университет, 2021. 268 с.
9. *Актамов И.Г.* Китайский мессенджер WeChat и его место в российском сегменте онлайн-образования // *Власть*. 2021. Т. 29, № 1. С. 168–175.

10. Калинин О.И. Образ России в дискурсе социальных сетей Китая: лингвопрагматический анализ репрезентации российско-украинского конфликта // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 39, № 2. С. 48–57.
11. Коркунов Н.М. Русско-китайские отношения: новые горизонты стратегического партнерства. М.: Юрид. центр Пресс, 2020. 328 с.
12. Корешкова Ю.О. WeChat как стиль жизни: инструмент социальной сеги китайских мигрантов в России // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2018. Т. 11, № 11. С. 1840–1853.
13. Мажинский С.В. Дискурсивное пространство ведущих китайских «новых медиа» // *Orientalia Studies*. 2023. Т. 16, № 4. С. 903–913.
14. Боловищев С.В. Трансформации политической коммуникации в эпоху социальных сетей // Вестник Московского государственного университета. Серия: Политология. 2022. № 3. С. 54–69.
15. Быкова Е.В. Digital-коммуникация и политический дискурс // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19, № 1. С. 51–68.
16. 邓喆, 吕楚笛. 全国重点马克思主义学院微信公众号建设现状、传播特征与优化路径[J]. // 马克思主义与现实. 2023. № 06. P. 134–140. doi: 10.15894/j.cnki.cn11-3040/a.2023.06.011
17. 孟昀. 社交媒体中的官方叙事与中国国家形象建构研究[D]. 山东大学, 2023. doi: 10.27272/d.cnki.gshdu.2023.007282
18. Пью М.Д. Цифровая дипломатия: теория и практика. М.: Аспект Пресс, 2022. 280 с.
19. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Analysis of Language*. New York: Routledge, 2023. 582 p.
20. Gleason B. Occupy Wall Street: Exploring Informal Learning About a Social Movement on Twitter // *American Behavioral Scientist*. 2023. Vol. 57, № 7. P. 966–982.
21. 刘毛毛. 中国政治传播研究: 趋势、进程与展望—基于2012–2022年CSSCI的 Citespace 和Nvivo分析[J]. 新闻世界. 2024. № 03. P. 44–48. doi:10.19497/j.cnki.1005-5932.2024.03.016
22. 殷昊. 技术与政治的共生: 解析中国社交媒体政治的形塑与发展[D]. 吉林大学, 2023. 214 p.
23. Морозова О.Н. Использование WeChat в политических коммуникациях между Россией и Китаем // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2023. Т. 16, № 2. С. 135–148.
24. Цю Синь. Векторы русской культуры в китайском WeChat как интерпретация Другого/Чужого в социальных сетях // *Society and Security Insights*. 2024. Т. 7, № 2. С. 137–155.
25. *The Routledge Handbook of Cultural Discourse Studies* / ed. by Shi-xu. New York: Routledge, 2024. 480 p.
26. Быстров В.Ю. Политические коммуникации в цифровую эпоху: теория и практика // Полис. Политические исследования. 2023. № 6. С. 138–152.
27. Мартыненко Е.В. Публичная дипломатия России и Китая в социальных сетях // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19, № 3. С. 348–361.
28. Суходолов А.П. Особенности политической коммуникации в китайской социальной сети WeChat // Вопросы теории и практики журналистики. 2023. Т. 12, № 2. С. 255–268.
29. Сюй Минло. Освещение событий на Украине китайскими СМИ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 3-2 (66). С. 210–214.

References

1. Bjola, C. & Jiang, L. (2023) *Digital Diplomacy and the Political Economy of Influence*. Oxford University Press.
2. Zeng, J. (2024) *Algorithmic Governance in China: The WeChat Model*. MIT Press.
3. Woolley, S. (2024) *Manufacturing Consensus: How Platforms Shape Political Narratives*. Yale University Press.
4. Bradshaw, S. & Howard, P.N. (2023) Computational Propaganda in Authoritarian States: Comparing Russia and China. *International Journal of Communication*. 17. pp. 2105–2125.
5. Gabuev, A. (2023) Digital Silk Road: China's Technological Expansion in Eurasia. *Post-Soviet Affairs*. 39(2). pp. 89–112

6. Yang, G. (ed.) (2023) *Digital Nationalism in Comparative Perspective*. Cambridge University Press.
7. Rogers, R. (2023) *Doing Digital Methods: A Critical Introduction to Social Media Analysis*. SAGE Publications.
8. Akimova, E.M. (2021) *Sotsial'nye seti kak instrument politiko-kommunikatsionnogo vzaimodeystviya* [Social Networks as a Tool of Political and Communication Interaction]. Moscow: MGIMO-Universitet.
9. Aktamov, I.G. (2021) Kitayskiy messendzher WeChat i ego mesto v rossiyskom segmente on-layn-obrazovaniya [The Chinese Messenger WeChat and Its Place in the Russian Online Education Sector]. *Vlast'*. 29(1). pp. 168–175.
10. Kalinin, O.I. (2024) Obraz Rossii v diskurse sotsial'nykh setey Kitaya: lingvopragmaticheskiy analiz reprezentatsii rossiysko-ukrainskogo konflikta [The Image of Russia in the Discourse of Chinese Social Networks: A Linguopragmatic Analysis of the Representation of the Russia-Ukraine Conflict]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye i sotsial'nye nauki."* 39(2). pp. 48–57.
11. Korkunov, N.M. (2020) *Russko-kitayskie otnosheniya: novye gorizonty strategicheskogo partnerstva* [Russian-Chinese Relations: New Horizons of Strategic Partnership]. Moscow: Yuridicheskii tsentr Press.
12. Koreshkova, Yu.O. (2018) WeChat kak stil' zhizni: instrument sotsial'noy seti kitayskikh migrantov v Rossii [WeChat as a Lifestyle: A Social Network Tool for Chinese Migrants in Russia]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 11(11). pp. 1840–1853.
13. Mazhinskiy, S.V. (2023) Diskursivnoe prostranstvo vedushchikh kitayskikh "novykh media" [The Discursive Space of Leading Chinese "New Media"]. *Orientalia Studies*. 16(4). pp. 903–913.
14. Bolovintsev, S.V. (2022) Transformatsii politicheskoy kommunikatsii v epokhu sotsial'nykh setey [Transformations of Political Communication in the Era of Social Networks]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya*. 3. pp. 54–69.
15. Bykova, E.V. (2022) Digital-kommunikatsiya i politicheskii diskurs [Digital Communication and Political Discourse]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. 19(1). pp. 51–68.
16. 邓喆 & 吕楚笛. (2023) 全国重点马克思主义学院微信公众号建设现状、传播特征与优化路径[J]. *马克思主义与现实*. 6. pp. 134–140. DOI: 10.15894/j.cnki.cn11-3040/a.2023.06.011
17. 孟昀. (2023) 社交媒体中的官方叙事与中国国家形象建构研究[D]. 山东大学. DOI: 10.27272/d.cnki.gshdu.2023.007282
18. Pew, M.D. (2022) *Tsifrovaya diplomatiya: teoriya i praktika* [Digital Diplomacy: Theory and Practice]. Translated from English. Moscow: Aspekt Press.
19. Fairclough, N. (2023) *Critical Discourse Analysis: The Critical Analysis of Language*. New York: Routledge.
20. Gleason, B. (2023) Occupy Wall Street: Exploring Informal Learning About a Social Movement on Twitter. *American Behavioral Scientist*. 57(7). pp. 966–982.
21. 刘毛毛. (2024) 中国政治传播研究：趋势、进程与展望—基于2012–2022年CSSCI的Citespace和Nvivo分析[J]. *新闻世界*. 3. pp. 44–48. DOI: 10.19497/j.cnki.1005-5932.2024.03.016
22. 殷昊. (2023) 技术与政治的共生：解析中国社交媒体政治的形塑与发展. 吉林大学.
23. Morozova, O.N. (2023) Ispol'zovanie WeChat v politicheskikh kommunikatsiyakh mezhdru Rossiei i Kitaem [The Use of WeChat in Political Communications Between Russia and China]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 16(2). pp. 135–148.
24. Qiu Xin. (2024) Vektory russkoy kul'tury v kitayskom WeChat kak interpretatsiya Drugogo/ Chuzhogo v sotsial'nykh setyakh [Vectors of Russian Culture in Chinese WeChat as an Interpretation of the Other/Foreign in Social Networks]. *Society and Security Insights*. 7(2). pp. 137–155.
25. Shi-xu. (ed.) (2024) *The Routledge Handbook of Cultural Discourse Studies*. New York: Routledge.
26. Bystrov, V.Yu. (2023) Politicheskie kommunikatsii v tsifrovuyu epokhu: teoriya i praktika [Political Communications in the Digital Age: Theory and Practice]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 6. pp. 138–152.

27. Martynenko, E.V. (2023) Publichnaya diplomatiya Rossii i Kitaya v sotsial'nykh setyakh [Russia and China's Public Diplomacy in Social Networks]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 19(3). pp. 348–361.

28. Sukhodolov, A.P. (2023) Osobennosti politicheskoy kommunikatsii v kitayskoy sotsial'noy seti WeChat [Political Communication in the Chinese Social Network WeChat]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 12(2). pp. 255–268.

29. Xu Mingluo. (2022) Osveshchenie sobyitii na Ukraine kitayskimi SMI [Coverage of the Ukraine Events by Chinese Media]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 3-2(66). pp. 210–214.

Сведения об авторах:

Бирюков С.В. – доктор политических наук, профессор Центра российских исследований Восточно-Китайского педагогического университета (Шанхай, Китай). E-mail: birs.07@mail.ru

Чирун С.Н. – доктор политических наук, доцент Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: Sergii-Tsch@mail.ru

Лин Ч. – магистрант кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: 2177980737@qq.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Biryukov S.V. – Dr. Sci. (Political Science), professor, Center for Russian Studies of East China Normal University (Shanghai, China). E-mail: birs.07@mail.ru

Chirun S.N. – Dr. Sci. (Political Science), associate professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Sergii-Tsch@mail.ru

Lin D. – master's student, Department of Political Science, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 2177980737@qq.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.07.2025;
одобрена после рецензирования 19.07.2025; принята к публикации 07.08.2025*

*The article was submitted 04.07.2025;
approved after reviewing 19.07.2025; accepted for publication 07.08.2025*

Научная статья

УДК 32.019.5:35.077.2

doi: 10.17223/1998863X/86/13

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ БЮДЖЕТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Дарья Руслановна Геращенко

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия,
dgeraschenko@eu.spb.ru*

Аннотация. Анализируются политические связи руководителей российских вузов и учреждений культуры, относящихся к бюрократам среднего звена. Результаты показывают, что значительная часть руководителей обладает институционализированными связями с политическими партиями и государственными структурами, что противоречит декларируемой аполитичности этих сфер общественной жизни. Полученный результат открывает возможности для изучения влияния политических связей на управление бюджетными организациями.

Ключевые слова: Россия, бюрократия, ректоры, главы организаций культуры, политические связи

Для цитирования: Геращенко Д.Р. Политические связи руководителей бюджетных организаций в современной России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 147–158. doi: 10.17223/1998863X/86/13

Original article

POLITICAL CONNECTIONS OF HEADS OF BUDGETARY ORGANIZATIONS IN MODERN RUSSIA

Daria R. Gerashchenko

*European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation
National Research Higher School of Economics, St. Petersburg, Russian Federation,
dgeraschenko@eu.spb.ru*

Abstract. This study examines the political connections of leaders in Russian state universities and cultural institutions, positioning them as mid-level bureaucrats within the administrative hierarchy. Using a dataset of 555 university rectors and 232 heads of cultural organizations (museums, theaters, libraries, and philharmonics), the research reveals that 55% of university rectors and 46% of cultural institution leaders possess institutionalized ties to political parties, government bodies, or state-affiliated corporations. These findings challenge the official narrative of apolitical governance in education and culture, highlighting systemic politicization of budgetary institutions. Methodologically, the study combines open-source data analysis with regression modeling to assess correlations between political connections and variables such as gender, tenure duration, and organizational status. Key results include the following. Male leaders are significantly more likely to have political capital (57% of male rectors vs. 46% of female rectors). Longer leadership tenure correlates

with stronger political ties, suggesting cumulative network-building. Universities under federal oversight (57%) and “elite” institutions (e.g., Project 5-100, 76%) exhibit higher politicization. Cultural organizations in Moscow/St. Petersburg (53%) also show similar results. The study contributes to debates on bureaucratic autonomy by demonstrating how political connections mediate resource allocation and institutional loyalty in Russia’s context. It calls for further research on the paradox of political capital, that is, enhancing funding access while potentially undermining professional independence.

Keywords: Russia, bureaucracy, rectors, heads of cultural organizations, political connections

For citation: Gerashchenko, D.R. (2025) Political connections of heads of budgetary organizations in modern Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 147–000. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/13

Введение

Смена руководства Государственной Третьяковской галереи, выразившаяся в назначении Е.П. Проничевой на место З.И. Трегуловой, стала показательным примером дискуссии о профессиональной компетентности управленцев в сфере культуры. Подобные примеры подчеркивают важность компетентности для назначения на руководящую должность в бюджетных организациях.

Академические исследования бюрократических структур традиционно концентрируются на высших эшелонах власти, оставляя без должного внимания руководителей организаций среднего уровня, таких как вузы и учреждения культуры. Между тем именно эти акторы играют существенную роль в реализации государственной политики. Особого изучения требуют неформальные сети и клиентелистские практики, которые в условиях слабой институционализации оказывают значительное влияние на управленческие процессы [1].

Учреждения культуры и образования в некоторых политических контекстах выполняют не только свои прямые функции, но и выступают инструментами политической мобилизации [2]. Представляется, что наличие политических связей у руководителей служит дополнительным каналом для оказания влияния на деятельность организаций, что делает исследование степени вовлеченности руководителей в политические сети необходимым. Кроме того, на самом высоком уровне ни раз отмечалось, что культура и образование должны оставаться вне политики¹. Однако так ли это на самом деле? Исследование предпринимает попытку выяснить степень вовлеченности лидеров рассматриваемых организаций в политические сети.

Обзор литературы: понятия «бюрократия» и «бюрократ», политические связи

Академические исследования традиционно рассматривают бюрократию как систему, основанную на четкой иерархии, подчинении формальным пра-

¹ «Мы хотим, чтобы весь университет преобразовывался и вставал на проектную основу» // Официальный веб-сайт НИУ ВШЭ. 2020. URL: <https://www.hse.ru/news/life/378893473.html> (дата обращения: 01.01.2025); Путин заявил, что искусство находится вне политики // Официальный веб-сайт газеты «Известия». 02.05.2023. URL: <https://iz.ru/1507298/2023-05-02/putin-zaiavil-chto-iskusstvo-nakhoditsia-vne-politiki> (дата обращения: 03.06.2025).

вилам и приоритете профессиональной экспертизы над политической лояльностью. Однако в реальной практике управления неизбежно возникают фундаментальные противоречия: между необходимостью подотчетности и потребностью в автономии [3], между строгим соблюдением регламентов и гибкостью принятия решений [4]. Эти дилеммы особенно обострились с распространением концепции Нового государственного управления (NPM), пытающейся совместить веберовские принципы с рыночными механизмами [5].

Государственные служащие должны реализовывать политику независимо от своих политических предпочтений [6]. Однако на практике они постоянно балансируют между профессиональной автономией и политической лояльностью. Особенно это касается высшего эшелона бюрократии, непосредственно вовлеченного в политический процесс [4]. В то время как низовые бюрократы (англ. street-level bureaucracy) [7] и высшее руководство хорошо изучены, среднее звено бюрократической системы, играющее ключевую роль в координации между стратегией и ее реализацией, остается недостаточно исследованным [8].

Феномен клиентелизма, проявляющийся через систему неформальных связей и обмена услугами на политическую поддержку, характерен не только для авторитарных режимов, но и для демократических систем [9]. Сравнительные исследования демонстрируют вариативность клиентелистских практик в разных политических контекстах – от персонализированных обменов в Латинской Америке до более институционализированных форм в других регионах [10].

Политические связи как канал клиентелизма становятся важным ресурсом, позволяющим получать доступ к государственным контрактам и привилегиям [11, 12]. Эти связи могут измеряться через аффилиацию с правящими партиями [13], личные отношения с политиками [14] или факт политического назначения [15], существенно влияя на функционирование бюрократического аппарата.

Ректоры и главы организаций культуры как «бюрократы среднего звена»

Существующая литература о бюрократии преимущественно фокусируется на высших эшелонах власти [16], оставляя без должного внимания руководителей вузов и учреждений культуры, которые, занимая стратегически важные позиции, фактически выполняют функции государственных служащих. Эти руководители, возглавляя бюджетные организации, играют ключевую роль посредников между государством и обществом [17], оказывая существенное влияние на формирование общественного сознания [18]. Например, учреждения культуры становятся центрами общественной жизни, способствуя формированию региональной идентичности. Преподаватели вузов, в свою очередь, формируют мировоззрение студентов в процессе обучения.

Анализ полномочий руководителей, зафиксированных в уставах, позволяет отнести ректоров вузов и директоров культурных учреждений к ка-

тегории бюрократов среднего звена¹. Их промежуточное положение в организационной иерархии проявляется в двойственной подчиненности: с одной стороны – министерствам-учредителям, с другой – коллективам возглавляемых организаций. Даже при наличии формальных процедур выборности (как в случае ректоров) окончательное утверждение кандидатур остается прерогативой государственных органов. Ограниченная автономия руководителей проявляется в необходимости строгого следствия утвержденным стратегиям и регламентам при осуществлении управленческих функций – от бюджетного планирования до реализации государственной политики.

Особый исследовательский интерес представляет анализ политических связей таких руководителей. В условиях декларируемой аполитичности сферы образования и культуры наличие у руководителей опыта работы в органах власти или аффилиаций с государственными структурами и корпорациями, политическими партиями [11, 13, 15, 19] может свидетельствовать о скрытых механизмах государственного влияния. При этом относительная организационная автономия вузов и культурных учреждений [20, 21] делает вопрос о политических связях их руководителей особенно актуальным, поскольку в отличие от чиновников государственных органов они не обладают институционализированным доступом к ресурсам.

Эмпирические данные о кадровых решениях в образовательных и культурных учреждениях² ставят под сомнение тезис об их аполитичности, актуализируя исследовательский вопрос о степени и характере политических связей руководителей данных организаций. Исследовательский вопрос: обладают ли руководители организаций культуры и государственных вузов политическими связями?

Эмпирические данные и анализ

Для проведения анализа была сформирована база данных, содержащая информацию о ректорах действующих российских государственных организаций высшего образования (без филиалов, список основан на данных РИНЦ и Мониторинга эффективности образовательных организаций). База включает данные о каждом университете, его статусе и отраслевой принадлежности,

¹ Устав Санкт-Петербургской филармонии им. Д.Д. Шостаковича // Официальный веб-сайт Министерства культуры Российской Федерации. 2023. URL: https://www.philharmonia.spb.ru/upload/iblock/e8b/y48rtjz6cdrltmb11yрqv2paqkanfpy4/ph_ustav_202402_stamp.pdf (дата обращения: 03.06.2025); Устав Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина // Официальный веб-сайт Министерства культуры Российской Федерации. 2022. URL: https://pushkinmuseum.art/museum/documents/ustav/333_file_1.pdf (дата обращения: 03.06.2025); Устав Михайловского театра // Официальный веб-сайт Комитета по культуре Санкт-Петербурга. 2011. URL: <https://mikhailovsky.ru/upload/iblock/2d9/cb5jgkz131pphnорximj377pm0b0fu20/ustav.pdf> (дата обращения: 03.06.2025); Устав Тюменской областной научной библиотеки // Официальный веб-сайт Департамента культуры Тюменской области. 2018. URL: https://www.tonb.ru/about_the_library/docs/ustav.pdf (дата обращения: 03.06.2025). Устав ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет» // Официальный веб-сайт Сочинского государственного университета. 2018. URL: https://sutr.ru/vikon/sveden/files/Ustav_FGBOU_VO_Sochinskiy_gosudarstvennyy_universitet_Prikaz_No_1278_ot_26.12.2018_g.-2.pdf (дата обращения: 03.06.2025).

² Доцента СПбГУ уволили из университета из-за высказываний о спецоперации // Официальный веб-сайт РБК. 2023. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/647a81c09a7947755e12d002> (дата обращения: 03.06.2025); Кочарова А. Скандал, которого не было: долгожданный балет «Нуреев» в Большом // Официальный веб-сайт РИА Новости. 2017. URL: <https://ria.ru/20171209/1510535273.html> (дата обращения: 03.06.2025).

а также информацию о ректорах, включая смены руководства в промежутки 2013–2023 гг. Источниками информации также служили официальные сайты университетов и открытые источники в сети Интернет. База охватывает 555 государственных университетов и содержит данные о 949 ректорах.

Кроме того, была собрана информация об организациях культуры и их руководителях из открытых источников, официального сайта Министерства культуры и официального сайта для размещения информации о государственных и муниципальных учреждениях. В выборку вошли театры, музеи-заповедники, библиотеки и филармонии. Всего база содержит 232 организации и их руководителей. Информация о руководителях собиралась в основном с официальных сайтов организаций и открытых источников в сети Интернет.

Для определения наличия у каждого руководителя политических связей собиралась информация с официальных сайтов политических партий, государственных учреждений, общественных фондов. Биографии каждого руководителя изучались для установления форм их участия в общественно-политической деятельности. В табл. 1 представлен обзор основных типов политических связей руководителей вузов и организаций культуры.

Таблица 1. Политические связи бюрократов среднего звена (ректоры, руководители организаций культуры) по типам, количество наблюдений и процент от общего числа наблюдений для каждой группы

Тип политических связей	Ректоры	Руководители организаций культуры
Членство в партии/партийная деятельность	272 (28,66%)	30 (12,90%)
Участие в выборах в качестве кандидата	252 (26,55%)	14 (6,03%)
Членство в экспертной комиссии на региональном, федеральном уровнях (общественный совет, экспертная комиссия по образованию/культуре в Государственной думе и т.д.)	130 (13,70%)	36 (15,52%)
Политические назначения (депутат, губернатор и т.д.)	315 (33,19%)	50 (21,55%)
Должность в околোগосударственной корпорации (общество «Знание», ОАО «Газпром», «Народный фронт» и т.д.)	61 (6,43%)	10 (4,31%)
Должность в ФСБ, военная деятельность	71 (7,48%)	0 (0%)
Всего	949 (100%)	232 (100%)

Собранные данные позволяют проиллюстрировать соотношение лидеров с любыми типами политических связей по сравнению с теми организациями, у руководителей которых таких связей нет. Рассмотрим руководителей вузов и организаций культуры подробно (табл. 2).

База данных для организаций культуры включает музеи (46%), библиотеки (18%), театры (17%) и филармонии (19%). Средний год вступления в должность для глав этих организаций – 2012-й, а средняя продолжительность нахождения на посту – 10,4 лет. Примечательно, что большинство руководителей (56%, или 131 человек из 232) составляют женщины.

Что касается наличия политических связей, то ими обладают 46% всех руководителей организаций культуры. Среди них мужчины-руководители чаще имеют такие связи (46%) по сравнению с женщинами (45%), хотя разница незначительная. Необходимо отметить, что 52% всех руководителей библиотек обладают политическим капиталом, в то время как 43% руководителей музеев, 49% руководителей филармоний и 42% руководителей театров также имеют подобные связи.

Таблица 2. Политические связи бюрократов среднего звена (ректоры, руководители организаций культуры)

Показатель	Политические связи			
	0		1	
	N	%	N	%
Университеты				
Ректор-мужчина	334	42,55	451	57,45
Ректор-женщина	88	53,66	76	46,34
Аграрные	49	47,57	54	52,43
Классические	46	27,88	119	72,12
Культуры и искусств	50	69,44	22	30,56
Медицинские	37	46,25	43	53,75
Муниципальные	40	57,14	30	42,86
Педагогические	19	33,33	38	66,67
Силовые и спортивные	21	21,43	77	78,57
Социально-гуманитарные	29	46,03	34	53,97
Технические	131	54,36	110	45,64
Проект 5-100	5	23,81	16	76,19
Федеральный	1	10	9	90
НИУ	7	24,14	22	75,86
Опорный	3	9,09	30	90,91
«Приоритет 2030»	9	19,57	37	80,43
Центральный	111	51,63	104	48,37
Организации культуры				
Руководитель-мужчина	54	53,47	47	46,53
Руководитель-женщина	72	54,96	59	45,04
Библиотеки	20	47,62	22	52,38
Музеи	61	57,01	46	42,99
Филармонии	22	51,16	21	48,84
Театры	23	57,5	17	42,5
Значимые организации культуры	38	50	38	50

Примечание. Колонка 0 – связи не обнаружены; колонка 1 – связи обнаружены; N – количество наблюдений.

Из 232 организаций культуры 69 (30%) непосредственно подотчетны федеральным органам, например Министерству культуры РФ. Остальные подотчетны региональным министерствам культуры, которые в свою очередь подчиняются правительству региона. Руководители организаций, подотчетных федеральным структурам, чаще имеют политический капитал (54%), в то время как те, что подотчетны региональным структурам, обладают им в 42% случаев.

Можно предположить, что особый статус организаций культуры влияет на наличие политического капитала руководителей. Крупные и влиятельные структуры, как правило, имеют руководителей с важными контактами. В результате было выделено 76 наиболее значимых с точки зрения посещаемости и известности у граждан организаций в сфере культуры из 232 (33%), среди которых, например, Новгородский музей-заповедник¹. Среди руководителей этих организаций половина имеют политические связи, в то время как для остальных этот процент составляет 43. Среди организаций, которые находятся в центральных регионах (Москва и Санкт-Петербург), политическими связями обладают руководители в 53% случаев, в остальных регионах – в 44%.

¹ Статистика культуры 2016 // Официальный веб-сайт Министерства культуры Российской Федерации. 2016. URL: <https://stat.mkrf.ru/upload/statdoc/20180116.pdf> (дата обращения: 03.06.2025).

В отношении государственных вузов можно отметить, что ректоры в среднем вступали в должность в 2011 г. и находятся на посту в течение 10,6 лет. Подавляющее большинство из них – мужчины (83%). Более половины (55%) ректоров имеют политические связи, при этом доля женщин-ректоров, обладающих подобным капиталом, составляет 46%, а мужчин-ректоров – 57%.

Среди вузов наибольшее количество относится к категории технических (124, или 22%), классических (93, или 17%), а также силовых и спортивных (76, или 14%). Политическим капиталом в наибольшей степени обладают ректоры классических вузов (72% от общего числа ректоров этой категории), 78% ректоров силовых и спортивных вузов, а также 67% ректоров педагогических вузов. В меньшей степени политические связи имеют ректоры вузов культуры и искусств (31%).

Большинство университетов непосредственно подотчетны соответствующим министерствам (например, учредителем РУДН является Министерство науки и образования РФ) – 84%, и крупным федеральным структурам – 9% (Правительство РФ, федеральные агентства, СК РФ и др.), остальные непосредственно подотчетны структурам нефедерального уровня (города, правительства и министерства регионов). Примечательно, что руководители вузов, подотчетных федеральным структурам и министерствам, чаще имеют политический капитал (57%), в то время как те, что подотчетны иным структурам, обладают им в 43% случаев.

Меньшинство вузов располагается в Санкт-Петербурге и Москве (128 из 555, или 23%). Процент ректоров, работающих в вузах этих городов и имеющих политические связи, составляет 48, тогда как для остальных вузов он равен 58%. Интересно, что политический капитал чаще встречается среди руководителей вузов в регионах, нежели в центре. Вероятно, в региональных вузах выше потребность в демонстрации лояльности через поддержание политических связей. Кроме того, в федеральном центре может быть больше конкуренции за должность ректора, что будет стимулировать выбор на основе профессиональных качеств и академических заслуг. Уровень прозрачности и общественного надзора также может быть выше, что ограничивает возможность использования политических связей.

Подобно другим организациям, вузы могут обладать специальным статусом. Среди ректоров федеральных вузов лишь один из десяти не относится к числу тех, кто имеет политический капитал. Среди ректоров вузов Проекта 5-100 и НИУ 76% имеют политический капитал, среди вузов опорных – 91%, а вузов «Приоритета 2030» – 80%. В целом, можно подтвердить, что для наиболее важных вузов характерно иметь руководителя с политическими связями.

В табл. 3 представлены результаты анализа влияния характеристик руководителей и организаций на вероятность наличия политических связей. Регрессионный анализ выявил гендерную асимметрию: мужчины-руководители как в вузах, так и в культурных учреждениях демонстрируют более высокую вероятность обладания политическим капиталом по сравнению с женщинами. Эти результаты согласуются с данными исследований [22], подтверждающими меньшую представленность женщин на высших руководящих позициях в государственных структурах и корпорациях. Полученные данные могут отражать сложившиеся социальные нормы, которые, с одной стороны, ограни-

чивают доступ женщин к руководящим позициям, а с другой – снижают их вовлеченность в профессиональные сети, являющиеся важным каналом формирования политических связей.

Таблица 3. Политические связи и характеристики бюрократов среднего звена (ректоры, руководители организаций культуры): корреляционная таблица

Показатель	Университеты	Организации культуры
Пол руководителя	0,0853	0,102
Срок на посту	0,1001***	0,034**
Значимость (для организаций культуры)		0,35
Подотчетность министерству культуры РФ (для организаций культуры)		0,8
Библиотеки		0,405
Музеи		-0,094
Филармонии		0,321
Театры		0,0107
Центральный вуз (для университетов)	-0,075	
Проект 5-100 (для университетов)	0,0447	
Федеральный (для университетов)	0,0613	
«Приоритет 2030» (для университетов)	0,0655**	
Опорный (для университетов)	0,0473	
НИУ (для университетов)	0,0271	
Аграрный	-0,0179	
Классический	0,1458***	
Культуры и искусств	-0,1419**	
Медицинские	-0,0134	
Муниципальные	-0,0743	
Педагогические	0,058**	
Силовые и спортивные	0,1615***	
Социально-гуманитарные	-0,0068**	
Технические	-0,116	

* – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$.

Анализ выявил, что 55% ректоров вузов обладают политическим капиталом, что отражает их стратегическую значимость для государства. Высшие учебные заведения играют ключевую роль в формировании мировоззрения молодежи, что объясняет внимание властей к кадровой политике в этой сфере [23]. В то же время университеты являются центрами исследований и инноваций, которые имеют значение для национального развития. Лидеры с политическими связями способны более эффективно обеспечивать финансирование дорогостоящих исследований за счет использования неформальных каналов лоббирования своих интересов [15].

В отличие от вузов, организации культуры демонстрируют более высокий уровень автономии, где приоритетом выступает реализация культурных миссий. Эта специфика, вероятно, объясняет меньшую долю руководителей с политическим капиталом в данной сфере (46 против 55% в вузах). Однако анализ выявил устойчивую закономерность: продолжительность пребывания в должности положительно коррелирует с вероятностью наличия политических связей (табл. 3). Для ректоров каждый дополнительный год руководства увеличивает логарифмические шансы обладания политическим капиталом на 0,1, а для директоров культурных учреждений – на 0,03. Эта динамика подтверждает гипотезу о кумулятивном эффекте управленческого опыта, который способствует постепенному формированию ценных связей.

Наконец, особый статус организации может объяснять наличие политических связей у руководителя. Учреждения с особым статусом часто находятся под усиленным государственным контролем [23]. Существует корреляция между особым статусом вуза и политическими связями ректора: лидеры с политическими связями могут быть лучше подготовлены к эффективному управлению бюрократическими процессами. Например, если вуз является участником программы Приоритет-2030, шансы того, что лидер имеет политические связи, увеличиваются на 0,06 (результат статистически значимый). Такие учреждения придерживаются высоких стандартов и мер подотчетности, и лидеры с политическими связями могут получать необходимую поддержку и ресурсы. Кроме того, учреждения с особым статусом могут иметь приоритетный доступ к государственному финансированию и грантам, что позволяет им использовать связи для получения финансовых преимуществ и влияния на политические решения, касающиеся реализации государственных программ. Хотя связь между значимостью организации культуры и политическими связями руководителя не является значимой, она в целом положительная, что может свидетельствовать о положительной корреляции между этими переменными.

Заключение

В политических системах со слабой институционализацией, где личные связи преобладают над формальными правилами в распределении ресурсов, академические исследования традиционно ориентировались на высших бюрократов [24], оставляя без должного внимания другие категории государственных служащих. Настоящее исследование восполняет этот пробел, демонстрируя, что руководители государственных вузов и учреждений культуры, будучи бюрократами среднего звена, вовлечены в систему политических связей. Эмпирические данные свидетельствуют, что политический капитал рассматриваемых руководителей проявляется через их институционализированные связи с партиями, государственными органами и корпорациями, что соответствует общим закономерностям функционирования бюрократии в условиях слабых институтов [12]. Анализ подчеркнул различия в характеристиках как самих руководителей (пол, срок пребывания в должности), так и возглавляемых ими организаций (отраслевая принадлежность, особый статус), что требует дальнейшего изучения факторов, определяющих политические связи.

Полученные результаты открывают перспективы для углубленного анализа влияния политических связей на эффективность деятельности образовательных и культурных учреждений. Как показывают сравнительные исследования [13], такие связи могут иметь амбивалентный характер: способствуя мобилизации ресурсов, они одновременно могут снижать профессиональную автономию организаций. Особую актуальность приобретает изучение этого парадокса в российском контексте, где вузы и учреждения культуры традиционно рассматривались как относительно автономные от прямого политического влияния. Дальнейшие исследования могли бы сосредоточиться на сравнительном анализе механизмов конвертации политического капитала в различных типах организаций, а также на изучении долгосрочных последствий политизации управления для академической и культурной сфер.

Список источников

1. Melnikov K. Formal power in informal networks. Distribution of power resources in personalized bureaucracies: the case of Russia's subnational elites // *Democratization*. 2023. Formal power in informal networks. Distribution of power resources in personalized bureaucracies. P. 124.
2. Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Political machines at work voter mobilization and electoral subversion in the workplace // *World politics*. 2014. Vol. 66, № 2. P. 195–228.
3. Bendor J., Glazer A., Hammond T. Theories of delegation // *Annual Review of Political Science*. 2001. Vol. 4. P. 235–269.
4. Peters B.G. Administrative traditions: Understanding the roots of contemporary administrative behavior. Administrative traditions. Oxford University Press, 2021.
5. Christensen T., Lægreid P. The Whole-of-Government Approach to Public Sector Reform // *Public Administration Review*. 2007. Vol. 67, № 6. P. 1059–1066.
6. Sager F., Rosser C. Weber, Wilson, and Hegel: Theories of Modern Bureaucracy // *Public Administration Review*. 2009. Vol. 69, № 6. P. 1136–1147.
7. Lipsky M. Toward a theory of street-level bureaucracy. Institute for Research on Poverty, University of Wisconsin, 1969.
8. Page E.C. Middle Level Bureaucrats: Policy, Discretion and Control // *The Civil Service in the 21st Century* / eds. J.C.N. Raadschelders, T.A.J. Toonen, F.M. Van Der Meer. London : Palgrave Macmillan UK, 2007. Middle Level Bureaucrats. P. 152–168.
9. Holyoke T.T. Interest groups and lobbying: pursuing political interests in America. Interest groups and lobbying. Routledge, 2020.
10. Hilgers T. Clientelism in everyday Latin American politics. Springer, 2012.
11. Fisman R. Estimating the Value of Political Connections // *American Economic Review*. 2001. Vol. 91, № 4. P. 1095–1102.
12. Tihanyi L., Aguilera R.V., Heugens P., Van Essen M., Sauerwald S., Duran P., Turturea R. State Ownership and Political Connections // *Journal of Management*. 2019. Vol. 45, № 6. P. 2293–2321.
13. Goldman E., Rocholl J., So J. Do politically connected boards affect firm value? // *The review of financial studies*. 2009. Vol. 22, № 6. P. 2331–2360.
14. Bertrand M., Kramarz F., Schoar A., Thesmar D. The cost of political connections // *Review of Finance*. 2018. Vol. 22, № 3. P. 849–876.
15. Hillman A.J., Wan W.P. The determinants of MNE subsidiaries' political strategies: evidence of institutional duality // *Journal of International Business Studies*. 2005. Vol. 36, № 3. P. 322–340.
16. Arnold G. Street-level policy entrepreneurship // *Public Management Review*. 2015. Vol. 17, № 3. P. 307–327.
17. Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (I) // *Полис. Политические исследования*. 2004. № 2. P. 6–19.
18. Brennan J. Higher education and social change // *Higher Education*. 2008. Vol. 56, № 3. P. 381–393.
19. Cull R., Li W., Sun B., Xu L.C. Government connections and financial constraints: Evidence from a large representative sample of Chinese firms // *Journal of corporate finance*. 2015. Vol. 32. P. 271–294.
20. Musselin C. Are universities specific organisations // *Towards a Multiversity? Universities between Global Trends and National Traditions*. Bielefeld : Transcript Verlag, 2007. P. 63–84.
21. Сотникова А.С. Особенности и приоритеты стратегического управления предприятиями сферы культуры // *Петербургский экономический журнал*. 2014. № 1. P. 54–58.
22. Bishu S.G., Headley A.M. Equal Employment Opportunity: Women Bureaucrats in Male-Dominated Professions // *Public Administration Review*. 2020. Vol. 80, № 6. P. 1063–1074.
23. Forrat N. The political economy of Russian higher education: why does Putin support research universities? // *Post-Soviet Affairs*. 2016. Vol. 32, № 4. P. 299–337.
24. Grigoriev I.S., Zhirkov K. Do political connections make businesspeople richer? Evidence from Russia, 2003–2010 // *Research & Politics*. 2020. Vol. 7, № 4.

References

1. Melnikov, K. (2023) Formal power in informal networks. Distribution of power resources in personalized bureaucracies: the case of Russia's subnational elites. In: *Democratization*. 2023. Formal power in informal networks. Distribution of power resources in personalized bureaucracies. p. 124.

2. Frye, T., Reuter, O.J. & Szakonyi, D. (2014) Political machines at work voter mobilization and electoral subversion in the workplace. *World Politics*. 66(2). pp. 195–228.
3. Bendor, J., Glazer, A. & Hammond, T. (2001) Theories of delegation. *Annual Review of Political Science*. 4. pp. 235–269.
4. Peters, B.G. (2021) *Administrative traditions: Understanding the roots of contemporary administrative behavior*. *Administrative traditions*. Oxford University Press.
5. Christensen, T. & Lægreid, P. (2007) The Whole-of-Government Approach to Public Sector Reform. *Public Administration Review*. 67(6). pp. 1059–1066.
6. Sager, F. & Rosser, C. (2009) Weber, Wilson, and Hegel: Theories of Modern Bureaucracy. *Public Administration Review*. 69(6). pp. 1136–1147.
7. Lipsky, M. (1969) *Toward a theory of street-level bureaucracy*. Institute for Research on Poverty, University of Wisconsin.
8. Page, E.C. (2007) Middle Level Bureaucrats: Policy, Discretion and Control. In: Raadschelders, J.C.N., Toonen, T.A.J. & Van Der Meer, F.M. (eds) *The Civil Service in the 21st Century*. London: Palgrave Macmillan UK. pp. 152–168.
9. Holyoke, T.T. (2020) *Interest groups and lobbying: pursuing political interests in America*. *Interest groups and lobbying*. Routledge.
10. Hilgers, T. (2012) *Clientelism in everyday Latin American politics*. Springer.
11. Fisman, R. (2001) Estimating the Value of Political Connections. *American Economic Review*. 91(4). pp. 1095–1102.
12. Tihanyi, L., Aguilera, R.V., Heugens, P., Van Essen, M., Sauerwald, S., Duran, P. & Turturea, R. (2019) State Ownership and Political Connections. *Journal of Management*. 45(6). pp. 2293–2321.
13. Goldman, E., Rocholl, J. & So, J. (2009) Do politically connected boards affect firm value? *The Review of Financial Studies*. 22(6). pp. 2331–2360.
14. Bertrand, M., Kramarz, F., Schoar, A. & Thesmar, D. (2018) The cost of political connections. *Review of Finance*. 22(3). pp. 849–876.
15. Hillman, A.J. & Wan, W.P. (2005) The determinants of MNE subsidiaries' political strategies: evidence of institutional duality. *Journal of International Business Studies*. 36(3). pp. 322–340.
16. Arnold, G. (2015) Street-level policy entrepreneurship. *Public Management Review*. 17(3). pp. 307–327.
17. Gaman-Golutvina, O.V. (2004) Regional'nye elity Rossii: personal'nyy sostav i tendentsii evolyutsii (I) [Regional Elites of Russia: Personal Composition and Trends of Evolution (I)]. *Polis. Politicheskoe issledovaniya*. 2. pp. 6–19.
18. Brennan, J. (2008) Higher education and social change. *Higher Education*. 56(3). pp. 381–393.
19. Cull, R., Li, W., Sun, B. & Xu, L.C. (2015) Government connections and financial constraints: Evidence from a large representative sample of Chinese firms. *Journal of Corporate Finance*. 32. pp. 271–294.
20. Musselin, C. (2007) Are universities specific organisations. In: *Towards a Multiversity? Universities between Global Trends and National Traditions*. Bielefeld: Transcript Verlag. pp. 63–84.
21. Sotnikova, A.S. (2014) Osobennosti i priority strategicheskogo upravleniya predpriyatiyami sfery kultury [Features and Priorities of Strategic Management in Cultural Sector Enterprises]. *Peterburgskiy ekonomicheskij zhurnal*. 1. pp. 54–58.
22. Bishu, S.G. & Headley, A.M. (2020) Equal Employment Opportunity: Women Bureaucrats in Male-Dominated Professions. *Public Administration Review*. 80(6). pp. 1063–1074.
23. Forrat, N. (2016) The political economy of Russian higher education: why does Putin support research universities? *Post-Soviet Affairs*. 32(4). pp. 299–337.
24. Grigoriev, I.S. & Zhirkov, K. (2020) Do political connections make businesspeople richer? Evidence from Russia, 2003–2010. *Research & Politics*. 7(4).

Сведения об авторе:

Герашенко Д.Р. – магистр, научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия); аспирант департамента политологии и международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: dgeraschenko@eu.spb.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Gerashchenko D.R. – Master of Arts in Public Policy, researcher, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation); postgraduate student, Department of Political Science and International Relations, HSE University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: dgeraschenko@eu.spb.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.06.2025;
одобрена после рецензирования 18.07.2025; принята к публикации 07.08.2025
The article was submitted 05.06.2025;
approved after reviewing 18.07.2025; accepted for publication 07.08.2025*

Научная статья

УДК 323.213

doi: 10.17223/1998863X/86/14

ОПЫТ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Дарья Александровна Киселева¹, Александр Юрьевич Сунгуров²

¹ Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия, kiseleva-d@yandex.ru

² Народный университет современного конституционализма,
Санкт-Петербург, Россия, asungurov@mail.ru

Аннотация. Проанализирован опыт развития в Санкт-Петербурге практик инициативного бюджетирования, а также их сочетание с цифровыми практиками. Показано, что они являются одними из немногих реальных практик участия граждан в подготовке и принятии политико-управленческих решений, а также выявлены проблемы их реализации.

Ключевые слова: цифровые сервисы, электронное правительство, гражданское общество, взаимодействие власти и общества, инициативное бюджетирование

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20079 «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов» (<https://rscf.ru/project/23-18-20079>).

Для цитирования: Киселева Д.А., Сунгуров А.Ю. Опыт инициативного бюджетирования в Санкт-Петербурге и возможности цифровизации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 159–170. doi: 10.17223/1998863X/86/14

Original article

PARTICIPATORY BUDGETING EXPERIENCE IN ST. PETERSBURG AND DIGITALIZATION OPPORTUNITIES

Daria A. Kiseleva¹, Alexander Yu. Sungurov²

¹ ITMO University, Saint Petersburg, Russian Federation, kiseleva-d@yandex.ru

² People's University of Contemporary Constitutionalism, Saint Petersburg, Russian Federation, asungurov@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a study of the experience of developing participatory budgeting in St. Petersburg and the subsequent attempt to use this mechanism not only for local problems solution, but also for digitalization development. Data were collected by interviewing participants (including organizers) of the projects “Your Budget” and “Your Budget 2.0” and conducting a focus group. The recordings of the interviews and the focus group were transcribed and studied with the use of the thematic analysis method. Official websites and social media groups were also used to obtain data about these projects. In general, it can be concluded that the practices of participatory budgeting implemented in St. Petersburg in the form of the projects “Your Budget” and then “Your Budget-2” were one of the few real practices of citizen participation in the preparation and adoption of political and managerial decisions; however, the external (features of interdepartmental interaction, the presence of a legal framework) and internal (lack of clear rules) problems identified in the research reduce their effectiveness.

Keywords: digital services, e-government, civil society, interaction between government and society, participatory budgeting

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation and the St. Petersburg Science Foundation No. 23-18-20079 “Study of the social effectiveness of electronic interaction between citizens and authorities in St. Petersburg using the example of urban digital services” (<https://rscf.ru/project/23-18-20079/>).

For citation: Kiseleva, D.A. & Sungurov, A.Yu. (2025) Participatory budgeting experience in St. Petersburg and digitalization opportunities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 159–170. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/14

Для решения сложных проблем, стоящих перед российским обществом и государством, необходимо развитие равноправных, коммуникативных форм взаимодействия между ними. Без этого невозможно становление подлинно публичной политики. Многие исследователи предполагают, что процесс цифровизации в России (а именно разработка властными структурами разнообразных сервисов и порталов) создаст больше возможностей для построения таких коммуникативных практик [1–3]. В других публикациях указывалось, что переход к взаимодействию в цифровом формате может способствовать не развитию коммуникативного потенциала, а лишь имитации взаимодействия власти и общества [4, 5]. Ранее на примере Санкт-Петербурга нами было показано, что большинство городских электронных сервисов имеет исключительно информационный характер: они направлены на реализацию потребности жителей города в той или иной информации. При этом многие активисты общественных организаций указывали, что в городе существует недостаток коммуникативных площадок для выстраивания реального диалога общества и власти, таких как, например, московский портал «Активный гражданин» [6].

Одним из наиболее успешных примеров развития взаимодействия власти и общества в современной России считается опыт реализации практики инициативного бюджетирования [7, 8], которая в Санкт-Петербурге реализовывалась в 2016–2022 гг. в виде проекта «Твой бюджет», трансформированного в 2023–2024 гг. в проект «Твой Бюджет-2» с фокусом именно на цифровизацию. Поэтому представлялось актуальным изучить влияние процесса цифровизации на практику вовлечение граждан в процесс принятия политико-управленческих решений, что и стало целью настоящего исследования, в ходе которого планировалось проанализировать опыт проекта «Твой Бюджет-2» в сравнении с опытом предшествующего ему проекта «Твой бюджет».

Методика исследования

В течение 2024 г. были проведены экспертные полуструктурированные интервью с активистами НКО, участниками проектов «Твой Бюджет» и «Твой Бюджет-2», сотрудниками исполнительной власти Санкт-Петербурга, Информационно-аналитического центра, подведомственного Комитету по информатизации и связи Санкт-Петербурга и другими экспертами. Всего было проведено десять таких интервью длительностью 25–50 минут каждое. Кроме того, летом 2024 г. была подготовлена и проведена фокус-группа, состоящая из участников проектов «Твой Бюджет» и «Твой Бюджет-2».

Обработка результатов экспертных интервью и фокус-группы проводилась с использованием тематического анализа. Этот анализ помогает выявить и проанализировать основные темы в качественных данных и систематизировать значительный объем эмпирической информации, описать её с минимально необходимым уровнем детализации. В рамках этого метода производится сбор эмпирических данных посредством интервьюирования респондентов об их личном опыте в отношении изучаемого феномена. Объективность результатов анализа достигается за счет того, что исследователь рассматривает полученные данные как утверждения, которые интерпретируют и описывают коммуникативные акты и процессы, собственная или совместная с респондентом интерпретация при этом исключаются [9,10].

Анализ проводился в несколько этапов. На первом после транскрибирования аудиозаписей части интервью были выявлены основные важные для исследования тезисы. На втором этапе были созданы первоначальные коды, которые систематически присваивались данным. Далее были собраны коды со всех текстов, которые были объединены в темы.

Развитие инициативного бюджетирования в России и Санкт-Петербурге

Как указано в Методических рекомендациях по подготовке и реализации практик инициативного бюджетирования в Российской Федерации, подготовленных Министерством финансов РФ, инициативное бюджетирование – это «общее название, используемое для обозначения совокупности практик вовлечения граждан в бюджетный процесс в Российской Федерации, объединенных идеологией гражданского участия» [11]. Наряду с определением «инициативное» в качестве синонима используются также термины «партиципаторное» и, несколько реже, «общественное». Первым этапом развития инициативного бюджетирования в Санкт-Петербурге и других российских регионах можно считать программу СПб гуманитарно-политологического центра «Стратегия» «Прозрачный бюджет» [12].

Второй этап развития инициативного бюджетирования в России начался уже во втором десятилетии нашего века, когда в 2012 г. Комитет гражданских инициатив создал проект «Открытый бюджет». К этому времени в России уже начала действовать программа поддержки местных инициатив Всемирного банка, чуть позже появились программы «Народный бюджет» и «Народная инициатива». В этих инициативах распределялась очень небольшая часть бюджета, менее одного процента. В проекте «Твой бюджет», который с 2016 по 2021 г. реализовывался в Санкт-Петербурге при методической поддержке социологов из Европейского университета в Санкт-Петербурге, акцент ставился на создании так называемых бюджетных комиссий, формируемых из самих жителей города, которые производили окончательный выбор победивших проектов [13].

На федеральном уровне опыт и практики инициативного бюджетирования поддерживались Центром инициативного бюджетирования Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации под руководством канд. филос. наук В.В. Вагина, который получил первый опыт в подобных инициативах еще участвуя в проектах Санкт-петербургского центра «Стратегия». Центром выпускаются доклады о

практиках инициативного бюджетирования в России, публикуются аналитические статьи об опыте развития подобных практик в российских регионах [7, 8]. Основываясь на акторно-сетевой теории, Е. Александров и К. Тимошенко проводили исследование результатов перенесения практики партисипаторного бюджетирования в российский контекст в 2013–2017 гг. Авторы пришли к следующим выводам: 1) первыми движущими силами внедрения практики партисипаторного бюджетирования стали усилия исследователей и «кризис демократии», однако для успешного продвижения этой идеи нужно было вписать партисипаторное бюджетирование в актуальный для России дискурс эффективности и прозрачности; 2) вовлечение местной администрации в процесс привело к введению новых ограничений и бюрократизации, однако с помощью PR-компании инициаторы проекта всё же смогли вызвать интерес граждан; 3) на этапе разработки и продвижения инициатив граждан возникли новые проблемы, связанные с низкой осведомленностью авторов проектов о бюрократических процедурах и необходимых для реализации их идей ресурсах, а также с проблемами межведомственной коммуникации, решить которые пытались с помощью проведения лекций и семинаров, записи которых были выложены в открытый доступ, что вовлекло в обсуждение ещё больше акторов; 4) участники проекта учились на своем опыте, начинали лучше разбираться в бюрократических процедурах и более профессионально продвигать свои идеи, что увеличило нагрузку на администрацию и снова поменяло специфику проекта партисипаторного бюджетирования: от идеи участия граждан к каналу лоббизма; 5) уход исследовательской группы в сторону ещё больше «столкнул» граждан и власть, что привело к новому витку создания правил игры [14]. Мы предполагаем, что объединение двух направлений (инициативное бюджетирование и цифровизация), а также опыт первого варианты проекта могли изменить мотивацию акторов и повлиять на результативность практики.

Петербургский опыт развития проекта «Твой бюджет» также рассматривался как в текстах исследователей Центра гуманистической урбанистики [15, 16], так и в статье начальника отдела по обеспечению открытости бюджета Комитета финансов Санкт-Петербурга Н.Г. Лукьяновой [17]. Этот опыт включал в себя проведение конкурсов заявок в нескольких районах города, обсуждение проектов на специальных сессиях под руководством фасилитаторов из Европейского университета и параллельное формирование бюджетных комиссий, образуемых жителями города, представителями самих инициативных групп из числа участников проекта, экспертов и сотрудников исполнительной власти. Состав этих комиссий сначала определялся путем самозаписи, и далее из них путем жребия выбирались члены комиссии и члены ее резерва.

Этот проект успешно развивался несколько лет, но затем было решено его переформатировать. Одной из причин было то, что вместо положительного эффекта для правительства города он стал скорее приносить эффект отрицательный, связанный с тем, что сотрудники районных администраций и учреждений (школы, детские сады и т.д.) использовали различные возможности, чтобы направить деньги проекта на развитие своих учреждений – формируя удобные им заявки с помощью послушных активистов и продвигая нужных людей в бюджетные комиссии [13]. В итоге после небольшого пере-

рыва в 2023 г. был объявлен запуск проекта «Твой бюджет-2», в котором конкурс проходил сразу на городском уровне и заявки принимались только по тематике создания нужным горожанам цифровых сервисов. В этом конкурсе приняли участие и многие городские активисты, ранее участвовавшие в реализации проекта «Твой бюджет».

Результаты исследования

После обработки результатов интервью и фокус групп по описанной ранее методике мы осуществили анализ совместного появления (*co-occurrence analysis*), чтобы выявить, какие коды чаще упоминались совместно в ответах респондентов и насколько сильны связи между ними. С помощью силового алгоритма мы визуализировали граф, наиболее кластеризованные вершины находятся близко друг к другу (рис. 1).

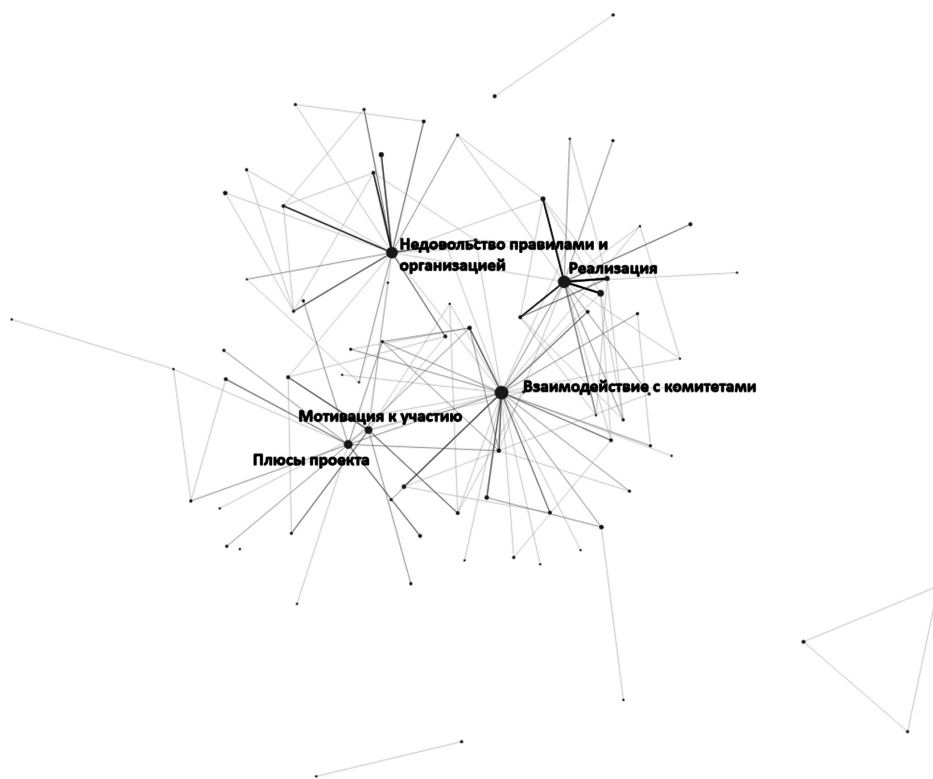

Рис. 1. Граф

Примечательно, что активнее всего респонденты комментировали этап реализации проектов, а также взаимодействие с комитетами. Отдельно выделяются проблемы, связанные с организацией всего проекта, а вот мотивация к участию в подобной активности и перечисление плюсов проекта оказались не так популярны в обсуждениях. Объяснением этого может быть то, что респонденты не испытывали потребности рассказать про то, что пошло по плану. Мы осуществляли анализ высказываний респондентов и членов фокус-групп, опираясь на данные по частоте присутствия тех или иных суждений, приводя в качестве примеров отдельные цитаты из расшифровок интервью и фокус-групп.

Проект «Твой бюджет» (ТБ): достижения

Чаще всего – трижды – встречались тезисы о том, что проект «помогает установить социальные связи» и «ТБ устанавливает диалог с властью». По два раза попадались тезисы, которые мы обозначили следующими кодами: «До победы в ТБ деньги не выделялись»; «Более плотная работа с активистами в ТБ», «Лекции в ТБ полезны», «ТБ – хороший инструмент», «ТБ не дает возможности чиновникам отказаться», «Хорошее сопровождение в ТБ», «Важность народного голосования» и «Предложения продвигать идеи вне проекта». Отметим, что в списке достижений проекта респонденты подчеркивают установление как горизонтальных, так и вертикальных связей, а также видят в этом проекте инструмент принуждения чиновников к выполнению обязанностей. Респонденты положительно отзываются о комитете финансов, который организовал этот проект, что говорит о том, что результатом работы стало некоторое повышение доверия к конкретному органу власти.

Респондент А. так рассказывает об опыте проекта «Твой бюджет» образца 2016 г.: *«И ребята с парка на Смоленке, они очень интересно подошли к делу, нестандартно. И они друг за друга голосовали и, в общем, этот проект победил... Потом наступил 2017 год. Новые уже люди присоединялись. Опять пошли в „Твой бюджет“»*¹.

*«Библиотека на Морской, мы очень дружили с этой библиотекой, у нас много проектов таких было. Библиотека была в разрушенном состоянии. Я победил со своей инициативой о ее ремонте, стоимость которого, предварительно, обозначалась 4,5 миллиона рублей. ...Для нас, конечно, большая опора и ориентир – это, конечно, комитет финансов, там есть Лукьянова Наталья Германовна, искренне мы её любим. Когда ты понимаешь, что есть единомышленники, тогда ты можешь...»*².

И еще мнение о проекте «Твой Бюджет»: *«Сотрудники комитета финансов, которые именно в инициативном бюджетировании участвовали, представители Европейского университета, они всеми руками и ногами, либо тебе объясняют, либо сами пытаются разобраться в вопросе, чтобы тебе каким-то образом помочь»*³. Мнение сотрудника администрации Санкт-Петербурга: *«Но если в среднем взять, то это работа со сложными межведомственными проблемами, требующими неформального отношения»*⁴.

Проект «Твой Бюджет» – проблемы

Основной проблемой являлся процесс реализации утвержденного проекта – девять раз участники отмечали, что *«реализация не соответствует проекту»*. Пять участников обратили внимание на *«Отсутствие прозрачности»*. По четыре участника упомянули *«сопротивление ответственных за реализацию»* и то, что этот проект являлся *«проектом для своих»*.

Позиции участников проекта: *«Почему мне лично не понравилось, что бюджетные организации полезли туда? То есть они и так финансируются»*

¹ Интервью с респондентом А., участником проектов «Твой бюджет» и «Твой бюджет-2», 15 февраля 2024 г.

² Интервью с Б., участником проекта «Твой бюджет», 15 февраля 2024 г.

³ Участник фокус-группы,

⁴ Интервью с В., сотрудником одного из комитетов Санкт-Петербурга, 25 апреля 2024 г.

из бюджета, и они полезли туда за дополнительными деньгами»¹. «Я был победителем, мне сказали: „Спасибо“ – и исчезли. Потом пригласили на последнюю стадию и дали проект концепции, чтобы подпись свою на проекте концепции поставил»².

Позиция представителя власти: «Первый этап – это отбор районов в начале. На этом этапе критерий – это количество заявок от жителей, поданных на сайт. А дальше дело техники. И дальше они под копирку, эти сотрудники школ и садилов, подают эти заявки с одинаковым текстом, с одинаковыми опечатками»³.

Проект «Твой бюджет-2»: достижения

В качестве положительных сторон проекта «Твой бюджет-2» его участники чаще всего – по три раза – отмечали «плотное участие автора» и «возможность объединения инициатив». Упоминались также «плодотворное обсуждение с исполнителями» и «наличие менторов у каждого проекта». Дважды отмечались такие черты проекта, как «совместное написание заявок», «обсуждение заявок с ведущими», «обязательные очные встречи».

Позиции участников проекта: «После этого была первая встреча, представили дорожную карту мероприятий, сказали – надо участвовать, шансы есть у всех... И в каждой стратегической сессии было два спикера, каждый со своим видео... И плюс были у нас еще кураторы каждого проекта, тоже были и из ИТМО были»⁴; «Мы встречались практически каждую неделю в течение двух месяцев, с конца апреля и по июль. Нам специалист читал лекцию, к нам прикрепили потом впоследствии менторов. И можно было связываться, на самом деле, с кем угодно»⁵.

Позиция сотрудника Информационно-аналитического центра, организатора проекта «Твой бюджет-2»: «Мы с участниками проекта проводили стратегические сессии и пытались понять, какие у них сейчас есть потребности и боли, чтобы мы помогли сформировать какой-то вектор для проектов, чтобы они понимали, для кого они делают, каким образом это стоит делать»⁶.

Проект «Твой бюджет-2»: проблемы

Отметим, что в процессе реализации проекта как-то незаметно выпал самый существенный его этап – голосование по проектам. Отобранные в ходе стратегических сессий 30 проектов (из 150 поступивших) были отданы на экспертизу сотрудников профильных комитетов, которые в 24 случаях вынесли решение – «проект не поддержан», и в 6 случаев – «условно поддержан». Так как в ходе проекта предполагалось распределить 90 млн рублей по 15 млн на проект, то эти 6 проектов и были признаны победителями.

¹ Интервью с респондентом Г, участником проектов «Твой бюджет» и «Твой бюджет-2», 6 марта 2024 г.

² Интервью с респондентом Б.

³ Интервью с респондентом В.

⁴ Интервью с респондентом Г.

⁵ Интервью с респондентом Д., 24 апреля 2024 г.

⁶ Интервью с респондентом Е., сотрудником Информационно-аналитического центра, 5 февраля 2024 г.

Соответственно, в качестве проблемных сторон проекта «Твой Бюджет-2» его участники чаще всего отмечают слабую нормативную базу, плохо прописанные правила и отсутствие возможности оспорить решение экспертов (сотрудников комитетов). Вследствие этого неудивительно, что коды «Несогласие с экспертизой» и «Непонимание процесса» были зафиксированы по 5 раз, 4 раза встречалась формулировка «Решение принимают сами держатели бюджетов». Всё это составило блок «Недовольство правилами и организацией». То есть как для новых, так и для уже опытных участников, путь на проекте выглядел следующим образом: активисты, рассматривая «Твой бюджет-2» как один из немногих эффективных каналов коммуникации, подают идеи новых цифровых сервисов, помогающих решить важные городские проблемы, однако затем либо получают отказ, который невозможно оспорить, либо переходят к этапу реализации, на которую они в основном не влияли тоже не без проблем – всё это вызывает фрустрацию и ведет к тому, что общее восприятие проекта и опыта взаимодействия с властью оценивается скорее в негативном ключе.

Эту ситуацию подтверждают в своих интервью и участники проекта: «Можете это писать как цитату. „Правила мы писать не будем, потому что все равно в процессе будем менять“. Система государственной власти в Петербурге построена так, что комитеты друг на друга... как бы это прилично выразиться... прозрачно смотрят»¹. «В итоге нам комитет по благоустройству дал экспертизу условно положительную, но в урезанном виде. Вся коммуникативная составляющая была убрана. Как выяснилось, в Петербурге отсутствует законодательная база для практики соучаствующего проектирования. И осталось лишь информирование жителей о том, как продвигаются проекты формирования комфортной городской среды»². «Мы не были согласны с отрицательными заключениями двух комитетов, потому что они были отписками, Мы были не согласны с конкретными вещами. Те же есть развели руками, сказали мы сделать ничего не можем»³.

В итоге победителями конкурса «Твой бюджет-2. Цифровые технологии» стали такие бесспорно интересные проекты, как «Создание и ведение сайта „Соучаствующее проектирование в Санкт-Петербурге“», «Город во времени, пространстве и лицах». «Велосипедная экосистема», «Петербургский цифровой архив госфинансов и госуправления» и другие, но в то же время был отвергнут проект «Гражданин Санкт-Петербурга», в котором, в частности, предполагалось использовать и опыт московского портала «Активный гражданин».

Что касается реализации одобренных проектов, у нас собрался целый блок кодов, посвященных реакциям на этот этап. Здесь чаще всего встречались коды «Реализация не соответствует проекту», «Отсутствие прозрачности» и «Косвенное участие авторов». Авторы инициатив были недовольны тем результатом, который удавалось или предполагалось реализовать после внесения изменений со стороны исполнителей. Однако были и те, кого устраивало подобное развитие событий, если при этом реализация была удовлетворительной.

¹ Участник фокус-группы.

² Интервью с респондентом А.

³ Интервью с респондентом Д.

Тем не менее участники проектов «Твой Бюджет» и «Твой бюджет-2» получили ценные знания о работе комитетов правительства Санкт-Петербурга. Так, четыре участника проекта в ходе экспертных интервью и фокус-группы отмечают заинтересованность Комитета финансов в развитии практик инициативного бюджетирования, а еще двое уточняют, что «Н.Г. Лукьянова¹ болеет за проект». Один из участников при этом замечает, что «оспаривание вредит организаторам».

Другое мнение участники высказали о Комитете по благоустройству. Так, двое респондентов отмечают, что «Комитет не хочет открытости», один участник считает, что «Комитет закрывает свои потребности под видом Соучаствующего проектирования», другой упоминает наличие конфликта финансового комитета с Комитетом по благоустройству. Высказывали участники проекта и мнение об отраслевых комитетах в целом. Так, четверо считают, что «в условиях проекта „Твой бюджет“ комитеты вынуждены коммуницировать между собой», и еще трое – что «цифровизация принуждает комитеты к диалогу». При этом двое участников отмечают, что «комитеты с деньгами не хотят прозрачности».

Подведем некоторые итоги. Наш анализ показал, что инициативное бюджетирование как практика участия граждан в принятии решений в Санкт-Петербурге имеет интересную и полезную историю и продолжает развиваться, изменяясь в соответствии с изменением социальной ситуации в городе. Самое важное, что участники этого проекта убеждены, что они реально участвуют в процессе принятия политико-управленческих решений и хотели бы сделать этот процесс более эффективным. Поэтому можно говорить и о росте их социального капитала. Вместе с тем мы видим, что определенные надежды на то, что новая версия этого проекта, реализованная в 2023–2024 гг. под названием «Твой Бюджет-2», позволит развить коммуникативную сторону взаимодействия власти и граждан, оправдались лишь отчасти. Действительно, на этапе подготовки и доработки проектов проявилось усиление коммуникативной компоненты во взаимодействии участников проекта и экспертов по цифровизации, представленных в основном сотрудниками Информационно-аналитического центра при комитете по информатизации Санкт-Петербурга.

Однако на стадии принятия окончательных решений из числа победителей выпал именно проект, направленный на развитие коммуникативного потенциала обсуждаемого взаимодействия. Более того, исчез этап голосования самих жителей города по определению победителей, так как число проектов, которые следовало поддержать исходя из бюджета проекта, удивительным образом совпало с числом проектов, допущенных сотрудниками отраслевых комитетов правительства Санкт-Петербурга. Было также выявлено, что в развитии практик участия граждан в процессах политико-управленческих решений, предложенных в рамках «условно-поддержанного» проекта «Создание и ведение сайта „Соучаствующее проектирование в Санкт-Петербурге“», на финальной стадии было убрано все, связанное именно со соучаствующим проектированием, что объясняется как субъективными факторами – недоверием многих сотрудников власти к предложенным жителями проектам, – так

¹ Начальник отдела по обеспечению открытости бюджета комитета финансов Санкт-Петербурга.

и объективным фактором – отсутствием в Санкт-Петербурге нормативного закрепления подобных практик.

Мы надеемся, что выявленные опыт, проблемы реализации проектов инициативного бюджетирования и предложенные пути решения этих проблем помогут дальнейшему развитию таких прогрессивных практик, как инициативное бюджетирование и соучаствующее проектирование.

Список источников

1. Атанасова А.А. Современные тренды в исследованиях цифровых инноваций в гражданской сфере // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 79. С. 199–206. doi: 10.17223/1998863X/79/18

2. Кравченко С.А. Синергия сложности как императивный принцип организации власти в цифровую эпоху: новые вызовы человеческому капиталу. Полис. Политические исследования. 2024. № 2. С. 65–79. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.02.06>. EDN: GDHVVD

3. *Электронное участие: концептуализация и практика реализации в России* / под ред. А.В. Чугунова, О.Г. Филатовой. СПб.: Алетейя, 2020.

4. Meijer A.J., Curtin D., Hillebrandt M. Open government: connecting vision and voice // International Review of Administrative Sciences, 2012. Vol. 78, № 1. P. 10–29. <https://doi.org/10.1177/0020852311429533>

5. Балаян А.А., Томин Л.В. Политические эффекты цифровой трансформации городского управления (на примере г. Москвы) // Управленческое консультирование. 2021. № 11 (155). С. 21–32.

6. Филатова О.Г., Киселева Д.А. Восприятие цифровых сервисов социально-активными гражданами Санкт-Петербурга // Политэксп: Политическая экспертиза. 2024. № 4. В печати.

7. Вагин В.В., Шугрина Е.С. Роль инициативного бюджетирования в формировании экосистемы гражданского участия в государственном и муниципальном управлении // Финансовый журнал. 2021. Т. 13, № 2. С. 9–24.

8. Гузь Н.А., Дуброва М.В., Дзусова С.С., Рябова И.С., Фрумина С.В. Инициативное бюджетирование в России: как не препятствовать гражданской активности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 193–206. doi: 10.17223/1998863X/75/16

9. Roulston K. Data analysis and “theorizing as ideology.” // Qualitative Research. 2001. Vol. 1, № 3. P. 279–302. doi: 10.1177/146879410100100302

10. Tuckett A.G. Applying thematic analysis theory to practice: a researcher’s experience // Contemporary Nurse. 2005. Vol. 19, № 1–2. P. 75–87

11. Виноградова Т.И. Повышение эффективности бюджета и оптимизация бюджетного процесса путем внедрения социальной технологии «Прозрачный бюджет» // Социальное партнерство и развитие институтов гражданского общества в регионах и муниципалитетах: практика межсекторного взаимодействия : практ. пособие / под ред. А.Е. Шадрина. М.: Агентство социальной информации, 2008. С. 129–145.

12. Сунгуров А.Ю., Дмитриева А.Е. Общественное участие в деятельности власти: общественное и партисипаторное бюджетирование и соучаствующее проектирование на уровне муниципалитетов Санкт-Петербурга // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 2. С. 103–125. doi: 10.17323/1999-5431-2023-0-2-103-125

13. Делов И.Е. Партисипаторное бюджетирование в России и политическое предпринимательство // Человек, сообщества, государства в социально-гуманитарных исследованиях / отв. ред. В.В. Раскоlec. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2023. Вып. 18. С. 122–128.

14. Aleksandrov E., Timoshenko K. Translating participatory budgeting in Russia: the roles of inscriptions and inscriptors // Journal of Accounting in Emerging Economies. 2018. Vol. 8, № 3. С. 302–326.

15. Шилов Л. Особенности модерирования и организации публичного обсуждения гражданских инициатив в проектах инициативного бюджетирования в городах // Муниципальная власть, 2016. № 2-3. С. 43–45.

16. Паченков О., Воронкова Л. «Новый городской активизм» и «публичная политика» в России (на примере Санкт-Петербурга) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, вып. 2. С. 253–268.

17. Лукьянова Н.Г. Особенности развития инициативного бюджетирования в Санкт-Петербурге // Финансовый журнал. 2021. Т. 13, № 2. С. 61–69. doi: 10.31107/2075-1990-2021-2-61-69

References

1. Atanasova, A.A. (2024) Sovremennye trendy v issledovaniyah cifrovyyh innovacij v grazhdanskoj sfere [Current Trends in Research on Digital Innovations in the Civic Sphere]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 79. pp. 199–206. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863H/79/18
2. Kravchenko, S.A. (2024) Sinergiya slozhnosti kak imperativnyy printsip organizatsii vlasti v tsifrovuyu epokhu: novye vyzovy chelovecheskomu kapitalu [Complexity Synergy as an Imperative Principle of Power Organization in the Digital Age: New Challenges to Human Capital]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2. pp. 65–79. DOI: 10.17976/jpps/2024.02.06. EDN: GDHVVD
3. Chugunov, A.V. & Filatova, O.G. (2020) *Elektronnoe uchastie: kontseptualizatsiya i praktika realizatsii v Rossii* [E-Participation: Conceptualization and Implementation Practices in Russia]. St. Petersburg: Aleteyya.
4. Meijer, A.J., Curtin, D. & Hillebrandt, M. (2012) Open government: connecting vision and voice. *International Review of Administrative Sciences*. 78(1). pp. 10–29. DOI: 10.1177/0020852311429533
5. Balayan, A.A. & Tomin, L.V. (2021) Politicheskie efekty tsifrovoy transformatsii gorodskogo upravleniya (na primere g. Moskvy) [Political Effects of Digital Transformation in Urban Governance (A Case Study of Moscow)]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 11(155). pp. 21–32.
6. Filatova, O.G. & Kiseleva, D.A. (2024) Vospriyatie tsifrovyykh servisov sotsial'no-aktivnymi grazhdanami Sankt-Peterburga [Perception of Digital Services by Socially Active Citizens of St. Petersburg]. *Politeks: Politicheskaya ekspertiza*. 4.
7. Vagin, V.V. & Shugrina, E.S. (2021) Rol' initsiativnogo byudzhetrovaniya v formirovanii ekosistemy grazhdanskogo uchastiya v gosudarstvennom i munitsipal'nom upravlenii [The Role of Participatory Budgeting in Forming an Ecosystem of Civic Participation in State and Municipal Governance]. *Finansovyy zhurnal*. 13(2). pp. 9–24.
8. Guz, N.A., Dubrova, M.V., Dzusova, S.S., Ryabova, I.S. & Frumina, S.V. (2023) Participatory Budgeting in Russia: How Not to Hinder Civic Activism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 75. pp. 193–206. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863H/75/16
9. Roulston, K. (2001) Data analysis and “theorizing as ideology.” *Qualitative Research*. 1(3). pp. 279–302. DOI: 10.1177/146879410100100302
10. Tuckett, A.G. (2005) Applying thematic analysis theory to practice: a researcher’s experience. *Contemporary Nurse*. 19(1-2). pp. 75–87
11. Vinogradova, T.I. (2008) Povyshenie effektivnosti byudzheta i optimizatsiya byudzhetnogo protsessa putem vnedriya sotsial'noy tekhnologii “Prozrachnyy byudzhel” [Improving Budget Efficiency and Optimizing the Budget Process Through Implementation of the “Transparent Budget” Social Technology]. In: Shadrin, A.E. (ed.) *Sotsial'noe partnerstvo i razvitie institutov grazhdanskogo obshchestva v regionakh i munitsipalitetakh: praktika mezhshektornogo vzaimodeystviya* [Social Partnership and Development of Civil Society Institutions in Regions and Municipalities: Practices of Cross-Sector Interaction]. Moscow: Agentstvo sotsial'noy informatsii. pp. 129–145.
12. Sungurov, A.Yu. & Dmitrieva, A.E. (2023) Obshchestvennoe uchastie v deyatelnosti vlasti: obshchestvennoe i partisipatornoe byudzhetrovanie i souchastvuyushchee proektirovanie na urovne munitsipalitetov Sankt-Peterburga [Public Participation in Governance: Public and Participatory Budgeting and Co-Design at the Municipal Level in St. Petersburg]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 2. pp. 103–125. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-2-103-125
13. Delov, I.E. (2023) Partisipatornoe byudzhetrovanie v Rossii i politicheskoe predprinimatel'stvo [Participatory Budgeting in Russia and Political Entrepreneurship]. In: Raskolets, V.V. (ed.) *Chelovek, soobshchestva, gosudarstva v sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniyakh* [Individuals, Communities, States in Socio-Humanitarian Research]. Vol. 18. Tomsk: Tomsk State University. pp. 122–128.
14. Aleksandrov, E. & Timoshenko, K. (2018) Translating participatory budgeting in Russia: the roles of inscriptions and inscriptors. *Journal of Accounting in Emerging Economies*. 8(3). pp. 302–326.

15. Shilov, L. (2016) Osobennosti moderirovaniya i organizatsii publichnogo obsuzhdeniya grazhdanskikh initsiativ v proektakh initsiativnogo byudzhetrovaniya v gorodakh [Moderating and Organizing Public Discussion of Civic Initiatives in Participatory Budgeting Projects in Cities]. *Munitsipal'naya vlast'*. 2-3. pp. 43–45.

16. Pachenkov, O. & Voronkova, L. (2021) “Novyy gorodskoy aktivizm” i “publichnaya politika” v Rossii (na primere Sankt-Peterburga) [“New Urban Activism” and “Public Politics” in Russia (Case Study of St. Petersburg)]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*. 19(2). pp. 253–268.

17. Lukyanova, N.G. (2021) Osobennosti razvitiya initsiativnogo byudzhetrovaniya v Sankt-Peterburge [Participatory Budgeting Development in St. Petersburg]. *Finansovyy zhurnal*. 13(2). pp. 61–69. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-2-61-69

Сведения об авторах:

Киселева Д.А. – аналитик Центра технологий электронного правительства Университета ИТМО (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kiseleva-d@yandex.ru

Сунгуров А.Ю. – доктор политических наук, научный руководитель, Народный университет современного конституционализма (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: asungurov@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kiseleva D.A. – analyst, Center for Electronic Government Technologies, ITMO University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: kiseleva-d@yandex.ru

Sungurov A.Yu. – Dr. Sci. (Political Science), scientific director, People’s University of Modern Constitutionalism (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: asungurov@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.05.2025;
одобрена после рецензирования 18.07.2025; принята к публикации 07.08.2025*

*The article was submitted 13.05.2025;
approved after reviewing 18.07.2025; accepted for publication 07.08.2025*

Научная статья

УДК.323.

doi: 10.17223/1998863X/86/15

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Галина Викторовна Пушкарёва

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
pushkarjeva@spa.msu.ru*

Аннотация. Поднимается вопрос о методологии политического проектирования как способе конструирования политических объектов. Разработка методологии позволит уточнить место проектирования среди других способов представления будущего. Обращается внимание на то, что трудности разработки методологии связаны со спецификой политических объектов, их intersubjective природой и со сложностями определения предметного поля политического проектирования.

Ключевые слова: политическое проектирование, политический проект, методология проектирования

Для цитирования: Пушкарёва Г.В. Политическое проектирование: проблемы методологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 171–180. doi: 10.17223/1998863X/86/15

Original article

POLITICAL DESIGN: METHODOLOGICAL PROBLEMS

Galina V. Pushkareva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, pushkarjeva@spa.msu.ru

Abstract. Design is considered as a mental construction of a political object, based on scientific knowledge of its structure, properties and ways of interrelating its elements, and mechanisms of its reproduction. Political institutions, political organizations, and political processes can be objects of political design. Such objects are intersubjective by nature, i.e., they exist only in the actions and interactions of people and only because people develop a shared knowledge of the norms and rules of such actions and interactions. Design of such objects should be based not only on knowledge of the structure of the object itself, but also on the mechanisms that motivate people to reproduce the structural elements of the designed object in their actions. Three design methods are distinguished. The first is object-oriented. The designer takes an external position in relation to the object, like, for example, a building designer, and designs it entirely, based on scientific knowledge of its structure, properties, and mechanisms of operation. This design method is possible only where a new object is supposed to be created. The second – problem-oriented – is used where the task arises of searching for more perfect forms of development of existing institutions and organizations, their adaptation to new realities. In this case, the design is preceded by the stage of identifying problems that create difficulties in the functioning and development of a political object, and the purpose of the design is to construct a normative order that prevents the emergence of destructive phenomena. The third is subject-oriented. It is based on the understanding that a change in the normative order is possible not only “from above” but also “from below”, when new rules are created by citizens interacting to solve certain problems. In subject-oriented design, the design of a new object is carried out in the course of interaction that ensures the achievement of consensus regarding the normative order

constituting a political neoplasm. It is concluded that design in politics is more sporadic than systemic, and is based on an intuitive vision of ways to achieve political goals rather than a scientifically based methodology for constructing a political innovation. The difficulties of developing a methodology for political design are primarily related to the difficulties of defining the subject field of design.

Keywords: political design, political project, design methodology

For citation: Pushkareva, G.V. (2025) Political design: methodological problems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 171–180. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/15

Проблематика политического проектирования многогранна. Одни ученые видят в ней пространство поиска ценностно значимых образов будущего и разработки проектов, способных изменить мир к лучшему. Это пространство уже наполнено созданными в разное время моделями идеального государства и общества, и здесь продолжаются споры об успешности коммунистического [1], либерального [2, 3] проектов, особенностях нелиберального проекта [4], поднимается вопрос о специфике демократических [5] и преимуществах тех или иных цивилизационных проектов [6]. Разнообразие конструируемых образов будущего дает основание некоторым авторам говорить о превращении политики в пространство противостояния проектов как стратегического видения перспективы общественного развития [7. С. 10].

Для других ученых политическое проектирование представляет собой прежде всего пространство формулирования научно обоснованных суждений о способах конструирования будущего [8]. Они предлагают оставить создание идеальных моделей философам и политикам и сосредоточиться на определении предметного поля проектирования (что надо спроектировать, чтобы достичь желаемой цели). В рамках такого подхода дискуссия перемещается из ценностной плоскости (чей проект лучше) в методологическую (как сделать проектируемый объект жизнеспособным).

Если разговор о желаемых образах будущего ведется давно, то разработка методологии политического проектирования только начинается. Такое запаздывание связано прежде всего с присущей многим уверенностью, что главными в политике являются власть, ресурсы и политическая воля, и именно их наличие может обеспечить внедрение любой политической новации, лишь бы она была привлекательна для выбравшей ее политической силы. Однако при таком подходе проектирование подменяется формулированием ценностных принципов, целей, стратегий, желаемых результатов [9, 10], что, на наш взгляд, ведет к выхолащиванию сути проектной деятельности.

В данной статье ставится вопрос о методологии политического проектирования как системе научно обоснованных знаний о способах конструирования политических объектов. Новизна постановки вопроса заключается в перенесении акцента с описания желаемых образов будущего на определение специфики предметного поля проектирования.

В научной литературе можно увидеть два подхода к решению этой задачи. В основе первого, энвайронменталистского, лежит понимание того, что политическая активность предопределяется условиями внешней среды. Сторонники этого подхода под политическим проектированием (political design) понимают создание пространства, удобного для гражданской активности, обращая главным образом внимание на предметную инфраструктуру этого

пространства [11, 12]. Второй подход складывается по мере осознания роли институтов в политической жизни общества и возможностей их целенаправленного конструирования. В настоящее время институциональное проектирование (*institutional design*) охватывает широкий круг вопросов, связанных главным образом с описанием сложившейся конфигурации политических институтов [13, 14, 15] и способов их модернизации как «целенаправленной попытки изменить набор правил» [16. Р. 149].

При определении специфики методологии политического проектирования мы будем опираться на теоретико-методологические принципы социального конструктивизма и структурализма. Такой подход позволит, во-первых, обратить внимание на интересубъективную природу политических объектов, задающую особый алгоритм проектирования, отличный от тех, которые используются в сфере проектирования материальных объектов и технических систем; во-вторых, перейти от общего понимания политического проектирования как формулирования научно обоснованных суждений о будущем к разработке предметного поля проектирования на основе четкого понимания структуры и механизмов функционирования проектируемых объектов; в третьих, преодолеть ограничения ценностного подхода, фактически ставящего вопрос об успешности имплементации политического проекта в зависимости от политической воли и наличия ресурсов, прежде всего властных.

* * *

Прежде чем говорить о методологии политического проектирования, необходимо определить его место среди других способов представления будущего, таких как определение целей и ценностных ориентиров развития, конструирование желаемых образов, разработка стратегий, планирование, прогнозирование и т.д. Проектирование появляется в сфере материального производства, когда происходит разделение труда между заказчиком, создателем проекта и тем, кто будет задуманное воплощать в жизнь. Заказчик формулировал общие требования к объекту, проектировщик разрабатывал его конструкцию, воплощая свое видение в проектной документации, на основе которой исполнитель создавал сам объект. Таким образом, проектирование возникает как особый вид деятельности, нацеленный на детальное конструирование прообраза будущего объекта, требующий особых профессиональных знаний и опирающийся на ряд методологических принципов

За пределы технических наук проектирование выходит на волне позитивизма и постпозитивизма, постулировавших существование единых принципов научного знания и способов преобразования действительности. Выделению политического проектирования способствовало также развитие политической науки, закрепившей за собой право на интерпретацию специфики политических феноменов и их всестороннее исследование. Именно политические феномены, обладающие собственными границами, свойствами целостности и устойчивости, способностью к самовоспроизводству (отношения, институты, организации, процессы, события и др.), стали рассматриваться как возможные объекты проектирования, а содержание проектной деятельности – определяться как разработка документов «по созданию новых либо изменению уже существующих объектов в политической сфере и/или связей, отношений между ними в соответствии с поставленными политическими целями» [17. С. 12]. Политическое проектирование в меньшей степени

стало сводиться к формулированию замысла и некоторых ценностных принципов, а все больше становилось похожим на кропотливую работу инженера-конструктора, в деталях прописывающего конфигурацию будущего агрегата, который по его чертежам будут создавать машиностроители.

Несмотря на понимание присущих любой проектной деятельности общих черт, было очевидно, что прямой перенос идей проектирования, сформулированных в технических науках, в политическую сферу недопустим [8. С. 7]. Слишком специфичными являются объекты политического проектирования. В отличие от материальных объектов они intersubъективны по своей природе, они существуют только в действиях и взаимодействиях людей и лишь потому, что у людей формируется совместно разделяемое знание о нормах и правилах таких действий и взаимодействий. Проектирование таких объектов должно опираться не только на знание структуры самого объекта, но и механизмов, побуждающих людей воспроизводить в своих действиях структурные элементы проектируемого объекта.

Это свойство политических объектов привело к появлению внешнего и внутреннего политического проектирования. В первом случае проектировщики вначале создают прообраз объекта, описывают его в специальных документах, а затем на основе подготовленного проекта осуществляется его имплементация, создание и внедрение в ткань политической реальности. Во втором случае конструирование политического объекта осуществляется при непосредственном участии тех, кто своими действиями должен воспроизводить, обеспечивать функционирование проектируемого объекта. Внешнее проектирование представлено объектно ориентированным и проблемно ориентированным подходами, а внутренне – субъектно ориентированным.

Объектно ориентированное проектирование нацелено на конструирование целостного объекта, будь то политический институт, политическая партия или общественно-политическая организация, процесс принятия политического решения или политическая кампания. В его основе лежит представление, что политические объекты обладают определенной автономией, их можно вычлениить из общей системы отношений. Проектировщик занимает внешнюю позицию по отношению к объекту, как, к примеру, проектировщик здания, и конструирует его целиком, опираясь на научные знания о его структуре, свойствах, механизмах функционирования.

В объектно ориентированном проектировании присутствует дедуктивная логика: вначале формируется общий образ объекта в виде набора желаемых качеств, которыми он должен обладать, а затем осуществляется моделирование его структуры и механизмов. Вторая часть работы и является собственно политическим проектированием, созданием научно обоснованной модели, формирующей четкое представление о том, что и почему надо создавать. Такой способ проектирования возможен только там, где предполагается создание нового объекта, например, где полностью разрушается предыдущая политическая система и создается новая, где принимается решение о создании нового институционального образования или политической организации, где инициируется политическая кампания и т.п.

Проблемно ориентированное проектирование используется там, где встает задача поиска более совершенных форм развития действующих институтов и организаций, их адаптации к новым реалиям. В рамках этого подхода

исходной точкой становится не определение желаемых свойств объекта, а выявление комплекса проблем, создающих трудности в его функционировании и развитии, препятствующих выполнению им общественно значимых функций. Акцент, таким образом, переносится на поиск факторов, порождающих дисфункциональные явления, с последующим описанием тех конкретных изменений, которые необходимо осуществить, чтобы обеспечить достижение конкретного результата.

В логике проблемно-ориентированного проектирования разворачивалась, к примеру, реформа государственной службы в нашей стране. Поставленная политическим руководством страны задача создания эффективного государственного аппарата экспертным сообществом решалась не только путем определения необходимых ценностных ориентиров, но и через выявление проблем, препятствующих их достижению¹. Институциональный дизайн государственной службы подвергался корректировке по мере появления новых вызовов и осознания необходимости найти способы решения вновь возникающих проблем.

Сам факт того, что проблемно ориентированное проектирование нацелено на модернизацию существующего, на своеобразные «ремонтные работы» в действующем политическом объекте, не означает сужения предметного поля проектирования, сведения его к моделированию изменений в проблемном узле. Любые частичные изменения успешны только в том случае, если у проектировщиков существует четкое представление о системных свойствах объекта в целом и понимание последствий отдельных структурных новаций для данной целостности.

Оба названных способа проектирования похожи на проектирование материальных объектов. Хотя образ и рождается в голове проектировщика, но сам объект для него является внешним, как здание, которое проектирует архитектор, но строить и жить в нем будут другие люди. Проектировщик как бы со стороны смотрит на объект, он выбирает нужную конструкцию, прорисовывает структурные элементы и способы их соединения, обосновывает необходимость использования компонентов, обладающих определенными свойствами, определяет факторы устойчивости всей конструкции, допустимые отклонения и риски.

Поскольку главной особенностью любого объекта политического проектирования является то, что он существует только в действиях и взаимодействиях людей, то и смысл проектной работы в этом случае сводится к поиску объективных ограничителей политического поведения, введение которых позволит придать проектируемому объекту нужную форму, побудит людей воспроизводить заданные отношения и взаимосвязи. Мотивация политического поведения имеет сложную структуру, но есть в ней то, что активно используется в проектировании политических объектов, – нормативная регуляция. В процессе социализации у человека формируется понимание значимости норм и правил, а в обществе складываются механизмы санкций, как в виде социального контроля, так и легитимного принуждения. В этой связи проектирование нормативного порядка становится самым востребован-

¹ См.: Концепция реформирования системы государственной службы РФ (утв. Президентом РФ от 15 августа 2001 г.); Федеральная программа «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003–2005 гг.)» (утв. Указом Президента РФ от 19 ноября 2002 г.).

ным способом конструирования политических нововведений. Например, по мере возникновения в избирательном процессе явлений, препятствующих свободному волеизъявлению граждан, проектируются дополнительные нормативные ограничения, пресекающие нарушения такого рода.

Искусство проектирования заключается не в том, чтобы «придумать» соответствующий заданным политическим целям нормативный порядок, а в том, чтобы свести к минимуму фактор внешнего давления. Введение новых нормативных требований неизбежно наталкивается на сопротивление людей, привыкших к ранее сложившимся моделям взаимодействий, следовательно, в проект должны закладываться решения, обеспечивающие повышение восприимчивости граждан к нововведению, формирование у них понимания важности изменений и осознания необходимости следовать устанавливаемым нормам. Наряду с использованием санкций, как негативных, так и позитивных, важным является создание фасилитирующих каналов, т.е. способов взаимодействия, облегчающих переход к новой модели поведения, а также включение в проект механизмов ценностной регуляции и технологий убеждения.

Профессионализм проектировщиков определяется их способностью решать указанные задачи. Попытки восполнить недостаток профессионализма статусным ресурсом власти чреваты двумя вариантами развития событий. Первый – когда вводимый «сверху» нормативный порядок наталкивается на сопротивление, либо открытое, ведущее к протестным акциям, либо скрытое, когда люди, несмотря на введение новых норм и правил, продолжают придерживаться ранее выработанных моделей поведения. В итоге нововведение не реализуется или реализуется не в полном объеме. Второй вариант – эффект отсроченного разочарования – развивается в случае, когда у инициаторов нововведения оказывается достаточно ресурсов для того, чтобы заставить людей принять на первых порах новые правила поведения. Однако реализация проекта, не получившего должного научного обоснования, рано или поздно дает сбой, потому что невыявленные и неучтенные объективные механизмы и тенденции проявляются со всей неизбежностью при малейшем ослаблении силового давления, и тогда, казалось бы, успешная новация начнет рушиться. Установленный нормативный порядок подвергается оспариванию, растет разочарование, а нарастающие депривационные настроения дают толчок к действиям, способным разрушить не только само нововведение, но и дестабилизировать политическую ситуацию в целом.

Субъектно ориентированный подход к проектированию возникает на принципиально ином методологическом фундаменте. В его основе лежит, с одной стороны, убежденность, что конструирование социальной и политической реальности обеспечивается прежде всего за счет создания нормативных порядков, делающих устойчивыми и независимыми от отдельного человека соответствующие виды взаимодействий, а с другой – понимание того, что изменение нормативного порядка возможно не только «сверху», в результате управленческого воздействия, опирающегося на статусные ресурсы власти, но и «снизу», когда новые правила создаются гражданами, вступающими во взаимодействия для решения определенных задач. В таких взаимодействиях происходит согласование индивидуальных представлений о способах решения возникающих проблем, вырабатываются общие, разделяемые всеми пра-

вила, возникают договоренности о процедурах. Иными словами, складывается нормативный порядок, апробированный в реальных политических практиках, а не введенный некой внешней силой. Такой порядок обладает естественной легитимностью, он принимается участниками взаимодействий, поскольку создан ими самими, можно сказать выстрадан в процессе совместных размышлений.

В субъектно ориентированном проектировании имеет место совместное творчество, согласование позиций, взаимное убеждение, т.е. конструирование нового объекта осуществляется в ходе взаимодействия, обеспечивающего достижение консенсуса относительно нормативного порядка, конституирующего политическое новообразование. Задача проектировщика состоит в инициировании и управлении процессом совместного конструирования политического объекта.

В настоящее время совместное проектирование описывается с помощью терминов «краудсорсинг» и «форсайт». Проектный краудсорсинг – это создание политической новации совместными усилиями инициаторов новации и тех, кто будет ее воплощать в жизнь. Краудсорсинг предполагает, что вовлеченные люди понимают смысл поставленной задачи, что у них есть заинтересованность в ее решении и готовность активно участвовать в процессе выработки норм и правил политических взаимодействий.

Примером политического краудсорсинга считается процесс обсуждения и принятия конституции в Исландии в 2011 г., когда любой гражданин страны мог с помощью специально созданных электронных сервисов высказать свои предложения/замечания по тексту этого нормативного документа. В итоге, как отмечает И.В. Мирошниченко, «краудсорсинговый проект конституции позволил решить в Исландии две политические проблемы: с одной стороны, государственная власть разделила политические риски от разработки и принятия нового конституционного проекта с гражданской общественностью, которая приняла участие в написании правил собственного бытия; с другой стороны, увеличила долю лояльного к своей деятельности населения, поскольку большинство граждан осознало, что их мнение значимо» [18. С. 215].

Понятием форсайт обозначают особый формат коммуникации, иницируемый для определения желаемого образа будущего и стратегий его достижения. Его особенностью является вовлечение в обсуждение, как представителей экспертного сообщества, так и тех, кто будет создавать это будущее. По глубине проработки образа будущего выделяют быстрый и фундаментальный форсайт. В первом случае конструирование образа осуществляется в ходе одной-двух сессий обсуждения, во втором – этот процесс отличается привлечением большего числа участников и растягивается на несколько этапов.

Главное преимущество субъектно ориентированного проектирования заключается в том, что конструирование образа будущего осуществляется при участии заинтересованных сторон, у которых в ходе взаимодействия формируются совместно разделяемые представления о целях создаваемой политической новации и конституирующем ее нормативном порядке. Люди, прошедшие через процедуры субъектно ориентированного проектирования, оказываются готовыми к принятию новых норм и правил, что существенным образом облегчает имплементацию нововведения.

Однако применение этого способа проектирования требует наличия ряда важных условий. Во-первых, в обществе должен сложиться консенсус в отношении базовых политических ценностей, позволяющий гражданам вырабатывать согласие по поводу стратегических целей. Вовлечение в обсуждение образа будущего (политической системы, института, организации и т.д.) людей, придерживающихся разных политических взглядов, чревато длительными бесплодными дискуссиями, где каждый будет слышать только своих единомышленников. Поскольку круг единомышленников проще сформировать вокруг решения задач, связанных с созданием партии, общественно-политического движения, то поле применения субъектно-ориентированного проектирования ограничивается именно такими структурами. Во-вторых, вовлеченность в проектирование того или иного политического объекта должна быть достаточно глубокой. Граждане должны активно участвовать в разработке соответствующего проекта, они должны прочувствовать его смысл, выстрадать его содержание. Только в этом случае у них сформируется понимание его целесообразности и необходимости следовать устанавливаемым нормам.

* * *

Вопросы методологии в проблемном поле политического проектирования остаются на периферии научного дискурса. Это связано, во-первых, с тем, что современная политическая наука может лишь частично удовлетворить запрос на знания, необходимые для детального проектирования политических объектов и процессов. В итоге процесс проектирования превращается в решение задачи с большим количеством неизвестных, а сами проекты наполняются общими суждениями, прикрывающими лакуны недостающего знания. Неудовлетворенность в такого рода проектах рождает и сомнения в возможности создания научно обоснованной методологии проектирования. Во-вторых, тщетность усилий по разработке методологии подпитывается убежденностью, что в политике все решается людьми, обладающими властными ресурсами, способными в свою пользу разворачивать любое политическое начинание: зачем тратить интеллектуальные ресурсы на работу, результаты которой все равно будут подстроены под интересы политических сил. В-третьих, политика является пространством столкновения различных ценностных систем, и идеологические предпочтения не могут не пронизывать политические проекты. Там, где на передний план выходят ценности в виде представлений о желаемом будущем, методологии проектирования неизбежно отводится второстепенная роль. Усилия направляются на обеспечение соответствия проектируемого объекта некоему идеальному образу, а методология проектирования превращается в сиюминутный инструмент, создаваемый под решение конкретной задачи.

Вместе с тем запрос на методологию политического проектирования формируется. Приходит понимание, что успешность политических новаций во многом зависит от способности их создателей понимать специфику политических объектов и конструировать их свойства на основе научного знания, а также от умений моделировать их структуру и механизмы функционирования. Выделенные в статье способы внешнего и внутреннего проектирования указывают на два возможных подхода к разработке методологии политического проектирования. Если в первом случае акцент делается на способах

конструирования детальной модели проектируемого объекта, то во втором – на способах организации взаимодействия участников проектной деятельности, заинтересованных в создании политической новации.

Список источников

1. Гранин Ю.Д. Темпоральность коммунистического проекта Маркса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 1. С. 191–204.
2. Прозорова Ю.А. Рецепция западного либерального проекта и опыт постсоветской модерности в России // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2021. № 3 (137). С. 235–255.
3. Матюхин А.В. Современный российский либерализм: конец проекта? // Журнал политических исследований. 2017. Т. 1, № 3. С. 149–162.
4. Harvey D. Neoliberalism is a political project // Jacobin magazine. 2016. № 26. P. 1–12.
5. Graeber D. The democracy project: A history, a crisis, a movement. Random House, 2013.
6. Горбачев М.В. Цивилизационные проекты в современной мировой политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11, № 5. С. 75–87.
7. Митрохина Т.Н. Функциональность политических проектов: технологии VS идеологии? // Власть. 2014. № 10. С. 5–13.
8. Грачев М.Н. «Политическое проектирование» и «политический проект»: концептуализация понятий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 3 С. 117–119.
9. Ежов Д.А. Политическое проектирование как способ разработки государственной политики // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 5. С. 288–299.
10. Митрохина Т.Н. Проектирование политики: объяснительные возможности концепта «политический проект» // Власть. 2015. № 9. С. 39–46.
11. Markussen T. The disruptive aesthetics of design activism: enacting design between art and politics // Design Issues. 2013. № 29 (1). P. 38–50.
12. Hopkins D.J., Williamson T. Inactive by design? Neighborhood design and political participation // Political behavior. 2012. № 34. P. 79–101.
13. *The Theory of Institutional Design* / ed. R.E. Goodin. Cambridge : Cambridge University Press, 1996.
14. Johnson T. Institutional design and bureaucrats' impact on political control // The Journal of Politics. 2013. № 75 (1). P. 183–197.
15. Скобелина Н.А. Онтология институционального дизайна современных общественных движений // Онтология проектирования. 2024. Т. 14, № 2 (52). С. 196–204.
16. Klijn E.H., Koppenjan J. Institutional Design // Public Management Review. 2006. № 8. P. 141–160.
17. Грачев М.Н. Введение // Политическое проектирование: глобальное, национальное, региональное измерения / под ред. М.Н. Грачева, Н.А. Борисова. М. : Мир философии, 2016. С. 5–20.
18. Мирошниченко И.В. Краудсорсинговая деятельность в публичной политике: новые возможности гражданского общества // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8, № 3 С. 208–220.

References

1. Granin, Yu.D. (2018) Temporal'nost' kommunisticheskogo proekta Marksa [Temporality of Marx's Communist Project]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*. 1. pp. 191–204.
2. Prozorova, Yu.A. (2021) Retsepsiya zapadnogo liberal'nogo proekta i opyt postsovetskoy modernosti v Rossii [Reception of the Western liberal project and the experience of post-Soviet modernity in Russia]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 3(137). pp. 235–255.
3. Matyukhin, A.V. (2017) Sovremennyy rossiyskiy liberalizm: konets proyekta? [Contemporary Russian Liberalism: The End of the Project?]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*. 1-3. pp. 149–162.
4. Harvey, D. (2016) Neoliberalism is a political project. *Jacobin Magazine*. 26. pp. 1–12.
5. Graeber, D. (2013) *The Democracy Project: A History, a Crisis, a Movement*. Random House.
6. Gorbachev, M.V. (2016) Tsivilizatsionnye proekty v sovremennoy mirovoy politike [Civilization projects in modern world politics]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. 11-5. pp. 75–87.

7. Mitrokhina, T.N. (2014) Funktsional'nost' politicheskikh proektov: tekhnologii VS ideologii? [Functionality of political projects: Technologies vs. ideologies?]. *Vlast'*. 10. pp. 5–13.
8. Grachev, M.N. (2013) "Politicheskoe proektirovanie" i "politicheskii proekt": kontseptualizatsiya ponyatiy ["Political design" and "political project": conceptualization of terms]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. 3. pp. 117–119.
9. Ezhov, D.A. (2012) Politicheskoe proektirovanie kak sposob razrabotki gosudarstvennoy politiki [Political design as a way of developing state policy]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 5, pp. 288–299.
10. Mitrokhina, T.N. (2015) Proektirovanie politiki: ob'yasnitel'nye vozmozhnosti kontsepta "politicheskii proekt" [Policy Design: Explanatory Potential of the "Political Project" Concept]. *Vlast'*. 9, pp. 39–46.
11. Markussen, T. (2013). The disruptive aesthetics of design activism: enacting design between art and politics. *Design Issues*. 29(1). pp. 38–50.
12. Hopkins, D.J. & Williamson, T. (2012) Inactive by design? Neighborhood design and political participation. *Political Behavior*. 34. pp. 79–101.
13. Goodin, R.E. (ed.) (1996) *The Theory of Institutional Design*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Johnson, T. (2013) Institutional design and bureaucrats' impact on political control. *The Journal of Politics*. 75(1). pp. 183–197.
15. Skobelina, N.A. (2024) Ontologiya institutsional'nogo dizayna sovremennykh obshchestvennykh dvizheniy [Ontology of institutional design of modern social movements]. *Ontologiya proektirovaniya*. 14(2). pp. 196–204.
16. Klijn, E.H. & Koppenjan, J. (2006) Institutional Design. *Public Management Review*. 8. pp. 141–160.
17. Grachev, M.N. (2016) Vvedenie [Introduction]. In: Grachev, M.N. & Borisov, N.A. (eds) *Politicheskoe proektirovanie: global'noe, natsional'noe, regional'noe izmereniya* [Political Design: Global, National, Regional Dimensions]. Moscow: Mir filosofii. pp. 5–20.
18. Miroshnichenko, I.V. (2012) Kraudsorsingovaya deyatel'nost' v publichnoy politike: novye vozmozhnosti grazhdanskogo obshchestva [Crowdsourcing activities in public policy: New opportunities for civil society]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 8-3, pp. 208–220.

Сведения об авторе:

Пушкарёва Г.В. – профессор, доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: pushkarjeva@spa.msu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Pushkareva G.V. – Dr. Sci. (Political Science), full professor, professor at the Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: pushkarjeva@spa.msu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.11.2024;
одобрена после рецензирования 18.07.2025; принята к публикации 07.08.2025
The article was submitted 01.11.2024;
approved after reviewing 18.07.2025; accepted for publication 07.08.2025*

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Лингвистическое значение и следование правилу

Научная статья
УДК 167.7
doi: 10.17223/1998863X/86/16

ДОБРЫЙ АНГЕЛ КАТЦА ПРОТИВ ЗЛОГО ДЕМОНА КРИПКЕ: АРГУМЕНТ ПРИВИЛЕГИИ, АЛГОРИТМЫ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЛАТОНИЗМ

Андрей Викторович Нехаев

*Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук,
Томск, Россия
Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия
Омский государственный технический университет,
Омск, Россия,
a.v.nekhaev@utmn.ru*

Аннотация. В качестве ответа на современные формы скептицизма о следовании правилу рассматривается семантический платонизм Дж. Катца, отличительной особенностью которого является то, что семантические структуры моделируются на основе синтаксиса – формального аспекта грамматики, отвечающего за такое важное свойство, как правильность построения языковых выражений.

Ключевые слова: Катц, Крипке, скептицизм следования правилу, сложная диспозиция, составная диспозиция, смысл, синтаксический факт

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No. 23-18-00019, <https://rscf.ru/project/23-18-00019/>

Для цитирования: Нехаев А.В. Добрый ангел Катца против злого демона Крипке: аргумент привилегии, алгоритмы и семантический платонизм // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 181–192. doi: 10.17223/1998863X/86/16

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Linguistic meaning and rule-following

Original article

KATZ'S GOOD ANGEL VERSUS KRIPKE'S EVIL DEMON: THE PRIVILEGE ARGUMENT, ALGORITHMS, AND SEMANTIC PLATONISM

Andrei V. Nekhaev

*Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation*

*University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation,
a.v.nekhaev@utmn.ru*

Abstract. Kripke's skeptical arguments about the meaning of linguistic expressions are usually seen as the starting point of a discussion around the rule-following problem. Kripke believed that no one (including God) is able to produce a fact that allows one to establish whether one really meant by "+" the addition function in the simple arithmetic calculation " $57 + 68 = 125$ ". Many of Kripke's critics, however, believe that semantic dispositionalism can offer effective ways to avoid his skeptical arguments. A number of proponents of semantic dispositionalism (Simon Blackburn, Carl Ginet, Tomoji Shogenji, Adam Podlaskowski, Jared Warren, and others) propose that we expand the number of our dispositions and diversify their character in significant ways. The proposal is that we work not only with simple dispositions concerning the computation of particular pairs of small numbers, but also with special composite dispositions containing algorithms for applying the results of such computations to any pairs of really huge numbers. This article provides a critique of semantic dispositionalism and its proposed responses to the skeptical challenge from the rule-following problem. The proposal of semantic dispositionalism runs into a new skeptical objection, the so-called privilege argument. It shows that, in concrete examples of computations with "+" for pairs of really huge numbers, proponents of semantic dispositionalism cannot establish a distinction for two fundamentally different cases: (i) cases where we incorrectly follow the addition rule, and (ii) cases where we correctly follow some other rule. An alternative option of answering this new skeptical challenge is Jerrold Katz's semantic Platonism, in which semantic structures are based on syntax, the formal aspect of grammar responsible for the correctness of the construction of linguistic expressions. According to Katz, rule-following occurs not because one by "+" means the addition function that one derives from his previous experience with ordered triples of numbers, but because of the existence of a syntactic relation between two abstract objects – the sense of the expression " $57+68$ " and the number " 125 ". For proponents of semantic Platonism, the problem of rule-following is not the existence of infinitely large extensions of linguistic expressions (like in the examples of our calculations with "+"), but the explanation of how exactly abstract meanings are "grasped". This process is based on the principle of decomposition. The "graspable" abstract meanings of a certain type of expressions "e", forming autonomous structures of some language L, are not infinite objects, but quite finite syntactic combinations of this type of expressions "e" in the language L. In the course of one's language learning one becomes familiar with such combinations, so that later, if necessary, when encountering a type of expression "e" in practice, one has an idea of what one should, can, or has reason to do in all such cases (in particular, so that one can notice and correct one's own and others' mistakes in the use of expressions of type "e"). Proponents of semantic Platonism believe that it should be enough to successfully avoid the skeptical challenge of the rule-following problem.

Keywords: Katz, Kripke, rule-following skepticism, complex disposition, composite disposition, sense, syntax fact

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00019, <https://rscf.ru/project/23-18-00019/>

For citation: Nekhaev, A.V. (2025) Katz's good angel versus Kripke's evil demon: the privilege argument, algorithms, and semantic platonism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 181–192. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/16

Я могу сейчас заставить себя следовать правилу (— • —) Подобно этому: — • — — • — — • — — • — — • — —

Но удивительно, что при этом я не теряю значения правила. Но как я могу твердо его придерживаться? Но – откуда я знаю, что твердо его придерживаюсь, что его не утрачиваю? Вовсе нет смысла говорить, что я твердо придерживался его, если нет для этого внешнего критерия.

Людвиг Витгенштейн.

Заметки по основаниям математики

(Раздел VI, §47)

Введение

Семантический платонизм многими исследователями считается весьма непопулярной, а иногда и откровенно нереспектабельной теорией¹. Такое крайне незавидное положение семантического платонизма в современной философии языка во многом можно объяснить тем фактом, что он всегда находился в тени своего более известного и именитого соперника – семантического диспозиционализма. Цель этой статьи заключается в том, чтобы показать, что эвристические ресурсы семантического платонизма серьезно недооценены. В целом он не только неплохо справляется с задачей представления реалистического взгляда на самые разные языковые феномены (синонимии, омонимии и др.), но и способен довольно успешно бороться со скептическим вызовом в лице проблемы следования правилу. Иными словами, семантический платонизм неожиданным образом преуспевает там, где его более известный и именитый соперник терпит неудачу.

Но прежде чем обратиться к демонстрации теоретических преимуществ семантического платонизма, я должен сделать ряд важных ремарок, которые нужно принимать во внимание, чтобы корректно интерпретировать ход моих рассуждений и мои аргументы. Во-первых, как и С. Крипке [8. С. 39], я считаю, что проблема следования правилу является в первую очередь метафизической, а не эпистемологической. Это вовсе не вопрос о том, *как мы знаем*, например, что под '+' мы имеем в виду сложение. Для меня следование правилу – это вопрос о том, *существуют ли такие факты*, в силу которых в наших вычислениях '+' принимает значение функции сложения, а не какой-то другой арифметической функции. И поэтому всякий метафизически успешный ответ на подобный скептический вызов обязан показать то, как именно значения языковых выражений укоренены в нашем реальном или

¹ Атмосферу всеобщего предубеждения против семантического платонизма прекрасно передает в серии своих обзорных статей Пикасо [1, 2], называя его 'заразой' [disease], расплывшейся по земле обетованной теории значения, и открыто заявляя о необходимости полного его искоренения. И неудивительно, что явных сторонников семантического платонизма практически можно пересчитать по пальцам одной руки. К наиболее известным относятся Сомс [3, 4], Катц [5, 6] и Шиффер [7].

просто некотором возможном языковом поведении¹. Во-вторых, в ходе исследования нужно различать примеры следования правилу и соответствия правилу. Примеры следования правилу самым тесным образом связаны с тем, что мы называем *намеренным действием*. Они с необходимостью содержат в себе попытки агента привести свое поведение в согласие с требованиями некоторого ранее им усвоенного правила². В-третьих, при анализе таких примеров нельзя смешивать два пусть и внешне похожих, но разных вопроса: «Следую(ем) ли я(мы) правилу правильно?» и «Правильному ли правилу я(мы) следую(ем)?». Следование правилу как таковое требует только *правильного соблюдения* правила, а не соблюдения *правильного правила*. Подмена одного вопроса другим, к сожалению, слишком часто становится источником путаницы и плодит тупиковые ветки дискуссий.

Проблема следования правилу и семантический диспозиционализм

Семантический диспозиционализм (СД) – это очень обширное семейство теорий, постулирующих существование конститутивной связи между значениями и референцией выражений нашего языка и нашими диспозициями о том, как следует применять их к тем или иным вещам в мире (объектам, свойствам, отношениям и т.д.). Согласно СД, значение языкового выражения можно рассматривать как функцию, которая принимает возможные референты в качестве области ее определения. Например, на вопрос «Почему в нашем языке значением ‘+’ является именно арифметическая функция сложения, а не какая-то другая?» у СД есть простой интуитивно понятный ответ: «Под ‘+’ мы имеем в виду арифметическую функцию сложения потому, что его референтами являются упорядоченные тройки чисел $\langle 2, 2, 4 \rangle, \dots, \langle 57, 68, 125 \rangle, \dots$ и т.д.». Тогда как на вопрос «Почему референтами ‘+’ в нашем языке являются именно эти упорядоченные тройки чисел, а не какие-то другие, скажем, $\langle 2, 2, 4 \rangle, \dots, \langle 57, 68, 5 \rangle, \dots$ и т.д.?» мы, скорее всего, получим ответ, что все дело в диспозициях. Значение выражений напрямую зависит от того, *как* мы предрасположены их использовать. То, что мы имеем в виду под ‘+’ определяется нашими диспозициями применять ‘+’ к операциям над числами именно *так, а не как-то иначе*. Таким образом, концептуальным ядром СД является следующее утверждение: для всех случаев использования некоторого языка L верно, что A имеет в виду под термином ‘ e ’ некий X (объект, свойство, отношение и т.д.), если и только если A имеет диспозицию d^e применять ‘ e ’ к X .

Несмотря на правдоподобность, СД сталкивается с серьезным вызовом в лице проблемы следования правилу. Для того чтобы под ‘+’ в наших вычислениях мы действительно имели в виду функцию сложения, а не ка-

¹ Вот почему я более чем уверен, что любые эпистемологические решения вида ‘я(мы) *достоверно знаю(ем)*, что именно имею(ем) в виду под тем или иным выражением, поскольку в противном случае, они просто были бы лишены какого бы то ни было значения’ безнадежно цикличны и в целом бесполезны.

² На важность данного различия указывал еще Витгенштейн в своем примере с двумя обезьянами: «Если одна из двух шимпанзе однажды нацарапала на земле фигуру |--|, а другая затем ряд |--|--| и т.д., то первая могла и не задавать правило, а другая могла и не следовать ему, что бы ни происходило при этом в душе каждой из них. Но если наблюдалось, например, явление вида обучения, демонстрации и имитации, удачных и неудачных попыток, вознаграждения и наказания и тому подобное, если в конечном счете вторая шимпанзе обучилась располагать фигуры, как в первом примере, одну за другой так, как она никогда не видела ранее, то нам, пожалуй, следует сказать, что первая шимпанзе записывала правила, а другая им следовала» [9. С. 237].

кую-то другую, имеющаяся у нас диспозиция d^{i+} должна охватывать целиком всю бесконечную область ее определения, хотя очевидно, что наша d^{i+} всегда относится только к некоторому конечному сегменту этой области. К примеру, мы не имеем диспозиций относительно вычислений с '+' для множества пар действительно огромных чисел (скажем, для вопроса '6578893478 + 8978993447 = ?' и т.д.).

В ответ на данный вызов ряд сторонников СД предлагают нам, во-первых, существенным образом расширить само число диспозиций, которыми мы располагаем и реализуем в своем языковом поведении, а во-вторых, разнообразить их характер. Многим исследователям такой ответ может показаться многообещающей стратегией¹. Основная идея заключается в том, что носители языка вооружены не только диспозициями относительно вычислений конкретных пар небольших чисел, но и особыми диспозициями, содержащими алгоритмы применения результатов этих вычислений к любым парам действительно огромных чисел. В вычислениях с '+' для некоторого конечного набора пар небольших чисел агент *A* имеет соответствующую простую диспозицию d_s^{i+} давать арифметически правильный ответ (к примеру, отвечать '4' на вопросы вида '2 + 2 = ?', '1 + 3 = ?', '0 + 4 = ?' и т.д.)². Тогда как для всего бесконечного множества остальных пар чисел из области определения функции сложения *A* обладает составной диспозицией d_c^{i+} , такой, что она реализуется путем итерационного применения d_s^{i+} к вычислениям внутри соответствующих разрядов неохваченных d_s^{i+} пар действительно огромных чисел. Иными словами, когда агент *A* сталкивается с примером на вычисление с '+' для пары чисел 6578893478 и 8978993447, для которых у него нет никаких простых диспозиций d_s^{i+} , позволяющих незамедлительно дать арифметически правильный ответ, он *предрасположен* действовать согласно требованиям алгоритма d_c^{i+} , наглядным аналогом которого служат так называемые 'вычисления в столбик':

$$\begin{array}{r} 6\ 5\ 7\ 8\ 8\ 9\ 3\ 4\ 7\ 8 \\ + \\ \hline 8\ 9\ 7\ 8\ 9\ 9\ 3\ 4\ 4\ 7 \\ 1\ 5\ 5\ 5\ 7\ 8\ 8\ 6\ 9\ 2\ 5 \end{array}$$

где агенту *A* для вычислений с '+' внутри каждого из разрядов этой пары действительно огромных чисел (единиц, десятков, сотен и т.д.) хватает уже имеющегося у него конечного набора простых диспозиций d_s^{i+} (вроде '1 + 2 = 3', '2 + 2 = 4', '4 + 5 = 9' и т.д.). В итоге, по мнению сторонников СД, благодаря наличию у него составной диспозиции d_c^{i+} , *A* действительно предрасположен выполнить вычисления с '+' для каждой пары действительно огромных чисел так, что с результатами подобных вычислений совместима только функция сложения и никакая другая.

¹ В развитом виде эта стратегия защиты СД была недавно предложена Дж. Уорреном [10]; более простые ее разновидности можно найти в работах С. Блэкберна [11], К. Гине [12], Т. Сёгэнди [13] и А. Подлясовски [14]. Полезные замечания об основаниях и деталях этой стратегии также см. [15. P. 111–115; 16. P. 863–864].

² Сторонники СД считают, что такое утверждение не может смущать скептиков, поскольку оно метафизически и эпистемически безобидно. Ведь, как указывает Уоррен, простые диспозиции являются грубыми реакциями, которые можно приобрести посредством обучения либо закодировать в бессознательной привычке [10. P. 263].

Проблема в том, что такая стратегия защиты СД сталкивается с серьезным возражением. Она могла бы сработать, если бы не одно крайне важное, хотя и банальное обстоятельство: в вычислениях с '+' агент *A* может (и даже должен) делать фактические ошибки¹. Например, возьмем сценарий, где *A* на вопрос '6578893478 + 8978993447 = ?' дает ответ '4446786815'. Согласно СД, этот *отличный от суммы* ответ *A* возможен только в том случае, если (1) он действительно занимался вычислениями с '+' (а не записывал подряд первые пришедшие ему на ум цифры), но при этом (2) следовал какому-то другому алгоритму $d_c^{'+}$. Допустим, в ходе применения простых диспозиций $d_c^{'+}$ агент *A* при получении двузначного результата просто не делал перенос в следующий разряд:

$$\begin{array}{r} 6\ 5\ 7\ 8\ 8\ 9\ 3\ 4\ 7\ 8 \\ + \\ \hline 8\ 9\ 7\ 8\ 9\ 9\ 3\ 4\ 4\ 7 \\ \hline 0^{+1}\ 4^{+1}\ 4^{+1}\ 4^{+1}\ 6^{+1}\ 7^{+1}\ 8\ 6\ 8^{+1}\ 1^{+1}\ 5 \end{array}$$

Очевидно, что при таком сценарии результаты реализации алгоритма $d_c^{'+}$ отслеживают область значений не функции сложения, а какой-то другой арифметической функции. Для удобства назовем ее *кложением*². На первый взгляд, ни сам этот сценарий, ни его диспозиционный анализ не таят в себе особых угроз. Но такое впечатление обманчиво. Они являются основой для скептического вызова следующей формы:

(АП1) Единственное, что определяет значение '+' в вычислениях *A*, – это его диспозиции вида $d_c^{'+}$ и $d_c^{'+\oplus}$.

(АП2) Вычисления с '+' принимают значение функции сложения в тех случаях, когда у *A* есть определенная диспозиция – $d_c^{'+}$, из-за которой он предрасположен давать ответы в виде суммы.

(АП3) Вычисления с '+' принимают значение функции кложения в тех случаях, когда у *A* есть другая диспозиция – $d_c^{'+\oplus}$, из-за которой он предрасположен давать ответы в виде куммы.

(АП4) Чтобы *A* в вычислениях с '+' давал не только ответы в виде суммы, но и какие-то другие, отличные от них ответы, он должен иметь диспозиции обоих видов – и $d_c^{'+}$, и $d_c^{'+\oplus}$.

(АП5) *A* действительно на практике дает отличные от суммы ответы (совершает ошибки).

(АП6) Следовательно, у *A* действительно одновременно есть обе диспозиции $d_c^{'+}$ и $d_c^{'+\oplus}$.

Это – так называемый *аргумент привилегии*³. Он показывает, что в примерах вычислений с '+' для пар действительно огромных чисел, сторонники

¹ На мой взгляд, в своем описании проблем диспозиционного анализа значения *C* Крипке выбрал в целом весьма неудачное выражение – 'совершать ошибки в сложении' [8. С. 50]. Более корректным в подобных случаях было бы говорить: 'давать отличные от суммы ответы' [8. С. 52].

² Нетрудно заметить, что области определения функций сложения (+) и кложения (\oplus) частично пересекаются (т.е. содержат бесконечное множество одних и тех же упорядоченных троек чисел, вроде <11111111, 22222222, 33333333>, <12312345, 546652123, 669775678> и т.д.), так что в бесконечном множестве случаев результаты вычислений с двух агентов с разными составными диспозициями $d_c^{'+}$ и $d_c^{'+\oplus}$ совпадали бы.

³ В явном виде этот аргумент был недавно сформулирован молодым итальянским философом Гуардо [16; см. также: 17. Р. 4]; и хотя он не встречается в оригинальной работе Крипке *Wittgenstein on Rules and Private Language* [8], в своей основе он не только скептический, но и подлинно 'крипкенштейнианский'. В скрытом же виде его можно найти в работе Куша *A Sceptical Guide to Meaning and Rules: Defending Kripke's Wittgenstein* [15. Р. 97].

СД не могут установить различие для двух принципиально разных сценариев: случаев, когда *A* *неправильно* следует правилу сложения, и случаев, когда *A* *правильно* следует правилу сложения. Скептический вызов здесь заключается в том, сторонники СД должны объяснить, почему в вычислениях с '+' только одна определенная диспозиция $d_c^{'+}$, отслеживающая функцию сложения, является *привилегированной* по отношению к другой диспозиции $d_c^{'+}$, ее не отслеживающей¹. Что же в ней такого особенного? Что позволяет выделить диспозицию $d_c^{'+}$ на фоне остальных и рассматривать сценарий вычислений с '+', где агент *A* дает отличный от суммы ответ, как пример *неправильного* сложения, а скажем, не как пример *правильного* сложения? Казалось бы, вполне естественная для нас реакция в виде указания на тот факт, что диспозиция $d_c^{'+}$ *привилегированная*, потому что только она *правильная*, неприемлема из-за скрытого в ней *circulus vitiosus*. Ответ '15557886925' агента *A* на вопрос '6578893478 + 8978993447 = ?' только тогда будет *правильным*, когда '+' имеет значение функции сложения. Но очевидно, что '+' в вычислениях *A* имеет именно такое значение, если и только если диспозиция $d_c^{'+}$ *привилегированная*. Следовательно, всякая попытка убедить нас в том, что диспозиция $d_c^{'+}$ *привилегированная* из-за того, что ответ '15557886925', который *A* предрасположен дать, *правильный*, на деле оказывается лишь уловкой, скрывающей утверждение, что *диспозиция $d_c^{'+}$ привилегированная, потому что она привилегированная*.

Проблема следования правилу и семантический платонизм

Семантический платонизм (СП) – это семейство теорий, ключевой идеей которых служит тезис о том, что любой наш язык (как искусственный, так и естественный) является абстрактным объектом [5. Р. 124–125] и метафизически корректная теория должна заниматься самим этим объектом, а не нашим знанием о нем. Цель такой теории – априорное изучение типов языковых выражений и их смысловой структуры. Согласно СП, смыслы образуют автономную область внутри грамматической структуры языка, и по этой причине их следует описывать по аналогии с формальными структурами. Отличительной чертой СП можно считать то, что в нем семантические структуры моделируются на основе синтаксиса – формального аспекта грамматической структуры языковых выражений, отвечающего за такое их свойство, как *правильность* построения. Зачастую это влечет за собой полный отказ от любых

¹ Как указывает А. Гуардо [16. Р. 866], аргумент привилегии не имеет ничего общего с рассуждениями сторонников СД об условиях, в которых предрасположенность *A* давать ответы в виде сумм при вычислениях с '+' блокируется по причине действия так называемых *обманок* (ситуаций, устраняющих причинную основу диспозиции) и *противоядий* (ситуаций, вмешивающихся в нормальный процесс реализации диспозиции). Вопрос о привилегированном статусе одной из диспозиций – $d_c^{'+}$ и $d_c^{'+}$ – это не тот случай, когда мы имеем дело со сценарием, в котором у *A* есть диспозиция вида $d_c^{'+}$ (отвечать на вопросы о вычислениях с '+' суммами чисел) и некоторое условие вида $d_c^{'+}$, блокирующее ее реализацию (вроде ситуаций, когда *A* пьян, устал и т.п.) [18]. Об этом, в частности, пишет и сам Крикк: «...когда просят сложить определенные числа, некоторые люди забывают о 'переносе'. Таким образом, для этих чисел они предрасположены дать ответ, отличный от обычной таблицы сложения. <...> затруднение не может быть преодолено условием *ceteris paribus* – условием, исключаящим 'помехи' <...> субъект имеет *систематическую* предрасположенность... забывать о переносе при определенных обстоятельствах. ...тенденцию выдавать одинаково ошибочный ответ, будучи хорошо отдохнувшим, находясь в благоприятной окружающей среде, свободным от суеты и т.д.» [8. С. 50–52].

попыток редукции смысловых структур языковых выражений к их референции¹. Следование правилу происходит не потому, что агент *A* под ‘+’ имеет в виду функцию сложения, извлекаемую им из предыдущего опыта знакомства с упорядоченными тройками чисел, а из-за наличия синтаксического отношения между двумя абстрактными объектами – смыслом выражения ‘57 + 68’ и числом ‘125’. Для сторонников СП проблема следования правилу заключается не в существовании бесконечных по своему объему экстенционалах языковых выражений (скажем, в примерах наших вычислений с ‘+’), а в объяснении того, как именно происходит ‘схватывание’ абстрактных смыслов. Основой этого процесса служит принцип *декомпозиции*². Схватываемые агентом *A* абстрактные смыслы определенного типа выражений ‘*e*’, образующие автономные структуры некоторого языка *L*, являются не бесконечными объектами, а вполне конечными синтаксическими комбинациями данного типа выражений ‘*e*’ в языке *L*. В ходе своего обучения языку *L* агент *A* знакомится с такими комбинациями, чтобы позднее при необходимости, встречая тип выражений ‘*e*’ на практике, у него было представление о том, что он должен, может или имеет основания делать во всех подобных случаях (в частности, чтобы он мог заметить и исправить собственные и чужие ошибки в применении выражений типа ‘*e*’). Считается, что этого нам должно хватить для успешного ответа на скептический вызов в лице проблемы следования правилу. Но можем ли мы из этого сделать вывод о том, что СП обладает также и достаточными ресурсами для борьбы с аргументом привилегии? Можно ли на его основе сформулировать не содержащий *circulus vitiosus* критерий различия сценариев правильного следования одному алгоритму от сценариев неправильного следования какому-то другому?

Я полагаю, что при некоторых оговорках СП вполне способен справиться с этой задачей. Для иллюстрации воспользуемся упрощенными примерами алгоритмов. Предположим, что есть образец орнамента в виде следующей последовательности символов: — ● ● — ● ● —³. И двух агентов – *A* и *A** – просят продолжить данный ряд символов, не нарушая образующий орнамент паттерн. Допустим, *A* продолжает ряд символов в виде последовательности α , тогда как *A** – в виде последовательности α^* :

α — ● ● — ● ● — | ● ● — ● ● — ● ● — ● ● — ● ● —
 α^* — ● ● — ● ● — | ● ● — ● ● — ● ● — ● ● — ● ● —

Есть ли у агентов *A* и *A** возможность определить, какая из последовательностей – α или α^* – является *правильным* продолжением исходного ряда символов?

¹ В частности, Катц открыто заявляет, что его основная цель состоит в том, чтобы оспорить пространенное ошибочное убеждение в том, что именно логическая семантика является единственным правильным подходом к вопросам значения, а также развеять некоторые предрассудки о нереперентных концепциях семантики [6. Р. 3].

² Детальное описание принципа декомпозиции можно найти в работах Катца [5. Р. 64–66; 6. Р. 24, 32–35; 19. Р. 699–700].

³ В интересах простоты и наглядности здесь и далее я буду пользоваться так называемыми *примерами на орнамент* Витгенштейна (*Reihenornamente*) [9. С. 227–228, 236–237, 239; 20. С. 164–165]. Для целей моей статьи это довольно удобно, потому что референты таких символов, как ‘—’ и ‘●’ (чем бы они ни были), никак не зависят ни от личности агента *A*, ни от его окружения, ни от конкретного контекста их использования.

Думаю, вполне очевидно, что какой бы ответ ни дали сторонники СД, они столкнутся с возражением в виде аргумента привилегий. Они не смогут объяснить, почему только одна определенная имеющаяся в распоряжении A и A^* диспозиция, пусть это будет, к примеру, $d_c^{\alpha^*}$, отслеживающая паттерн — ●●—●●——●●—●●—, является привилегированной по отношению к другой диспозиции $d_c^{\alpha'}$, его не отслеживающей. Так же как они не смогут дать критерий различия двух принципиально разных сценариев, а именно случаев, когда один агент A *ошибочно* следует правилу создания орнамента вида —●●—●●——●●—●●—, и случаев, когда другой агент A^* , наоборот, следует ему *правильно*¹. В отличие от них, сторонники СП могут себе позволить не опасаться аргумента привилегий. Для ответа на него они могут прибегнуть к принципу декомпозиции. Как известно, правилу нельзя следовать только один раз²! Это значит, что исходный образец орнамента —●●—●●—, на основе которого A и A^* обучались правилу, устанавливающему паттерн для продолжения последовательности символов с данным орнаментом, должен содержать *все* необходимые синтаксические комбинации, позволяющие оценивать действия агентов либо как правильные, либо как неправильные³. Так, если мы обозначим встречающиеся в исходном образце орнамента синтаксические комбинации ‘—●’ как ‘ a ’, ‘●—’ как ‘ b ’ и ‘●●’ как ‘ c ’, несложно будет дать синтаксическое описание паттерна ‘ $abc\ abc\ abc$ ’ и т.д., необходимого для *правильного* продолжения исходного ряда символов. Доступный для схватывания в исходном образце орнамента —●●—●●— композиционный смысл сообщает агентам о том, что в паттерне данного орнамента ‘только точки встречаются подряд, тире – никогда’⁴. Следовательно, из двух агентов именно A действовал правильно, продолжив исходный ряд символов в виде последовательности α , в то время как A^* допустил ошибку.

Заключение

Несмотря на популярность, СД был и остается объектом для критики, прежде всего, из-за своей неспособности найти решение проблемы следования правилу. Недавние попытки усовершенствовать СД, существенно расширив как число, так и сам характер диспозиций за счет включения составных диспозиций $d_c^{\alpha^+}$, реализуемых агентами путем итерационного применения

¹ При желании сторонники СД могли бы сослаться на наличие у A и A^* невыводного, негипотетического и неинтерпретируемого знания о том, что именно они имеют в виду под образующим узор паттерном [21]. Тем не менее я думаю, это была бы плохая стратегия защиты. Подробнее о возникающих в этой связи эпистемических проблемах см. [22. Р. 17–19; 23].

² Неслучайно Л. Витгенштейн задает вопросом: «Является ли то, что мы называем ‘следованием правилу’, чем-то таким, что мог бы совершить лишь *один* человек, и только *раз* в жизни?», на который тут же дает нам ответ: «Невозможно, чтобы правилу следовал только один человек, и всего лишь однажды» [20. С. 162].

³ Важно отметить, что именно благодаря синтаксической интерпретации смысловых структур сторонники СП сохраняют возможность определять и отличать правильные и неправильные способы продолжения исходной последовательности символов даже в отсутствие так называемого *превосходного факта*. Подробнее об этом см. [24].

⁴ Критики СП могли бы здесь сослаться на то, что для последовательности символов α^* также несложно дать синтаксическое описание соответствующего ей орнаментального паттерна ‘ $abcdcab\ abcdcab\ abcdcab$ ’, где под ‘ d ’ скрывалась бы синтаксическая комбинация ‘——’. Однако на это сторонники СП могли бы возразить, что такой синтаксической комбинации нет в исходном образце орнамента —●●—●●—.

конечного набора простых диспозиций $d_s^{'+}$, сталкиваются с разрушительным скептическим возражением в лице аргумента привилегий. Более того, сама реализация итерационного алгоритма составной диспозиции $d_c^{'+}$ в прямом смысле не является тем, что мы бы назвали *вычислением* функции сложения. Скорее это что-то вроде *конкатенации*, когда агент A на вопрос '6578893478 + 8978993447 = ?' с помощью итерационного алгоритма $d_c^{'+}$ как бы «склеивает» из результатов применения простых диспозиций $d_s^{'+}$ конкретное мереологическое целое в виде ответа '15557886925'. Так что при желании скептик Крипке вполне мог бы настаивать на том, что агент A , похоже, действительно вычисляет функцию сложения лишь в тех случаях, когда применяет свои простые диспозиции $d_s^{'+}$, но в случае составной диспозиции $d_c^{'+}$ он явно занят чем-то другим¹. В то же время защищаемый немногочисленными сторонниками СП подход к проблеме значения языковых выражений, кажется, в целом довольно неплохо справляется с вызовом скептика Крипке. По крайней мере, мы видим, что в его арсенале есть действенные синтаксические средства для нейтрализации скептического возражения со стороны аргумента привилегий. Разумеется, нельзя сказать, что СП полностью лишен собственных недостатков и уязвимостей². Но это не значит, что мы должны отказаться от дальнейшего развития эвристического потенциала заложенного в нем метафизического подхода³.

Список источников

1. Picazo G. The Long Shadow of Semantic Platonism, Part I: General Considerations // *Philosophia*. 2021. Vol. 49, № 4. P. 1427–1453.
2. Picazo G. The Long Shadow of Semantic Platonism, Part II: Recent Illustrations // *Philosophia*. 2021. Vol. 49, № 5. P. 2211–2242.
3. Soames S. Linguistics and Psychology // *Linguistics and Philosophy*. 1984. Vol. 7, № 2. P. 155–179.
4. Soames S. *Semantics and Psychology* // *The Philosophy of Linguistics* / ed. J. Katz. Oxford : Oxford University Press, 1985. P. 204–226.
5. Katz J. *The Metaphysics of Meaning*. Cambridge, Mass. : The MIT Press, 1990. 356 p.
6. Katz J. *Sense, Reference, and Philosophy*. Oxford : Oxford: Oxford University Press, 2004. 224 p.
7. Schiffer S. Propositions, What Are They Good For? // *Prospects for Meaning* / ed. R. Schantz. Berlin : De Gruyter, 2012. P. 531–552.
8. Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М. : Канон+, 2010. 256 с.
9. Витгенштейн Л. Заметки по основаниям математики. Раздел VI (около 1943–1944) // *Эпистемология & философия науки*. 2007. Т. 12, № 2. С. 220–240.
10. Warren J. Killing Kripkenstein's Monster // *Noûs*. 2020. Vol. 54, № 2. P. 257–289.
11. Blackburn S. The Individual Strikes Back // *Synthese*. 1984. Vol. 58, № 3. P. 281–302.
12. Ginet C. The Dispositionalist Solution to Wittgenstein's Problem about Understanding a Rule: Answering Kripke's Objections // *Midwest Studies in Philosophy*. 1992. Vol. 17, № 1. P. 53–73.
13. Shogenji T. Modest Scepticism about Rule-Following // *Australasian Journal of Philosophy*. 1993. Vol. 71, № 4. P. 486–500.

¹ Что же касается конкретных результатов реализации агентом A алгоритма $d_c^{'+}$, то для скептика Крипке они были бы просто *случайным образом тождественны* результатам вычисления функции сложения, которые A получил бы путем применения соответствующих простых диспозиций $d_s^{'+}$ для пар действительно огромных чисел, если бы, конечно, таковые у него имелись.

² Подробнее, например, об эпистемологических проблемах СП см. [25].

³ О методологических достоинствах подхода СП к описанию семантических феноменов см. [26]. О метафизических преимуществах СП в решении ряда смежных с проблемой следования правилу вопросов см. [27].

14. Podlaskowski A. C. Simple Tasks, Abstractions, and Semantic Dispositionalism // *Dialectica*. Vol. 66, № 4. P. 453–470.
15. Kusch M. *A Sceptical Guide to Meaning and Rules: Defending Kripke's Wittgenstein*. Ithaca : McGill-Queen's University Press, 2006. 302 p.
16. Guardo A. Yet Another Victim of Kripkenstein's Monster: Dispositions, Meaning, and Privilege // *Ergo*. 2021. Vol. 8, № 55. P. 857–882.
17. Reiland I. Rule-Following II: Recent Work and New Puzzles // *Philosophy Compass*. 2024. Vol. 19, № 5. P. 1–13.
18. Handfield T., Bird A. Dispositions, Rules, and Finks // *Philosophical Studies*. 2008. Vol. 140, № 2. P. 285–298.
19. Katz J. The New Intensionalism // *Mind*. 1992. Vol. 101, № 404. P. 689–719.
20. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева // Философские работы. Ч. 1. М. : Гнозис, 1994. С. 75–319.
21. Борисов Е.В. Прямое решение проблемы Крипке // *Эпистемология & философия науки*. 2024. Т. 61, № 2. С. 23–32.
22. Guardo A. Two Epistemological Arguments Against Two Semantic Dispositionals // *JoLMA. The Journal for the Philosophy of Language, Mind and the Arts*. 2020. Vol. 1, № 1. P. 13–26.
23. Нехаев А.В. Злой демон Крипке, картезианская семантика и эпистемическая супервентность // *Эпистемология & философия науки*. 2024. Т. 61, № 2. С. 60–70.
24. Нехаев А.В. Следование правилу, приватный язык и практика (само)коррекции: пример локальной функции квожения // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2022. № 69. С. 32–43.
25. Нехаев А.В. Блеск и нищета семантического платонизма // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2022. Вып. 3 (33). С. 118–126.
26. Ладов В.А. Семантика Г. Фреге в современной аналитической философии // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2022. Вып. 3 (33). С. 97–110.
27. Нехаев А.В. Метафизические споры о словах: что значит быть реалистом в отношении слов? // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2023. № 75. С. 64–75.

References

1. Picazo, G. (2021a) The Long Shadow of Semantic Platonism, Part I: General Considerations. *Philosophia*. 49(4). pp. 1427–1453.
2. Picazo, G. (2021b) The Long Shadow of Semantic Platonism, Part II: Recent Illustrations. *Philosophia*. 49(5). pp. 2211–2242.
3. Soames, S. (1984) Linguistics and Psychology. *Linguistics and Philosophy*. 7(2). pp. 155–179.
4. Soames, S. (1985) Semantics and Psychology. In: Katz, J. (ed.) *The Philosophy of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press. pp. 204–226.
5. Katz, J. (1990) *The Metaphysics of Meaning*. Cambridge, Mass.: The MIT Press.
6. Katz, J. (2004) *Sense, Reference, and Philosophy*. Oxford: Oxford University Press.
7. Schiffer, S. (2012) Propositions, What Are They Good For? In: Schantz, R. (ed.) *Prospects for Meaning*. Berlin: De Gruyter. pp. 531–552.
8. Kripke, S. (2010) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Translated from English. Moscow: Kanon+.
9. Wittgenstein, L. (2007) Zametki po osnovaniyam matematiki. Razdel VI (okolo 1943–1944) [Notes on the Foundations of Mathematics. Part VI (circa 1943–1944)]. *Epistemologiya & filosofiya nauki*. 12(2). pp. 220–240.
10. Warren, J. (2020) Killing Kripkenstein's Monster. *Noûs*. 54(2). pp. 257–289.
11. Blackburn, S. (1984) The Individual Strikes Back. *Synthese*. 58(3). pp. 281–302.
12. Ginet, C. (1992) The Dispositionalist Solution to Wittgenstein's Problem about Understanding a Rule: Answering Kripke's Objections. *Midwest Studies in Philosophy*. 17(1). pp. 53–73.
13. Shogenji, T. (1993) Modest Scepticism about Rule-Following. *Australasian Journal of Philosophy*. 71(4). pp. 486–500.
14. Podlaskowski, A.C. (2012) Simple Tasks, Abstractions, and Semantic Dispositionalism. *Dialectica*. 66(4). pp. 453–470.
15. Kusch, M. (2006) *A Sceptical Guide to Meaning and Rules: Defending Kripke's Wittgenstein*. Ithaca: McGill-Queen's University Press.

16. Guardo, A. (2021) Yet Another Victim of Kripkenstein's Monster: Dispositions, Meaning, and Privilege. *Ergo*. 8(55). pp. 857–882.
17. Reiland, I. (2024) Rule-Following II: Recent Work and New Puzzles. *Philosophy Compass*. 19(5). pp. 1–13.
18. Handfield, T. & Bird, A. (2008) Dispositions, Rules, and Finks. *Philosophical Studies*. 140(2). pp. 285–298.
19. Katz, J. (1992) The New Intensionalism. *Mind*. 101(404). pp. 689–719.
20. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. 1. Translated from German by M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Moscow: Gnozis. pp. 75–319.
21. Borisov, E.V. (2024) Pryamoe reshenie problemy Kripke [A Direct Solution to Kripke's Problem]. *Epistemologiya & filosofiya nauki*. 61(2). pp. 23–32.
22. Guardo, A. (2020) Two Epistemological Arguments Against Two Semantic Dispositionalisms. *JoLMA. The Journal for the Philosophy of Language, Mind and the Arts*. 1(1). pp. 13–26.
23. Nekhaev, A.V. (2024) Zloy demon Kripke, kartezianskaya semantika i epistemicheskaya superventnost' [Kripke's Evil Demon, Cartesian Semantics, and Epistemic Supervenience]. *Epistemologiya & filosofiya nauki*. 61(2). pp. 60–70.
24. Nekhaev, A.V. (2022) Rule-Following, Private Language, and the Practice of (Self-)Correction: The Case of the Local Function of Quoting. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 69. pp. 32–43. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/69/5
25. Nekhaev, A.V. (2022) Blesk i nishcheta semanticheskogo platonizma [The Splendor and Misery of Semantic Platonism]. *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 3(33). pp. 118–126.
26. Ladov, V.A. (2022) Semantika G. Frege v sovremennoy analiticheskoy filosofii [G. Frege's Semantics in Contemporary Analytic Philosophy]. *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 3(33). pp. 97–110.
27. Nekhaev, A.V. (2023) Metaphysical Disputes About Words: What Does It Mean to Be a Realist About Words? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 75. pp. 64–75. (In Russian).

Сведения об авторе:

Нехаев А.В. – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия); профессор, Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия), Омского государственного технического университета (Омск, Россия). E-mail: a.v.nekhaev@utmn.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nekhaev A.V. – Dr. Sci. (Philosophy), leading research fellow, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation), Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: a.v.nekhaev@utmn.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.06.2025;
одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 07.08.2025
The article was submitted 05.06.2025;
approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 07.08.2025*

Научная статья

УДК 167.7

doi: 10.17223/1998863X/86/17

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПЛАТОНИЗМ И ПРОБЛЕМА КРИПКЕ

Евгений Васильевич Борисов

*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия, borisov.evgeny@gmail.com*

Аннотация. В обсуждаемой статье А.В. Нехаев выдвигает тезис, согласно которому лингвистический платонизм Катца дает решение проблемы следования правилу как минимум применительно к некоторым случаям. Этот тезис проиллюстрирован на примере одной из задач по нахождению правильного продолжения для заданной последовательности символов: Нехаев рассматривает два решения и пытается показать, что одно из них является правильным, а другое – нет. В своей реплике автор показывает, что данная иллюстрация некорректна, из чего следует, что тезис Нехаева о продуктивности лингвистического платонизма применительно к проблеме следования правилу не получил в обсуждаемой статье достаточного обоснования.

Ключевые слова: проблема следования правилу, Витгенштейн, Крипке, Катц, семантический платонизм, абстрактный объект

Для цитирования: Борисов Е.В. Лингвистический платонизм и проблема Крипке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 193–198. doi: 10.17223/1998863X/86/17

Original article

LINGUISTIC PLATONISM AND KRIPKE'S PROBLEM

Evgeny V. Borisov

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, borisov.evgeny@gmail.com*

Abstract. In his article “Katz’s Good Angel vs. Kripke’s Evil Demon: The Privilege Argument, Algorithms, and Semantic Platonism” in this issue of the journal, Andrei Nekhaev examines the ability of Katz’s linguistic Platonism to provide a solution to the famous problem of rule-following stated by Kripke. He claims that Katz’s theory does provide a solution, at least to some cases of rule-following, and argues that this solution is immune to the Privilege Argument put forward by Guardo. (Originally, the argument was formulated as an objection to dispositionalist theory of meaning but it can be made applicable to Platonism as well.) Nekhaev illustrates his claim showing how linguistic Platonism can be applied to the problem of continuation of a given sequence of symbols. He considers two solutions to the problem and argues that one of them is correct while the other is not. This claim is based on a syntactic analysis of the given sequence, and he maintains that the (in)correctness of solutions is determined by the syntactic structure of the sequence. If this view would be true, there exists a unique rule for continuation of the sequence, and this rule is determined objectively by the sequence itself, which would provide a solution to Kripke’s problem. The aim of my paper is to show that this view is untrue. I examine Nekhaev’s example and show that there is infinity of rules for continuation of the given sequence, and that none of them has any advantage over others. In this respect, the problem is analogous to the situation with addition and “quaddition” described by Kripke: the given sequence of symbols is analogous to the intersection of addition and “quaddition” (both operations conceived as sets of ordered triples of natural numbers), and its continuations are

analogous to the operations themselves. In my view, this shows that Katz's treatment of senses/rules as abstract objects is irrelevant to the problem of rule-following because, no matter what the nature of senses is, the given sequence of symbols is compatible with many of senses, and it does not provide any privilege to any of them.

Keywords: problem of rule-following, Wittgenstein, Kripke, Katz, linguistic Platonism, abstract object

For citation: Borisov, E.V. (2025) Linguistic platonism and Kripke's problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 193–198. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/17

Статья А.В. Нехаева «Добрый ангел Катца против злого демона Крипке: аргумент привилегии, алгоритмы и семантический платонизм» [1] посвящена проблеме следования правилу, которую С. Крипке [2] ставит в опоре на «Философские исследования» Л. Витгенштейна [3]. Тезис Нехаева состоит в том, что лингвистический платонизм Дж. Катца [4, 5] обеспечивает решение этой проблемы как минимум применительно к некоторым случаям правилосообразной деятельности. Автор иллюстрирует этот тезис на примере задачи, состоящей в поиске правильного продолжения некоторой последовательности символов¹. В частности, Нехаев считает, что решение проблемы применительно к данной задаче, основанное на платонистической трактовке языка в духе Катца, устойчиво к «аргументу от привилегии», который оказывается фатальным, например, для диспозиционалистского подхода к проблеме².

В данной статье показано, что приведенная Нехаевым иллюстрация некорректна, что ставит под вопрос его тезис о продуктивности лингвистического платонизма применительно к проблеме следования правилу.

Задача, которую рассматривает Нехаев, состоит в нахождении правильного продолжения последовательности символов — ●●—●●— (далее буду называть эту последовательность образцом). Он рассматривает два возможных продолжения:

α — ●●—●●— | ●●—●●—●●—●●—●●—
 α^* — ●●—●●— | —●●—●●— —●●—●●—

По мнению Нехаева, α является правильным продолжением образца, α^* — *неправильным*; при этом правильность α и неправильность α^* обусловлены, по его мнению, синтаксической структурой образца. Этот тезис ниже является предметом критики в данной статье.

Быть правильным — значит соответствовать некоторому *правилу*; быть неправильным — значит его нарушать. Каково правило, которому соответствует α и которое нарушает α^* ? Нехаев формулирует это правило на основе анализа образца, в котором используются следующие единицы: — ● (a), ● — (b)

¹ Задачи такого типа восходят к Л. Витгенштейну в [6].

² Аргумент от привилегии высказан А. Гуардо [7] в качестве возражения против диспозиционалистской трактовки значения, предложенной Дж. Уорреном [8]. Аргумент состоит в том, что в теории Уоррена безосновательно постулируется преимущество лингвистических диспозиций одного типа перед лингвистическими диспозициями других типов. Этот аргумент может быть модифицирован применительно к платонистскому решению проблемы следования правилу, которое предлагает Нехаев. Далее будет показано, что Нехаев безосновательно отдает предпочтение одному решению задачи перед другими.

(в примерах 2 и 3). Имеет ли множество $\{a, b, c\}$ какое-либо преимущество перед множествами $\{d\}$ и $\{ef^n : n - \text{натуральное число}\}$? Я не вижу оснований для утвердительного ответа на этот вопрос (и Нехаев таковых не приводит). При этом, как мы видели, от выбора синтаксических единиц зависит продолжение ряда. Поэтому если $\{a, b, c\}$ не имеет привилегий по отношению к другим множествам единиц, пригодным для анализа образца, то и a не имеет привилегий по отношению к другим продолжениям образца¹.

Отмечу также, что выбор единиц анализа не определяет его результат: в некоторых случаях один и тот же образец можно по-разному представить, используя одни и те же единицы анализа. Например, обсуждаемый образец Нехаев представляет как abc —, но его можно представить также как — cab (поскольку cab – это ●●—●●—). При решении задачи продолжения образца данный анализ дает тот же результат, что и анализ Нехаева (продолжением в обоих случаях оказывается a), но это для нас сейчас не важно. Нам важно отметить следующее: анализ образца не предзадан его синтаксической структурой, даже если мы зафиксируем множество используемых в анализе синтаксических единиц.

2. Вопрос о характере правилосообразного продолжения: следует ли нам постоянно дописывать одну и ту же последовательность символов, как в $abc\ abc\ abc\ \dots$, или дописываемая последовательность символов может изменяться, как в $ef^0\ ef^1\ ef^2\ \dots$? Опять же, от ответа на этот вопрос зависит то, какие продолжения мы сочтем правилосообразными, а какие нет. И опять же, Нехаев не отвечает на этот вопрос, и я не вижу оснований для того, чтобы предпочесть один из возможных ответов другому. На мой взгляд, оба способа продолжить образец – способ, требующий повторения одного и того же паттерна, и способ, допускающий изменение паттерна, – совместимы с платонистической трактовкой языка у Катца.

Специфика теории языка Катца, обуславливающая ее платонистический характер, состоит, в частности, в том, что в ней смыслы, как и язык в целом, трактуются как абстрактные объекты, открытые интуиции *a priori*². Последовательности символов, которые мы обсуждали выше ($a, a^*, ef^0\ ef^1\ ef^2\ ef^3\ \dots, ef^0\ ef^1\ ef^1\ ef^2\ \dots$), представляют собой абстрактные объекты, которые можно считать смыслами соответствующих правил. С точки зрения Катца, эти объекты даны нам *a priori*, но это не значит, что мы однозначно «считываем» тот или иной из этих объектов с данного образца. Дело в том, что данный образец является начальным сегментом *каждой* из перечисленных выше (и многих других) правилосообразных последовательностей символов, поэтому если мы правилосообразно продолжаем образец, но выбираем одно из бесчисленных подходящих продолжений.

Здесь имеет место очевидная аналогия с операциями сложения и «квожения» в смысле Крипке: для любых двух чисел, меньших 57, сумма и «квумма» совпадают, но эти операции расходятся относительно всех пар чи-

¹ В этом пункте к концепции Нехаева применима модифицированная версия аргумента от привилегии.

² В этом аспекте, согласно Катцу, лингвистика подобна математике, поскольку лингвистическая теория должна описывать «структуру определенного множества абстрактных объектов» [4. Р. 213], а не эмпирические объекты, такие как грамматическое или семантическое знание носителей языка. Некоторые релевантные для проблемы следования правилу особенности теории языка Катца обсуждаются, в частности, в [9] и [10].

сел, как минимум одно из которых не меньше 57. Таким образом, множество $A = \{ \langle a, b, c \rangle : a < 57 \ \& \ b < 57 \ \& \ a + b = c \}$ является пересечением сложения и «квожения». Разумеется, существует бесконечно много иных бинарных операций на множестве натуральных чисел, содержащих A . Нетрудно видеть, что A является аналогом образца — • • — • • —, а сложение, «квожение» и иные операции, включающие A , аналогичны различным правилосообразным продолжениям образца. Таким образом, крипкенштейнов «веер» расходящихся операций полностью воспроизводится в примере с образцом и его возможными продолжениями, а значит, применительно к данному примеру воспроизводится проблема Крипкенштейна. Решает ли эту проблему (применительно к примеру с образцом и его продолжениями) платонистическая трактовка смыслов как абстрактных объектов? Это зависит от того, можно ли с данного образца считать единственное правило для его продолжения. В статье я попытался показать, что такой возможности у нас нет, поскольку 1) объективность смыслов, которые можно увидеть в данном образце, не исключает их множественности; 2) образец не дает нам оснований для предпочтения какого-то одного из этих смыслов остальным.

Таким образом, тезис Нехаева, согласно которому a является правильным продолжением образца, а a^* — неправильным, неверен. Это значит, что тезис о продуктивности лингвистического платонизма Катца применительно к проблеме следования правилу остается под вопросом.

Список источников

1. Нехаев А.В. Добрый ангел Катца против злого демона Крипке: аргумент привилегии, алгоритмы и семантический платонизм // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 181–192.
2. Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М. : Канон+, 2010. 256 с.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева // Философские работы. Ч. 1. М. : Гнозис, 1994. С. 75–319.
4. Katz J. Language and Other Abstract Objects. Rowman and Littlefield : Totowa, N.J., 1981. 251 p.
5. Katz J. The Metaphysics of Meaning. Cambridge, Mass. : The MIT Press, 1990. 356 p.
6. Витгенштейн Л. Заметки по основаниям математики. Раздел VI (около 1943–1944) // Эпистемология & философия науки. 2007. Т. 12, № 2. С. 220–240.
7. Guardo A. Yet Another Victim of Kripkenstein’s Monster: Dispositions, Meaning, and Privilege // Ergo. 2021. Vol. 8, № 55. P. 857–882.
8. Warren J. Killing Kripkenstein’s Monster // Noûs. 2020. Vol. 54, № 2. P. 257–289.
9. Ладов В.А. Иллюзия значения. Проблема следования правилу в аналитической философии. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. 336 с.
10. Нехаев А.В. Блеск и нищета семантического платонизма // ПРАΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2022. Вып. 3 (33). С. 118–126.

References

1. Nekhaev, A.V. (2025) Dobryy angel Kattsa protiv zlogo demona Kripke: argument privilegii, algoritmy i semanticheskiiy platonizm [Katz’s Angel vs. Kripke’s Monster: Priviledge Argument, Algorithms, and Semantic Platonism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 181–192.
2. Kripke, S. (2010) *Witgenstejn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Translated from English. Moscow: Kanon+.
3. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. 1. Translated from German by M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Moscow: Gnozis. pp. 75–319.
4. Katz, J. (1981) *Language and Other Abstract Objects*. Rowman and Littlefield: Totowa, N.J.

5. Katz, J. (1990) *The Metaphysics of Meaning*. Cambridge, Mass.: The MIT Press.
6. Wittgenstein, L. (2007) *Zametki po osnovaniyam matematiki. Razdel VI (okolo 1943–1944)* [Notes on the Foundations of Mathematics. Part VI (circa 1943–1944)]. *Epistemologiya & filosofiya nauki*. 12(2). pp. 220–240.
7. Guardo, A. (2021) Yet Another Victim of Kripkenstein’s Monster: Dispositions, Meaning, and Privilege. *Ergo*. 8(55). pp. 857–882.
8. Warren, J. (2020) Killing Kripkenstein’s Monster. *Noûs*. 54(2). pp. 257–289.
9. Ladov, V.A. (2023) *Ilyuziya znacheniya. Problema sledovaniya pravilu v analiticheskoy filosofii* [The Illusion of Meaning: The Rule-Following Problem in Analytic Philosophy]. Moscow: Kanon+.
10. Nekhaev A.V. (2022) Blesk i nishcheta semanticheskogo platonizma [The Splendor and Misery of Semantic Platonism]. *ИПАЭНМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ИПАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 3(33). pp. 118–126.

Сведения об авторе:

Борисов Е.В. – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Borisov E.V. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, chief researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.06.2025;
одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 07.08.2025
The article was submitted 05.06.2025;
approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 07.08.2025*

Научная статья

УДК 167.7

doi: 10.17223/1998863X/86/18

СМЫСЛ, СЛЕДОВАНИЕ ПРАВИЛУ И РЕАЛИЗМ

Всеволод Адольфович Ладов

*Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Томск, Россия
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
ladov@yandex.ru*

Аннотация. Обсуждаются результаты критического анализа А.В. Нехаева таких направлений современной философии языка, как семантический диспозиционализм и семантический платонизм в контексте решения скептической проблемы следования правилу. Фиксируются как недостатки анализа Нехаева, так и недостатки самого семантического платонизма на примере концепции Д. Катца в контексте дискуссии реализма и антиреализма.

Ключевые слова: Нехаев, Катц, Крипке, смысл, референция, следование правилу, скептицизм, платонизм, реализм

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00019, <https://rscf.ru/project/23-18-00019/>.

Для цитирования: Ладов В.А. Смысл, следование правилу и реализм // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 199–207. doi: 10.17223/1998863X/86/18

Original article

SENSE, RULE-FOLLOWING, AND REALISM

Vsevolod A. Ladov

*Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation
National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
ladov@yandex.ru*

Abstract. The results of Andrei Nekhaev's critical analysis of such areas of modern philosophy of language as semantic dispositionalism and semantic Platonism in the context of solving the skeptical problem of rule-following are discussed in this article. The shortcomings of Nekhaev's analysis and the shortcomings of Katz's semantic Platonism itself in the context of the discussion of realism and antirealism are established. In particular, Nekhaev's interpretation of sense as a syntactic combination is more similar to the early Wittgenstein, who in his *Tractatus Logico-Philosophicus* also introduces "Sinn" (sense), than to Katz. A sentence expresses its sense regardless of whether it is true or false. It would seem that this is similar to Frege. But still, according to Wittgenstein, sense is only a structural correlation of syntactic parts of a sentence. This structural correlation of syntactic parts of a sentence can hardly be identified with Frege's sense of a name or a thought expressed in a sentence. Even if Frege's thought also consists of integral parts, these parts are senses of signs-parts, and not signs themselves. It seems that Katz's sense is more like Frege's sense than like the sense of the early Wittgenstein, despite Katz's criticism of Frege. Katz's criticism of Frege is not aimed at the concept of sense itself, but at the relation of sense and reference. Katz does not agree with Frege that there is a relation of strict

determination between sense and reference. Instead, Katz introduces a more fluid relation of mediation between sense and reference, but the main characteristics of sense itself in Katz remain Fregean. Sense is an ideal entity, an abstract object, completely distinct from the sign domain in which it is expressed. Signs, their combination, syntax express sense, but are not sense. The article presents the criticism of Katz's concept as follows. Katz always called his position "realism". But Katz's understanding of realism turns out to be unjustifiably narrow. He thinks of realism exclusively in the medieval context of the debate on universals, opposing his position to nominalism. Realism, for Katz, asserts the existence of abstract objects (meanings). But in the context of debates between realism and antirealism in the 20th–21st centuries, realism is still understood as a position asserting the existence of objective reality and the possibility of knowing it. Realism concerns reality. Reality is the area of referents of words and sentences. If the theory of meaning is made completely autonomous from the theory of reference, as the late Katz wanted, then any questions related to the knowledge of objective reality simply turn out to be beyond consideration. To know objective reality means to know referents, not meanings. Meaning provides a fixed way of knowing reality, but it is not yet reality itself.

Keywords: Nekhaev, Katz, Kripke, sense, reference, rule-following, skepticism, Platonism, realism

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00019, <https://rscf.ru/project/23-18-00019/>

For citation: Ladov, V.A. (2025) Sense, rule-following, and realism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 199–207. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/18

В своей статье «Добрый ангел Катца против злого демона Крипке: аргумент привилегии, алгоритмы и семантический платонизм» [1] А.В. Нехаев рассматривает позиции семантического диспозиционализма и семантического платонизма в контексте их потенциала противостоять скептическому вызову Витгенштейна–Крипке в виде проблемы следования правилу. Нехаев отмечает, что «Семантический платонизм многими исследователями считается весьма непопулярной, а иногда и откровенно нереспектабельной теорией» [1. С. 183], но сам по результатам своего анализа отдал предпочтение именно семантическому платонизму, считая, что именно эта теория способна противостоять крипкевскому скептику, тогда как семантический диспозиционализм не в состоянии справиться с самыми современными скептическими аргументами в философии языка.

Сразу хочу отметить положительные моменты проведенного Нехаевым исследования.

Во-первых, А. Нехаев представил и проанализировал самую современную литературу по проблеме следования правилу. Это касается и семантического диспозиционализма, который стал более продвинутым и утонченным в своей аргументации по сравнению с тем временем, когда с данной теорией спорил С. Крипке на страницах книги «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке» [2], и скептической позиции, которая только в последние годы пополнила свой арсенал мощным аргументом, получившим название «аргумент привилегии» [3].

Во-вторых, я могу только приветствовать исследовательскую смелость Нехаева, который в итоге поддержал именно позицию семантического платонизма в вопросе противостояния скептической аргументации, несмотря на то, что семантический платонизм действительно никогда не был мейнстримом

аналитической философии при обсуждении проблем, касающихся фиксации значений языковых выражений.

Помимо тех ссылок, которые в своей статье дал сам Нехаев, характеризуя непопулярность семантического платонизма, я бы еще упомянул мнение М. Куша: «Платонизм не был модной позицией в последние двадцать лет, поэтому защитников платонизма против атаки скептика было мало. Из этих текстов книга Джэррольда Катца 1990 года *The Metaphysics of Meaning*, без сомнения, самая важная. Обсуждение Катцом скептического сомнения есть часть обширной атаки в данной книге на натурализм в аналитической философии двадцатого столетия и крупномасштабная попытка реабилитировать платонизм в лингвистической теории» [4. P. 137].

Я упомянул М. Куша неслучайно. Во-первых, он тоже подчеркивает то, что семантический платонизм не является значимой позицией в последние десятилетия, и, во-вторых, он связывает семантический платонизм, прежде всего, с именем американского философа и лингвиста Д. Катца. Это же в своем исследовании делает и А. Нехаев. Анализируя аргументационный потенциал семантического платонизма, Нехаев также обращается к Катцу, но освещает при этом уже более широкий спектр его работ, нежели это в свое время сделал Куш. Нехаев рассматривает не только классического Катца периода написания монографии «Метафизика значения» [5], но и анализирует позднего Катца вплоть до его самой последней книги «Смысл, референция и философия» [6], которая была опубликована уже после смерти ее автора.

Далее я выскажу критические соображения сначала в адрес Нехаева, не соглашаясь с некоторыми из его интерпретаций Катца, а затем уже и в адрес самого Катца, показывая, каким, на мой взгляд, должен быть семантический платонизм, чтобы сохранить позицию реализма в онтологии и эпистемологии. Катц хотел свою философскую концепцию позиционировать как реализм [7], но, по моему мнению, ему это в итоге так и не удалось сделать.

Семантика и синтаксис

В обсуждаемой статье А.В. Нехаев пишет: «Схватываемые агентом *A* абстрактные смыслы определенного типа выражений ‘*e*’, образующие автономные структуры некоторого языка *L*, являются не бесконечными объектами, а вполне конечными синтаксическими комбинациями данного типа выражений ‘*e*’ в языке *L*» [1. С. 188]. Здесь верно указан оригинальный тезис Катца о том, что смыслы являются не бесконечными, необозримыми идеями, которые душа могла созерцать во всей их полноте лишь до рождения в физическом мире и после смерти в нем, как это было у Платона, а вполне определенными, конечными объектами, доступными для познания. Эту конечность смыслов, насколько я понял Нехаева, задает тот факт, что они являются синтаксическими комбинациями. Смыслы, если так можно выразиться, лежат на поверхности языка, в знаковой области, поэтому они полностью ясны и доступны. И вот с этим последним тезисом Нехаева я уже не могу согласиться.

Интерпретация смысла как синтаксической комбинации у Нехаева похожа, скорее, не на Катца, а на раннего Л. Витгенштейна, который в «Логико-философском трактате» [8] тоже вводит такой термин, как «Sinn» (смысл), несмотря на то, что Б. Рассел, за которым следует Витгенштейн в «Трактате»,

уже отверг трехчленную семантику Г. Фреге [9], устранив смысл и напрямую соединив язык и область референтов [10]. Референциалистская позиция Расселовского логического атомизма прослеживается в «Трактате» весьма отчетливо. Простые объекты (Gegenstanden) реального мира образуют между собой элементарную связь – атомарный факт (Sachverhalt). Этот атомарный факт адекватно изображается элементарной лингвистической картиной-предложением посредством его структуры, коррелятивной структуре факта. Именно расселовские тенденции в отношении непосредственного соединения языка и реального мира играют здесь решающую роль, хотя Витгенштейн и вводит в свою семантическую конструкцию медиальный элемент, употребляя фрегевский термин «смысл»: «2.22. Посредством своей изобразительной формы картина изображает то, что она изображает, независимо от ее истинности или ложности. 2.221. То, что картина изображает, – ее смысл. 2.222. Ее истинность или ложность состоит в соответствии или несоответствии ее смысла действительности» [8. С. 10]. Предложение выражает свой смысл вне зависимости от того, истинно оно или ложно. Казалось бы, это похоже на Фреге. Но все же смысл, по Витгенштейну, – это лишь структурная соотнесенность синтаксических частей предложения, т.е. соотнесенность знаков: «3.1431. Суть знака-предложения становится яснее, если вообразить в качестве его составляющих не письменные знаки, а пространственные предметы (скажем, столы, стулья, книги). При этом смысл предложения будет выражен взаиморасположением этих предметов» [8. С. 12]. Такую структурную соотнесенность синтаксических частей предложения вряд ли можно отождествить с фрегевским смыслом имени или мыслью, выраженной в предложении. Пусть даже у Фреге мысль тоже состоит из интегральных частей, но эти части суть смыслы знаков-частей, т.е. идеальные структуры, а не сами знаки как таковые.

Мне думается, что смысл у Д. Катца все же больше похож на смысл у Г. Фреге, нежели на смысл у раннего Витгенштейна, несмотря на то, что Катц критикует Фреге. Критика Фреге у Катца нацелена не на само понятие смысла, а на отношение смысла и референта. Катц не соглашается с Фреге в том, что между смыслом и референтом имеет место отношение строгой детерминации. Вместо этого Катц вводит между смыслом и референтом более подвижное отношение медиации [5. Р. 110]. Но определяющие характеристики самого смысла у Катца остаются фрегеанскими. Смысл – это идеальная сущность, абстрактный объект, полностью отличный от знаковой области, где он выражен. Знаки, их сочетание, синтаксис выражают смысл, но не являются смыслом, даже если мы принимаем во внимание различие Ч. Пирса между типами и токенами [11] и говорим о знаках как типах, усматривая в этом метафизику знаков, что делал Нехаев в одной из своих недавних публикаций [12]. Катц тоже опирается на различие между типами и токенами [5], но его интересуют не знаки, пусть даже знаки-типы, а их смыслы. Например, по Катцу, смысл математического термина «куб» раскрывается в определении: куб – это правильная геометрическая фигура с шестью равными сторонами [5. Р. 148–149]. Разве смысл здесь заключается в синтаксической комбинации знаков, пусть и типовых? Я вполне могу использовать и иные синтаксические конструкции на русском языке для выражения данного смысла. Например, «геометрическая фигура правильной формы с шестью равными сторонами» или

«правильная геометрическая фигура, имеющая шесть равных сторон» и т.д. Эти конструкции будут находиться в отношении синонимии. Отношение синонимии – это семантическое отношение [5]. Синтаксис разный, а семантика одна и та же. В этом суть синонимии. Или наоборот: отношение омонимии (двусмысленности, ambiguity) – это тоже семантическое отношение. В последней книге Катца «Смысл, референция и философия» [6], которую в своей статье упоминает и Нехаев, есть пример с предложением на английском языке: «Sherlock Holmes dusted the table» [6. Р. 136]. По Катцу, это предложение является двусмысленным на типовом уровне. Данное взаиморасположение знаков выражает сразу два смысла: ‘Шерлок Холмс распылил на столе определенный химический реактив, чтобы обнаружить отпечатки пальцев’, и ‘Шерлок Холмс удалил пыль со стола, убираясь в своей комнате’. Здесь синтаксис один и тот же, а семантика, наоборот, разная. Эти примеры показывают, что семантика не может быть редуцирована к синтаксису. И понятие смысла, по Катцу, характеризует семантику, а не синтаксис, как это представлено у Нехаева.

Что касается идеи конечности смысла, то, по Катцу, смысл конечен не потому, что он представляет собой четко очерченную синтаксическую структуру, а потому, что все вопросы о бесконечности, о соотношении конечного и бесконечного – это вопросы не теории значения, а теории референции [5–7]. Бесконечны референты слов, а их значения (смыслы) – это вполне определенные, конечные в своих границах, ясно фиксируемые абстрактные объекты.

Семантический платонизм и проблема следования правилу

В своей статье А. Нехаев пишет: «Для сторонников СП проблема следования правилу заключается не в существовании бесконечных по своему объему экстенционалах языковых выражений (скажем, в примерах наших вычислений с ‘+’), а в объяснении того, как именно происходит ‘схватывание’ абстрактных смыслов» [1. С. 188]. Катц, по Нехаеву, находит такое объяснение в идее конечности смыслов. Как уже сказано, идею Катца о конечности смысла и ее роль в объяснении схватывания смысла Нехаев упоминает верно, но решение проблемы следования правилу у Катца состоит все же не в этом, по крайней мере, не только в этом.

Отношение Катца к проблеме следования правилу имеет двоякий характер. В период написания работы «Метафизика значения» [5] Катц, как я уже сказал, вводит между смыслом и референтом отношение медиации взамен фрегеанского отношения детерминации. Д. Катц пытается пройти между Фреге и поздним Витгенштейном. Он утверждает, что в случае буквального употребления слова, которое ориентируется на типовой уровень языка, имеет место фиксированная связь между смыслом и референтом. Здесь референтом слова может быть только то, что соответствует его смыслу: «Агент речи, который использует слово „куб“ буквально, *должен* подразумевать ‘правильное тело с шестью равными сторонами’...» [5. Р. 157]. И только на уровне токенов референты слова могут почти до неузнаваемости расходиться с его смыслом, что, например, возникает тогда, когда говорящий начинает при помощи слова «куб» указывать на треугольную призму, как в примере Витгенштейна из «Философских исследований» [13. С. 91]. Таким образом, Катц признает, что проблема следования правилу действительно может сохраняться на

уровне токенов, и поздний Витгенштейн был прав в своей трактовке языка как бесконечно подвижной системы, лишенной какого-либо стабильного основания. Однако на уровне типов эта проблема имеет прямое решение за счет фиксации строгой связи между смыслом и типовым референтом. Если на уровне токенов женщина К. Доннеллана [14], которую обсуждает Катц [15], может указывать на человека, пьющего лимонад, произнося при этом: «Вот этот мужчина с бокалом шампанского», то отсюда все же нельзя заключить, как это стремится сделать поздний Витгенштейн, что у слов нет никаких стабильных значений. На типовом уровне, где проявляет себя семантико-грамматический строй языка, референтом выражения «Вот этот мужчина с бокалом шампанского» может быть человек, пьющий именно алкогольный напиток, что будет полностью соответствовать смыслу данного языкового выражения. В соответствии с поздним Витгенштейном, выражение «Вот этот мужчина с бокалом шампанского» не значит ничего, помимо того референта, к которому оно отсылает в частном употреблении. Если референтом слова может выступить, по сути, любой объект в зависимости от специфики той или иной языковой игры, то какой смысл говорить о существовании значения, определяющего референты? Значение есть употребление слова в конкретной языковой игре, отнесение слова к референту в определенной лингвистической ситуации и ничего более. Но, по Катцу, это не так. Мы вполне определенно фиксируем смысл (значение) языкового выражения и его связь с референтом на типовом семантико-грамматическом уровне языка. Катц периода работы «Метафизика значения» дает прямое решение проблемы следования правилу, и не только через объяснение схватывания смысла, как пишет Нехаев, но и посредством утверждения устойчивой связи смысла и типового референта.

Однако по мере развития своих взглядов Катц все в большей степени отдалается от теории референции. Это видно, например, в его дискуссии с П. Богоссяном [16], где Катц говорит следующее: «На мой взгляд, причина, по которой „куб“ применим к кубам, – когда и где это применимо к ним – является внешней по отношению к теории значения и внутренней по отношению к теории референции» [15. Р. 164]. Еще более радикальные взгляды в пользу полной автономности теории значения можно найти в одной из поздних работ Катца «Реалистский рационализм» [7]. Наконец, в своей самой последней работе «Смысл, референция и философия» [6] при помощи полного разрыва теории значения и теории референции Катц пытается решить даже проблему логических парадоксов, настаивая на том, что все вопросы об истинности предложений (например, вопрос об истинности предложения парадокса Лжеца) относятся к теории референции, поэтому проблема парадоксов оказывается просто нерелевантной теории значения. Соответственно, проблема следования правилу, как и проблема парадоксов, перестает быть для Катца проблемой. Проблема следования правилу – это не проблема теории значения и объяснения того, как происходит схватывание абстрактного смысла, как пишет Нехаев, а все же проблема связи смысла и референта, т.е. проблема теории референции. И поскольку Катц по мере эволюции своих взглядов движется от обсуждения смежных вопросов теории значения и теории референции к полной автономии теории значения, постольку проблема следования правилу просто перестает его волновать, он больше не спорит ни

с поздним Витгенштейном, ни с Крипке, он погружается в платоновскую безмятежность идеальных смыслов.

Теория значения, теория референции и реализм

Нужно отдать должное А. Нехаеву в том, что он и сам замечает и фиксирует, хотя и вскользь, движение Катца в сторону полной автономии теории значения. Например, характеризуя абстрактный характер семантического платонизма, Нехаев в обсуждаемой статье пишет: «Зачастую это влечет за собой полный отказ от любых попыток редукции смысловых структур языковых выражений к их референции» [1. С. 187]. Это верно. И в завершение своей реплики я хочу обратиться уже не к Нехаеву, а к самому Катцу и высказать некоторые критические соображения относительно идеи автономности теории значения.

Д. Катц всегда называл свою позицию реализмом. Это характерно и для среднего Катца периода написания работы «Метафизика значения» [5], и для позднего Катца, когда одну из своих монографий он прямо именуется «Реалистский рационализм» [7]. Но понимание реализма у Катца оказывается неоправданно узким. Он мыслит реализм исключительно в средневековом контексте спора об универсалиях, противопоставляя свою позицию номинализму [5]. Реализм для Катца – это концепция, в рамках которой утверждается существование абстрактных объектов (смыслов). Но в контексте споров реализма и антиреализма в XX–XXI вв. под реализмом все же понимается позиция, утверждающая существование объективной реальности и возможность ее познания [17]. Реализм – это то, что касается реальности, а реальность – это область референтов слов и предложений.

Если Катц отказывается называть реализмом то, что касается реальности, полностью дистанцируясь от теории референции, то его самого можно поймать на противоречии, применяя к нему технику аргументации от самореферентности [18]. Когда Катц, в своих поздних работах полагает в качестве истинного предложение «Значение предложения существует автономно от его референции», он ведь претендует на то, чтобы зафиксировать некоторый существующий факт в качестве референта данного предложения. Книги самого Катца написаны в контексте теории референции, в контексте связи теории значения и теории референции, а не в рамках полностью автономной теории значения.

На мой взгляд, полный разрыв с теорией референции неприемлем. Реализм – это онтоэпистемологическая позиция, утверждающая существование объективной реальности и возможность ее познания, что в тезаурусе аналитической философии означает возможность обоснования четкой фиксации истинности и ложности предложений языка. Фиксация истинностного значения предложения позволяет избежать радикального релятивизма (антиреализма), настаивающего на относительном характере истинности предложений, зависимом от той или иной языковой игры, лингвистической группы, социокультурной ситуации и т.д. Устойчивая фиксация истинности предложения возможна только тогда, когда мы точно знаем, на какой именно факт реальности это предложение указывает в качестве своего референта. Полностью определенное знание о факте реальности в качестве референта нам помогает получить смысл (значение) предложения как абстрактная, идеальная

сущность. Если же теорию значения сделать полностью автономной от теории референции, как того хотел поздний Катц, то любые вопросы, связанные с познанием объективной реальности, просто оказываются за пределами рассмотрения. Знать объективную реальность – значит, знать референты, а не смыслы. Смысл обеспечивает стабильный, фиксированный способ данности реальности, но он еще не сама реальность.

Список источников

1. Нехаев А.В. Добрый ангел Катца против злого демона Крипке: аргумент привилегии, алгоритмы и семантический платонизм // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 86. С. 181–192.
2. Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. с англ. В.А. Ладова, В.А. Суровцева; ред. В.А. Суровцев. М.: Канон+, 2010.
3. Guardo A. Yet Another Victim of Kripkenstein's Monster: Dispositions, Meaning, and Privilege // Ergo. 2021. Vol. 8, № 55. P. 857–882.
4. Kusch M. A Sceptical Guide to Meaning and Rules: Defending Kripke's Wittgenstein. Cambridge: Acumen, 2006.
5. Katz J. The Metaphysics of Meaning. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1990.
6. Katz J. Sense, Reference, and Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2004.
7. Katz J. Realistic Rationalism. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000.
8. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 5–73.
9. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ, 1977. Вып. 8. С. 181–210.
10. Рассел Б. Об обозначении // Язык, истина, существование. Томск, 2005. С. 7–22.
11. Peirce C.S. Prolegomena to an apology for pragmatism // Monist. 1906. Vol. 16. P. 492–546.
12. Нехаев А.В. Метафизические споры о словах: что значит быть реалистом в отношении слов? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 64–75.
13. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2018.
14. Donnellan K.S. Reference and Definite Descriptions // The Philosophical Review. 1966. Vol. 75, № 3. P. 281–304.
15. Katz J. Replies to Commentators // Philosophy and Phenomenological Research. 1994. Vol. 54, № 1. P. 157–183.
16. Boghossian P. Sense, Reference and Rule-Following // Philosophy and Phenomenological Research. 1994. Vol. 54, № 1. P. 139–144.
17. Ладов В.А. Онтологическая проблематика в аналитической философии // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXIII, № 1. С. 84–97.
18. Ладов В.А. Идея ограничения теории типов в философии математики в контексте критики эпистемологического релятивизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 51. С. 43–52.

References

1. Nekhaev, A.V. (2025) Dobryy angel Kattsa protiv zlogo demona Kripke: argument privilegii, algoritmy i semanticheskiy platonizm [Katz's Angel vs. Kripke's Monster: Priviledge Argument, Algorithms, and Semantic Platonism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 181–192.
2. Kripke, S. (2010) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Translated from English. Moscow: Kanon+.
3. Guardo, A. (2021) Yet Another Victim of Kripkenstein's Monster: Dispositions, Meaning, and Privilege. *Ergo*. 8(55). pp. 857–882.
4. Kusch, M. (2006) *A Sceptical Guide to Meaning and Rules: Defending Kripke's Wittgenstein*. Cambridge: Acumen.
5. Katz, J. (1990) *The Metaphysics of Meaning*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

6. Katz, J. (2004) *Sense, Reference, and Philosophy*. Oxford: Oxford University Press.
7. Katz, J. (2000) *Realistic Rationalism*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
8. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. 1. Translated from German by M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Moscow: Gnozis. pp. 5–73.
9. Frege, G. (1977) *Semiotika i informatika* [Semiotics and Computer Science]. Translated from German by E.E. Razlogov. Moscow: [s.n.]. pp. 181–210.
10. Russell, B. (2005) *Yazyk, istina, sushchestvovanie* [Language, Truth, Existence]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Tomsk: Tomsk State University. pp. 7–22.
11. Peirce, C.S. (1906) Prolegomena to an apology for pragmatism. *Monist*. 16. pp. 492–546.
12. Nekhaev, A.V. (2023) Metaphysical Disputes About Words: What Does It Mean to Be a Realist About Words? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 75. pp. 64–75. (In Russian).
13. Wittgenstein, L. (2018) *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations]. Translated from German by L. Dobroselsky. Moscow: [s.n.].
14. Donnellan, K.S. (1966) Reference and Definite Descriptions. *The Philosophical Review*. 75(3). pp. 281–304.
15. Katz, J. (1994) Replies to Commentators. *Philosophy and Phenomenological Research*. 54(1). pp. 157–183.
16. Boghossian, P. (1994) Sense, Reference and Rule-Following. *Philosophy and Phenomenological Research*. 54(1). pp. 139–144.
17. Ladov, V.A. (2010) Ontologicheskaya problematika v analiticheskoy filosofii [The Problem of Ontology in Analytic Philosophy]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 23(1). pp. 84–97.
18. Ladov, V.A. (2019) The Idea of Limiting the Type Theory in the Philosophy of Mathematics in the Context of the Criticism of Epistemological Relativism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 51. pp. 43–52.

Сведения об авторе:

Ладов В.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий лабораторией логико-философских исследований Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия); ведущий научный сотрудник Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия); профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ladov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ladov V.A. – Dr. Sci. (Philosophy), full professor, head of the Laboratory of Logical and Philosophical Research at the Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); leading researcher at the Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); professor at the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ladov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.06.2025;
одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 07.08.2025
The article was submitted 05.06.2025;
approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 07.08.2025*

Научная статья

УДК 167.7

doi: 10.17223/1998863X/86/19

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА, СИНТАКСИС И СЛЕДОВАНИЕ ПРАВИЛУ

Александр Геннадьевич Андрушкевич

*Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Томск, Россия
Сибирский государственный медицинский университет, Томск, Россия,
andryusha.fsf@gmail.com*

Аннотация. Представлена критика работы А.В. Нехаева «Добрый ангел Катца против злого демона Крипке: аргумент привилегии, алгоритмы и семантический платонизм». Предложенный проект семантического платонизма в качестве решения скептической проблемы следования правилу сталкивается с рядом сложностей. Неясной и требующей уточнения оказывается познавательная доступность смыслов как семантических структур. Ставится под вопрос отождествление Нехаевым семантической структуры языкового выражения и ее синтаксической структуры.

Ключевые слова: Катц, платонизм, диспозиционализм, семантика, референция, следование правилу

Для цитирования: Андрушкевич А.Г. Семантическая структура, синтаксис и следование правилу // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 208–213. doi: 10.17223/1998863X/86/19

Original article

SEMANTIC STRUCTURE, SYNTAX, AND RULE-FOLLOWING

Alexandr G. Andrushkevich

*Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation
Siberian State Medical University, Tomsk, Russian Federation,
andryusha.fsf@gmail.com*

Abstract. The article discusses Andrei Nekhaev's article "Katz's Good Angel vs. Kripke's Evil Demon: The Privilege Argument, Algorithms, and Semantic Platonism". The author proposes, as an alternative to semantic dispositionalism, the program of semantic Platonism, which supposedly successfully copes with the solution of the skeptical problem of rule-following. Although recent trends in analytic philosophy can in no way be defined as anti-metaphysical, there is still no place for radical forms of idealism in the focus of researchers' attention. This determines the significance of Professor Nekhaev's research, which actualizes the program of semantic Platonism as possessing high potential for solving the most pressing issues of modern analytic philosophy. Nekhaev rejects the epistemological nature of the rule-following problem, considering it exclusively as metaphysical. However, I argue that a metaphysical successful overcoming of the skeptical challenge must also be epistemologically relevant. Nekhaev does not specify the essence of meanings, the "grasping" of which ensures the possibility of following a rule. This raises a reasonable question, which is closely related to the remark that the problem of following a rule must also imply epistemological content: how is the reliability or truth of the agent's knowledge of meaning ensured? Equally significant is the fact that Nekhaev does not specify the mechanism of decomposition of meaning. This last observation is related to the fact that Nekhaev somewhat simplifies Katz's approach to language. The definition of meaning is

literally impossible without or outside of knowledge of the object. Moreover, meaning as a semantic component of a linguistic expression is precisely formed on the basis of grammar, but is not reducible to grammar. The construction of an ontology bypassing the referential function of language, where the primacy of “grasped” meanings is established without taking into account extensional objects, is undesirable. Katz does not imply a break with objective reality, but seeks to construct a semantic project that could claim to be the difference between the perception and description of the same objects in different forms of givenness. The connection between reference and intensional object should not be rejected or ignored.

Keywords: Katz, Platonism, dispositionalism, semantics, reference, rule-following

For citation: Andrushkevich, A.G. (2025) Semantic structure, syntax, and rule-following. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 208–213. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/19

Статья «Добрый ангел Катца против злого демона Крипке: аргумент привилегии, алгоритмы и семантический платонизм» [1] профессора А.В. Нехаева примечательна уже в силу того факта, что представляет собой редкий и нетривиальный для современных исследований в области аналитической философии пример интереса к семантическому платонизму.

Исторический вектор развития аналитической философии, которая в первые десятилетия вела позитивистскую борьбу с различными проявлениями идеализма в философии или, как метко их описывает Г.-И. Глок, крестовый поход против метафизики [2. С. 170], в конечном итоге переменялся, и традиция вернулась к метафизической проблематике и к реабилитации метафизики как таковой. Некоторые авторы высказывают даже довольно радикальные соображения о том, что «самое раннее четко выделяемое самостоятельное аналитическое движение в философии имело явную метафизическую ориентированность; метафизика процветает и в наши дни, на другом конце истории аналитической философии. Более того, можно даже утверждать, что сегодня именно метафизика является центральной дисциплиной аналитической философии и что даже имевшие место нападки на метафизику, как ни странно, коренились и проявлялись в тех предпосылках, которые сами были глубоко метафизическими» [3. С. 6]. Но при всем этом справедливым и целиком обоснованным является замечание профессора Нехаева о непопулярности семантического платонизма. Хотя последние тенденции в аналитической философии никак нельзя определить как антиметафизические, для радикальных форм идеализма по-прежнему не находится места в фокусе внимания исследователей.

Вышесказанное и определяет значимость исследования профессора Нехаева, которое актуализирует программу семантического платонизма как обладающего высоким потенциалом для решения самых актуальных вопросов современной аналитической философии. Одним из таких вопросов является преодоление скептической позиции относительно следования правилу, интерес к которой, как отмечают Г.П. Бейкер и П.М.С. Хакер, авторы работы «Скептицизм, правила и язык», определен «убеждением, распространенным среди многих философов, что конфронтация между реализмом и антиреализмом... представляет собой одну из фундаментальных проблем современной философии» [4. С. 24].

Но предложенный профессором Нехаевым подход сталкивается с рядом трудностей. И первая из них, по моему мнению, заключается в ультимативной квалификации проблемы следования правилу как исключительно *мета-*

физической: «Во-первых, как и Крипке, я считаю, что проблема следования правилу является в первую очередь метафизической, а не эпистемологической. Это вовсе не вопрос о том, как мы знаем, например, что под ‘+’ мы имеем в виду сложение. Для меня следование правилу – это вопрос о том, существуют ли такие факты, в силу которых в наших вычислениях ‘+’ принимает значение функции сложения, а не какой-то другой арифметической функции» [1. С. 188]. Создается ощущение, что однозначно отвергается *эпистемологический* характер скептической проблемы. Если обратиться к хронологически первому переводу работы С. Крипке «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке», который был осуществлен Вадимом Рудневым, то мы прочтем следующий вариант: «Вспомним, что скептическая проблема не является чисто эпистемологической» [5. С. 161]. Аналогичный по смыслу перевод предлагают В.А. Суровцев и В.А. Ладов [6. С. 40]. Эти варианты дословно совпадают с оригинальным текстом Крипке: «Recall that the sceptical problem was not merely epistemic» [7. P. 38]. Однако просто существования фактов не может быть достаточно. Безусловно, и Нехаев, и Крипке совершенно справедливо отмечают метафизический *характер* проблемы следования правилу, но однозначная и решительная ее квалификация как сугубо метафизической вызывает сомнение.

Образ действия может быть приведен в соответствие с фактом, но только с позиции стороннего наблюдателя. И в этом кроется упущение Нехаева, который, с одной стороны, различает *следование* правилу и *соответствие* правилу, но вместе с тем и размывает границу между этими двумя актами (или даже дистрибуциями). Даже если достаточным и необходимым является существование одного лишь объективного факта, определяющего корректность моих действий в свете определенного правила (каким может быть, к примеру, сложение), мое *знание* данного факта никак не может быть избыточным. Если же сосредоточить внимание лишь на существовании некоторого объективного факта, то случайное совпадение осуществляемых действий и определенного правила может быть определено как *следование* ему, тогда как в действительности оно лишь ему *соответствует*. Более того, сам Крипке в своей работе неоднократно обращает внимание на намерение субъекта, намерение следовать правилу, что, очевидно, не может иметь места в ситуации отсутствия знания о правиле как таковом.

В этой связи всякое метафизическое успешное преодоление скептического вызова должно быть эпистемологически релевантным и рассмотрение кандидатуры семантического платонизма в качестве такового внушает умеренный оптимизм. Но Нехаев формирует представление о семантическом платонизме как о программе, в рамках которой осуществляется исследование объектов, возможность приобретения знания о которых не только не уточняется, но и словно не играет никакой роли. Но именно сложность определения принципов познания *смыслов* или интенциональных объектов [8. P. 30–31] является самым уязвимым для критики местом теории Катца. Нехаев отмечает, что смыслы как бы ‘схватываются’ агентом, но не уточняет того, как происходит это ‘схватывание’. Отсюда возникает резонный вопрос, который тесно связан с замечанием о том, что проблема следования правилу должна подразумевать в том числе и эпистемологическое содержание: как обеспечивается достоверность или истинность знания агентом смысла? Интенциональ-

ный объект должен обладать автономностью от сознания агента, в противном случае скептицизм лишь окрепнет и укоренится в программе семантического платонизма. Если смысл возникает в сознании произвольным образом, то нет никаких гарантий того, что агент будет осуществлять именно сложение, но не взведение. Если же допустить вариант, при котором смысл автономен, то нам удастся избежать радикального субъективизма, но это все еще не снимает изначального вопроса «как агент получает знание смысла?».

Столь же значительным является то, что Нехаев не уточняет механизма декомпозиции смысла. Семантические маркеры [8. Р. 316] представляются как автономные идеалистические объекты. Их комбинация образует ту самую декомпозиционную структуру смысла. Выражения ‘ $57 + 68 = 125$ ’ и ‘если сложить пятьдесят семь и шестьдесят восемь, то получится сто двадцать пять’ синтаксически различны, но семантически их структуры совпадают. Совпадение детерминировано единством семантических маркеров, связанных с элементами, которые формируют синтаксические конструкции.

Это последнее наблюдение связано с тем обстоятельством, что Нехаев некоторым образом упрощает подход к языку Катца. В частности, Катц пишет: «Предложения естественных языков понимаются как абстрактные объекты, как в концепции чисел математического реалиста. Такие предложения и языки независимы от нас: факты о них открываются, а не создаются. Синтаксическая и семантическая структура, описанная в истинах о предложениях, находится в этих объективных, неестественных объектах» [8. Р. 125]. То есть определение смысла буквально невозможно *без* или *вне* знания об объекте. Более того, смысл как семантическая составляющая языкового выражения именно *формируется на основании* грамматики, но не является редуцируемой до грамматики. В работе «Generative Semantics Is Interpretive Semantics» Д. Катц определяет смысл как *семантическую репрезентацию* (semantic representation), которая формируется как отражение синтаксической структуры предложения [9. Р. 322–326]. То есть смысл является репрезентацией структуры языкового выражения, но при этом рассматривается как самостоятельный интенциональный объект, что не учитывает Нехаев.

Профессор Нехаев пишет, что следование правилу гарантируется в силу «наличия синтаксического отношения между двумя абстрактными объектами – смыслом выражения ‘ $57 + 68$ ’ и числом ‘125’»¹ [1. С. 188], но в действительности смыслы как таковые не определяются непосредственно самой синтаксической структурой. Следовательно, рано говорить о преодолении скептического вызова.

Следующее, о чем необходимо сказать, это референция. При анализе семантического диспозиционализма профессор А.В. Нехаев уделяет значительное внимание референциальной функции языка. Нереферентные семантики не представляются альтернативой референтным, скорее они призваны устранить ряд прямых недостатков референционализма².

¹ По всей видимости, Нехаев имеет в виду здесь не число ‘125’, а его смысл. Применительно к данному примеру корректнее было бы рассматривать синтаксическую структуру ‘ $57 + 68 = 125$ ’ и ее композиционную семантическую структуру.

² В частности, употребление имен, для которых нет референта. Подробнее об этом см. в работе Д. Катца [10].

Построение онтологии в обход референциональной функции языка, где устанавливается примат 'схватываемых' смыслов без учета экстенциональных объектов, в известной степени нежелателен. И от того привлекательным оказывается метафизический проект Катца, который синтезирует интенциональный объект в качестве коррелирующего с экстенциональным. Как мне кажется, Катц не подразумевает разрыва с объективной реальностью, но стремится построить такой семантический проект, который мог бы претендовать на разницу восприятия и описания одних и тех же объектов в разных формах данности (как Венера в утреннем небе и Венера в вечернем небе). 'Утренняя звезда' и 'Вечерняя звезда' осуществляют референцию к одному экстенциональному объекту, но из-за синтаксической разницы двух выражений возникают различные интенциональные объекты, различные смыслы. Никто не станет отрицать, что имеет место смысловое различие в употреблении выражений 'Сибирские Афины' и 'минерал с наиболее высокой плотностью', поскольку каждое из выражений референциально связано с различными объектами реальности. Но если мы обратимся к паре выражений 'Томск' и 'Сибирские Афины', которые референциально отсылают к одному и тому же объекту, мы актуализируем разницу смыслов. Связь между референцией и интенциональным объектом не должна отвергаться или игнорироваться.

В заключение хочется отметить, что А. Нехаев подобрал блестящие метафоры для названия своей работы. Действительно, борьба со злым скептическим демоном Крипке должна продолжаться. Но стоит ли возлагать надежды на доброго ангела Катца? С одной стороны, да, стоит, поскольку ангельское присутствие вселяет надежду. Но вместе с тем ангел в том виде, в каком он представлен в рассматриваемой работе, эфемерен и бестелесен, что затрудняет его познание и объяснение. Подобно неведомому присутствию ангельского, интенциональный объект не уточняется и остается неуловимым. Его потенциал в действительности следует развивать, но для того, чтобы семантический платонизм вышел в мейнстрим, ему не хватает именно эпистемологической обоснованности.

Список источников

1. Нехаев А.В. Добрый ангел Катца против злого демона Крипке: аргумент привилегии, алгоритмы и семантический платонизм // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 86. С. 181–192.
2. Глок Г.-И. Аналитическая философия: как она есть / пер. с англ. В.В. Целищев. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. 400 с.
3. Лакс М.Дж. Метафизика в аналитической традиции // Философский журнал. 2015. Vol. 8, № 2. С. 5–15.
4. Бейкер Г., Хакер П. Скептицизм, правила и язык. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. 240 с.
5. Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. с англ. В.П. Руднева // Логос. 1999. № 1. С. 151–185.
6. Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. В.А. Ладова, В.А. Суворцева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 152 с.
7. Kripke S.A. Wittgenstein on Rules and Private Language: An Elementary Exposition. Harvard University Press, 1995.
8. Katz J. The Metaphysics of Meaning. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1990.
9. Katz J. Generative Semantics Is Interpretive Semantics // Linguistic Inquiry. The MIT Press, 1971. Vol. 2, № 3. P. 313–331.
10. Katz J. Names Without Bearers // The Philosophical Review. Duke University Press, 1994. Vol. 103, № 1. P. 1–39.

References

1. Nekhaev, A.V. (2025) Dobryy angel Kattsa protiv zlogo demona Kripke: argument privilegii, algoritmy i semanticheskii platonizm [Katz's Angel vs. Kripke's Monster: Priviledge Argument, Algorithms, and Semantic Platonism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 181–192.
2. Glock, H.-J. (2023) *Analiticheskaya filosofiya: kak ona est'* [What is Analytic Philosophy?]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya.”
3. Loux, M.J. (2015) *Metafizika v analiticheskoy traditsii* [Metaphysics in the analytic tradition]. *Filosofskiy zhurnal*. 8(2). pp. 5–15.
4. Baker, G.P. & Hacker, P.M.S. (2008) *Skeptitsizm, pravila i yazyk* [Scepticism, Rules, and Language]. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya.”
5. Kripke, S. (2010) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Translated from English by V.P. Rudnev. Moscow: Kanon+.
6. Kripke, S. (2005) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Translated by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Tomsk: Tomsk State University.
7. Kripke S. (1995) *Wittgenstein on Rules and Private Language: An Elementary Exposition*. Harvard University Press.
8. Katz, J. (1990) *The Metaphysics of Meaning*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
9. Katz, J. (1971) Generative Semantics Is Interpretive Semantics. *Linguistic Inquiry*. 2(3). pp. 313–331.
10. Katz, J. (1994) Names Without Bearers. *The Philosophical Review*. 103(1). pp. 1–39.

Сведения об авторе:

Андрушкевич А.Г. – младший научный сотрудник лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия); старший преподаватель кафедры философии с курсами культурологии, биоэтики и отечественной истории Сибирского государственного медицинского университета (Томск, Россия). E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Andrushkevich A.G. – junior researcher, Laboratory of Logical and Philosophical Research, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); senior lecturer, Department of Philosophy with Courses in Cultural Studies, Bioethics, and Russian History, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.06.2025;
одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 07.08.2025
The article was submitted 05.06.2025;
approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 07.08.2025

Научная статья

УДК 167.7

doi: 10.17223/1998863X/86/20

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ДИСПОЗИЦИОНАЛИЗМ И УМНОЖЕНИЕ

Полина Ивановна Олейник

*Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Томск, Россия,
polina-grigorenko@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются два метода умножения: традиционный и древнерусский в контексте семантического диспозиционализма. Предлагается анализ диспозиций, составляющих алгоритмы этих двух методов. Оценивается применимость результатов критического анализа А.В. Нехаева к умножению двумя указанными методами.

Ключевые слова: Нехаев, следование правилу, диспозиции, умножение, диспозиционализм, семантический платонизм

Для цитирования: Олейник П.И. Семантический диспозиционализм и умножение // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 214–221. doi: 10.17223/1998863X/86/20

Original article

SEMANTIC DISPOSITIONALISM AND MULTIPLICATION

Polina I. Oleinik

*Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation, polina-grigorenko@mail.ru*

Abstract. The article considers Nekhaev's article on semantic dispositionalism and semantic Platonism. To analyze the idea of simple and semantic dispositions proposed by dispositionalism, it is proposed to consider the operation of multiplication. The result of considering the dispositions of the traditional method of multiplication fully corresponds to the decomposition of the multiplication operation into simple and composite dispositions. Multiplication of large numbers in such a method consists of an algorithm that includes the multiplication of small numbers. However, when considering the Russian peasant multiplication, it turns out that it cannot be represented in the form of simple dispositions and complex ones consisting of simple ones. Multiplication of small numbers in this method is not used to multiply large ones. The analysis of the Russian peasant multiplication demonstrates that in this method the multiplication of small and large numbers is a non-intersecting set of dispositions, which does not correspond to the theory put forward by semantic dispositionalism. On the contrary, Katz's semantic Platonism, the explanatory power of which is based on the principle of decomposition, is able to reveal the essence of the Russian peasant method. A conclusion is made about the prospects of further study of the potential of semantic dispositionalism.

Keywords: Nekhaev, rule-following, dispositions, multiplication, semantic dispositionalism, semantic Platonism

For citation: Oleinik, P.I. (2025) Semantic dispositionalism and multiplication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 214–221. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/20

Введение

Статья «Добрый ангел Катца против злого демона Крипке: аргумент привилегии, алгоритмы и семантический платонизм» А.В. Нехаева [1] представляет собой интересный и актуальный анализ возможностей семантического диспозиционализма и семантического платонизма, основывающийся на демонстрации возможностей семантического платонизма в тех ситуациях, в которых семантический диспозиционализм испытывает значительные трудности. Этот анализ представляется важным в связи с непопулярностью семантического платонизма, на которую указывает Нехаев. Более того, сам А. Нехаев в более раннем исследовании отмечал: «...все знакомые мне формы платонизма демонстрируют неспособность находить эпистемически надежные решения ключевых вопросов философии языка» [2. С. 119]. В связи с этим попытки Нехаева актуализировать идеи семантического платонизма свидетельствуют о действительно непредвзятом и критически осмысленном анализе этого направления, который ставит под сомнение оправданность тотального скепсиса в адрес платонизма. Обращение к работам Д. Катца в этой области представляется актуальным: «...многие *prima-facie* доказательства этой линии аргументации были проигнорированы из-за подавляющего влияния эмпирической парадигмы в современной лингвистике. Никто, интересующийся философией лингвистики или поиском рациональных оснований для лингвистической теории, не должен игнорировать аргументы, которые выдвигает Катц» [3]. Стоит отметить, что положение платонизма в историческом контексте достаточно интересно. В самом общем виде, платонизм – вера в существование абстрактных объектов, на протяжении очень долгого периода был доминирующей философией, кроме того, был (а зачастую и остается) наивной философией представителей других наук. Обращение к семантике и ее дальнейшее развитие во многом связаны с именем Г. Фреге [4], одним из направлений интеллектуальной деятельности которого была философия математики. Как отмечает В.В. Целищев, «развитие философии математики не во всем согласовывалось с идеями Фреге, но одна идея обрела статус “неприкасаемой”: числа являются объектами. Лишь в 1965 г. П. Бенацерафф бросил вызов этой идее, вызвав бурную полемику» [5. С. 13]. Возможно, с этим фактом и связано стремление обосновать некоторый вид платонизма, несмотря на его «опальное» положение. Сегодня платонизм может пониматься по-разному, и составляющая эти направления основа совместима со многими посылками.

Семантический диспозиционализм и методы умножения

А.В. Нехаев проясняет «вызов», с которым сталкивается семантический диспозиционализм (СД) в связи с проблемой следования правилу на примере сложения. Сложение является интуитивно понятным элементарным арифметическим действием, в силу этого подходящим для разбора диспозиций, используемых носителями некоторого языка при вычислении операций сложения.

Однако в этом контексте также интересно рассмотрение и более сложной операции – умножения. Для натуральных чисел умножение определяется как многократное сложение: чтобы умножить число a на число b , надо сложить b

чисел a . Умножение является одной из основных математических операций, в которой один аргумент складывается столько раз, сколько показывает другой. Хотя эта операция сложнее, чем сложение, она все же остается достаточно понятной. Суть умножения – нахождение суммы одинаковых слагаемых. Первое число при умножении показывает, какое слагаемое повторяют несколько раз, второе – сколько раз. Результат умножения показывает, какое число получается. Стандартное и привычное нам умножение основывается на знании таблицы умножения и вычислении произведения двух множителей в уме или с помощью так называемого умножения столбиком. Аналогично с операцией сложения [1]: для того, чтобы под ‘ \times ’ в наших вычислениях мы действительно имели в виду функцию умножения, а не какую-то другую, имеющаяся у нас диспозиция d_c^{\times} должна охватывать целиком всю бесконечную область ее определения, хотя очевидно, что наша d_c^{\times} всегда относится только к некоторому конечному сегменту этой области. Так же как и в случае со сложением, мы имеем достаточно ограниченный набор диспозиций относительно вычислений с ‘ \times ’: это, как правило, операции, исчерпываемые таблицей умножения, и ряд других, однако, мы не имеем диспозиций для вычислений всех чисел. Опять же, аналогично со сложением, согласно СД, носители языка вооружены не только диспозициями относительно вычислений конкретных пар (из таблицы умножения и ряда других), но и особыми диспозициями, содержащими алгоритмы применения результатов и схем этих вычислений к любым парам чисел.

В таком случае для всего бесконечного множества остальных пар чисел из области определения функции сложения агент A обладает составной диспозицией d_c^{\times} , такой, что она реализуется путем итерационного применения d_s^{\times} к вычислениям внутри соответствующих разрядов неохваченных d_s^{\times} пар чисел. Иными словами, когда агент A сталкивается с примером на вычисление с ‘ \times ’ для пары чисел 65 и 89, для которых у него нет никаких простых диспозиций d_s^{\times} , позволяющих незамедлительно дать арифметически правильный ответ, он *предрасположен* действовать согласно требованиям алгоритма d_c^{\times} , наглядным аналогом которого служат так называемые вычисления в столбик:

$$\begin{array}{r} 65 \\ \times \\ \underline{89} \\ 585 \\ + \\ \underline{520} \\ 5785 \end{array}$$

Агент A для вычисления этого примера использует имеющиеся у него диспозиции из конечного набора диспозиций d_s^{\times} , включающего диспозиции, являющиеся примерами из таблицы умножения, а также диспозициями относительно вычислений сумм.

Однако имеющаяся схема, включающая простые и сложные диспозиции d_s^{\times} и d_c^{\times} , – не единственная схема, используемая при вычислении операций умножения. Существуют различные способы решения примеров с умножением. Одним из репрезентативных в целях данной дискуссии является так называемый древнерусский метод умножения (ДМУ) [6, 7]. Он значительно отли-

чается от традиционного способа, представленного выше. Так, чтобы решить любой пример с умножением этим методом, понадобятся операции «удвоение» и «раздвоение». Сущность этого способа умножения состоит в том, что умножение любых двух чисел сводится к ряду последовательных раздвоений одного числа (последовательных делений пополам) при одновременном удвоении другого числа. Разберем тот же пример, 65×89 .

Для начала будем последовательно делить на 2 первое число, пока оно не превратится в единицу. Если в результате получится число с остатком, записываем только само число, без остатка. Второй множитель необходимо последовательно удваивать. Эту процедуру повторяем столько же раз, сколько делили первый множитель, пока он не достиг единицы:

$$\begin{array}{r} 65 \times 89 \\ 32 \quad 178 \\ 16 \quad 356 \\ 8 \quad 712 \\ 4 \quad 1424 \\ 2 \quad 2848 \\ 1 \quad 5696 \end{array}$$

Теперь вычеркиваем все строчки, в которых в левом столбце есть четное число:

$$\begin{array}{r} 65 \times 89 \\ \cancel{32} \quad \cancel{178} \\ \cancel{16} \quad \cancel{356} \\ \cancel{8} \quad \cancel{712} \\ \cancel{4} \quad \cancel{1424} \\ \cancel{2} \quad \cancel{2848} \\ 1 \quad 5696 \end{array}$$

Далее суммируем все числа, что стоят справа (включая 89):

$$89 + 5696 = 5785.$$

Это и будет результатом вычисления. Если поменять множители местами и осуществить указанные операции, графически вычисление будет сильно отличаться, однако, как и должно, мы снова получим тот же результат.

Согласно СД, первый, традиционный способ имеет определенные диспозиции для вычисления операций с умножением, ДМУ в свою очередь имеет другие, отличные диспозиции. Однако очевидно, что диспозиции в первом случае существенно отличаются от диспозиций во втором. Умножение традиционным способом действительно можно емко представить набором простых и сложных диспозиций, с помощью которых осуществляется следование правилу. Сама суть операции умножения отражена в способе получения результата операции вычисления, а именно многократного сложения одного множителя столько раз, что количество операций сложения равно второму множителю. Второй метод, в отличие от первого, кажется скорее «приемом фокусника», чем набором диспозиций, раскрывающим суть операции умножения.

Вместе с тем второй метод, так же как и первый, имеет строгую схему для получения результата, и агент $A(\partial m)$, пользующийся этим методом, четко следуя правилу, придет к правильному результату. Очевидно, что агент $A(\partial m)$ под умножением также понимает многократное сложение, однако использу-

емые диспозиции не являются составными из простых диспозиций (как это постулирует СД).

Эффективность ДМУ, разумеется, обеспечивается не фокусом, а имеет под собой надежное основание. Суть этого способа умножения и его эффективность сводятся к распределительному свойству умножения чисел: если в произведении $a \times b$ множитель a уменьшить в 2 раза (раздвоить), а множитель b увеличить в 2 раза (удвоить), т.е. взять произведение $a/2 \times 2b$, то произведение остается равным ab . Именно это свойство произведения применяется при умножении чисел ДМУ. Наш пример можно пояснить следующим образом:

$$\begin{aligned} 65 \times 89 &= (64 + 1) \times 89 = 64 \times 89 + 89 = 32 \times 178 + 89 = \\ &= 16 \times 356 + 89 = 8 \times 712 + 89 = 4 \times 1424 + 89 = 2 \times 2848 + 89 = \\ &= 1 \times 5696 + 89 = 5696 + 64 = 5785. \end{aligned}$$

Алгоритм в ДМУ, по сути, не требует математических навыков кроме сложения. «Удвоение» – это не то же, что умножение на 2: его без потерь можно заменить на более лёгкое сложение числа с собой, а деление на 2, «раздвоение», отлично выполняется через подбор с тем же умножением, замененным на сложение.

В случае с агентом A он использует простые диспозиции, включающие конечный набор операций умножения, имеющийся в таблице умножения, и операции сложения, т.е. составная диспозиция d_c^{\times} , как и в случае со сложением, реализуется путем итерационного применения простой диспозиции d_s^{\times} к вычислениям неохваченных d_s^{\times} пар чисел. В случае же с агентом A (∂m) ситуация в корне отличается: простые диспозиции $d_s^{\times}(\partial m)$, давая арифметически правильный ответ на простейшие примеры с использованием операции умножения не являются составляющими составной диспозиции $d_c^{\times}(\partial m)$ для вычисления более сложных операций умножения. Агент $A(\partial m)$, древнерусский вычислитель, не обладает функционалом таблицы умножения – она была ему неизвестна, однако видится, что простейшие операции умножения он выполнял без обращения к указанному выше методу (хотя результат даже таких простейших операций умножения, как 2×2 и т.д., также можно получить с помощью указанного метода). Более того, если агентом $A(\partial m)$ выступит современный вычислитель, имеющий в арсенале таблицу умножения, но обученный для умножения больших чисел ДМУ, при умножении больших чисел он не будет использовать простые диспозиции умножения, включающие содержательную часть таблицы умножения. То есть умножение больших чисел в этом методе не включает в себя инструментарий умножения малых чисел. Можно было бы отметить, что в таком случае агент речи имеет определенные диспозиции для умножения малых чисел и другие диспозиции для умножения больших чисел. Но тогда что является значением ‘ \times ’, какая арифметическая функция умножения? Ведь в данном случае умножение малых чисел и умножение больших чисел – непересекающиеся наборы диспозиций. Согласно СД, то, что мы имеем в виду под ‘ \times ’, определяется нашими диспозициями применять ‘ \times ’ к операциям над числами именно так, а не иначе. Но в случае с ДМУ получается, что сама операция умножения не состоит из умения умножать. Вместе с тем кажется верным, что любой из указанных агентов речи под умножением понимает одно и то же: многократное сложение множителя a определенное количество раз, а именно b раз. А. Нехаев пишет:

«...для того, чтобы под ‘+’ в наших вычислениях мы действительно имели в виду функцию сложения, а не какую-то другую, имеющуюся у нас диспозиция $d^{‘+’}$ должна охватывать целиком всю бесконечную область ее определения, хотя очевидно, что наша $d^{‘+’}$ всегда относится только к некоторому конечному сегменту этой области» [1. С. 185]. Под ‘×’ в случае умножения малых чисел имеется в виду то же самое, что и под умножением больших чисел. В обоих случаях агент хочет узнать, какое число получится, если взять число a b раз. Но диспозиции $d_s^{‘×’}(ΔM)$ не охватывают целиком всю бесконечную область ее определения. Верно ли будет сказать, что у этой диспозиции просто конечная область определения, ограниченная числами от 1 до 9? Будет ли верным сказать, что агент речи, обладающий ресурсами таблицы умножения и имеющий соответствующие диспозиции, но не умеющий пользоваться ни умножением в столбик, ни ДМУ, не будет иметь диспозиций, позволяющих умножать любые другие числа? Что интересно, так называемая составная диспозиция $d_c^{‘×’}(ΔM)$ включает диспозиции, необходимые для вычисления операций с умножением любых натуральных чисел. По сути, она является необходимой и достаточной для охвата бесконечного ряда натуральных чисел, однако очевидно, что при умножении простейших чисел агент речи $A(ΔM)$ не будет использовать диспозиции, составляющие ДМУ. И не в силу забывания результатов полученного ранее опыта при этих вычислениях посредством указанных диспозиций, но скорее в связи с пониманием сути умножения и способности совершения многократного сложения или же посредством некоторого «схватывания» результата вычисления. В связи с этим анализ умножения видится очень интересным для понимания и лучшего прояснения СД и его перспективности.

Нехаев отмечает, что проблема следования правилу является метафизической, а не эпистемологической: следование правилу – «это вопрос о том, существуют ли такие факты, в силу которых в наших вычислениях ‘+’ принимает значение функции сложения, а не какой-то другой арифметической функции» [1. С. 183]. В случае с традиционным умножением использование соответствующих диспозиций соответствует этому определению. Однако соответствие ДМУ данному определению кажется спорным. Можно предположить, что те самые факты, в силу которых для умножения чисел используется указанный выше алгоритм, связаны с ранее полученным успешным опытом его использования. Однако это требует дополнительного обсуждения и разбора. Кроме обсуждаемого ДМУ существуют и другие отличные от традиционного умножения способы: в частности, китайский метод умножения, при котором все вычисления производятся с помощью графического изображения (для умножения надо нарисовать несколько серий прямых и посчитать точки пересечения по определенному заданному алгоритму). Как видится, анализ альтернативных способов умножения не вписывается в схему СД, стратегией которого является связь простых и составных диспозиций.

Итоговое критическое замечание Нехаева по поводу соотношения простых и сложных диспозиций уместно и для случая с умножением: «...при желании скептик Крипке вполне мог бы настаивать на том, что агент A , похоже, действительно вычисляет функцию сложения лишь в тех случаях, когда применяет свои простые диспозиции $d_s^{‘+’}$, но в случае составной диспозиции $d_c^{‘+’}$ он явно занят чем-то другим» [1. С. 190].

Обращение к семантическому платонизму для объяснения умножения может являться более продуктивной стратегией. Принцип декомпозиции, объясняющий, как именно происходит «схватывание» абстрактных смыслов, может дать адекватное объяснение не только самому умножению, но и существованию разных способов умножения.

Заключение

Таким образом, масштаб применимости объяснительной силы семантического платонизма пока не ясен. Вместе с тем стоит отметить, что потенциал предлагаемого принципа декомпозиции недостаточно исследован, поэтому его разработка актуальна и необходима. Проблема следования правилу и ее анализ – актуальная и обсуждаемая в соответствующей литературе [8–10]. Вклад в эту дискуссию представителей семантического платонизма может иметь значительные последствия: так, Нехаев показал, что семантический платонизм способен дать адекватное представление о том, каким образом происходит следование правилу. Однако кажется сомнительным, что семантический платонизм готов ко всем вызовам, с которыми сталкивается СД.

Список источников

1. Нехаев А.В. Добрый ангел Катца против злого демона Крипке: аргумент привилегии, алгоритмы и семантический платонизм // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 86. С. 181–192.
2. Нехаев А.В. Блеск и нищета семантического платонизма // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2022. Вып. 3 (33). С. 118–126.
3. Keith A. Language and Other Abstract Objects by Jerrold J. Katz // Language. – Linguistic Society of America. 1983. Vol. 59, № 3. P. 678–683.
4. Фреге Г. Логико-философские труды / пер. с англ., нем., фр. В.А. Суровцева. Новосибирск : Сиб. ун-е изд-во, 2008.
5. Целищев В.В. Онтология математики: объекты и структуры. Новосибирск : Нонпарель, 2003.
6. Симонов Р.А. Математическая мысль Древней Руси. М. : Наука, 1977.
7. Котов А.Я. Вечера занимательной арифметики. М. : Просвещение, 1967.
8. Борисов Е.В. Прямое решение проблемы Крипке // Эпистемология & философия науки. 2024. Т. 61, № 2. С. 23–32.
9. Ладов В.А. Иллюзия значения: Проблема следования правилу в аналитической философии. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023.
10. Ладов В.А. Эпистемологические коллизии теории диспозиций // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 287. С. 49–56.

References

1. Nekhaev, A.V. (2025) Dobryy angel Kattsa protiv zlogo demona Kripke: argument privilegii, algoritmy i semanticheskiy platonizm [Katz's Angel vs. Kripke's Monster: Priviledge Argument, Algorithms, and Semantic Platonism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 181–192.
2. Nekhaev A.V. (2022) Blesk i nishcheta semanticheskogo platonizma [The Splendor and Misery of Semantic Platonism]. *ПРАЭНМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 3(33). pp. 118–126.
3. Keith, A. (1983) Language and Other Abstract Objects by Jerrold J. Katz. *Language. Linguistic Society of America*. 59(3). pp. 678–683.
4. Frege, G. (2008) *Logiko-filosofskie trudy* [Logico-Philosophical Works]. Translated from English, German and French by V.A. Surovtsev. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo.
5. Tselishchev, V.V. (2003) *Ontologiya matematiki: ob'ekty i struktury* [Ontology of Mathematics: Objects and Structures]. Novosibirsk: Nonparel'.

6. Simonov, R.A. (1977) *Matematicheskaya mysl' Drevney Rusi* [Mathematical Thought of Old Rus']. Moscow: Nauka.

7. Kotov, A.Ya. (1967) *Vechera zanimatel'noy arifmetiki* [Evenings of Entertaining Arithmetic]. Moscow: Prosveshchenie.

8. Borisov, E.V. (2024) Pryanoe reshenie problemy Kripke [A Straight Solution to Kripke's Problem]. *Epistemologiya & filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 61(2). pp. 23–32.

9. Ladov, V.A. (2023) *Ilyuziya znacheniya: Problema sledovaniya pravilu v analiticheskoy filoso-fii* [The Illusion of Meaning: The Problem of Rule-following in Analytical Philosophy]. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya.”

10. Ladov, V.A. (2005) Epistemologicheskie kollizii teorii dispozitsiy [Epistemological Collisions of Dispositional Theory]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 287. pp. 49–56.

Сведения об авторе:

Олейник П.И. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия). E-mail: polina-grigorenko@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Oleinik P.I. – Cand. Sci. (Philosophy), senior researcher, Laboratory of Logical and Philosophical Research, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: polina-grigorenko@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.06.2025;
одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 07.08.2025
The article was submitted 05.06.2025;
approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 07.08.2025*

Научная статья

УДК 167.7

doi: 10.17223/1998863X/86/21

ПРИМЕР И ПРАВИЛЬНОСТЬ ПРАВИЛА

Анатолий Аркадьевич Сулаев

*Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук,
Томск, Россия, mortedominati@gmail.com*

Аннотация. Статья отвечает на статью Нехаева о решениях проблемы следования правилу через семантический платонизм (СП) и диспозиционализм (СД). Автор комментирует два тезиса – что СД всегда уступает аргументу привилегии и что СП позволяет выявить однозначное правило посредством декомпозиции. Также автор выдвигает аргументы против этих тезисов и выступает за комбинированный подход.

Ключевые слова: Нехаев, Крипке, Катц, следование правилу, платонизм, диспозиционализм

Для цитирования: Сулаев А.А. Пример и правильность правила // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 222–229. doi: 10.17223/1998863X/86/21

Original article

EXAMPLE AND CORRECTNESS OF THE RULE

Anatoliy A. Sulaev

*Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation, mortedominati@gmail.com*

Abstract. The article discusses Nekhaev’s analysis of the rule-following problem through his reception of semantic Platonism (SP) and semantic dispositionalism (SD). The analysis is based on two main premises. First, that SD position, even being based on a closed observable set of elementary (simple) dispositions, cannot advocate for a solid reason for “privilege” of complex dispositions. Second, that SP approach enables us to formulate an exclusive rule to unambiguously follow solely by decomposing a paradigmatic example. Based on this, Nekhaev prefers SP over SD claiming a better heuristic potential of the former. I argue that both basic premises are false. The privilege argument does not persist if we allow a checking operation: probability and common sense naturally privilege the “true” function over “false” ones. Decomposition, in turn, cannot provide us with a proper operation or function to continue a random given sequence. To do this, it must contain a framing criterion, which happens to be arbitrary. Consequently, SP of this kind fails to the privilege argument even harder than SD. In arithmetic calculations we do not struggle with framing since the very same shift in radix could be counted as such – and every shift may be described as a unique function over the space of all possible pairing combinations exceeding the basis. But the nature of “analogical reasoning” prevents us from building such space. As I point out in the article, acting analogically exempts us from any inherent property of the paradigmatic example unless the ruling formula is explicitly given. Dispositionalism here may only describe a status quo, Platonism a coherent way of analogy construction. Hence, the way Nekhaev presents both approaches makes it pointless to juxtapose them and opt between them since they merely address the same question. SP tackles the question of foundations for any consistent convention while SD concerns factual rule-following problems even with a solid formal foundation. Neither Platonism, nor dispositionalism

shows us a flawless solution. Moreover, we shall combine both approaches to tackle the rule-following problem in its entirety.

Keywords: Nekhaev, Katz, Kripke, rule-following, Platonism, dispositionalism

For citation: Sulaev, A.A. (2025) Example and correctness of the rule. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 222–229. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/21

В своей статье «Добрый ангел Катца против злого демона Крипке: аргумент привилегии, алгоритмы и семантический платонизм» [1] Андрей Викторович Нехаев рассматривает проблему следования правилу в формулировке Крипке и два возможных ответа на неё с точки зрения семантического диспозиционализма (СД) и семантического платонизма (СП). Проблема известна и широко обсуждается с момента её формулирования в 1982 г. Немало копий было сломано и в отечественной дискуссионной среде.

Цель А. Нехаева – показать, что диспозиционализм не имеет преимуществ над платонизмом в сфере объяснения крепкеанского затруднения, и более того, платонизм обладает большей эвристичностью. На мой взгляд, задумка не удалась.

1. Преимущества СП.

Согласно статье Нехаева, преимущества семантического платонизма заключаются:

- а) в возможности декомпонировать парадигмальный пример;
- б) возможности представить *все* синтаксические комбинации.

Иными словами, для реализации СП нам нужно некоторое исчерпывающее целое. Это является верным для десятичной системы счисления и оригинального примера Крипке [2] (вполне очевидно, что все комбинации действий с цифрами можно не просто записать, но и запомнить), но не является таковым для примера Витгенштейна, который просит продолжить некоторую числовую последовательность [3, 4]. Более того, иллюстративный пример Нехаева с чертами и точками также подпадает под условия реализации платонической семантики лишь частично. Дело в том, что синтаксическая *сочетаемость* не является отражением ни функции, ни операции, которые нам потребовались бы для следования правилу.

Для начала приведем этот пример. Требуется «продолжить данный ряд символов, не нарушая образующий орнамент паттерн». Слева от вертикальной черты находится пример паттерна, справа – два различных способа продолжить паттерн, используя только имеющиеся в примере элементы.

α	— ● ● — ● ● —	● ● — ● ● — ● ● — ● ● — ● ● —
α^*	— ● ● — ● ● —	— ● ● — ● ● — — ● ● — ● ● —

В статье предлагается анализировать пример паттерна через выявление парных сочетаемостей, и получается следующий список: a (— ●), b (● ●), c (● —). Хотя других парных комбинаций в примере действительно нет, я утверждаю, что их простое перечисление не может позволить продолжить ряд, не добавляя никакие условия, кроме полученных при таком анализе. Результаты, представленные в статье, требуют соблюдения скрытых предпосылок, которые не являются формально необходимыми.

Операции в данном случае мы понимаем в терминах трактата Витгенштейна как «то, что необходимо сделать с пропозицией, чтобы получить из

неё другую» (ЛФТ, 5.23) – ведь именно это от нас требуется. Также: «Операция есть выражение отношения между структурами их результатов и их оснований» (ЛФТ, 5.22) [5. С. 42]. Как можно заметить, диспозиционализм с его простым и уязвимым к ошибке методом все же соответствует этому требованию: он ставит в соответствие любой паре чисел третье число, и единственным реальным требованием метода будет статус числа у результата. Дополнительным требованием может выступать знание конкретной диспозиции, в частности диспозиции по замене чисел, но в любом случае у нас уже есть результат, отношение которого с основаниями мы можем установить. Операцию можно представить как элемент алгоритма такого рода: у нас есть набор возможных действий, i.e. результатов операции, и вводные данные какой-либо формы, к примеру, наличие и отсутствие символа далее, или наличие повторяющегося или неповторяющегося символа до этого. При этом список добавляемых символов не обязан состоять исключительно из имеющихся в примере. Критерий истинности будет заключаться только в условиях реализации операции. Например, имея три символа в алфавите, я мог бы продолжить его следующим образом: « $\leftarrow * * \rightarrow * * \rightarrow$ », пользуясь правилом «ставить черту \leftarrow , когда предыдущий элемент идет два раза, в противном случае ставить другой элемент». Может показаться, что декомпозиция задает сами возможные операции, указывая на сочетаемость всех доступных элементов¹, но тогда её результат должен быть преобразован в некоторую функцию с вводом и выводом.

Функции предполагают два набора элементов, которые мы должны как-то соотнести, и единственный верный ответ (значение функции). Сочетаемость, следующая из декомпозиции, соотносит элементы, следующие друг за другом в примере, в определенном направлении – пример является областью определения такой функции. Но требование заключается в том, чтобы эту область определения расширить. Следовательно, мы либо должны включить соотнесение с пустым множеством как одну из комбинаций, подчеркнув тем самым динамическую природу области определения, либо соотносить все возможные продолжения таким образом, чтобы удовлетворить требования функции. Декомпозиция примера позволяет представить сочетаемость в виде функции, и, соответственно, сократить область определения до некоторого алфавита. Однако изначальный алфавит, состоящий из двух символов, не позволяет нам однозначно определить предложенный паттерн. И вот почему:

а. Операция декомпозиции порождает набор сочетаемостей abc , классифицирующий строго пары элементов. Из этого набора, если мы считаем его окончательным, следует лишь отсутствие четвертой сочетаемости ($d: \leftarrow \leftarrow$), которая обозначает единственную возможную ошибку. Из этого, впрочем, не следует, что паттерн определяется исключительно как сочетаемость второго порядка через набор сочетаемостей ($'ab'$, $'bc'$, $'ca'$): сам А.В. Нехаев приводит описание паттерна как три тройки ($'abc\ abc\ abc'$).

¹ Это не вытекает из требования соблюдения паттерна, но понятие паттерна в целом не является строгим. Из данной в примере информации нет оснований полагать, что существуют другие возможные символы в алфавите. Именно поэтому я перехожу к возражению, связанному с понятием функции.

b. Если бы мы опирались только на элементарную сочетаемость, мы могли бы спокойно продолжить паттерн как ‘*abb*’, так как такая комбинация нам остается доступной: после знака «●» может идти как он сам, так и второй знак. В целом, это очевидно, так как в случае однозначного соответствия между двумя элементами не может быть трех истинных исходов. Третий исход может быть получен только при добавлении условий: либо внешних, которые мы не получаем путем декомпозиции паттерна, либо внутренних, но опирающихся на обобщение более высокого уровня.

с. Если же мы выбираем некоторый уровень обобщения паттерна, нам нужен дополнительный критерий для завершения этого обобщения, т.е. нам нужен критерий целокупности. Будет ли достаточным достроить еще одну тройку ‘*abc*’, или для ‘сохранения’ паттерна потребуется ещё три тройки? Это дополнительное требование не только необходимо, но и, как мы поняли, arbitrarily. Теперь, если мы выйдем на предельное для заданного примера описание, где у нас есть только один способ продолжить паттерн, мы можем назвать эту комбинацию ‘*abc abc abc*’ паттерном α .

d. Однако для выделения α -паттерна нам необходимо обратить внимание на начальную и конечную сочетаемость, т.е. ввести дополнительные элементы x (‘,—’) и y (‘,—,’), обозначающие рамку повторяющегося паттерна: ‘*x abc abc abc y*’ – начало повтора же будет обозначаться как пара ‘*yx*’, и тогда *правильным* продолжением будет как раз ‘— ● ● — ● ● — — ● ● — ● ● —’ (что, собственно, и пришло мне в голову в первую очередь при чтении задачи).

e. Если мы остаемся на уровне алфавита, как в пункте (b), перед нами встает задача выбора между двумя комбинациями ‘*bb*’ и ‘*bc*’, если же выделяем паттерн, нам требуется привилегированное объединение, которое должно включать начальный и конечный элементы, – и в этом смысле объять границами *весь* представленный паттерн столь же логично, как обрамить только кусочек ‘*abc*’ – нас подводит именно сама необходимость обрамления.

f. Заметим, что подобной проблемы не возникает в случае арифметических операций – ведь там переход в другой разряд обозначен специальной функцией замены со смещением, например: ‘ $2 + 9$ ’ \rightarrow ‘ $[\{\text{null} = 0\} + 1]1$ ’¹, и это – не привилегированная форма, а класс комбинаций, обеспечивающий непрерывность вычислительных операций.

Таким образом, СП-подход должен опираться не только на операцию декомпозиции, но и на операцию обрамления, задающую границы сочетаемости. Математические структуры вроде кольца или поля выполняют эти требования, но, с точки зрения Витгенштейна, они и не являются правилами – это единое логическое пространство внутренних отношений, которое работает через определенную технику подстановки [4. С. 65–66; 5. С. 90; 6. Р. 146]. Конечно, крипкеанская интерпретация не учитывает этого различия [6. С. 135–136], поэтому её мы можем просто спокойно отбросить. Однако, учитывая полученные нами дополнительные оговорки, требуемые для построения устойчивого паттерна даже в двузначной системе, мы вынуждены вернуться к диспозиционализму и проверить, так ли сильно отличается диспозиционализм от платонизма, описанного в статье.

¹ Квадратными скобками мы обозначили переход головки автомата к вычислениям в другом разряде, фигурными – правило чтения, а словом *null* – отсутствие цифровых знаков.

2. Возражение по диспозиционализму.

Аргумент против диспозиционализма выглядит следующим образом. Пусть мы имеем некоторые элементарные диспозиции $d_s^{'+}$, которые так же перечисляются и являются составной частью алгоритма $d_c^{'+}$, используемого для вычисления больших чисел, область определения которых бесконечна. Однако агент в случае следования комплексному алгоритму может (и должен) совершать ошибки – например, забыть перенос в следующий разряд. Тогда появляется «альтернативный» алгоритм $d_c^{'⊕}$, соответствующий другой ситуации. Утверждается, что нет никакого основания для предпочтения одного алгоритма другому. Однако это не совсем верно.

Диспозиционализм предполагает, что в каждом конкретном случае вычислений существует некоторая привилегия – не будь её, мы, подобно бурриданову ослу, не совершали бы вычислений. Мы также не смогли бы совершать вычислений, если бы не имели базовых примеров для них, которые в состоянии просто воспроизвести, – эти примеры задают внутренние отношения, определяющие одновременно действие и объект. Попытка назвать это примером *cirulus vitiosus* соответствует отрицанию любых отношений между объектами и объектных свойств, против чего не выстоит ни одна теория. К тому же СП-стратегия также опирается на примеры. Следовательно, наличие таких примеров уже делает их привилегированными, так как они *необходимы*, и также – с необходимостью *верны*. Это, впрочем, не гарантирует отсутствия ошибки в практических вычислениях: даже зная, что после 6 идет 7, я могу сбиться со счета, отвлекшись. Тем не менее распознать эту ошибку мне не составит труда. Переход в другой разряд является точно таким же базовым примером, закольцовывающим операции сложения и вычитания. Поэтому мы могли бы сказать, что исключение этой операции при сложении многоразрядных чисел порождает другую арифметическую функцию, но не то, что мы неспособны отличить две эти операции. Более того, вопрос отличия этих функций для А. Нехаева не стоит, его беспокоит только наличие фундирующих привилегию фактов.

Действительно, вероятность совершить и не совершить *какую-нибудь* ошибку равна $1/2$, т.е. между диспозицией к сумме $d_c^{'+}$ и отличному результату $d_c^{'⊕}$ нет никакой существенной разницы. Однако $d_c^{'⊕}$ нельзя рассматривать как функцию, но только как класс функций: для одного и того же вычисления мы имеем разные удовлетворяющие требования результаты, а именно все возможные комбинации цифр, кроме верных. Уже это заставляет нас поставить диспозицию $d_c^{'+}$ в привилегированное положение, так как только она представляет собой *функцию*. Ожидаемо возражение: результат вычислений всегда представляет собой значение функции, до вычислений же мы не уверены, что выбрали верную функцию. Всё так. Но функция должна выдавать всегда единственный результат.

В этом смысле наличие простой диспозиции уже предполагает неравенство вариантов: 50% ложится на верный вариант, а вся остальная область ошибочных вариантов укладывается в оставшиеся 50%, что делает каждый ошибочный вариант менее вероятным. Вероятность верного ответа – $1/2$, вероятность любого другого – $\frac{1}{9 \times 2}$.

Допустим, что агент предрасположен не только к вычислению, но и к его проверке – скажем, к вычислению одного выражения дважды. В таком случае вероятность того, что данная ошибка повторится, оказывается многократно меньше, чем вероятность ошибки в целом, так как два вычисления являются связанными событиями, а их вероятность – произведением вероятностей. Соответственно, вероятность двух «правильных» вычислений при $(1/2 * 1/2)$ будет выше, чем вероятность двух идентичных неправильных $(\frac{1}{9 \times 2})^2$. Такая же логика касается не только конкретной ошибки, но и ошибки в конкретном месте, но вместо $1/9$ будет $1/n$, где n – число элементарных вычислений в алгоритме. Во всех этих примерах мы находим естественную привилегию за ответом по функции $d_c^{+,+}$.

Следующее возражение: отсутствие переноса в следующий разряд является типичной и системной ошибкой с единственным исходом, а потому она должна также иметь вероятность $1/2$. Это затруднение обходится двумя способами: либо расширением «элементарных» диспозиций до вычислений с двузначными числами, либо указанием на то, что в элементарных диспозициях отсутствует смена цифры на меньшую при сложении без перехода в следующий разряд. Человек, не совершающий переноса во всех случаях попадает либо в ситуацию, вероятность которой $(1/2)^n$ с поправкой на сложение, не требующее переноса, либо намеренно не следует правилу сложения в столбик, так как ему нечего сопоставить проведенным им операциям. Во всех же других случаях даже такая типичная ошибка не может стабильно повторяться в одном и том же месте.

Мы можем и не привлекать теорию вероятностей, а просто сослаться на здравый смысл и предположить, что при сопоставлении двух вариантов ответа мы сможем увидеть расхождения и буквально применить к ним зафиксированные элементарные диспозиции $d_s^{+,+}$, которые являются привилегированными по конвенции.

3. Правильность правила.

Наконец, в чем, собственно, отличие рассматриваемых СД и СП? Классический пример диспозиционализма рассматривает строго тройки чисел, чем и расширяет область определения до бесконечности, никак её не ограничивая, – это является основным изъяном подхода. Но представленный в статье вариант СД уже декомпозирует функцию до элементарных фиксируемых действий. И СД, и СП предполагают некоторые прототипы, которым мы должны следовать. СП пытается обосновать выбор некоторого варианта ответа, тогда как СД его просто постулирует в виде элементарных конвенциональных диспозиций. Но СД описывает реальные вычисления, в которых имеют место ошибки, а СП также проявляет арбитрный выбор обобщений. СД в описании С. Крипке [2. С. 152] не отрицает математических свойств арифметики Пеано, он ставит под вопрос нашу способность соотнести свои вычисления с указанным формальным правилом. Но разложение на элементарные диспозиции снимает эту проблему. Получается, что СД рассматривает практическую сторону вопроса, а СП – теоретическую. Тогда как можно их вообще сравнивать? Ведь как выделение инвариантных структур, так и обоснование следования этим формальным правилам должны быть частью теории значения!

Поставленный в начале статьи Нехаева вопрос о правильности следования и правильности правила бьет точно в цель: первый вопрос требует воз-

возможности указать на *ошибку*, второй же – невозможности дальнейшего *уточнения* правила. С первой задачей мы справились в рамках обоих подходов, вторая же поддается решению в куда меньшей степени: как видим, недостаточно указать на элементарные сочетаемости, необходимо указать на фреймирование в рамках иллюстрации правила. Здесь же мы сталкиваемся со значительной, порой неизбежной неопределенностью. Для Витгенштейна этот мотив связывался с действием по аналогии: в числовых последовательностях, в выкладывании паттернов и в попытке подобрать слова нет и не может быть единственно возможного, исчерпывающего правила, так как полное повторение внутренних отношений означало бы неизменность структуры, а частичное повторение ставит вопрос о том, что мы должны были бы исключить. В действии по аналогии невозможно установить единственно возможное фреймирование примера – можно только перечислить все их комбинации. Именно этой задаче и должна служить декомпозиция, тогда как диспозиционный анализ ошибок мог бы просто оценивать близость различных аналогичных действий и их случайных мутаций.

Из вышесказанного следует, что, хотя приведенные рассуждения не дают нам оснований полагать платонизм более выгодной позицией, чем диспозиционализм в решении проблемы следования правилу в формулировке Крипке, сведение вычислений к конечному списку элементарных операций или функций надежно решает проблему. Более того, именно сравнивая диспозиционный и платонистский взгляды нам удалось описать проблему действия по аналогии и набросать возможный комбинированный подход к ней. К сожалению, мы также видим, что не все формы действия по аналогии сводятся к простому декомпозированию: слова и предложения естественного языка не формируют замкнутых структур сами по себе, и мы только подбираемся к способам работы с этим. Однако это тема уже другого исследования.

Список источников

1. *Нехаев А.В.* Добрый ангел Катца против злого демона Крипке: аргумент привилегии, алгоритмы и семантический платонизм // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 86. С. 181–192.
2. *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. с англ. В.А. Ладова, В.А. Суворцева ; ред. В.А. Суворцев. М. : Канон+, 2010.
3. *Родин К.А.* Невыразимость формальных свойств и проблема следования правилу // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 82. С. 76–88.
4. *Витгенштейн Л.* Заметки по основаниям математики. Раздел VI (около 1943–1944) / пер. с англ. В.А. Суворцева, В.А. Ладова // Эпистемология & философия науки. 2007. Т. 12, № 2. С. 220–240.
5. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 5–73.
6. *Macha J.* Wittgenstein on Internal and External Relations: Tracing all the Connections // Bloomsbury Publishing. URL: <http://www.bloomsbury.com/us/witt-genstein-on-internal-and-external-relations-9781474242141/> (accessed: 05.01.25).

References

1. Nekhaev, A.V. (2025) Dobryy angel Kattsa protiv zlogo demona Kripke: argument privilegii, algoritmy i semanticheskiy platonizm [Katz's Angel vs. Kripke's Monster: Priviledge Argument, Algorithms, and Semantic Platonism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 181–192.

2. Kripke, S. (2010) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Translated by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+.

3. Rodin, K.A. (2024) Inexpressibility of formal properties and the Rule-Following Problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 82. pp. 76–88. (In Russian).

4. Wittgenstein, L. (2007) Zametki po osnovaniyam matematiki. Razdel VI (okolo 1943–1944) [Notes on the Foundations of Mathematics. Part VI (circa 1943–1944)]. *Epistemologiya & filosofiya nauki*. 12(2). pp. 220–240.

5. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. 1. Translated from German by M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Moscow: Gnozis. pp. 5–73.

6. Macha, J. (n.d.) *Wittgenstein on Internal and External Relations: Tracing all the Connections*. [Online] Available from: <http://www.bloomsbury.com/us/wittgenstein-on-internal-and-external-relations-9781474242141/>

Сведения об авторе:

Сулаев А.А. – аспирант лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Российская Федерация). E-mail: mortedominati@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sulaev A.A. – postgraduate student, Laboratory of Logic-Philosophical Studies, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mortedominati@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.06.2025;
одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 07.08.2025*

*The article was submitted 05.06.2025;
approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 07.08.2025*

Научная статья

УДК 167.7

doi: 10.17223/1998863X/86/22

СЛЕДОВАНИЕ ПРАВИЛУ И *REIHENORNAMENTE*: ОТВЕТ МОИМ ОППОНЕНТАМ

Андрей Викторович Нехаев

Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Томск, Россия
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Омский государственный технический университет, Омск, Россия,
a.v.nekhaev@utmn.ru

Аннотация. Даны ответы на критические реплики, высказанные в ходе дискуссии о возможностях применения модернизированной версии семантического платонизма Катца в решениях проблемы следования правилу. Выделены два отдельных блока замечаний – историко-философские и концептуальные. Первый блок замечаний затрагивает вопросы корректности высказанной мной интерпретации семантического платонизма Катца, а также моей трактовки проблемы следования правилу, которая, по мнению критиков, неоправданно игнорирует важные эпистемологические аспекты данной проблемы. Второй блок замечаний касается деталей примера *Reihenornamente*, использованного мной в целях демонстрации эвристического потенциала модернизированной версии семантического платонизма Дж. Катца. Подробно рассмотрено каждое замечание и дано дополнительное разъяснение моей позиции.

Ключевые слова: Катц, Крипке, скептицизм следования правилу, смысл, декомпозиция, синтаксический факт

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No. 23-18-00019, <https://rscf.ru/project/23-18-00019/>

Для цитирования: Нехаев А.В. Следование правилу и *Reihenornamente*: ответ моим оппонентам // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 230–241. doi: 10.17223/1998863X/86/22

Original article

RULE-FOLLOWING AND *REIHENORNAMENTE*: A REPLY TO MY OPPONENTS

Andrei V. Nekhaev

Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
Tomsk, Russian Federation
Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation
Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation,
a.v.nekhaev@utmn.ru

Abstract. The article contains answers to the critical remarks made in the course of the discussion about the possibilities of applying a modernized version of Katz's semantic Platonism in solutions to the problem of rule-following. Ladov points out that my interpretation of Katz's semantic Platonism is not quite correct in relation to Katz's original works. He specifically emphasizes that my interpretation of Katz's semantic platonism places an undue focus on the syntactic treatment of the decomposition principle. In the reply, I take apart the most significant differences between Katz's original position and my

interpretation, pointing to the line of drift of his views from Fregean views of sense to more or less radical token-type views of language structures. Andrushkevich makes a remark of a historical-philosophical character, drawing attention to the fact that I unjustifiably qualify the problem of rule-following exclusively as a metaphysical one, ignoring its important epistemological aspects. In the reply, I establish a distinction between so-called R-facts, which provide knowledge about the rule R itself, and C-facts, which give us only knowledge about whether someone correctly follows the rule R in cases where one intends to follow it. I then show that before we can decide what kind of knowledge we need to follow the rule, we must figure out what kinds of facts there are in our world, since all knowledge of this kind will ultimately be supervenient on them. In parallel, I take apart another important plot in the discussions of the rule-following problem. In particular, drawing on Lane's work, I argue that the problem of rule-following arises already at the level of the notion of repetition of a sign, and that the solution to this problem can only be metaphysical, since it involves the investigation of identity criteria for special objects of arbitrary nature such as words. Finally, I examine the critical comments made by Borisov and Sulaev regarding my Reihenornamente example. In the opinion of my critics, the “—••••—” sampling I have given can be continued in many ways other than the way I suggested in my article. In my reply, I establish and explain the distinction between two types of tasks that could be formulated with respect to the entire set of Reihenornamente examples: (1) to continue the sampling using the series of “•” and “—” symbols it contains without breaking the pattern already given in the sampling, and (2) to continue the sampling using the series of “•” and “—” symbols it contains, but in such a way that the sampling together with its continuation forms some pattern out of the infinite set of possible patterns. In the reply, I emphasize that in my example Reihenornamente task (2) was not assigned, but only task (1). I separately explain that the conditions of task (1) can be translated into the language of metaphysics as follows: the “—••••—” sampling contains C-facts about the pattern and these are all the C-facts you should use to construct a continuation for the sampling using the symbols “•” and “—” without breaking the pattern already given in it. Based on these additional clarifications, I make the assertion that for the “—••••—” sampling there is only one correct sequence that continues the sampling in a way that does not break the pattern given in it.

Keywords: Katz, Kripke, rule-following skepticism, sense, decomposition, syntax fact

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00019, <https://rscf.ru/project/23-18-00019/>

For citation: Nekhaev, A.V. (2025) Rule-following and *Reihenornamente*: a reply to my opponents. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 230–241. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/86/22

Невозможно, чтобы правилу следовали... всего лишь однажды.
Людвиг Витгенштейн. *Философские исследования* (§199)

Summa omnia critica

Прежде всего, отмечу, что я очень благодарен своим коллегам за их критические реплики на мою статью. Чтобы на высказанные в них замечания было удобно отвечать, я попробую в этом разделе кратко изложить некоторые наиболее значимые из них. После предварительной работы по систематизации критических замечаний, в следующих разделах я постараюсь дать на них компактные и по возможности исчерпывающие ответы.

В репликах моих оппонентов встречаются замечания историко-философского характера. Всеволод Ладов указывает, что предложенная в моей статье интерпретация семантического платонизма Дж. Катца не вполне корректна по отношению к первоисточнику – работам самого Катца. Отдельно подчеркивается, что моя интерпретация семантического платонизма Катца

делает неоправданный акцент на синтаксической трактовке принципа декомпозиции [1]. Александр Андрушкевич делает другое замечание историко-философского характера, суть которого сводится к указанию на то, что проблема следования правилу не может быть нами квалифицирована исключительно как метафизическая [2]. Полина Олейник в своей реплике сосредоточивает внимание на оригинальном примере умножения действительно больших чисел, алгоритм которого отличается от более привычной нам операции умножения в столбик. Как следует из текста реплики, она в целом поддерживает мою попытку «реанимации» эвристического потенциала семантического платонизма Катца, но испытывает определенного рода скептицизм относительно готовности семантического платонизма успешно справляться со всем возможным многообразием проблем в философии языка. Подобного рода замечание я принимаю и в дальнейшем комментировать не буду. Со своей стороны отмечу только, что заявление о преимуществах, скажем, некоторой позиции X при решении какой-то определенной проблемы P , разумеется, не означает автоматического отказа от должной доли эпистемической скромности относительно возможностей позиции X столь же успешно находить решения и для проблем Q , R , S и т.д.

Остальная часть высказанной моими оппонентами критики оказалась непосредственно связана с примером *Reihenornamente*, с помощью которого я хотел продемонстрировать эвристические преимущества семантического платонизма (СП) над семантическим диспозиционализмом (СД). Детальные замечания такого характера были высказаны в репликах Евгения Борисова [4] и Анатолия Сулаева [5]. Общим местом в их замечаниях можно считать указание на то, что предложенный мной пример *Reihenornamente* с исходным образцом орнамента ‘— • • — • • —’, для которого нужно представить последовательность символов¹ ‘—’ и ‘•’, не нарушая образующий данный орнамент паттерн, нельзя продолжить *единственным правильным* образом так, как предлагается в моей статье.

В следующих разделах я по очереди разберу оба выделенных мной блока замечаний – историко-философский и теоретический, – стараясь представить на каждое из замечаний достаточно развернутый ответ и при необходимости дополнительный комментарий.

***Все, что вы всегда хотели знать о синтаксисе,
но боялись спросить***

В своей реплике В.А. Ладов пишет: «Смыслы, если можно так выразиться, лежат на поверхности языка, в знаковой области, поэтому они полностью ясны и доступны. И вот с этим последним тезисом Нехаева я уже не могу согласиться. Интерпретация смысла как синтаксической комбинации у Нехаева похожа, скорее, не на Катца, а на раннего Витгенштейна <...> Смысл – это

¹ Стоит уточнить, что в данном случае термин «символ» использовался мной в статье и, надо полагать, моими оппонентами в их репликах просто как вольный синоним для термина «графический знак». Я думаю, такое уточнение необходимо ввиду того, что пример *Reihenornamente* мной был заимствован у Витгенштейна, а для него, как известно, начиная еще с периода написания *Логико-философского трактата* было принципиально важным проводить различие между знаками (*Zeichen*) и символами (*Symbol*). Если историко-философские соображения требуют быть корректным по отношению к Витгенштейну, тогда нам следовало бы использовать термин «leeres Zeichen» (т.е. пустой знак, а фактически просто чернильные пятна специфических очертаний).

идеальная сущность, абстрактный объект, полностью отличный от знаковой области, где он выражен. <...> Катц... опирается на различие между типами и токенами... но его интересуют не знаки, пусть даже знаки-типы, а смыслы. ...по Катцу, смысл математического термина “куб” раскрывается в определении: куб – это правильная геометрическая фигура с шестью равными сторонами... Разве смысл здесь заключается в синтаксической комбинации знаков, пусть и типовых?»¹ [1. С. 201–202]. В общем-то я полностью согласен с историко-философской составляющей замечания Ладова. В данной перспективе это был бы справедливый упрек. Проблема в том, что в своей статье я не ставил задачу дать корректную историко-философскую интерпретацию позиции Катца. Цель моего исследования намного скромнее и заключалась в том, чтобы обратить внимание на недооцененные эвристические ресурсы СП (в частности, в версии, предложенной Катцем, наверное, одним из самых преданных его амбассадоров в XX в.). Чтобы устранить причины для таких историко-философских замечаний, я бы предложил ввести простое, но полезное различие – Катц^О (оригинальная позиция) и Катц^Н (неоригинальная позиция, изложенная в моей интерпретации). С помощью этого различия мне будет удобнее отвечать на упрек в чрезмерной «синтаксизации» семантического платонизма.

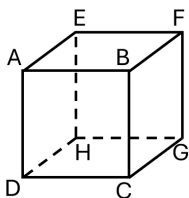
Действительно, и в этом я полностью солидарен с Ладовым, в моем изложении Катц^Н оказывается фигурой идейно близкой раннему Витгенштейну. Однако для этого у меня есть ряд очень веских причин. Во-первых, мне не кажется, что позиция Катца^О является вполне консистентной в отношении его же собственного корпуса работ. Как известно, Катц^О на протяжении своей карьеры дрейфовал от вполне себе фрегеанских воззрений на смысл к более-менее радикальным токен-типовым взглядам на структуры языка². Исходя из моего опыта знакомства с работами Катца^О, я с сожалением вынужден констатировать, что не все элементы его позиции поспедали за подобного рода дрейфом. И если в области метафизики слов (понимаемых как объекты произвольной природы), благодаря именно своим токен-типовым взглядам Катц^О продвинулся довольно далеко и имеет ряд очевидных преимуществ над позициями своих основных прямых конкурентов (в лице элиминативизма, номинализма и оригинализма)³, то в вопросах природы смысла и особенно в тезисах вида «смысл математического термина „куб“ раскрывается в определении», я считаю, он терпит фиаско. Для меня это является второй причиной занять позицию Катца^Н, а не Катца^О. Чтобы не быть голословным, я сейчас скажу, по всей видимости, страшную для Катца^О вещь: смысл того, что мы имеем в виду под ‘кубом’ является скорее синтаксической структурой, а не дериватом представленного им определения. В этом несложно убе-

¹ Аналогичный упрек также высказывает в своей реплике А.Г. Андрушкевич: «...Нехаев пишет, что следование правилу гарантируется в силу „наличия синтаксического отношения между двумя абстрактными объектами – смыслом выражения ‘57 + 68’ и числом ‘125’... но в действительности смыслы как таковые не определяются непосредственно самой синтаксической структурой» [2. С. 211].

² Особенно убедительно и ярко о таком дрейфе взглядов Катца^О, начиная с самых ранних этапов его карьеры, свидетельствуют изменения в способах использования, пожалуй, одной из ключевых для корпуса его работ исследовательских метафор – когда структура языкового выражения трактуется как аналог атомной решетки либо химической структуры молекулы (подробнее об этом см.: [6]).

³ Для подробного знакомства с этими преимуществами предлагаю обратиться к одной из недавних моих статей [7].

даться, если принять во внимание тот факт, что множество движений, которые мы можем проделать с кубом¹, изоморфно группе допустимых перестановок символов, которыми мы обозначили бы его вершины:

$\{(A \rightarrow A, B \rightarrow B, C \rightarrow C, D \rightarrow D, E \rightarrow E, F \rightarrow F, G \rightarrow G, H \rightarrow H), (A \rightarrow B, B \rightarrow C, C \rightarrow D, D \rightarrow A, E \rightarrow F, F \rightarrow G, G \rightarrow H, H \rightarrow E), (A \rightarrow E, B \rightarrow A, C \rightarrow D, D \rightarrow H, E \rightarrow F, F \rightarrow B, G \rightarrow C, H \rightarrow G), \dots, (A \rightarrow C, B \rightarrow D, C \rightarrow A, D \rightarrow B, E \rightarrow G, F \rightarrow H, G \rightarrow E, H \rightarrow F)\}$.

Иными словами, чтобы понимать, что такое ‘куб’ и обращаться с каким-либо объектом как ‘кубом’, нам достаточно синтаксически организованной группы перестановок символов представленного выше вида². Конечность такой группы перестановок символов для меня, например, очевидна и вполне наглядна, в отличие от конечности ‘схватываемых’ нами в определениях смыслов, активно пропагандируемой Катцем⁰. Я считаю, что наш доступ к абстрактным сущностям (наподобие смыслов Катца⁰), возможность к ним обращаться и ими оперировать обеспечиваются исключительно синтаксическими средствами, а не такими эпистемически ненадежными и даже в чем-то откровенно ‘мистическими’ способностями, как ‘схватывание’³. Таким образом, если бы меня поставили перед необходимостью выбора между СП Катца⁰ и СП Катца^H, я бы однозначно предпочел последний.

Метафизическое решение проблемы следования правилу как *Trumpffarbe*

Провокативное и лишь отчасти историко-философское замечание в своей реплике делает А. Андрушкевич: «Создается ощущение, что однозначно отвергается *эпистемологический* характер скептической проблемы. <...> Даже если достаточным и необходимым является существование одного только лишь объективного факта, определяющего корректность моих действий в свете определенного правила (каким может быть, к примеру, сложение), то мое *знание* данного факта никак не может быть избыточным. Если же сосредоточить внимание лишь на существовании некоторого объективного факта, то случайное совпадение осуществляемых действий и определенного правила может быть определено как *следование* ему, тогда как в действительности оно лишь ему *соответствует*. Более того, сам Крипке в своей работе неоднократно обращает внимание на намерение субъекта, намерение следовать правилу, что, очевидно, никак не может иметь места в ситуации отсутствия знания о правиле как таковом» [2. С. 210]. Если я правильно понимаю суть содержащегося в нем упрека, то основанием здесь служит следующая конструкция, опирающаяся на здравый смысл: чтобы я следовал правилу, мне

¹ Под ‘движением’ понимается такое действие над кубом, которое сохраняет расстояние между любыми двумя принадлежащими данному кубу произвольными точками.

² К примеру, в синтаксически организованной группе перестановок, называемой ‘кубом’, не будет встречаться следующая комбинация: $(A \rightarrow F, B \rightarrow B, C \rightarrow C, D \rightarrow D, E \rightarrow E, F \rightarrow A, G \rightarrow G, H \rightarrow H)$.

³ В противном случае, если вы не согласны на опцию последовательной ‘синтаксизации’ СП, то вам придется иметь дело с целым клубком, как кажется, неразрешимых эпистемологических проблем, о которых я подробно писал в одной из своих статей [8].

необходимо *знать само правило*, которому я намерен следовать. И именно с этой, с виду вроде бы простой, конструкцией я в корне не согласен.

Андрушкевич прав в том, что в статье я установил важное, на мой взгляд, различие между примерами *следования* правилу и *соответствия* правилу, указав, что следование правилу тесным образом связано с тем, что мы привычно называем *намеренным действием*. Однако тонкости моей трактовки данного различия отдельно не оговаривались. Поэтому в ответ на замечание я введу пару терминов, которые нужны для демонстрации того, что именно я пытался утверждать, устанавливая данное различие. Прежде всего отмечу, что используемый в приведенной выше цитате оборот «объективный факт» кажется мне подозрительным и может привести к философской путанице. Желая ее избежать, я вправе спросить: какого типа «объективные факты» имеются в виду в примерах следования правилу, а не простого ему соответствия? Подозреваю, что в ответ Андрушкевич обязан сказать что-то вроде: под «объективными фактами» в примерах следования правилу я подразумеваю факты (неважно какой природы), которые обеспечивают мне *знание самого правила*. Назовем такие факты *превосходными*, или *R-фактами*. Действительно, кажется весьма разумным предположить, что, если я владею *R-фактами*, для меня не составит труда следовать правилу *R*. И, напротив, мне абсурдно было бы думать, что, не владея *R-фактами*, обеспечивающими знание о самом этом правиле *R*, я мог бы ему следовать. Как известно, С. Крипке утверждал, что никаких *R-фактов* не существует [9. С. 39–40, 100, 105]; собственно, данное утверждение и составляет основание для его скептицизма. Однако не будем пока спешить с выводами и добавим еще один тип фактов, которые могут обеспечить не знание самого правила *R*, а только *знание того, правильно ли кто-то ему следует* в случаях, когда *имеет намерение* ему следовать. Назовем такие факты *не-превосходными* или *C-фактами*. Рассмотрим теперь какие могут быть комбинации и отношения между этими двумя типами фактов (таблица).

Опция	<i>R-факты</i>	<i>C-факты</i>	Отношения между <i>R-фактами</i> и <i>C-фактами</i>
(i)	+	+	<i>R-факты</i> \Rightarrow <i>C-факты</i> , <i>C-факты</i> зависят от <i>R-фактов</i>
(ii)	+	+	<i>C-факты</i> \Rightarrow <i>R-факты</i> , <i>R-факты</i> зависят от <i>C-фактов</i>
(iii)	+	–	–
(iv)	–	+	–
(v)	–	–	–

По всей видимости, в своем замечании А. Андрушкевич подразумевает только опции (i) и (ii), предлагая выбрать между ними. Согласно опции (i), мир таков, что в нем существуют как *R-факты*, так и *C-факты*, и *C-факты* зависят от *R-фактов*. Подобный мир *prima facie* не кажется абсурдным, поскольку в нем из знания *R-фактов* (*знания самого правила*) выводимо знание соответствующих *C-фактов* (*знание о том, правильно ли кто-то следует правилу R*). В этом мире, если я знаю, к примеру, правило сложения, мне не составляет труда проверить ваши или свои вычисления на правильность сложения. Согласно опции (ii), мир таков, что в нем существуют как *R-факты*, так и *C-факты*, но здесь *R-факты* зависят от *C-фактов*. И вот такой мир уже кажется абсурдным. В нем из знания о правильности чьих-либо вычислений с

‘+’ выводимо знание самого правила сложения. Таким образом, выбрав для себя опцию (i), Андрушкевич, по-видимому, пытается в своем замечании сказать, что сама по себе ситуация *незнания* *R*-фактов должна полностью обесценивать введенное различие между примерами *следования* правилу и *соответствия* правилу. Без знания *R*-фактов мои действия могли бы в лучшем случае лишь *соответствовать* правилу *R*, но никак не могли бы быть примерами *следования* правилу *R*. И это действительно было бы верно, но только при условии, что у нас не было бы больше никаких других опций. Я согласен, что опция (ii) создает абсурдный мир и должна быть отвергнута, однако я не согласен, что мы обязаны выбирать только из опций (i) и (ii). Из оставшихся опций, если мы отбросим абсурдные (iii) и (v)¹, есть еще опция (iv). Согласно опции (iv), мир таков, что в нем существуют *только* *C*-факты. Именно такой мир описывает, к примеру, так называемая Гипотеза Бойда²: для примеров *следования* правилу *R* должны быть соответствующие *C*-факты (обеспечивающие нам знание того, правильно ли кто-то следует правилу *R*), существующие независимо от *R*-фактов (благодаря которым мы могли бы знать само правило *R*) [10. С. 38]. В подобном мире, чтобы *следовать* правилу *R*, мне достаточно одного только знания *C*-фактов без какого-то знания *R*-фактов (*знания самого правила*). И важно, что такое знание *C*-фактов позволяет мне без каких-либо проблем провести нужное различие между примерами *следования* правилу и *соответствия* правилу: *следовать* правилу – значит, иметь намерение действовать на основе своего знания *C*-фактов (позволяющего при необходимости обнаружить и исправить ошибки), в противном случае, когда такого намерения нет, действия могут только *случайным образом соответствовать* *C*-фактам.

Все вышесказанное позволяет мне трактовать проблему *следования* правилу в первую очередь как метафизическую, а не эпистемологическую. Ведь в любом случае прежде, чем решить, какое знание нам требуется для *следования* правилу, мы должны выяснить, а какие именно типы фактов есть в нашем мире. Всякое знание такого рода в конечном счете будет на них супервентно. Наконец, чтобы окончательно закрепить за метафизической трактовкой проблемы *следования* правилу статус *Trumpffarbe*³, сошлюсь на один очень оригинальный ход в обсуждении проблемы *следования* правилу (чисто метафизический), который, как мне кажется, не был еще по достоинству оценен. В своей недавней статье Е. Лейн [11], обсуждая проблему *следования* правилу, предложил скептический вызов новой формы. Мишенью для его критики были сторонники СД, хотя сам по себе этот новый скептический вызов имеет общий характер. Критика Лейна опирается на анализ одного фрагмента из *Замечаний по основаниям математики* Витгенштейна: «Откуда я знаю, что при построении числового ряда +2 следует писать ‘20004, 20006’, а не ‘20004, 20008’? <...> „Но ты же знаешь, например, что должен всегда писать *одинаковую* числовую последовательность в таких единицах: 2, 4, 6, 8, 0, 2, 4 и т.д.“. – Совершенно верно! Указанная проблема должна возникать уже и в этой последовательности чисел, и даже в *такой*: 2, 2, 2, 2

¹ Абсурдность этих опций я здесь не буду обосновывать. Замечу только, что, согласно опции (v), само понятие правила было бы невозможным, тогда как, согласно опции (iii), оно было бы просто бессмысленным, ведь оно не выполняло бы предназначенной ему нормативной роли.

² В задачи моего ответа на замечания не входит доказательство верности ‘Гипотезы Бойда’, при необходимости с ним можно ознакомиться в одной из моих работ [10].

³ *Trumpffarbe* (нем.) – старшая масть, козыри.

и т.д. – В самом деле, откуда я знаю, что после пятисотого ‘2’ я должен писать ‘2’, т.е. что и в этом случае ‘2’ будет ‘той же самой цифрой?’»¹ [13. С. 4]. По его мнению, этот фрагмент Витгенштейна показывает, что проблема следования правилу возникает уже на уровне понятия *повторения* знака². Тот же тип следования правилу и нормативности, который регулирует применение операции ‘+2’ при построении числовых рядов, имеет место и в случаях, когда речь заходит об определении того, что должно считаться простым повторением *того же самого* знака (*die gleiche Ziffer*). Тем самым Лейн открыто заявляет, что проблема следования правилу никуда не исчезает, а скорее становится более опасной, если мы переходим от рассмотрения семантических единиц языка (чисел) к орфографическим единицам (цифрам). Думаю, очевидно, что успешное решение проблемы следования правилу на этом уже новом уровне подразумевает не какие-то эпистемологические изыскания, а хардкорное *метафизическое* исследование критериев тождества для таких особых объектов произвольной природы, как слова³.

Правильность, привилегированность и *Reihenornamente*

Последний блок замечаний моих оппонентов касается самого примера *Reihenornamente*. В ответе я попытаюсь расставить необходимые для корректного понимания моего примера *акценты*, так как мне кажется, что оппоненты в своих замечаниях сами себя перехитрили. Вкратце напомним: в моем примере речь шла об образце орнамента ‘—●●—●●—’⁴. Задание состояло в том, чтобы выбрать из предложенных двух продолжений – α или α^* – *правильное*, понимаемое как такое, которое *не нарушает образующий орнамент паттерн*.

α —●●—●●— | ●●—●●—●●—●●—●●— ...
 α^* —●●—●●— | ●●—●●—●●—●●—●●— ...

Мои оппоненты в своих репликах отнесли к задаче со всей серьезностью и предложили массу альтернативных продолжений. Вот, к примеру, одно из них [4. С. 195]:

ε —●●—●●— | —●●—●●—●●—●●— ...

Основной пафос высказанной критики сводился к одному, безусловно, истинному утверждению: (Т) *абсолютно любой* ряд символов ‘—’ и ‘●’, взятый нами в качестве образца, *возможно продолжит бесконечным множеством разных способов* так, чтобы каждое из продолжений *соответствовало какому-то правилу*. Разумеется, это так, и даже пытаться спорить с этим было бы просто глупо⁵. Дайте мне произвольную, сколь угодно случайную, последовательность символов ‘—’ и ‘●’, и я в два счета построю для нее продолжение, в котором вы без труда распознаете паттерн *какого-то* орнамента. Ска-

¹ Ср. с этим также § 214 *Философских исследований* Витгенштейна: «Если интуиция нужна для образования ряда 1 2 3 4 ..., то она нужна и для образования ряда 2 2 2 2 ...» [12. С. 166].

² Впрочем, в своей критике Е. Лейн отнюдь не одинок, к примеру, аналогичные идеи высказывает Дж. Конант [14].

³ Стоит заметить, что при решении данной проблемы СП имеет очень хорошие шансы оказаться успешным, в отличие от большинства его конкурентов (подробнее об этом см.: [7]).

⁴ Именно об орнаменте, а не об азбуке Морзе, каком-то необычном способе записи чисел или о чем-либо еще семантически нагруженном.

⁵ Если бы это было не так, скептический вызов Крипке не имел бы под собой, в принципе, никаких оснований.

следовательности символов ‘—’ и ‘•’ достройте образец ‘—••—••—’ так, чтобы образец вместе со своим продолжением содержал в себе **некоторые** *S*-факты о *каком-то* *возможном паттерне*, частью которого мог бы быть данный образец. Очевидно, например, что последовательность ε удовлетворяет условиям задания (2), как и бесконечное множество других альтернативных продолжений исходного образца, которые можно было бы (при желании) придумать. Но в очередной раз подчеркну, в статье задание (2) перед агентами *A* и *A** я **не** ставил. Что касается задания (1), то в переводе на язык метафизики его условия формулируются так: образец ‘—••—••—’ содержит в себе *S*-факты о паттерне, и это **все** *S*-факты, которые вам следует использовать, чтобы построить для образца продолжение с помощью символов ‘—’ и ‘•’, *не нарушая уже данный в нем паттерн*. То есть, согласно условиям задания (1), вам предписано продолжать образец только так, чтобы полученная последовательность символов ‘—’ и ‘•’ никогда не приходила в противоречие с *S*-фактами, которые вам известны из самого образца, вкпе с тем сообщением, что полученная вами последовательность символов ‘—’ и ‘•’ не может содержать в себе **никаких новых** *S*-фактов о паттерне, который, в строгом соответствии с условиями задания (1), **нельзя нарушать**¹. Опять же подчеркну, что перед агентами *A* и *A** в своей статье я ставил **только** задание **продолжить данный им паттерн, его не нарушая, а не задание придумать паттерн**². И вот теперь, когда все нужные для корректного понимания акценту расставлены и условия задания в моем примере *Reihenornamente* дополнительно разъяснены, я вновь утверждаю: последовательность α является *единственным правильным* продолжением для образца ‘—••—••—’³. Именно

¹ Агент в процессе выполнения задания (1), разумеется, может ошибиться, к примеру, продолжив исходный образец ‘—••—••—’ как ‘—••—••—••—••—••—••—••—’ (т.е. построив последовательность α^*). Но из-за условий задания (1) агент будет способен распознать свою ошибку, обратив внимание на то, что в содержащихся в образце *S*-фактах (напоминаю, что это **все** *S*-факты о паттерне, который не следует нарушать) нет ни одного такого, в котором встречалась бы синтаксическая комбинация вида ‘—’ (независимо от того, какой именно вариант декомпозиции он бы выбрал для исходного образца). Важно также, что ввиду различия заданий (1) и (2) способность агента обнаружить свою ошибку не образует противоречия с утверждением (Т), что какого угодно вида ряд, составленный из символов ‘—’ и ‘•’, можно продолжить любым способом так, чтобы в итоге в нем содержался **какой-то** паттерн.

² Проще говоря, я предлагал им решить конечную задачу – *продолжить без нарушения уже данный в образце паттерн*, в отличие, от бесконечной, а точнее не имеющей решения задачи – *придумать правильный паттерн для продолжения исходного образца*.

³ Любопытно отметить, что в целях эксперимента я дал задание продолжить исходный образец моего примера *Reihenornamente* паре нейросетевых моделей AI – DeepSeek и Perplexity. Мне было крайне интересно, а смогут ли они корректно распознать тип задания, который я прошу их выполнить. В каждом случае был использован одинаковый ПРОМТ: «Ниже будет представлена последовательность из двух символов, продолжи паттерн, содержащийся в образце. Образец: $-**.**-*$. Примечательно, что в качестве продолжения исходного образца обе модели AI предложили $\langle -**.**-*$ \rangle, т.е. именно последовательность α . Еще более примечательным стало то, что на мой вопрос «Можно ли продолжить образец по-другому?» обе модели AI дружно ответили: «Да», и предложили альтернативный вариант $\langle -**.**-*$ \rangle, т.е. в точности ту же самую последовательность α . В ходе дальнейших расспросов моделей AI выяснилось, что внешне неразличимые последовательности $\langle -**.**-*$ \rangle и $\langle -**.**-*$ \rangle квалифицируются ими как *разные* из-за того, что основаны на разных вариантах декомпозиции исходного образца на синтаксические элементы. С точки зрения тестируемых моделей AI последовательность $\langle -**.**-*$ \rangle, когда она строится, к примеру, на основе трех выделенных из образца синтаксических элементов $a(-**)$, $b(*-)$ и $c(**)$, имея в итоге вид ‘*abcabcabc...*’, не является для них той же самой последовательностью $\langle -**.**-*$ \rangle, выстроенной на основе единственного выделенного из образца синтаксического элемента $a(-**)$, поскольку такая последовательность уже будет иметь вид ‘*aaa...*’.

в таком совершенно конкретном смысле α имеет *привилегированный* статус относительно α^* , ε или любой другой альтернативной последовательности.

Список источников

1. Ладов В.А. Смысл, следование правилу и реализм // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 199–207.
2. Андрушкевич А.Г. Семантическая структура, синтаксис и следование правилу // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 208–213.
3. Олейник П.И. Семантический диспозиционализм и умножение // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 214–221.
4. Борисов Е.В. Лингвистический платонизм и проблема Крипке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 193–198.
5. Сулаев А.А. Пример и правильность правила // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 222–229.
6. Begley K. Atomism and Semantics in the Philosophy of Jerrold Katz // Atomism in Philosophy: A History from Antiquity to the Present / ed. U. Zilioli. New York : Bloomsbury Academic, 2020. P. 312–330.
7. Нехаев А.В. Метафизические споры о словах: что значит быть реалистом в отношении слов? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 64–75.
8. Нехаев А.В. Блеск и нищета семантического платонизма // ПРАΞИМА. Проблемы визуальной семиотики. 2022. Вып. 3 (33). С. 118–126.
9. Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М. : Канон+, 2010. 256 с.
10. Нехаев А.В. Следование правилу, приватный язык и практика (само)коррекции: пример локальной функции квожения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 32–43.
11. Lane E. Semantic Dispositionalism and the Rule-Following Paradox // Metaphilosophy. 2022. Vol. 53, № 5. P. 685–695.
12. Витгенштейн Л. Философские исследования / пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева // Философские работы. Ч. I. М. : Гнозис, 1994. С. 75–319.
13. Витгенштейн Л. Замечания по основаниям математики / пер. с нем. М.С. Козловой // Философские работы. Ч. II. М. : Гнозис, 1994. С. 1–207.
14. Conant J. Wittgenstein's Critique of the Additive Conception of Language // Nordic Wittgenstein Review. 2020. Vol. 9. P. 7–36.
15. Нехаев А.В. Добрый ангел Катца против злого демона Крипке: аргумент привилегии, алгоритмы и семантический платонизм // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 181–192.

References

1. Ladov, V.A. (2025) Meaning, Rule-Following, and Realism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 199–207. (In Russian).
2. Andrushkevich, A.G. (2025) Semantic Structure, Syntax, and Rule-Following. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 208–213. (In Russian).
3. Oleynik, P.I. (2025) Semantic Dispositionalism and Multiplication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 214–221. (In Russian).
4. Borisov, E.V. (2025) Linguistic Platonism and Kripke's Problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 193–198. (In Russian).
5. Sulaev, A.A. (2025) Example and the Correctness of a Rule. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 222–229. (In Russian).
6. Begley, K. (2020) Atomism and Semantics in the Philosophy of Jerrold Katz. In: Zilioli, U. (ed.) *Atomism in Philosophy: A History from Antiquity to the Present*. New York: Bloomsbury Academic. pp. 312–330.

7. Nekhaev, A.V. (2023) Metaphysical Disputes About Words: What Does It Mean to Be a Realist About Words? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 75. pp. 64–75. (In Russian).

8. Nekhaev A.V. (2022) Blesk i nishcheta semanticheskogo platonizma [The Splendor and Misery of Semantic Platonism]. *ИПАЭХМА. Problemy vizual'noy semiotiki – ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics*. 3(33). pp. 118–126.

9. Kripke, S. (2010) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Translated by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+.

10. Nekhaev, A.V. (2022) Rule-Following, Private Language, and the Practice of (Self-)Correction: The Case of the Local Function of Quoting. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 69. pp. 32–43. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/69/5

11. Lane, E. (2022) Semantic Dispositionalism and the Rule-Following Paradox. *Metaphilosophy*. 53(5). pp. 685–695.

12. Wittgenstein, L. (1994a) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. 2. Translated from German by M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Moscow: Gnozis. pp. 75–319.

13. Wittgenstein, L. (1994b) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. 2. Moscow: Gnozis. pp. 1–207.

14. Conant, J. (2020) Wittgenstein's Critique of the Additive Conception of Language. *Nordic Wittgenstein Review*. 9. pp. 7–36.

15. Nekhaev, A.V. (2025) Dobryy angel Kattsy protiv zlago demona Kripke: argument privilegii, algoritmy i semanticheskii platonizm [Katz's Angel vs. Kripke's Monster: Priviledge Argument, Algorithms, and Semantic Platonism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 86. pp. 181–192.

Сведения об авторе:

Нехаев А.В. – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия); профессор Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия); Омский государственный технический университет (Омск, Российская Федерация). E-mail: a.v.nekhaev@utmn.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nekhaev A.V. – Dr. Sci. (Philosophy), leading research fellow, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation); Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: a.v.nekhaev@utmn.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.06.2025;
одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 07.08.2025*

*The article was submitted 05.06.2025;
approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication 07.08.2025*

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2025. № 86

Редактор *Н.А. Афанасьева*
Оригинал-макет *О.А. Турчинович*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 04.08.2025 г. Дата выхода в свет 12.09.2025 г.
Формат 70x100¹/₁₆. Печ. л. 15,2; усл. печ. л. 19,7; уч.-изд. 20,8.
Тираж 50 экз. Заказ № 6417. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru